

Т.В.Осипова

**РОССИЙСКОЕ
КРЕСТЬЯНСТВО
В РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО СТРЕЛЕЦ
2001**

УДК 882
ББК 63.3.(2)612
О-74

Осипова Т.В.

О-74 Российское крестьянство в революции и гражданской войне.-
М.: ООО Издательство "Стрелец", 2001.- 400 с.

Книга доктора исторических наук профессора Т.В.Осиповой - первое комплексное исследование крестьянства Центральной России, как активного участника исторических событий трагических лет революции и гражданской войны 1917-1921 гг. Работа написана на основе анализа большого количества новых документальных материалов центральных и областных архивов.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей: научных работников, преподавателей и студентов ВУЗов, учителей истории, краеведов и всех, интересующихся историей России.

УДК 882
ББК 63.3(2)612

ISBN 5-89409-023-7

© Т.В.Осипова, 2001
© Оформление ООО Издательство
"Стрелец", 2001

К читателю

Дорогой читатель!

Перед Вами книга, в которой крестьянство Центральной России впервые представлено как активный участник исторического процесса в годы революции и гражданской войны 1917 - 1921 гг. Историография этого периода (особенно гражданской войны) весьма скупо и односторонне отражает позиции крестьянства Центральных губерний страны. До 90-х годов в ней господствовали партийные идеологемы, прочно закреплявшие за крестьянством нормы социально покорного объекта, не имеющего прав на иную политическую организацию, кроме коммунистической, на собственную ментальность, на сохранение привычного образа жизни и хозяйствования.

В книге раскрываются основные направления крестьянского движения в 1917 г., отношение крестьян к аграрным программам и практической деятельности политических партий, претендовавших на руководство деревней, формы организации и борьбы крестьян за землю, что позволяет воссоздать широкую картину участия крестьян в революции.

В обширной историографии гражданской войны недостаточно разработаны социальные проблемы. Их анализ невозможен без осмысления роли крестьянства в политических, социальных, экономических, военных процессах.

Долгое время многие аспекты гражданской войны были преднамеренно закрыты для изучения. Три поколения россиян не имели представления о крестьянских восстаниях в Центральной России как органической части гражданской войны, о многообразии форм сопротивления методам руководства деревней в период политики "военного коммунизма". В литературе все еще нет объективной оценки коммунистического эксперимента в деревне, нацеленного на ликвидацию частных собственников и разрушение традиционализма общинной жизни. В научной литературе слабо отражено отношение крестьян к гражданской войне. Дезертирство и уклонение от мобилизации в армию не осмыслены как проявление социальной оппозиции власти. Нельзя также получить ответ на вопрос, как и в силу каких причин восстания крестьян превратились в настоящую войну, едва не опро-

кинувшую коммунистическую диктатуру. Теперь мы знаем, почему разработка этих проблем потеряла научный характер. Но ответить на поставленные вопросы можно лишь на основе выявления новых пластов документальных материалов и нового прочтения ранее использованных источников.

Значительный новый материал для раскрытия крестьянского сопротивления продовольственной, финансовой, военной политике государственной власти дают военные архивы. Особую значимость для наших целей имеют до сих пор не вовлеченные в научный оборот информационные сводки военных комиссариатов всех уровней, комиссий по борьбе с дезертирством, сводки оперативных отделов штаба корпуса ВЧК, войск внутренней охраны республики (ВОХР) о крестьянских восстаниях, а также сохранившиеся судебно-следственные материалы.

Следует отметить, что документы, исходящие, как от партийных, так и гражданских и военных информаторов отличаются тенденциозностью. События в них с середины 1918 г. освещаются в соответствии с политическими установками центральной власти. В них любое движение в крестьянской среде оценивается с преувеличением его опасности для власти и представляется как кулацкое, контрреволюционное. Наибольшей предвзятостью отличались публикации в большевистской печати. Обобщенные новые материалы отражают нарастание сопротивления деревни политике коммунистов. Перекрестная проверка документов, исходящих из разных источников, позволила составить наиболее полное представление о крестьянском движении в революции и гражданской войне.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Поставленные в ней проблемы и новые материалы могут заинтересовать научных работников, обществоведов, специалистов по крестьяноведению, по истории революции и гражданской войны, а также студентов исторических факультетов институтов, учителей и школьников старших классов школ.

Январь, 2001 г.

Глава 1. Крестьянство России в революции 1917 года

1.1. Социальный облик российской деревни

Острейшим вопросом жизни России начала XX века являлся аграрный вопрос. Сущность его состояла в крайней отсталости агросферы, малоземельи основной массы крестьян, стиснутых рамками общины, концентрации земли в руках небольшого числа крупных землевладельцев.

В административном отношении Европейская Россия делилась на 28 губерний, составлявших шесть экономико-географических регионов (или районов): Северный (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии), Северо-Западный (Новгородская, Петроградская, Псковская), Промышленный (Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская), Центрально-земледельческий (Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Смоленская), Поволжский (Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская), Приуральский (Вятская, Пермская, Уфимская губернии). В их состав входило 286 уездов или 4268 волостей, где проживало около 10 млн человек городского населения и 57,9 млн сельских жителей. Три четверти крестьян объединялись общинами.

В пяти регионах Европейской России (без Северного, где не было помещичьего землевладения) из 163,2 млн дес. земли в частной собственности находилось 56,7 млн дес. (35%). Причем 73% из них в свою очередь сосредотачивалось в руках крупных собственников, каждый из которых владел более чем 500 десятин земли. 43,4% этих крупных землевладельцев были дворянами, 32,5% принадлежали к крестьянскому сословию. В 25 губерниях Европейской России около 15 млн дес. имели 394 латифундиста, т.е. в среднем по 38 тысяч десятин. Столько же земли было у 1650 тысяч крестьян-общинников¹, т.е. в среднем по 9 десятин на двор. За годы столыпинской реформы усилился процесс мобилизации земли другими сословиями, и прежде всего крестьянами, в результате чего доля латифундиального помещичьего землевладения сократилась на 20%. После 1906 г. помещики России продали около 7 млн дес., но в их руках оставалось более 30% земель

сельскохозяйственного значения. Было очевидно, что дворянство как класс все более клонилось к экономическому упадку. Земля постепенно переходила в руки мелких собственников.

К 1917 г. в России было около 43 млн крестьян-общинников и 4,5 - 5 млн крестьян-собственников, из которых на хуторах вели хозяйство около 300 тысяч и немногим более 1,5 млн - на отрубках. Но большинство крестьян-собственников, как и общинники, не могли создать товарного хозяйства без аренды помещичьих, казенных, удельных или других земель. И они арендовали примерно 35 млн дес., за которые ежегодно платили 525 млн рублей золотом².

Для исконно русских губерний Центральной России была характерна мелкая, "продовольственная" аренда на правах ипольщины, отработок и других видов крепостнических пережитков.

О крайней нужде крестьян в земле и о том, что аренда была для них жизненно необходима, говорит такой пример. 700 крестьянских дворов села Евдокиевка Михайловской волости Богучарского уезда Воронежской губернии имели 434 десятины наделной земли (по 0,6 дес. на хозяйство) и 660 дес. купчей (по 0,9 дес.). Они вынуждены были арендовать у частных владельцев еще 2860 дес. (в среднем по 4,1 дес.). И даже вместе с этой арендованной крестьяне имели в среднем всего по 5,6 дес. земли на двор³. Между тем, для обеспечения прожиточного минимума семьи необходимо было 10-16 дес. для средней полосы и 40 дес. для Северного района.

В губерниях Поволжья земли было больше и она была сравнительно дешевле, чем в других регионах. Значительное распространение тут получила предпринимательская аренда. Так, в Саратовской губернии землю арендовали примерно 45% крестьянских дворов. Причем из арендованных 598,5 тыс. дес., 84% были в руках кулаков⁴. Здесь в аренду сдавалось 74% частновладельческих и 97% удельных и казенных земель.

Хлебопроизводящая часть крестьянства (а это в основном кулаки) сосредотачивала в своих руках большинство наделных, арендных и купчих земель. Достаточно сказать, что из 15,1 млн дес., проданных Крестьянским банком, кулакам, покупавшим участки свыше 50 дес., перешло более 9,4 млн дес. (67%)⁵. Эта

часть крестьянства была заинтересована в аграрной реформе, в отмене привилегий помещиков, расширении сельскохозяйственного кредита, развитии кооперации, сохранении частной собственности на землю.

Кулацкие хозяйства, доля которых в целом по стране не превышала 15%, неравномерно распределялись по стране. Из шести районов Европейской части страны таких хозяйств больше всего было в Поволжье и отчасти в Приуралье (Уфимская губерния, некоторые уезды Пермской губернии).

Но основная масса российского крестьянства жила в бедности. В стране было 3 млн безземельных крестьянских дворов и 5 млн, имевших менее 5 дес. на хозяйство⁶. Эти 8 млн хозяйств (57%) представляли крестьянскую бедноту. За годы войны обнищание крестьян еще более усилилось. К 1917 г. безземельных дворов в Поволжье стало 11,2%, в Промышленном районе - 9,4%, в Северо-Западном - 7,2%, в Земледельческом центре - 5,7%.

Возросло число безлошадных дворов. В 1917 г. в Промышленном районе они составляли около 44%. Особенно много их было в Нижегородской губернии - 54,1%, в Московской - 48,6% и Ярославской - 43%. В Поволжье и Земледельческом центре безлошадные хозяйства составляли свыше трети дворов: в Тамбовской губернии - 33,7%, Пензенской - 36,8%, Саратовской - 37,5%. Однолошадных хозяйств в 25 губерниях насчитывалось 47,5%⁷. Безземельные, безлошадные и однолошадные крестьяне представляли деревенскую бедноту, которая попадала в кабалу к зажиточным хозяевам. К 1917 г. их было около 70%.

Из остальных крестьянских хозяйств 20-25% представляли мелкое и среднее крестьянство, обеспечивавшее потребности своей семьи, но страдавшее от малоземелья, ипотечных долгов и крепостнических пережитков, и около 5% - хозяйства зажиточных и богатых крестьян.

Беднота и среднее крестьянство мечтали об аграрной реформе, которая уничтожит помещичье и все виды частного землевладения, бесплатно даст им разделенную уравнительно землю и другие средства производства частных собственников.

К 1917 г. в 27 губерниях Европейской России большая часть частновладельческих земель (31,671 млн дес.⁸) была заложена в

банках, причем 81,8% заложенной земли принадлежало потомственным дворянам⁹. Под залог земли банки выдали 32 267 715 981 руб., почти столько же, сколько на кредитование промышленности¹⁰ (на 1 января 1916 г. непогашенным оставался долг в 1 230 519 394 руб.¹¹). Эти колоссальные средства уходили прежде всего на личные нужды помещиков. Наибольший объем заложенных земель был в губерниях с развитым дворянским землевладением. Так, в Симбирской губернии было заложено 85% дворянских владений, в Пензенской - 79%, Саратовской - 76%, Воронежской - 75%, Казанской - 74%, Тульской - 72%, Орловской - 70%. Если в Поволжье было заложено 73%, а в Центрально-земледельческом районе - 61,2%, то в Промышленном только 30,5% частновладельческих земель¹². Землевладельцы, прежде всего дворяне, не в состоянии были выкупить свои земли, и они переходили в собственность банков, а через них в руки состоятельных крестьян, товариществ, общин и пр. Если в 1861 г. дворянам принадлежало 87 млн дес. земли, то к 1877 г. их владения сократились до 73, к 1906 г. до 53, а к 1917 г. до 42 млн десятин.

Огромная ипотечная задолженность сближала интересы помещиков и буржуазии и делала невозможным (это показали дебаты в Государственных думах I-IV созывов) решение аграрного вопроса в интересах основной массы крестьянства без радикальных перемен в стране.

1.2. Партии и крестьянство

В XX век российское общество вошло с осознанной необходимостью реформирования социально-правовых основ агросферы. В программах российских партий аграрный вопрос был одним из основных. Аграрная реформа Столыпина, затем война и Февральская революция потребовали от политических партий определения конкретных лозунгов и тактических приемов борьбы за крестьянство как наиболее массового классового союзника.

Кадеты еще в 1905 г. выдвигали требование наделения крестьян землей в частное или общинное владение в соответствии с местными условиями.

После февральской революции кадеты первыми внесли изменения в свою аграрную программу. VII съезд партии в марте 1917 г. заявил о необходимости решения вопроса о земле “на справедливых и разумных началах для пользы всего государства”, подтвердив прежнюю установку: земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению, причем частные интересы должны подчиняться интересам всенародным, государственным. Кадеты не посягали на общинное землевладение, хотя и отдавали предпочтение хуторам и отрубам. Они ставили вопрос наделения землей в частную собственность и сохранения за крестьянами-собственниками их излишков земли. Крестьян, не ведущих хозяйство, нет смысла наделять землей, а малоземельных нужно обеспечивать по нормам, позволяющим исправно нести государственные повинности. Фонд, из которого крестьяне должны наделяться землей, предполагалось создать из государственных, кабинетских, монастырских земель. При недостатке их допускалось принудительное отчуждение части “крепостнических латифундий”, т.е. частновладельческих земель, сдававшихся в аренду крестьянам и обрабатывавшихся их инвентарем, с выкупом их самими крестьянами (ранее в 1905 г. выкуп они возлагали на государство).

Конфискация частновладельческих земель кадетами исключалась. Они считали, что это приведет к нарушению устоев хозяйственного и общественного строя, основанного на началах частной собственности.

Будучи сторонниками ускорения капиталистического развития страны, кадеты защищали товаропроизводящие аграрные структуры вне зависимости от их сословной принадлежности. Поэтому хозяйства, имеющие плантации технических культур, ведущие обработку полей с помощью машин и наемного труда, по программе кадетов отчуждению не подлежали.

Партия кадетов высказывалась за упорядочение законом арендных отношений, расширение сельскохозяйственного кредита, кооперации и другие меры развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Повести за собой крестьянство и сохранить руководящую роль в правительстве кадеты могли лишь при условии немедленного прекращения войны и безотлагательного осуществления

своей аграрной программы, пока общинное крестьянство не пошло за лозунгами левых экстремистов. Но верность союзническим обязательствам, а значит и продолжение войны, были для кадетов делом национальной чести. И только после окончания войны они предполагали приступить к аграрным реформам. До этого право частной собственности на землю и существовавшие формы землепользования должны быть сохранены. Эти установки партии находили отражение в постановлениях Временного правительства, где кадетов было большинство, в циркулярах министров и других официальных лиц.

В марте 1917 г. были национализированы земли, принадлежавшие царской семье, однако условия пользования ими оставались прежними: крестьяне земли не получили. В связи с ростом самовольных захватов земли, поджогов и других посягательств на права частных собственников 9 марта Временное правительство высказалось за возможность применения оружия при подавлении крестьянских выступлений. В марте-мае войска посылались в 20 уездов. Однако солдаты использовались главным образом для охраны имений и устрашения крестьян¹³.

19 марта Временное правительство приняло первое постановление по земельному вопросу, отражавшее позиции кадетов. В постановлении признавалось, что вопрос о земле является первейшим среди социально-экономических и хозяйственных проблем, стоящих перед страной. Поскольку земельная реформа составляет основное требование всех демократических партий, правительство обещало поставить его "на очередь в предстоящем Учредительном собрании". Земельный вопрос, подчеркивало правительство, "не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата"¹⁴. Министру земледелия кадету А.И.Шингареву поручалась срочная разработка материалов по земельному вопросу. С этой целью при министерстве с апреля стали создаваться земельные комитеты - Главный, губернские, уездные и, по желанию крестьян, волостные.

Намерение правительства сохранить частное землевладение в неприкосновенности до Учредительного собрания было поддержано всеми партиями, кроме большевиков, и стало одной из основ создания политического блока кадетов и всех социалистических партий (исключая большевиков), а затем и трех коалиционных правительств.

Кадеты, как и все политические партии, стремились к организационному закреплению своего влияния на крестьянство. В марте - мае 1917 г. в 45 губерниях прошли крестьянские съезды. Но программа кадетов на них не встретила поддержки. Наибольшее понимание кадеты находили у деятелей кооперации, народных социалистов и трудовиков (в июне объединившихся в одну партию: Трудовую народно-социалистическую) и руководимого ими Всероссийского крестьянского союза. 12 марта в газетах было опубликовано воззвание "Ко всему крестьянству". "Главный комитет Всероссийского крестьянского союза, - говорилось в нем, - призывает крестьян поддерживать новое правительство, его комиссаров и все общественные организации, которые признаются Временным правительством, отнюдь не допускающая посягательств на чужую собственность и свободу". Крестьянский союз призывал не чинить притеснений и не вмешиваться в дела частных землевладельцев, хуторян и отрубников¹⁵.

Организации Всероссийского крестьянского союза были созданы в 32 губерниях. Кроме того, союз имел 34 солдатские организации¹⁶. Это была наиболее массовая общественная организация, защищавшая интересы частных собственников из крестьян.

Эсеры были самой массовой и авторитетной среди крестьян партий. Политическая установка кадетов получила поддержку не только народных социалистов и трудовиков, но и эсеров. Соглашаясь с необходимостью тщательной подготовки аграрной реформы, эсеры поддержали линию кадетов на сохранение в неприкосновенности частного землевладения до Учредительного собрания.

Отказываясь от революционных методов решения вопроса о земле и поддерживая предложенный кадетами путь реформ, эсеры тем не менее заявляли о верности своей аграрной программе, обобщившей крестьянские наказания 1905-1907 гг. Тогда партия стремилась "в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал" опереться на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, особенно на распространенные среди крестьян убеждения, что земля ничья и право пользования ею дает лишь труд. Эсеры провоз-

глашали своей задачей борьбу “за социализацию земли, т.е. за изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние” без выкупа. Земля должна передаваться местным органам самоуправления - демократически организованным бессловесным сельским и городским общинам. “Пользование землей должно быть уравнилельно трудовым, т.е. обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе”¹⁷. Отвечая требованиям общинного крестьянства, аграрная программа эсеров не давала ответа на вопрос, за счет чего и кого государство будет удовлетворять потребности городского населения, армии и др. в продуктах сельскохозяйственного производства, если уравниение в нормах землепользования будет обеспечивать лишь собственные потребности крестьянских хозяйств, не предусматривая товарного производства. Уравнилельное землепользование было давней социальной утопией крестьян, от которой они не отказались и в 1917 г.

4 марта 1917 г. Петроградская областная конференция эсеров высказалась за отмену частной собственности на землю и передачу ее трудовому народу. Но конференция не повторила своего прежнего лозунга - конфискация помещичьей земли без выкупа. Предвидя развитие стихийной инициативы крестьянских низов в этом направлении, конференция заранее осудила ее. Всякие попытки немедленного захвата частновладельческих земель недопустимы, подчеркивалось в резолюции. Вопрос о земле может быть решен только законодательным путем через Учредительное собрание¹⁸. Установка Петроградской областной конференции по земельному вопросу была поддержана Московской и другими губернскими конференциями эсеров.

В начале апреля состоялась II Петроградская конференция партии эсеров, где с докладом по аграрному вопросу выступил Н.Я.Быховский - член ЦК партии, редактор газеты “Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов”. В докладе и заключительном слове он допускал возможность другого весьма серьезного отступления от основных принципов аграрной программы партии, а именно: выкуп частных земель у 4,5 млн крестьян-собственников, составлявших 32% от общей численности

крестьянских хозяйств. Он полагал, что огромная задолженность землевладельцев банкам "заставляет призадуматься" относительно возможности безвозмездной передачи земли крестьянству. "Во всяком случае, - заключал Быховский, - выкуп должен быть произведен, если без этого нельзя обойтись, за счет всего государства... Быть может, можно будет установить цены на земли пропорционально количеству выкупаемых десятин. Сейчас мы стоим на точке зрения, что выкупа не должно быть. Что будет дальше - увидим"¹⁹. В случае, если отрицание выкупа за купчие земли крестьян будет грозить резней между большинством и меньшинством крестьянства, эсеры выражали готовность пойти на уступки собственникам земли²⁰. Подобные заявления партийных лидеров сближали политические позиции кадетов и эсеров.

3 апреля Всероссийское совещание Советов приняло эсеровскую резолюцию по земельному вопросу с требованием конфискации земель без выкупа. Делегаты высказались за издание закона о прекращении земельных сделок по купле, продаже, дарению и залогу земли и прекращении выделения крестьян из общин на хутора и отруба.

3 марта Временное правительство опубликовало первую декларацию, провозглашавшую политические свободы и отмену сословных привилегий. Она была поддержана эсерами. Установка на коалицию с кадетами стала их основным политическим ориентиром. Если в 1905-1907 гг. они считали, что органы местного самоуправления должны создаваться из трудящихся, не эксплуатирующих наемный труд, то уже в марте-апреле 1917 г. лидеры эсеров отказались от этого принципа, поддержав линию кадетов на *всесословный* характер всех органов власти, что, конечно, не находило поддержки большинства крестьян.

Большевики к Февральской революции пришли по существу без аграрной программы. Принятая еще в 1906 г. IV Объединительным съездом меньшевистская резолюция по аграрному вопросу не отвечала целям большевиков и потому не пропагандировалась ими.

Утвержденная на Апрельской конференции 1917 г. большевистская аграрная программа содержала требование конфиска-

ции помещичьих земель и национализации всех земель, что в наибольшей степени отвечало настроениям общинного крестьянства. Конференция высказалась за создание Советов крестьянских депутатов, крестьянских комитетов и других органов местного самоуправления, независимых от помещиков и чиновников²¹. Взрывную силу несло требование немедленного перехода земли к крестьянам. На конференции Ленин говорил о возможности аренды национализированной земли, запрещении субаренды²². Но предложенный Лениным способ использования конфискованных земель через "образование из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих"²³, не давал ощутимых выгод крестьянам, оставляя их, по существу, без земли. Фактически, этот острейший вопрос практической жизни крестьян не находил отражения в программе большевиков. Оставался неясным и вопрос о судьбе крестьянских земель.

Программа большевиков давала веские основания их идейным противникам обвинять их в непонимании аграрно-крестьянской проблемы, в анархизме, подрыве производительных сил страны, в желании "выварить крестьян в фабричном котле" и пр.

На крестьянских съездах центральных губерний России, прошедших в марте-мае 1917 г., большевики были представлены единицами участников лишь на 19-ти съездах²⁴.

Земельные требования большинства российского крестьянства находили наиболее полное отражение в эсеровской аграрной программе. Но и большевистские лозунги немедленного, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, захвата частновладельческих земель были близки крестьянам.

1.3. Крестьянское самоуправление

Крестьянам хватило двух месяцев для слома сословной системы власти. Кадетская печать отмечала, что революция смела старые сословные учреждения как карточный домик²⁵. Крестьяне были непримиримы к старым органам власти, ибо в них они были сословием неполноправным. Волостные и сельские органы

крестьянской власти создавались под разными названиями: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов. Они были созданы не менее чем в 15 тысячах волостей России.

Министр юстиции А.Ф.Керенский констатировал в апреле, что старые органы местного управления исчезли без всякого следа²⁶. В Вологодской губернии, например, большинство волостных комитетов - 75% - было создано по инициативе самих крестьян и только 25% по указке властей²⁷. В других губерниях положение было аналогичным. Стихийность и быстрота смены властей свидетельствовали о назревшей потребности в новых органах власти в деревне и необходимости этой формы крестьянской самоорганизации.

Правительство же считало крестьянские комитеты временными органами власти, которые должны быть вскоре заменены всеобщими земствами. Эту позицию разделяли все партии, кроме большевиков, хотя ряд крестьянских съездов высказался против всеобщих земств, опасаясь восстановления власти помещиков.

Острая борьба развернулась за социальный состав волостных органов власти. Идея всеобщности, скомпрометированная в земствах, не вызвала энтузиазма у народных низов. В сообщениях с мест, поступающих в Министерство внутренних дел, отмечалось, что малоземельные и безземельные крестьяне при выборе комитетов выражают недоверие помещикам, кулакам, интеллигенции. Крестьяне Воронежской губернии "взяли на подозрение учителей, врачей, агрономов; не доверяют их объяснениям, но охотно слушают большевистских агитаторов и солдат"²⁸. Комиссар Керенского уезда Пензенской губернии доносил, что волостные комитеты часто переизбираются и организуются "кое-как, так как в них частные землевладельцы, интеллигентный класс, отрубники, вообще более умеренные элементы почти не допускаются; в волостные комитеты попадают самые непримиримые, ничего не имеющие крестьяне"²⁹.

Крестьянская беднота, отмечалось в обзорном докладе отдела сношений с провинцией Временного комитета Государственной думы, стремится удалить из состава комитетов не только помещиков, но и хуторян, отрубников, кулаков. Состав комитетов

был нестабильным. В повторных пере выборах особенно велика была роль солдат и рабочих. Социальный состав комитетов на 75-80% был крестьянским. Представители других сословий насчитывались в них единицами. Борьба за представительство в комитетах продолжалась в течение всего периода их существования, т.е. с марта по сентябрь, когда были введены всесословные земства.

Крестьянские волостные исполнительные комитеты были беспартийными. Даже эсеры, создавшие общероссийские, губернские и уездные организации крестьян, не овладели крестьянским движением в самом массовом, и, в конце концов, решающем звене - волостном и сельском. Другие же партии в организации крестьян и вовсе не преуспели. За март - май 1917 г. крестьяне центральных губерний России более 1780 раз вступали в конфликты с земельными собственниками³⁰. Правительство полагало, что урегулированием земельных конфликтов займутся примирительные камеры, где помещики имели преимущество над крестьянами. Но крестьяне им не доверяли. Землевладельцы многих уездов жаловались Временному правительству, что крестьянские комитеты считают себя высшей исполнительной властью, выдвинутой революцией. По их постановлениям отбираются земли, луга, леса, устанавливается разорительная для помещиков арендная плата. Действия комитетов были направлены не только против помещиков, но и против кулаков, хуторян и отрубников. "Мелкий хуторянин, средний землевладелец, крупный помещик одинаково испытывают тяжелые, иногда непоправимые удары волостных комитетов... Все землевладельцы, как крупные, так и мелкие, в большинстве случаев подавлены"³¹, - отмечалось в обзоре о положении страны, составленном отделом сношений с провинцией Временного комитета Государственной думы.

В марте - мае 1917г. большинство комитетов принимали постановления не о безвозмездном изъятии земли, а о принудительной сдаче ее в аренду на установленных ими условиях. Формально такие действия не отменяли частную собственность на землю, но значительно ограничивали ее. Комитеты следили за тем, чтобы арендованная земля не скапливалась в руках кулаков, а попадала к бедноте и середнякам, запрещали передачу земли круп-

ным арендаторам. Наступление на частное землевладение велось под предлогом государственной необходимости расширения посевных площадей и в связи с отказами частных владельцев засеять всю землю. При этом многие комитеты сознательно старались поставить землевладельцев в такие условия, при которых они не могли обработать свою землю. У них снимали рабочих, реквизировали инвентарь, а затем отбирали землю как вовремя необработанную. Такие ограничения помещиков и кулаков по крестьянским понятиям не противоречили намерениям правительства, предписывавшего продовольственным органам организовывать запашку необработанных земель.

Однако министерство юстиции расценивало действия волостных комитетов как "призрачно-лояльные, но на деле расходящиеся с ясно выраженной волей Временного правительства относительно недопустимости разрешения земельного вопроса в направлении конфискации земельной и иной сельскохозяйственной собственности до Учредительного собрания"³². Комитеты крестьян "в своей области являются самодержавными, они не являются проводниками... мыслей и пожеланий центрального правительства"³³, - отмечал 28 июня член Государственной думы С.И.Шидловский.

Противодействие самоуправству крестьянских комитетов стало одним из главных направлений внутренней политики Временного правительства. 1 мая 1917 г. министр земледелия кадет А.И.Шингарев обратился к волостным и сельским комитетам с призывом "предотвращать всякого рода насилия над личностью и имуществом местных землевладельцев, хуторян и крестьян, выдлившихся на отруб, и не омрачать нового свободного строя чувствами мести и злобы"³⁴. В связи с нарастанием потока жалоб на действия волостных исполнительных комитетов министр внутренних дел князь Г.Е.Львов 12 мая издал циркуляр губернским комиссарам. Указывая на незаконность и неправомочность принятия волостными исполнительными комитетами постановлений, ограничивающих права земельных собственников, циркуляр подчеркивал, что "борьба с такими действиями является ближайшей задачей как представителей правительства на местах, так и всего населения". На губернских комиссаров возлагалась обязанность принять самые решительные меры для прекра-

щения земельного произвола комитетов³⁵. 3 июня министр внутренних дел обосновал перед Временным правительством необходимость издания закона о роспуске волостных комитетов и настаивал на предании суду их членов, виновных в нарушении прав земельных собственников³⁶. Однако правительство не решилось на роспуск волостных исполнительных комитетов, но стало ускоренно готовить их замену всесловными волостными земствами.

Аграрно-крестьянская политика кадетов во Временном правительстве поддерживалась эсерами и меньшевиками Петроградского Совета, куда крестьянские комитеты обращались за помощью. Так, бедняцкий комитет деревни Тарасино Вологодской губернии, где большинство крестьян жило арендой частновладельческой земли, просил Петроградский Совет разъяснить им, чем они должны руководствоваться и что делать, чтобы на законном основании распахать и засеять частновладельческие земли³⁷. Аграрная секция Петроградского Совета на подобные просьбы отвечала крестьянам, что интересы землевладельцев не должны нарушаться, арендную плату нужно платить до созыва Учредительного собрания, что "самовольный раздел земель, как крупных, так и мелких, недопустим", и крестьяне должны вернуть захваченные ими земли³⁸. На запрос крестьян деревни Еремово Новгородского уезда от 15 мая о том, как быть, если помещик не согласен с решением примирительной камеры, установившей низкую арендную плату на его землю, заместитель председателя аграрной секции исполкома Петроградского Совета Соколовский отвечал, что в таком случае "крестьяне должны уступить помещику"³⁹. Петроградский Совет осуждал самочинный захват помещичьих земель как акт, вредный для народной свободы: "Земля, скот, инвентарь, постройки принадлежат собственникам, так как никто частной собственности не отменял: ни Временное правительство, ни Совет рабочих и солдатских депутатов, ни крестьянский Совет"⁴⁰. Подобные разъяснения Петроградского Совета были посланы многим волостным комитетам и вызывали острое недовольство на местах.

Волостные исполнительные комитеты не выполнили охраняемых задач, которые возлагали на них кадеты из Временного правительства и эсеро-меньшевистские Советы. Они совершали свою, общинную, революцию.

1.4. Крестьянские съезды

В своей практической деятельности сельские органы власти, комитеты, руководствовались постановлениями крестьянских съездов. За март - май 1917г. в Европейской части России состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян⁴¹. За эти месяцы было принято 229 земельных постановлений. Из них 100 было принято волостными и сельскими сходами, 40 - солдатскими собраниями, 89 - губернскими и уездными организациями.

В работе съездов и собраний участвовали тысячи крестьян. Так, на Тамбовском губернском съезде было 300 делегатов, на Симбирском - 400, на Московском и Воронежском - по 600, на Пензенском, Ярославском, Нижегородском - по 1000⁴². Все съезды, за исключением одного уездного (Шлиссельбургского), выразили политическое доверие Временному правительству, поддержав эсеро-меньшевистскую идею революционного оборончества, и, выразив согласие ждать созыва Учредительного собрания для окончательного решения вопроса о земле. И, тем не менее, крестьяне единодушно требовали конфискации казенных, удельных, церковных, монастырских и помещичьих земель без выкупа. Более лояльны они были в отношении купчих земель. На съездах четырех губерний - Симбирской, Ярославской, Пермской, Нижегородской, где были крепкие хуторские хозяйства и крестьяне имели значительный фонд купчей земли, эсеровская программа уравнивания всех земель и бесплатной передачи их крестьянам, не была поддержана. Здесь кадетам совместно с народными социалистами удалось провести резолюции о выкупе земель мелких и средних владельцев⁴³.

20% постановлений и наказов волостных и сельских сходов (из ста имеющихся в нашем распоряжении) также поддержали выкуп купчих земель и требовали оставить земли в собственности крестьян, а не в пользовании. Однако 80% постановлений крестьян отстаивали общинный принцип пользования землей и безвозмездное отчуждение всех земель, в том числе и купчих крестьянских. Это был голос патриархальной крестьянской общины. Размер отчуждаемых без выкупа купчих земель был различным - от 10 дес. (Рязанская губерния) до 200 дес. (Самарская губерния)⁴⁴.

Через решения губернских и уездных съездов общинное крестьянство определило систему переходных мер землепользования, которыми комитеты должны были руководствоваться до издания общегосударственных земельных законов Учредительным собранием. Не отменяя права частной собственности, переходные меры ограничивали землепользование не только помещиков, но и крупных арендаторов из крестьян, скупщиков земельных наделов, хуторян, отрубников. Крестьянским комитетам поручался учет неиспользованных земель и сдача их в аренду нуждающимся. Устанавливалась арендная цена, составлявшая в среднем четвертую часть от довоенных цен. Деньги уплачивались не собственнику, а вносились в депозит казны, в кассу комитетов или вообще чаще всего не платились (до Учредительного собрания). Съезды крестьян запрещали сделки по купле-продаже земли, регулировали наем рабочей силы, распределяли военнопленных, присланных на сельскохозяйственные работы. Некоторые съезды постановляли оставлять владельцам только то количество земли, которое они могут обработать силами своей семьи. В переходных мерах, принятых съездами крестьянских Советов, фиксировались аграрные чаяния общинного крестьянства.

Решения крестьянских съездов и практические действия крестьянских комитетов вызвали противодействие Временного правительства, которое объявляло их незаконными.

Знаменательной вехой в развитии крестьянской революции стал I Всероссийский совет (съезд) крестьянских депутатов (4 - 28 мая 1917 г.). Из 1353 делегатов на съезде 672 представляли крестьян 70 губерний и областей, а 681 - солдат фронта и тыла. Эсеры были представлены 537 делегатами, меньшевики - 103. 136 делегатов объявили себя беспартийными, 6 - трудовиками, 4 - народными социалистами. Кроме того было 20 большевиков. Сведений о партийности 329 делегатов не сохранилось⁴⁵.

В политических вопросах съезд пошел за правыми эсерами, выразив доверие Временному правительству и поддержав его в вопросе о войне, хотя тут съезд "неоднократно переживал чрезвычайно острые моменты большевистских настроений", которые лишь величайшими усилиями удавалось ликвидировать руководителям съезда, как признавал один из лидеров эсеров Н.Я.Быховский⁴⁶.

По земельному вопросу, обсуждавшемуся 10 дней, на съезде сразу выявились две тенденции: левая - радикально-общинная, отражавшая настроения деревенских низов и солдат, и правая - либерально-реформаторская, отражавшая интересы земельных собственников из крестьян. Для консолидации левой части делегатов съезда большое значение имели совещания по областям, где делегаты с мест требовали, чтобы Всероссийский Совет немедленно передал крестьянам всю землю, а Учредительное собрание потом оформит это в законодательном порядке.⁴⁷ Такие радикально-большевистские требования крестьян были неприемлемы для эсеровского руководства съезда. К тому же это "могло разрушить коалицию с кадетами"⁴⁸ (6 мая эсеры вошли во Временное правительство).

На пленарных заседаниях съезда было заслушано шесть докладов по аграрному вопросу. Два основных сделали народные социалисты Н.П.Огановский и А.В.Пешехонов, хотя на съезде было всего четыре делегата их партии. Общей для всех докладов была мысль о необходимости удержании крестьян от захватов, о сохранении частновладельческих земель в неприкосновенности до Учредительного собрания и необходимости создания "сильной власти" на местах. Докладчики настойчиво проводили идею о том, что Советы, земельные комитеты и другие крестьянские организации должны быть не орудием борьбы против частных землевладельцев, а средством их защиты до Учредительного собрания. Доклады были приняты сдержанно. Не встретили одобрения и предложения по борьбе с крестьянскими захватами.

В президиум поступило 150 записок⁴⁹. В них, как и в выступлениях, крестьяне недоумевали, почему нельзя немедленно объявить землю всенародной собственностью, ибо только эта мера могла предотвратить захваты. Многие возмущались высокой "трудовой" нормой (75 десятин), которую народные социалисты предлагали установить и не отчуждать.

Отвечая на записки, Огановский подчеркнул, что требование немедленной передачи земли государству невыполнимо, т.к. вызвало бы недовольство собственников, которые составляют, по его мнению, половину крестьянских хозяйств: "С этим фактом придется считаться при решении вопроса о переходе крестьянских земель в общегосударственную собственность"⁵⁰. В качестве

второго довода против немедленной национализации земли докладчики указывали на огромную задолженность частных владельцев банкам. Национализация грозила большими потрясениями для всей экономики страны и подрывом доверия к России за границей. Но ответы докладчика не убедили делегатов, настаивавших на немедленной передаче земли крестьянам.

Идейный лидер эсеров В.М.Чернов убеждал делегатов, что ни съезд, ни Временное правительство не правомочны издавать законы об отмене частной собственности. Сделать это может только Учредительное собрание, а подготовить законы должны земские управления и земельные комитеты. Через них народ примет участие в подготовке реформы, а сейчас никакие самовольные захваты недопустимы. Вместе с тем С.Л.Маслов (член ЦК партии эсеров, вскоре ставший практическим руководителем подготовки аграрной реформы) признавал, что сохранить в неприкосновенности существующие земельные порядки до Учредительного собрания не удастся. В качестве неотложных мер он предлагал приостановить сделки по купле-продаже земли и прекратить действие разрушающих общину столыпинских законов (их действие было приостановлено в 1915 г.). Маслов допускал пересмотр крестьянами арендных цен, но категорически возражал против захватов частновладельческих земель⁵¹. Он считал, что все земельные споры должны регулироваться земельными комитетами. Если же в низовом комитете договоренность между землевладельцами и крестьянами не достигается, вопрос должен передаваться в Главный земельный комитет, решение которого "окончательно и бесповоротно"⁵². Он не допускал вмешательства Советов крестьянских депутатов в решение аграрных проблем.

Но сторонники немедленной передачи земли крестьянам, а их было особенно много среди делегатов Белорусской, Северо-западной и Центральной областей, настаивали на своем и высказывали недоверие Временному правительству. Несмотря на отчаянные усилия руководства съезда, число делегатов, выражавших недоверие Временному правительству, как отмечали 21 мая "Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов", не уменьшалось.

Быховский признавал, что хотя руководители съезда (правые

эсеры) выступали от имени большинства крестьянства, не они, а левые эсеры отражали его истинное настроение³³. Во фракции эсеров возникла реальная опасность раскола. Чтобы сохранить единство партии эсеров, левые пошли на значительные уступки правым, отказавшись от требования немедленной отмены частной собственности и передачи земли крестьянам. Правым эсерам пришлось уступить крестьянским низам и записать во втором пункте резолюции, что все земли "без исключения, должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т.п.". Им же, земельным комитетам, предоставлялось право принимать самые решительные меры по реквизиции и использованию на общественных и кооперативных началах всех сельскохозяйственных машин, орудий, лошадей и пр. Земельным же комитетам предоставлялось право регулирования арендных отношений, контроля за сбором и хранением зерна и др., а также контроль над проведением в жизнь "запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания. Все же сделки, совершенные после 1 марта и до издания запрета должны считаться недействительными"³⁴. Эту резолюцию поддержал весь съезд, за исключением двух "против" и одного воздержавшегося.

Поскольку принятие такой резолюции могло разрушить политическую коалицию эсеров с кадетами, эсеровское руководство пыталось придать ей "гибкость", трактуя ее не как руководство к практической работе, а как пожелания крестьян, которые должны быть воплощены в законах Временного правительства.

Состоявшийся в конце мая - начале июня III съезд партии эсеров также принял резолюцию о передаче земель в ведение земельных комитетов. Съезд обсуждал все актуальные вопросы жизни деревни, стремясь склонить крестьян к разумному компромиссу, в частности, путем признания некоторых их требований справедливыми и нуждающимися в немедленном исполнении. Это касалось аренды земли, прекращения действия столыпинских законов, контроля над рубкой лесов, распределения труда военнопленных между помещичьими и крестьянскими хозяйствами и др. Эти меры находили отражение во временных, переходных мерах, принимаемых крестьянскими съездами на местах.

Вторым по значимости решением Всероссийского съезда крестьян было принятие "Положения о Советах крестьянских депутатов". Не наделяя Советы функциями власти, съезд тем не менее предоставлял им права защиты интересов крестьян, представительства в правительственных и общественных организациях. Советы крестьянских депутатов объявлялись "органами крестьянства на страже нового строя и для политико-революционной работы". Их задачей было объединение крестьянства "снизу и сверху" не только для выявления его мысли и воли, но и для проведения практических мероприятий. Задачами Советов крестьянских депутатов съезд провозглашал: "а) выяснение земельного вопроса и проведение в жизнь тех мероприятий, которые смогут быть осуществляемы до Учредительного собрания; б) подготовка крестьянства к Учредительному собранию; в) контроль над действиями органов власти и наблюдение, чтобы они не отступали от демократических начал; г) представительство интересов крестьянства во всякого рода правительственных и общественных организациях. Там, где возникли организации Крестьянского союза, Всероссийский Совет крестьянских депутатов, чтобы не нарушать единство организации и не разбивать крестьянства, приглашает немедленно преобразоваться в Советы крестьянских депутатов"⁵⁵.

К 15 июля Советы крестьянских депутатов были организованы уже в 50 губерниях и 371 уезде. В них вошли большинство организаций Крестьянского союза. Руководили крестьянскими Советами эсеры. В своей практической работе многие Советы вышли далеко за пределы установок Всероссийского крестьянского съезда.

Многочисленные донесения комиссаров Временного правительства, членов ЦИК Советов, отчеты агитаторов отмечали особую роль резолюции о земле Всероссийского съезда крестьян в развитии захватного движения в деревне. Борьба против него после Всероссийского съезда, как сообщали из Симбирской губернии, стало "совершенно невозможно, так как все крестьянство, основываясь на словах делегатов-крестьян, знало, что резолюции Всероссийского крестьянского съезда выработаны были при участии министра земледелия В.М.Чернова... В настоящее время большая часть земель частных владельцев так или иначе

перешла в распоряжение крестьян..."⁵⁶. Подобные сообщения поступали из всех губерний. Земельные собственники Уфимской губернии жаловались, что земельные комитеты проводят политику Всероссийского съезда крестьян. Комиссары Пензенской губернии доносили, что крестьяне воспринимают постановления съезда "как закон, немедленно проводимый в жизнь". На основе постановления Всероссийского съезда крестьян решения о передаче земель комитетам до Учредительного собрания были приняты в 28 уездах⁵⁷.

Для прекращения агитации в пользу лозунга "брать все, не дожидаясь Учредительного собрания" на места посылались члены исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, эмиссары Петроградского Совета и специальные уполномоченные Временного правительства. Но все их разъяснения, что решения Всероссийского съезда крестьян пока только пожелания, и чтобы стать законом, они должны быть утверждены правительством, не давали результатов: уговорить крестьян было практически невозможно. Член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов К.Лунев, побывав в ряде губерний, вынужден был признать, что идеи большевиков о передаче земель крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания, встречают все большее сочувствие крестьян⁵⁸.

Крестьянские советы и земельные комитеты настойчиво требовали от Временного правительства немедленного издания закона о переходе земли в распоряжение комитетов. Из всех губерний сообщали, что политику правительства отстаивать очень трудно, что ко всем лицам, призывавшим ждать Учредительного собрания, крестьяне относились с большим недоверием⁵⁹. Если закон о передаче земель комитетам не появится в ближайшее время, говорил в начале июня на второй сессии Главного земельного комитета представитель Смоленской губернии, то "в силу сложившихся отношений на местах резолюция Всероссийского съезда делегатов по аграрному вопросу станет законом", что на местах уже и делается, и "сойти с этой позиции крестьянство ни в коем случае не может"⁶⁰.

Острейшая борьба вокруг вопроса о немедленной передаче земель крестьянским комитетам развернулась на Самарском губернском съезде (конец мая - начало июня). В поддержку этого

требования высказались 40 делегатов. Оно же содержалось в 200 крестьянских наказах, привезенных из деревень. В результате съезд решил передать все земли свыше 50 дес. в распоряжение волостных комитетов для распределения среди нуждающихся. Перед закрытием съезд получил циркулярную телеграмму правительства о недопустимости захватов частновладельческих земель. Газета "Власть народа" отмечала, что циркуляр произвел ошеломляющее впечатление на делегатов, потребовавших его немедленной отмены⁶¹. Съезд крестьян решил не подчиняться распоряжению правительства⁶². Для поиска путей примирения самарских крестьян с центральной властью в Петроград дважды посылались делегации. Но переговоры не увенчались успехом. 11 июня губернский комиссар эсеров Иньков отменил все постановления волостных комитетов как незаконные. В конце июня в губернской организации эсеров произошел раскол. В середине июля левые эсеры создали свой партийный комитет⁶³⁻⁶⁴.

Но не все крестьянские Советы и земельные комитеты решились на открытый конфликт с правительством и правозэсеровским руководством ЦИК Советов. Лишь Уфимский, Тульский, Казанский, Петроградский и Самарский губернские Советы крестьян и Пензенский, Рязанский, Нижегородский и Курский губернские земельные комитеты отказались отменить решения съездов о передаче земель волостным комитетам⁶⁵. В Пензенской губернии представители ЦК партии эсеров, эмиссары министерства земледелия, члены ЦИК Совета вместе с губернным комиссаром Ф.Ф.Федоровичем долго и упорно уговаривали крестьян отказаться от осуществления решения крестьянского съезда, доказывая, что оно было принято "под давлением большевистских идей"⁶⁶. Федорович дважды созывал совещания представителей общественных организаций. Однако все попытки эсеров доказать, что резолюция ошибочна и "неудачно изложена", провалились⁶⁷. С большим трудом эсерам удалось провести компромиссное решение, устранявшее "неясности" в резолюции съезда, которые давали повод к захвату земель и инвентаря. Одновременно было признано необходимым расширить функции земельных комитетов и через них оформить все захваты в договорно-арендные отношения⁶⁸. Совещание уездных комиссаров и председателей исполкомов подтвердило это решение⁶⁹.

Аграрное движение нарастало с каждым месяцем. В марте крестьянские выступления были зарегистрированы в 34 уездах, в апреле - в 174, мае - в 136, июне - в 280, в июле - в 325⁷⁰.

Особую роль в осуществлении решений крестьянских съездов сыграли земельные комитеты, организация которых началась по постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г. К концу августа в стране было создано 45 губернских и 425 уездных земельных комитетов⁷¹. К осени в 54 губерниях действовали 11680 волостных комитетов (80% охвата волостей)⁷², практическая деятельность которых направлялась на ограничение и ликвидацию частного землевладения.

Хотя земельные комитеты создавались для сбора статистических сведений о состоянии землевладения и землепользования, на местах большинство их вышли далеко за пределы определенного им правительством круга деятельности. К июлю общим требованием земельных комитетов было скорейшее издание инструкций и законов, регулирующих их права и обязанности. Но не дожидаясь законов и циркуляров от правительства, волостные земельные комитеты вставали на путь самовольного решения аграрного вопроса.

В начале июля 1917 г. состоялась 2-я сессия Главного земельного комитета. Она наглядно показала рост радикальных настроений в деревне. Крестьяне не желали ждать Учредительного собрания. Делегаты Тульской, Нижегородской, Новгородской, Курской, Пензенской, Смоленской и других губерний заявили, что земельный вопрос решается у них в духе постановлений Всероссийского съезда крестьян. Медлительность и нерешительность правительства в земельном вопросе приводят к тому, говорили делегаты, что крестьяне теряют доверие к эсерам и, действуя по примеру рабочих, самочинно захватывают землю. Эсерам С.Л.Маслову и Н.И.Ракитникову стоило немалых трудов, чтобы удержать участников сессии от принятия решений, ведущих к борьбе с Временным правительством.

Член ЦК партии эсеров и ЦИК крестьянских советов Н.Я.Быховский признавал в июле, что эсеровское руководство теряет контроль над крестьянским движением: "Деревня фактически поступает так, как ей надо..." На совещании ЦИК с представителями губернских крестьянских Советов Быховский пообещал,

что не пройдет и недели, как все постановления Всероссийского съезда крестьян станут законами, и "деревня получит все, что она ждала, и все трудовое крестьянство будет удовлетворено"⁷³. Этим он намекал на 10 законопроектов, подготавливаемых Черновым, но ни об одном из них не мог пока сказать ничего определенного.

Лишь 28 июня 1917 г. за подписью Чернова и Керенского было опубликовано постановление об упразднении столыпинских землеустроительных комиссий. Все их дела передавались в ведение земельных комитетов.

Любые попытки Чернова, эсеровского министра земледелия, изменить status quo в земельных отношениях помещиков и общины встречали резкое сопротивление кадетов. Чернов, по свидетельству Ф.Ф.Кокошкина, был в правительстве "совершенно изолирован, он выступал робко и неуверенно, почти вовсе не бывал на заседаниях", "принимал какие угодно поправки, очень быстро шел на уступки", - в общем, был "как бы безвреден"⁷⁴.

12 июля 1917 г. было опубликовано правительственное постановление о запрещении сделок по купле-продаже земли до Учредительного собрания⁷⁵.

16 июля Чернов подписал инструкцию земельным комитетам, которые он считал выразителями "народной демократической воли", придавшими "исконной стихийной" тяге крестьянства к земле законные формы. Но инструкция являлась шагом назад от решения Всероссийского съезда крестьян, т.к. передавала надзор за эксплуатацией пахотной и сенокосной земли, учет необработанных площадей не земельным, а продовольственным комитетам. Инструкция предусматривала внесение арендной платы землевладельцам, что на местах уже почти не делалось. Она вносила дополнительную путаницу в еще не сложившуюся систему урегулирования земельных отношений и потому никого не удовлетворила. Документ, созданный Черновым, так и не приобрел реальной силы.

7 - 19 июля проходило Совещание ЦИК крестьянских Советов и представителей губернских Советов. Оно потребовало от Временного правительства немедленного издания земельных законов в интересах крестьянства, одоббив в то же время предоставление правительству неограниченных полномочий "для спа-

сения революции и свободы, для укрепления дисциплины в армии и подавления разрушительных и темных сил"⁷⁶.

Получив поддержку руководства крестьянских Советов, Временное правительство начало решительную борьбу с захватным движением в деревне. Уже 17 июля управляющий министерством внутренних дел (вскоре ставший министром) меньшевик Церетели по согласованию с министром продовольствия Пешехоновым разослал на места циркуляр с требованием сохранять в неприкосновенности земельный фонд и немедленно прекратить самоуправные действия земельных комитетов⁷⁷. 21 июля Церетели потребовал от комиссаров Временного правительства усиления борьбы с крестьянским самоуправством, неукоснительного проведения политики правительства и недопущения захватов имущества и земель, насилий и призывов к гражданской войне.⁷⁸ Приказ Пешехонова продовольственным комитетам требовал принятия решительных мер, вплоть до судебного преследования, к прекращению самовольных и незаконных действий, мешающих землевладельцам убирать хлеб с полей⁷⁹. 1 августа последовали циркуляры товарища министра земледелия эсера Ракитникова губернским и уездным комитетам о привлечении к ответственности волостных комитетов и членов земельных комитетов за чинимые препятствия уборке урожая и досрочное расторжение контрактов на аренду казенных земель⁸⁰.

Постепенное осознание того, что из рук коалиционного правительства земли не получить, обусловило сдвиг в настроениях общинного крестьянства влево: в июне-августе 34 губернских и уездных съезда крестьян Центральной России потребовали передачи земель комитетам⁸¹.

Министерство юстиции, подводя итоги развития крестьянского движения за март-июль 1917 г., отмечало, что "аграрное движение принимает характер организованный и идейный, но было бы ошибкой думать, что оно совпадает с правительственными предначертаниями"⁸². Министерство отмечало, что в июне - июле 46% выступлений были организованными и нарастание организованности происходило под влиянием съездов крестьянских Советов, направлявших движение на решение аграрного вопроса, не дожидаясь Учредительного собрания. Отмечалось, что 61% всех выступлений крестьян в июле имели захватный характер⁸³.

Борьба с крестьянским самоуправством и защита частной собственности на землю стали основной целью постепенно набравшего силу Всероссийского союза земельных собственников.

1.5. Консолидация земельных собственников

Идея создания союза земельных собственников родилась еще в 1906 г., но тогда не получила развития и поддержки крестьян. После Февральской революции устав Всероссийского союза земельных собственников (ВСЗС) был изменен в либеральном духе. В союз стали приниматься землевладельцы независимо от размеров частной собственности, вероисповедания и пр.

В начале мая 1917 г. кадеты провели в Москве учредительный съезд Всероссийского союза земельных собственников и сельских хозяев. На нем были представлены помещики, хуторяне, отрубники, арендаторы и другие категории земельных собственников от 31 губернии. Цель союза была определена предельно четко: защита интересов частной собственности как неперменной составной части государственного строя. Хотя инициатива создания ВСЗС принадлежала помещикам, большинство его членов летом 1917 г. были собственники-крестьяне. Это находило отражение и в названиях: Калужский союз хуторян, Жирновский союз мелких собственников, Новохоперский союз крупных и мелких собственников, Уфимский союз сельских хозяев и помещиков, Самарский союз посевищников и т.д. К июлю в Московской губернии действовали 11 уездных организаций союза. По 10 уездных отделений было в Пензенской и Новгородской; по 8 - в Тамбовской, Тульской, Курской, Псковской, Смоленской; по 7 - в Ярославской, Тверской, Владимирской; по 6 - в Рязанской и Орловской губерниях. Всего сохранились сведения о 337 местных отделениях ВСЗС (из них 45 губернских и областных, 167 уездных и 125 волостных)⁸⁴.

Показателен социальный состав съездов земельных собственников. На Саратовском съезде из 150 присутствовавших было 135 крестьян. И это не удивительно: в этой губернии хуторяне и отрубники подвергались значительным притеснениям и с апреля по июль подали губернскому комиссару 439 жалоб на действия комитетов, отбиравших у них землю. В Вольском уезде этой же

губернии в 24 волостях были приняты решения о разделе земель отрубников. Здесь в правление союза земельных собственников вошли в основном крестьяне. Преобладание хуторян и отрубников было отмечено на Новоладожском и Гдовском уездных съездах Петроградской губернии.

В Пензенской губернии, как писала 12 августа "Народная газета" ("Чернозем"), "значительная часть крестьян отрубников примкнула к реакционному союзу земельных собственников". По данным юридического отдела ВСЗС на 15 сентября в Пензенской губернии произошло 456 земельных правонарушений, из которых 307 - против крестьян-собственников земли. По постановлениям крестьянских (общинных) комитетов у помещиков и кулаков здесь было отобрано 25% пашни, 45% леса, 49% лугов - всего 70 525 дес. Стоимость убытков землевладельцев исчислялась в 1 288 567 руб. 49 коп. При этом 35% потерь приходилось на долю крестьянских хозяйств. И хотя действия комитетов затронули менее 1% хуторян и отрубников, боязнь потерять землю толкнула основную массу их к объединению с помещиками. В июне 1917 г. в союз земельных собственников Пензенской губернии входило 350 крупных помещиков и более 10 тысяч отрубников⁸⁵.

Крестьяне-собственники составляли основной контингент членов союза в Самарской, Казанской, Симбирской, Смоленской и других губерниях Европейской части России, а также на Кубани, Дону, в Полтавской, Черниговской, Херсонской губерниях.

Интересны наблюдения народного социалиста Н.П.Макарова о Воронежском губернском съезде земельных собственников. "По персональному составу, - писал он 20 мая в газете "Власть народа", - это съезд крупных крестьян... Значительнейшее большинство участников съезда (300-400) - крестьяне-собственники, имеющие 30-50-100 десятин, купленной у помещиков, или закрепленной надельной земли. Это хозяйства, выходящие за рамки "трудового", но не достигшие большого "капиталистического хозяйства". Это крепкие полукрестьянские-полукапиталистические хозяйства. Были и арендаторы..." Крестьянское большинство съезда отвергло аграрную программу народных социалистов, вместе с помещиками присоединившись к программе каде-

тов. На вопрос Макарова, почему они поддерживают “помещичью” программу кадетов, крестьяне отвечали, что у тех “сила”, а народных социалистов они не знали и “силу” за ними не чувствовали.

Слабо зная конкретный материал, советские историки упорно пропагандировали ленинские стратегические лозунги по крестьянскому вопросу и утверждали, что в революции 1917 г. все крестьянство шло в союзе с рабочим классом против помещиков и Временного правительства. Однако действительность была сложнее. Лозунги большевиков находили поддержку только обширной бедноты, составлявшей большинство крестьянства.

До создания ВСЗС помещики вынуждены были подчиняться постановлениям крестьянских комитетов. Но объединившись с хуторянами и отрубниками, они стали нарушать данные ими комитетам подписки. Изменилась и тактика их борьбы с комитетами. Пока ВСЗС находился в стадии становления и собирал силы, земельные собственники обычно только жаловались на действия крестьянских комитетов в центральные и местные органы власти, в общественные организации. На первой сессии Главного земельного комитета (май 1917 г.) товарищ министра земледелия кадет Хрущев сообщал, что в адрес комитета ежедневно приходят до 100 телеграмм и заявлений от помещиков, хуторян и отрубников и союзов земельных собственников с просьбами защитить их от самоуправства крестьянских комитетов⁸⁶. В ответ на жалобы землевладельцев Временное правительство предписывало комиссарам разъяснять населению, что “захваты земли и имущества... должны быть преследуемы по закону”. В телеграммах Веневскому, Мценскому, Острогожскому, Раненбургскому, Пензенскому, Спасскому, Лаишевскому, Корсунскому, Осташевскому, Владимирскому и другим комиссарам правительство предписывало задерживать и привлекать к судебной ответственности председателей волостных комитетов, нарушающих права земельных собственников⁸⁷. 10 мая президиум ВСЗС подал Временному правительству жалобу на действия крестьянских комитетов. Он обращал внимание правительства на “самые тяжелые последствия для армии и городов” от разрушения частновладельческих хозяйств⁸⁸. 12 мая министр внутренних дел князь Львов направил губернским комиссарам циркулярную телеграмму о

недопустимости самовольных действий комитетов, обысков, обложений землевладельцев налогами и пр., как в корне подрывающих новый строй⁸⁹.

С неодобрением относились земельные собственники к эсеру Чернову, сменившему кадета Шингарева на посту министра земледелия. Так, союз сельских хозяев Симбирской губернии в мае обращал внимание правительства на то, что некоторые заявления Чернова "идут вразрез с постановлениями Временного правительства"⁹⁰.

Упорное сопротивление земельных собственников вызвал проект закона о запрещении земельных сделок. Их протесты были поддержаны членами Временного комитета Государственной думы, министерствами юстиции, внутренних дел, финансов, Советом банков, Юридическим совещанием, где 5 из 7 мест принадлежали кадетам. Все они расценивали проект как весьма опасный, ведущий к потрясению всего народного хозяйства, подчеркивали недопустимость запрещать крестьянам, имеющим средства, покупать землю. 23 мая председатель Временного правительства Г.Е.Львов, откликаясь на эти доводы, обратился с письмом к министрам земледелия и юстиции. В нем отмечалось, что запрещение купли-продажи, дарения и залога земли является фактически упразднением права собственности на землю, что при сохранении всех прочих видов собственности было бы мерой несправедливой и противоречащей провозглашенному новым строем принципу всеобщего равенства. Кроме того, принятие этого законопроекта явилось бы нарушением правительственных заявлений о неприкосновенности частной собственности до Учредительного собрания. Глава правительства поддержал доводы Совета банков об опасных последствиях запрещения земельных сделок для всей экономики страны. Закон о запрещении земельных сделок не был принят ни в мае, ни в июне.

Летом 1917 г., с расширением деятельности волостных земельных комитетов, боязнь потерять клочок собственной земли толкала средних и мелких крестьян-общинников, владевших 1-10 десятинами купчей земли, к объединению с кулаками, хуторянами и помещиками. Эсеровские уездные крестьянские Советы развернули борьбу с кадетами за эту часть крестьянства. В июне-августе крестьянские съезды: губернские - Воронежский, Калуж-

ский, Курский, Пензенский, Рязанский, Симбирский, Тульский; уездные - Вязниковский, Сычевский, Тверской, Шацкий и др. вынесли решения о запрещении деятельности союзов земельных собственников как "контрреволюционной" организации⁹¹. В Рязанской губернии, где союз землевладельцев действовал весьма активно, вопрос о борьбе с ним рассматривался 22 - 24 июля совещанием представителей общественных организаций и уездных комиссаров. Было решено: "отколоть мелких собственников от союза крупных землевладельцев путем обеспечения защиты личности и личного имущества мелких собственников через земельные, а там, где нет, через волостные комитеты"⁹². В Рязском уезде в противовес ВСЗС Советом был созван съезд мелких собственников земли, на котором присутствовало до 400 крестьян. Съезд постановил: "В союз с крупными землевладельцами, как организацией контрреволюционной, ведущей к тому, чтобы внести раскол в крестьянскую массу, не входить, чтобы не быть орудием в их руках"⁹³. Представители Совета Зарайского уезда пришли на съезд земельных собственников с красными знаменами. После разъяснительных бесед мелкие собственники ушли со съезда⁹⁴. Решительным вмешательством Советов не были разрешены съезды земельных собственников в Курске, Богородицке и других городах.

Активное содействие Советам в борьбе с кадетскими организациями земельных собственников оказывали солдаты местных гарнизонов. На Каширском уездном съезде земельных собственников (9 июля), где из 150 делегатов 100 были крестьяне, после выступления солдата, раскрывшего замыслы помещиков - защитить свою землю руками крестьян, многие мелкие собственники покинули съезд⁹⁵. Съезды земельных собственников в Пензе, Наровчате, Гдове, Опочке были разогнаны солдатами⁹⁶.

Среди социалистов не было единства в отношении к союзу земельных собственников.

Народные социалисты объединение крестьян-собственников и помещиков считали закономерным. Виновниками обострения классовой борьбы в деревне они считали большевиков, толкавших общинное крестьянство на захваты частновладельческих земель. Вопрос о сплочении земельных собственников обсуждался на съезде народных социалистов в июне 1917 г. В выступлении

на съезде Н.П.Огановский отметил направления, по которым шел раскол крестьянства. "Сейчас в деревне намечается расхождение,- говорил он. - Зажиточное крестьянство боится, что реформа их ударит. Оно становится в оппозицию. Основная масса крестьянства против них. Нам надо решить, на чью сторону стать"⁹⁷. И партия народных социалистов со всей определенностью встала на сторону крестьян-собственников. На крестьянских съездах, в Главном земельном комитете, в правительстве, на Государственном и Демократическом совещаниях народные социалисты неизменно защищали право частной собственности на землю. Они не считали нужным вести борьбу против ВСЗС, видя главную опасность слева, и в меру своих сил и возможностей помогали в подавлении развивающейся революционной анархии.

Партия эсеров выступала против частной собственности на землю. Но в своих действиях она не была едина. Так, Советы и земельные комитеты, руководимые в основном левыми эсерами, не разрешали проведение съездов земельных собственников, не допускали помещиков и членов союза в земельные комитеты, выносили решения об ограничении землевладельцев. В то же время правые эсеры через Советы, комитеты, правительственные структуры отменяли постановления крестьянских организаций, нарушавших права частных собственников. Поиски эсерами социального компромисса расценивались их более радикальными оппонентами (а позднее и советскими историками) как проявление непоследовательности, свидетельство расхождения словесных заявлений и практических дел. На III съезде партии эсеров Н.Я.Быховский говорил, что для возрождения общины как основной производственной и общественной единицы в процессе социализации земли необходимы добровольное возвращение в нее хуторян и отрубников, создание общин из отрубников и хуторян, изъятие у кулаков земельных излишков и возвращение их общине⁹⁸. Когда же крестьяне стали приступать к практическому осуществлению этих мер, эсеровское руководство не поддержало их. На постановления крестьян об экспроприации земли у хуторян, о возвращении отрубников в общину исполкомы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Главный земельный комитет, министерство земледелия, комиссары Временного прави-

тельства неизменно отвечали, что до Учредительного собрания земли как у крестьян, так и у помещиков брать нельзя⁹⁹.

Н.И.Ракитников на III съезде партии эсеров, констатируя наличие серьезных антагонизмов внутри крестьянства, призывал принять все меры для предотвращения его раскола. Эсеры полагали, что разъяснительной работой можно преодолеть собственные устремления части крестьян и сохранить единство деревни. Однако они не учитывали того, что для крестьян-собственников была неприемлема основная аграрная идея эсеров - социализация, с ее уравнительностью, запрещением аренды, наемного труда и пр. Не ожидали эсеры и такой массовой и острой борьбы бедноты против частного землевладения крестьян. Их попытки сгладить разногласия внутри крестьянства оказались тщетными.

По требованию Временного правительства, Главного земельного комитета или губернских комиссаров эсеры из крестьянских Советов и местных земельных комитетов обычно посылали своих представителей в деревню для расследования жалоб землевладельцев на самоуправства крестьян. Тамбовский губернский земельный комитет по жалобам частных собственников произвел 120 обследований. Обвинения крестьян в разгромах, заявил председатель комитета правый эсер Гроздов, неукоснительно проводивший правительственную политику, не обоснованы. Помещики, из одного уже страха перед погромами, сами рубили парки, продавали скот, инвентарь, семена. Чтобы предотвратить подобные действия, крестьянские комитеты брали некоторые имена на учет, выставляли свою охрану¹⁰⁰.

Иногда союзы земельных собственников по одному конфликту посылали по 4 - 5 жалоб правительству. Так было в Уфимской, Саратовской и др. губерниях. Балашовская уездная земельная управа по требованию правительства разбирала жалобы уездного союза земельных собственников на беззакония волостных комитетов, захватывавших сенокосы. 24 июля она сообщала Временному правительству, что обвинения крестьян в насилиях в 90% случаев ложны и имеют целью "посеять панику, вызвать анархию и в море крови и беспорядков потопить русскую свободу"¹⁰¹.

В июле, когда правительственной коалиции удалось овладеть положением, земельные собственники ультимативно потребова-

ли запрещения деятельности крестьянских комитетов, отмены всех постановлений, нарушавших права частных владельцев, и предания суду членов крестьянских комитетов.

Значительную роль в консолидации благородных и “чумазных” землевладельцев сыграл II съезд Всероссийского союза земельных собственников, состоявшийся в Москве в начале июля. Большинство среди 400 делегатов съезда составляли крестьяне. Заседания проходили под лозунгом объединения помещиков и крестьян-собственников для решительной борьбы с развивающейся захватной практикой крестьянских комитетов. Под бурные аплодисменты съезда председатель Главного совета ВСЗС Н.Н.Львов закончил свою речь призывом перейти в решительное наступление на захватнические действия крестьян.

На съезде работало шесть секций. Самой многочисленной была третья секция, разрабатывавшая аграрную программу. Ее обсуждение носило наиболее бурный характер. Центральным был вопрос об отчуждении частновладельческих земель. Крестьяне считали, что помещики должны поступиться частью своих латифундий для расширения хуторских хозяйств и наделения малоземельных. Помещики же, как и в свое время в Государственной думе, отстаивали незыблемость прежних основ землевладения и землепользования. Страсти разгорались настолько, что порой возникала угроза срыва съезда. В конце концов дворяне Олсуфьев, Уваров, Гурко, Дмитрюков, Вульферт и др., чтобы не оказаться в изоляции, пошли на уступки и согласились вписать в программу положение о возможности отчуждения некоторой части латифундий, обрабатываемых крестьянским инвентарем или сдаваемых в аренду. При этом, помещики подчеркивали, что отчуждение должно проводиться без ущерба для хозяйств, ведущихся на рыночной основе¹⁰².

Ожесточенные споры шли вокруг вопроса, каким хозяйствам должны передаваться отчуждаемые земли помещиков: общинным или подворным. Съезд принял решение в духе программ кадетов: наделяться землей должны только те крестьяне, которые ведут частное хозяйство. И земля должна передаваться им в собственности с правом наследования¹⁰³.

Аграрная секция II съезда ВСЗС приняла резолюцию, требовавшую от правительства запрещения деятельности земельных

комитетов. Съезд утвердил ее. Обвинительным актом против земельных комитетов стала резолюция юридической секции, также утвержденная съездом. "Существующие ныне земельные и продовольственные комитеты, - записано в этом документе, - вместо ожидавшейся от них примирительной деятельности между землевладельцами и крестьянством, на деле, благодаря их одностороннему составу и отсутствию точного определения их прав и обязанностей, внесли полное расстройство в наше сельское хозяйство. Своими незаконными мероприятиями они нарушили земский мир и восстанавливают одну часть крестьянства, состоящую преимущественно из лиц, не владеющих землей на праве личной частной собственности, против другой его части - хозяйственной, наиболее устойчивой"¹⁰⁴. Если правительство, говорилось далее в постановлении, хочет, чтобы земельные собственники "исполнили свой долг перед родиной и отдали ей урожай", оно должно категорически запретить местным комитетам отбирать землю, инвентарь, военнопленных, снимать рабочих, а также предоставить землевладельцам льготы по уплате долгов. Кроме того, необходимо безотлагательно восстановить уголовный суд и действительную ответственность за правонарушения.

Чтобы выяснить намерения правительства и доказать ему пагубность деятельности крестьянских организаций, съезд направил в Петроград делегацию. Она была принята Г.Е.Львовым, В.М.Черновым и председателем Главного земельного комитета А.С.Посниковым. Львов и Посников заверили делегацию, что ими принимаются меры, отвечающие пожеланиям съезда. Вскоре на свет появились известные циркуляры Пешехонова, Церетели и Ракитникова. Председатель Главного земельного комитета обещал ввести представителей землевладельцев в земельные комитеты, что вскоре и было сделано.

И только министр земледелия эсер Чернов не дал определенного ответа ни на один из поставленных ему вопросов, чем вызвал немалое неудовольствие земельных собственников, развернувших против него кампанию в печати. Съезд ВСЗС пришел к выводу, что коалиционное Временное правительство во главе с эсерами не справляется со своими задачами и должно быть заменено "сильной властью".

Получив поддержку центральной власти, земельные собственники от подавленности и смирения переходят к более решимости.

тельной борьбе с крестьянскими комитетами. С июля резко возросли судебные санкции против самовольных действий крестьян. Под суд отдаются уже не отдельные активисты, а весь состав крестьянских комитетов, как того требовал съезд ВСЗС. Судебные преследования членов крестьянских комитетов приняли массовый характер в Псковской, Новгородской, Уфимской, Казанской, Московской, Смоленской, Тульской, Симбирской, Воронежской и других губерниях. В июле-августе зарегистрировано 39 случаев вооруженного подавления крестьянских выступлений¹⁰⁵.

В начале августа вопрос о положении местных земельных комитетов обсуждался Советом Главного земельного комитета. Докладывал эсер П.А.Вихляев. Он сообщил, что земельные комитеты “действуют сепаратно, не признавая руководства верхних инстанций. Местные власти и прокурорский надзор на местах всячески препятствуют земельным комитетам”¹⁰⁶.

Совет Главного земельного комитета постановил в категорической форме требовать скорейшей разработки законов, упорядочивающих земельные отношения. 4 августа Совет подготовил докладную записку на имя Керенского. В записке отмечалось, что несмотря на репрессии, “происходит стихийное стремление населения к удовлетворению острой земельной нужды”, а власть и общественные организации не в состоянии удержать крестьян от захватов. Совет обращал внимание главы правительства “на опасную неопределенность”, создавшуюся вследствие, с одной стороны, сохранения старых законов и условий землепользования, а с другой стороны, все большего распространения в сознании крестьян того мнения, что они имеют право на землю и что существовавшие до революции поземельные отношения необязательны. В таких условиях арест членов местных земельных комитетов, был бы мерой рискованной, могущей привести к серьезным осложнениям на местах¹⁰⁷. Он настаивал на скорейшем издании законов, регулирующих земельные отношения и определяющих права местных земельных комитетов.

4 августа Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов обсуждал вопрос о деятельности земельных комитетов. Было решено послать делегацию к Керенскому с требованием немедленно принять закон, регулирующий земельные отношения, не дожидаясь Учредительного собрания.

9 августа Временное правительство заслушало законопроект Главного земельного комитета, предусматривающий исключительное право комитетов регулировать земельные отношения на местах до Учредительного собрания. Кадеты подвергли проект резкой критике и он был отклонен.

11 августа правительство рассматривало земельный проект Чернова, содержащий значительные уступки земельным собственникам. Но и этот проект для кадетов в правительстве был неприемлем и его обсуждение отложили¹⁰⁸.

22 августа вновь Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов обсуждал вопрос о санкциях против земельных комитетов. Эсер Н.И.Ракитников находил их правомерными¹¹⁵, но под давлением левых был вынужден направить министрам юстиции и внутренних дел письмо, в котором указывал на юридическую необоснованность привлечения земельных комитетов к уголовной ответственности. По мнению Ракитникова, в условиях глубочайшего кризиса правосознания и полной неопределенности норм, пределов и форм деятельности комитетов, они пытались добиться примирения чрезвычайно обостренных отношений между помещиками и крестьянами¹¹⁰.

Министерство юстиции не ответило ни на один запрос ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Более того, в начале сентября направило ГЗК записку, повторявшую оценку деятельности крестьянских комитетов, данную съездом юрисконсультов Всероссийского союза земельных собственников, состоявшимся 18 - 19 августа 1917 г.¹¹¹ Министерство обвинило и ГЗК в потворстве противозаконной деятельности местных земельных комитетов.

На Государственном совещании, где ВСЗС был представлен 20 делегатами, его члены требовали "сильной власти", способной немедленно положить конец деятельности Советов и крестьянских комитетов. Помещики выражали сомнение в способности Временного правительства, руководимого эсерами, обеспечить "восстановление порядка" и дать "гарантии безопасности". Член Главного совета ВСЗС князь А.А.Кропоткин обвинял правительство в невыполнении данных им земельным собственникам гарантий и в попустительстве "преступной" деятельности земельных комитетов. Профессор И.Х.Озеров подчеркивал, что до

социалистического строя страна еще не доросла, поэтому нельзя разрушать строй капиталистический и ликвидировать помещичьи имения¹².

Государственное совещание показало, что социальные конфликты в стране подходят к тому пределу, за которым следует вооруженная борьба за власть.

22 августа на заседании исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов говорилось о полевении крестьянства: "масса подалась к большевизму"¹³. Это же отмечалось на третьей сессии ГЗК, состоявшейся в конце августа. В докладах представителей губернских земельных комитетов основной причиной подрыва доверия к правительству и партии эсеров, называлась бездеятельность коалиционного правительства. Делегаты, хорошо знавшие настроения крестьян, говорили, что деревня не верит больше Временному правительству, а результатом разочарования может стать война против правительства. Отмечалось также, что полевение крестьянства и отход от правительства вызваны общим наступлением "контрреволюционных" сил. Представители Воронежской, Казанской, Курской, Пензенской, Самарской, Смоленской, Уфимской и других губерний говорили, что над всеми комитетами висит угроза суда, что им приходится защищаться от союза земельных собственников¹⁴. Председатель Тульского губернского земельного комитета предупреждал: "Если карательные меры будут применяться к крестьянам при разрешении земельных недоразумений, то не исключена возможность, что получим иллюминацию, как в 1905 г."¹⁵

1.6. Борьба вокруг земельной реформы

Временное правительство, признавая необходимость решения земельного вопроса в интересах крестьянства, полагало, что любые изменения в формах землевладения должны происходить через реформы, начало которым будет положено законами, принятыми Учредительным собранием. В апреле были сделаны первые шаги по подготовке новых законов. 21 апреля Временное правительство приняло постановление о создании губернских,

уездных и, по желанию крестьян, волостных земельных комитетов. Им поручался сбор статистических и других сведений о состоянии землевладения и землепользования в губерниях, уездах и волостях. При Главном земельном комитете (ГЗК) было создано 20 комиссий: по перераспределению земельного фонда, по правовым формам землевладения, по разработке финансовых проблем реформы, статистико-экономическая и др. Главный земельный комитет готовил проекты аграрных законов для представления Учредительному собранию.

Для помощи в разработке земельных законопроектов в апреле была создана Лига аграрных реформ. В нее вошли представители Вольного экономического общества (во главе с народным социалистом Н.В.Чайковским), Всероссийского земского союза, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства и других научных и общественных организаций. Она объединила специалистов по аграрным проблемам всех партийных направлений, кроме "анархических аграрных течений", к которым относились большевики.

Лига имела 52 местных отделения. Активное участие в ее работе принимали известные ученые и общественные деятели: В.И.Анисимов, Б.Д.Бруцкус, Н.Я.Быховский, Б.Б.Веселовский, А.А.Кауфман, Н.П.Макаров, Н.П.Огановский, А.А.Рыбников, В.В.Святловский, М.И.Туган-Барановский и др. Лига стала межпартийным объединением экономистов-аграрников и "идейно-практическим центром" по подготовке земельной реформы. Она принимала активное участие в проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. Ее отделения собирали материалы о мобилизации земель в пореформенный период, публиковали сведения об ипотечной задолженности частных владельцев и др. Заседания Лиги стали ареной ожесточенной политической борьбы, начало которой было положено в Государственных думах 1906-1912 гг.

На первом съезде Лиги (16-17 апреля) член организационного комитета А.В.Чаянов, излагая задачи этой научно-общественной организации, подчеркивал необходимость сближения позиций различных партий в постановке и решении аграрных проблем. Но избежать влияния партийных принципов при обсуждении проектов земельной реформы Лиге так и не удалось, что ста-

ло причиной малой эффективности ее работы. Партийная борьба мешала принятию законопроектов, достижению договоренностей как по главным, так и по частным вопросам.

В мае 1917 г. эсеры заявили о неизменности основных положений своей аграрной программы, которую они ранее отстаивали в Государственных думах: отмена частной собственности на землю, конфискация помещичьей земли, уравнительный раздел, запрещение наемного труда, аренды и др. Эти принципы легли в основу аграрных проектов Чернова, подготовленных им в июне 1917 г.

Кадеты, несмотря на изменение политических и социальных ориентиров, внесенных ими в программу после падения монархии, остались верны своим исходным посылкам: защита частной собственности как основы всей экономики страны и решения вопроса о земле.

Народные социалисты и трудовики, объединившиеся в июне в одну партию, защищали национализацию земли и интересы крестьянина-собственника, колеблясь между кадетами (и оказывая им реальную поддержку) и эсерами.

23 - 26 июня 1917 г. состоялся 2-й съезд Лиги аграрных реформ. На съезде были заслушаны доклады: "Русская община и земельная реформа" (эсер Н.Я.Быховский), "Постановка аграрного вопроса (в общетеоретическом аспекте)" (меньшевик Н.А.Рожков), "Национализация земли" (народный социалист В.И.Анисимов), "К общей постановке аграрного вопроса" (беспартийный, но близкий к правым кадетам, экономист Б.Д.Бруцкус), "Аграрный вопрос" (кадет Н.Н.Черненко), "Проблема перераспределения земельного фонда и ее роль в современной аграрной реформе" (народный социалист Н.П.Огановский) и др. Все выступавшие на съезде признавали необходимость решения земельной проблемы, но разброс в определении целей, задач, методов и основных понятий (национализация, социализация, трудовое право, трудовое землепользование, первоочередные меры и пр.) был чрезвычайно велик. Добиться консенсуса в толковании основных принципов реформы можно было, только поступившись партийными принципами. Компромиссную позицию заняли народные социалисты и представители так называемого организационно-производственного направления, стремившиеся

сгладить острые углы и сблизить позиции наиболее влиятельных массовых партий - кадетов и эсеров.

Бруцкус и Черненко изложили программу капиталистического развития России. Бруцкус со всей определенностью высказался за то, чтобы аграрный вопрос рассматривался в неразрывной связи с созданием наиболее благоприятных условий дальнейшего развития капитализма в России, ориентацию на социализм он считал утопией. Развитие народного хозяйства страны вне капитализма сейчас невозможно, подчеркивал Бруцкус. С этих позиций должен рассматриваться и вопрос о целесообразности принудительного отчуждения любых видов земельной собственности. Частная собственность на землю должна быть сохранена, а за отчужденные земли крестьяне должны платить. Бруцкус был против национализации земли, т.к. эта мера затрагивала экономические устои общества¹⁶. Черненко также решительно высказывался против перехода земли в собственность государства, против "полного земельного переустройства", за ограниченный объем реформы¹⁷.

Кадеты (Н.Н.Черненко, К.А.Мацевич и др.) национализацию земли трактовали не как передачу ее в собственность государству, а довольно ограниченно - только как право государства законодательным путем регулировать земельную собственность. Но и такую роль российское государство, подчеркивали они, "не может выполнять сколько-нибудь удовлетворительно". Такое же понимание национализации отстаивал народный социалист А.И.Минин и др. Они не допускали возможности предоставления государству права владения землей, ограничивая его полномочия правом распоряжения ею. Не принимали идеи национализации земли и представители организационно-производственной группы - А.В.Чаянов, Н.П.Макаров, А.А.Рыбников и др. Чаянов считал, что государство не имеет таких огромных средств, которые требуются для осуществления национализации земли. Однако другой представитель этой группы - А.И.Челинцев, допускал возможность национализации и государственного регулирования. При этом он полагал, что земля из национального фонда должна передаваться общинам не в собственность, а в пользование¹⁸.

Народный социалист Н.П.Огановский (в сентябре перешедший в партию эсеров) также считал, что в настоящий момент национализация нецелесообразна. Другие члены этой партии (В.И.Анисимов, А.Н.Минин) - допускали возможность частичной национализации земли крупных собственников. Идя навстречу кадетам, Анисимов допускал сохранение в руках частных собственников участков больших размеров, чем предполагалось по трудовым нормам и не исключал возможности частичного разрушения общины. Но он категорически возражал против передачи принудительно отчуждаемых земель в частную собственность, полагая, что трудовое коллективное владение землей является "наиболее совершенной формой сельскохозяйственного производства.., которая позволяет достигнуть наиболее высокой ступени производительности общественного труда"¹². Но поскольку пока условий для этого нет, сначала необходимо национализировать земли удела, кабинета и крупного частного землевладения, создав из них государственный фонд. Наряду с этим народные социалисты (А.А.Рыбников) полагали, что крестьяне должны быть собственниками своих земель. А что касается отчуждаемых земель помещиков, то их использование может быть организовано на правах аренды. Трактовка энесами роли государства, предложенное ими понимание национализации земли, допущение частной собственности на различные формы землепользования, определение норм землепользования, - все это сближало их с кадетами и представителями организационно-производственного направления, делая возможным создание аграрной программы-минимум, что и нашло, в конце концов, отражение в проекте земельного закона последнего министра сельского хозяйства эсера С.Л.Маслова, представленного им Временному правительству в сентябре 1917 г.

Большие расхождения на II съезде Лиги выявились и при определении правовых основ земельных отношений: о формах собственности на землю, о выкупе, способах использования отчуждаемых земель и др. Эсеры не принимали аргументы кадетов, народных социалистов и других оппонентов. В то же время Бруцкус называл программы эсеров и энесов программами максимум, до осуществления которых, по его мнению, было еще далеко. Чаянов также признавал, что национализация и социализация дело

далекого будущего, а ближайшей задачей является государственная "нормировка" земельных отношений и определение того, что "нужно делать завтра". Среди ближайших задач он видел национализацию специализированных хозяйств (племенных, селекционных, посевов технических культур, лесов), принудительное отчуждение крупных хозяйств, изъятие земли из торгового оборота, введение прогрессивного дифференцированного налога, регулирование перехода земли из рук в руки через местные земельные комитеты, организацию мелиоративных и других землеустроительных работ, облегчающих развитие трудового хозяйства¹²⁰. Чаянов и другие представители этой группы пытались смягчить установки кадетов и найти общий язык с эсерами.

Излагая позиции меньшевиков, Н.А.Рожков не возражал против национализации земли, но подчеркивал, что в условиях России она может иметь только буржуазный характер. Задачей же предстоящей реформы он считал приспособление как крупного, так среднего и мелкого сельского хозяйства "к условиям, силам и порядкам культурного капитализма"¹²¹. Рожков полагал, что лучшей формой управления землей будет передача ее в муниципальную собственность. Доклад Рожкова не вызвал возражений, но и поддержки не получил.

В докладе эсеров, представленном Быховским, утверждалось, что земля как "дар божий" не может быть объектом частной собственности, что социализация земли и "всеобщее поравнение" приведут к окончательному раскрепощению ее и землевладельцев от вековых оков¹²². Но прения показали, что и среди эсеров существуют различные трактовки социализации земли. Так, А.Н.Герн считал этот термин неудачным, видя в нем связь с социализмом, а он был сторонником свободного развития капитализма в земледелии. Он не без основания полагал, что общинное крестьянство не стремится к социализму. Н.Д.Кондратьев также проявил склонность к кадетскому варианту реформы. На отход ряда эсеров от партийных принципов обратили внимание Бруцкус и Чаянов.

С разъяснением платформы выступил С.Л.Маслов. Он отметил, что эсеровская социализация земли не ограничивается уничтожением землевладения крупных помещиков и разделом их земель. Основным в ней является "уничтожение частной собствен-

ности и освобождение земли из товарного оборота... Вторым ее признаком является установление общественного обладания землей... Третий признак... - земля поступает в пользование хозяйств трудового типа"¹²³. Главным в аграрной реформе Маслов считал необходимость устранения кабальных отношений в землепользовании и коренное изменение в существующих формах землевладения¹²⁴. Решать эти проблемы нельзя по частям или самочинным захватом помещичьих земель, они требуют "постановки аграрного вопроса в целом". Признавая право некоторых социальных групп иметь землю на праве частной собственности, эсеры настаивали на сохранении общинного землевладения. В этом они не встречали понимания кадетов, которые сомневались в целесообразности общего земельного переустройства по единому плану.

Непростым был вопрос о временных рамках и темпах осуществлении реформы. Эсеры полагали, что социализация земли, ее уравнивание будет продолжаться не менее двадцати лет. Народные социалисты, не определяя временных границ реформы, считали, что она будет состоять из двух этапов. На первом этапе, который займет один-два года, произойдет отчуждение и перераспределение созданного общегосударственного земельного фонда. На втором этапе будет проведено землеустройство: уничтожены дальниеоземелье, чересполосица, проведены переселение, расселение небольшими поселками, что позволит крестьянам легче переходить от индивидуального к коллективному способу хозяйствования.

Итоги дискуссий обобщил Чаянов, предложив решение, которое было принято II съездом Лиги аграрных реформ. В нем было записано, что: "Земля должна быть изъята из торгового оборота, все переходы земли из одних рук в другие должны происходить через местные земельные комитеты". Земли облагаются прогрессивным дифференцированным налогом. Крупные хозяйства подлежат принудительному отчуждению. Леса и специальные виды хозяйств (племенные, селекционные, технические и пр.) "национализируются и находятся в кооперативном или земском пользовании или во временно-условном владении частных лиц". Государство должно провести широкие мелиоративные и землеустроительные работы, должно создать переселенческий

фонд и организовать переселение крестьян из малоземельных районов в районы многоземельные. На государство возлагалась обязанность по разработке и осуществлению плана "широкой аграрной политики, облегчающей развитие трудового хозяйства"¹²⁵.

Решение съезда носило компромиссный характер, с явными уступками кадетам. Это произошло в период нарастания крестьянского движения и усиления роли эсеров в коалиционном составе Временного правительства и в составе Главного, губернских и уездных земельных комитетов. К июлю в Совете Главного земельного комитета эсеры имели 55,9% мест против 31,8% в мае¹²⁶. Эсер Маслов стал первым заместителем председателя ГЗК прогрессиста А.С.Посникова и практически руководил всей подготовкой аграрной реформы. Одновременно Маслов возглавлял отдел переходных мер в Исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов, был редактором "Известий Главного земельного комитета" и московской газеты "Земля и воля".

Имея большинство в органах, готовивших аграрные проекты, эсеры однако не были едины в своих действиях. В партии было три направления: левые боролись за немедленную передачу земель в ведение земельных комитетов и осуществление переходных мер в духе решений крестьянских съездов, что сближало левых эсеров с большевиками. Правые отстаивали компромисс с кадетами и защищали неотчуждаемость частных земель до Учредительного собрания. И третьи (центр) - колебались между левыми и правыми, признавая, однако, необходимость правительственной коалиции с кадетами.

Тон в деятельности ГЗК тем не менее задавали экономисты кадетского направления видные теоретики аграрного вопроса - Кауфман, Черненко, Брудкус. Заметное влияние на работу комитета оказывали и кадеты, ранее отстаивавшие свою программу в Государственных думах - Шидловский, Оболенский и др, имевшие значительное влияние в министерстве юстиции, Совете банков и других органах, контролировавших деятельность Временного правительства. Кадеты не допустили реализации решения первой сессии ГЗК от 19 - 20 мая об издании правительством декларации о переходе земель в пользование трудового земледельческого населения. В комиссии ГЗК, определявшей судьбу

помещичьего землевладения, эсеры приняли формулировку кадетов о том, чтобы в земельный фонд, из которого крестьяне должны были бы наделяться землей, зачислять только имения "узкокабального характера", т.е. сдававшиеся в аренду или обрабатывавшиеся крестьянским инвентарем¹²⁷. А капиталистически ведущиеся хозяйства, как высококультурные, разделу не должны подлежать и должны оставаться в распоряжении прежних владельцев или арендаторов¹²⁸. Кадеты не мыслили иного способа отчуждения помещичьих имений кроме как за вознаграждение. Однако, зная отношение к этому основной массы крестьян, они так и не решились поставить этот вопрос на обсуждение.

Волостные земельные комитеты, где были представлены наиболее заинтересованные в реформе слои крестьян, полностью отстранялись от участия в обсуждении характера отчуждаемых имений. Этим должны были заниматься губернские комитеты с последующим утверждением ГЗК.

Особое место в работе комиссий ГЗК занимал вопрос о судьбе кулацких хозяйств. По замыслу кадетов центральной фигурой в деревне после реформы должен был стать крупный крестьянин-собственник. Поэтому их проекты строились с учетом позиции, которую могут занять кулаки.

Эсеры, опасаясь сопротивления кулаков реформе, приняли многие предложения кадетов и народных социалистов. 28 июля на заседании ГЗК Маслов сделал доклад "Основы земельной реформы", который в августе был опубликован в эсеровской печати. Доклад был явно рассчитан на то, чтобы внести успокоение в среду зажиточного крестьянства. Из него становилось ясно, что эсеры, готовившие аграрные законопроекты, отказываются от уравнительного землепользования. Маслов заявил, что установление общероссийской уравнительной нормы есть недоразумение. Он предлагал ограничение землевладельцев проводить по трудовой норме (вокруг определения которой шли острейшие дебаты, и она так и не была определена), а наделение - по потребительской. При этом он подчеркивал, что ограничение касается только тех частных земель, которые эксплуатировались путем сдачи в аренду или при помощи крестьянского инвентаря. Капиталистически ведущиеся хозяйства ограничению не подлежали.

Из раздела исключались и надельные земли. Они объявлялись общенародным достоянием. Маслов полагал, что “отрезка надельных земель может встретить сопротивление среди трудового населения. Надельные земли все нужно считать в трудовом пользовании”¹²⁹.

В комиссиях ГЗК эсеры подчеркивали трудовую природу кулацких хозяйств, считая необходимым обеспечить им наибольшие льготы при проведении реформы. Основанием для их зачисления в разряд трудящихся служило применение личного труда в хозяйстве. Маслов предложил кулацкие хозяйства с наемными рабочими считать не капиталистическими, а крупнопосевными крестьянскими хозяйствами. Чтобы не нанести ущерба таким хозяйствам, было решено не запрещать им применение наемного труда. А хозяйствам крестьян на купчих землях оставялась двойная трудовая норма, т.е. 100-150 и более десятин. За отчуждаемые сверх указанной нормы излишки купчих земель предусматривалось денежное возмещение из государственной казны. Крестьянские хозяйства не подлежали ограничению как в случаях, если они являлись образцовыми капиталистическими, так и если они велись на общинных надельных или арендованных землях, независимо от количества десятин и числа батраков¹³⁰.

Обосновывая необходимость земельных льгот кулакам, Маслов подчеркивал, что кроме желания сохранить производительные силы в агросфере, он руководствовался политическими соображениями: “Полутрудовые и полукапиталистические хозяйства, составляя довольно многочисленную группу крестьянских хозяйств, являются в то же время наиболее влиятельной средой в деревне. В виду этого резкое посягательство на их земли... в состоянии вызвать сопротивление с их стороны и создать крупную категорию людей, оказывающих серьезное сопротивление земельной реформе. С таким сопротивлением нельзя не считаться”¹³¹.

11 августа Чернов внес на обсуждение Временного правительства свой земельный законопроект. В нем предусматривалось, что земли могли переходить из одних рук в другие “только на основании действующих законов”. Частная собственность на землю не отменялась. Помещикам оставялось столько земли, сколько они могли обработать с применением рабочей силы,

причем размер этой площади определял сам помещик. За необработанную десятину он должен был платить налог государству. В ведение земельных комитетов переходили только те земли, которые их владельцы и арендаторы отказывались обрабатывать. Проект предусматривал замену всех натуральных обязательств денежными¹³². Проект Чернова был близок кадетскому. Разница заключалась лишь в том, что за земли, от которых отказывались сами помещики, не выплачивался выкуп. В конце июля - начале августа на съезде Всероссийского крестьянского союза секретарь председателя Временного правительства А.Ф.Керенского П.А.Сорокин, излагая точку зрения Чернова на земельную реформу, заявил о возможности оплаты "некоторых закладных листов"¹³³. Но для кадетов и этот проект Чернова был неприемлем: его обсуждение отложили¹³⁴.

Немало межпартийных споров велось вокруг вопроса о функциях земельных комитетов. Вторая сессия ГЗК (1 - 6 июля) потребовала от Временного правительства расширения прав земельных комитетов и передачи всех земель в их ведение. Кадеты в ГЗК не позволили эсерам пересмотреть постановление правительства о земельных комитетах от 21 апреля, на чем настаивала общинная деревня. Новое "Положение о земельных комитетах" было разработано лишь в сентябре заместителем Чернова эсером П.А.Вихляевым. "Положение" передавало все права регулирования земельных вопросов земским управам (избранным в сентябре), отобрав их у волостных земельных комитетов. Этот проект рассматривался на нескольких заседаниях ГЗК. Многочисленными поправками эсеры восстановили пункт о передаче всех земель в ведение земельных комитетов. Расширялись права уездных комитетов, демократизировался их состав и др. Но главная идея Вихляева - необходимость согласования действий земельных комитетов с общегосударственными интересами и постановлениями Временного правительства, осталась в проекте. 13 октября проект был вторично представлен Временному правительству. Но рассмотрен так и не был.

Одновременно ГЗК готовил проект инструкции земельным комитетам. В нем наиболее волновавший общинное крестьянство вопрос о переходе всей земли помещиков в распоряжение земельных комитетов даже не ставился. Комитетам же предостав-

лялось право регулирования арендных отношений "в интересах трудового населения". Они же должны были принимать "все меры против самочинных захватов земли"¹⁵. Но этот проект не был рассмотрен Советом ГЗК. Местные земельные комитеты так и не получили столь необходимые им правительственные инструкции, регламентирующие их деятельность.

19 и 20 августа "Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов" опубликовали сводку наказов о земле, привезенных с мест делегатами I Всероссийского съезда крестьян. Ее публикацией эсеры как бы подтверждали свою приверженность интересам крестьянской массы. Но сопоставление "Примерного крестьянского наказа о земле" с практическими делами эсеровского руководства, с его проектами аграрных законов свидетельствовало об отходе лидеров эсеров от общинного крестьянства.

1.7. Восстание крестьян осенью 1917 года

В конце августа 1917 г., во время мятежа генерала Л.Г.Корнилова, проходила третья сессия Главного земельного комитета. В специальной резолюции сессия выразила негодование по поводу "вылазки контрреволюционеров". Делегаты потребовали изменить нерешительную политику правительства в области земельных отношений¹⁶. Закрывая сессию, А.С.Посников вынужден был признать создавшееся в деревне положение отчаянным. Деревня накануне гражданской войны - таков был итог развития событий в стране к концу августа 1917 г.

В 28 губерниях Европейской части России в 1917 г. было отмечено свыше 15 тысяч выступлений крестьян против частного землевладения. Из них в сентябре-октябре 3500 выступлений произошло в Центральной России. Губернии Поволжья (1670 выступлений) и Земледельческого Центра (1349) стали центрами крестьянских восстаний¹⁷.

Осенний период отличается резким изменением форм борьбы крестьян за землю. Если с марта по август в деревне преобладали различные формы экономического ограничения землевладельцев с сохранением за ними права собственности на землю, то осенью крестьяне перешли к методам, характерным для крестьянской войны: вооруженным захватам, разгромам, поджогам, террору.

К концу августа обстановка в деревне настолько накалилась, что достаточно было небольшой случайности, чтобы вспыхнул большой "пожар". События в селе Сычевка Ярославской волости Козловского уезда Тамбовской губернии стали искрой, воспламенившей пожар крестьянской войны. Уже летом в губернии неоднократно складывалась ситуация, подводившая деревню к гражданской войне, и только очередным маневром эсерам удавалось удерживать крестьян от погромов и захватов помещичьих владений. Но 7 сентября в селе Сычевка охрана кулака Романова, арендовавшего имение помещика Похвистнева, ранила двух крестьян, зашедших в посевы подсолнуха. В ответ на это имение было сожжено, Романов убит. На следующую ночь уже горели имения во всех соседних селах. За неделю восстание охватило 14 волостей уезда. Были разгромлены 54 имения, в том числе 16 полностью. Более 30% пострадавших являлись земельными собственниками из крестьян. Козловский уездный комиссар, сообщая в Главное управление милиции об этих событиях, их причиной назвал "неопределенную земельную политику, породившую опасность, что крестьяне земли не получают". За сентябрь-октябрь в губернии произошло 193 выступления крестьян, из них 136 носили разгромно-захватный характер. На придорожных столбах были расклеены призывы: "Товарищи-крестьяне! Обратите внимание, помещики убрались из тех имений, которые разгромлены, и сидят еще в тех, которые уцелели. Призываем вас сжечь и эти имения, чтобы противное семя убралось отсюда, и тогда вы получите землю и волю".

Земельные собственники в свою очередь призывали к объединению и отмщению. Их листовка начиналась словами: "Будущие пролетарии, русские землевладельцы, объединяйтесь! В огненном мщении обретешь ты свое утешение". В листовке проводилась мысль, что не помещики, а крестьяне-собственники являются теперь хозяевами земли. "Земля за деньги перешла к нам, новым землевладельцам всех сословий, людям бережливым и трезвым. В сельском хозяйстве не так важен труд жнеца и пахаря, доступный всякому пьянице, как труд трезвого, умного и трудолюбивого устроителя хозяйства, исправного хозяина".

Губернские и уездные комиссары из Рязанской, Воронежской, Тульской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской и других губерний доносили в МВД, что аграрное движение разрастается под влиянием тамбовских событий, общего недовольства аграрной и продовольственной политикой Временного правительства и сильного полевения крестьян. Пензенский комиссар эсер Ф.Ф.Федорович писал 19 сентября в МВД: "Влияние и авторитет растеряны. Движение крестьян разрастается, остановить его почти невозможно, милиция бессильна, воинских команд не хватает"¹³⁸. Крестьянское восстание распространилось на 79 уездов Центральной России. В Воронежской губернии им было охвачено 74% волостей, в Тульской 52% и т.д. Это было восстание общинной бедноты. Она уничтожала частную собственность крестьян с таким же ожесточением, как и помещичью. Погромы хуторян, отрубников, крестьян-собственников особо широкий размах приняли в уездах Поволжья. В Сердобском уезде Саратовской губернии только в сентябре было разгромлено 30 хозяйств отрубников. Союз земельных собственников Балашовского уезда телеграфировал министру внутренних дел о том, что крестьяне совершают насилия не только над помещиками, но и над зажиточными крестьянами, идет организация крестьянских боевых дружин, которые вооружаются отобранном у землевладельцев оружием¹³⁹. В Саратовской губернии только в октябре произошло 162 выступления общинников против крестьян-собственников, в Симбирской - 267, в Казанской - 150 (за сентябрь-октябрь). В трех губерниях Поволжья за два месяца отмечено 570 выступлений против кулаков, хуторян и отрубников¹⁴⁰.

С ростом крестьянского восстания даже представители официальных властей стали признавать необходимость передачи имений помещиков земельным комитетам. Такие постановления о передаче были приняты в Тамбовской, Саратовской, Тульской, Тверской, Нижегородской, Курской, Псковской губерниях, в Николаевском уезде Самарской губернии. Волостные земельные комитеты стали организованно брать имения на учет. Они были учтены в 28% волостей Пензенской, 20% Саратовской и 19% волостей Рязанской губерний¹⁴¹.

В сентябре-октябре к правительству обратились Саратовский, Рязанский, Тульский, Орловский, Пензенский губернные и

многие уездные союзы земельных собственников с требованиями о присылке войск и введении военного положения. 1 октября Главный совет ВСЗС созвал совещание представителей 25 губернских отделений для выработки мер борьбы с восстанием крестьян. Совещание потребовало немедленных мер для подавления аграрных беспорядков вооруженной силой, настаивая на использовании кавалерийских частей. В противном случае ВСЗС грозил “прибегнуть к возмездию и самосуду”¹⁴². 21 октября совещание юрисконсультов местных отделений ВСЗС главным средством борьбы с развивающейся революцией в деревне назвало широкое применение вооруженной силы, введение военного положения в ряде губерний и уездов “на срок, достаточный для полного подавления беспорядков, и лицу, которому поручается руководство военной силой, должны быть предоставлены достаточные полномочия”¹⁴³. Московский юрист И.П.Купчинов, основываясь на царских законах, доказывал, что аграрное движение по своим последствиям весьма близко подходит к понятию неприятельского нашествия, а потому местности, охваченные им, могут быть приравнены к району военных действий, что позволит председателю Временного правительства единолично принимать какие угодно чрезвычайные меры. Вместе с этим Купчинов предлагал заменить гражданские власти военными с предоставлением им широких прав¹⁴⁴. Он был уверен, что предложенные им меры не встретят особого сопротивления со стороны лидеров партий правительственной коалиции.

И действительно, 8 сентября Керенский распространил на все губернии меры подавления крестьянского движения, разработанные в июле 1917 г. генералом Корниловым для прифронтовых районов. 28 сентября правительство признало необходимым образовать особые комитеты по борьбе с аграрными беспорядками¹⁴⁵, наметило меры по усилению милиции на местах: увеличило средства на ее содержание, расширило штаты за счет боевых офицеров и солдат из числа георгиевских кавалеров¹⁴⁶. 12 октября правительством рассматривался проект постановления о предоставлении губернским комиссарам особых полномочий для борьбы с революционными выступлениями. Вслед за тем последовало указание МВД о том, что на местах вся власть должна быть сосредоточена в руках комиссаров Временного правитель-

ства¹⁴⁷. 20 октября комиссия Временного Совета Республики рассмотрела проект меньшевиков о создании "комитетов общественных организаций" для централизованной борьбы с революционным движением¹⁴⁸. Правительство одобрило проект меньшевиков¹⁴⁹.

За сентябрь-октябрь в центральных губерниях военная сила против крестьян применялась 112 раз¹⁵⁰. Но солдаты тыловых гарнизонов все чаще отказывались стрелять в крестьян и переходили на их сторону. Прокурор Московской судебной палаты А.Ф.Стааль 3 октября сообщал командующему Московским военным округом, что солдаты в большинстве случаев "являются горючим материалом, способным только слиться с бунтующими массами и тем еще более разжечь пагубное настроение их"¹⁵¹. Таким образом, не только крестьяне, но и солдаты вышли из повиновения. Временное правительство уже не могло рассчитывать на тыловые гарнизоны для борьбы с крестьянами. Земельные собственники все настойчивее требовали присылки "дисциплинированных" частей. Такими частями пока оставались только кавалерийские полки. 19 октября министр внутренних дел обратился к военному министру с просьбой передислоцировать кавалерийские полки для возможного быстрого использования их против крестьян. В губерниях, где не была расквартирована кавалерия, предполагался перевод соответствующего количества эскадронов с фронта и из других мест. Кроме того, в Москве, Саратове, Перми, Харькове и Омске намечалось создать сводные полки для экстренных вызовов. Полки передавались в распоряжение губернских комиссаров¹⁵².

Эсер Н.Д.Авксентьев, будучи председателем Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и председателем Временного Совета республики (Предпарламента), санкционировал посылку карательных экспедиций в деревню.

Министр земледелия С.Л.Маслов считал, что для предотвращения крестьянских волнений достаточно издать законы, регулирующие земельные отношения. И 11 октября он внес на рассмотрение Временного правительства законопроект "Об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений". Проект обобщал идеи проектов Чернова и Главного земельного комитета. В нем были учтены результаты

дебатов в Лиге аграрных реформ и замечания Юридического совещания при Временном правительстве. Законопроект Маслова предусматривал впредь, до принятия земельных законов Учредительным собранием, передачу земель в ведение местных земельных комитетов для учета, наблюдения за их использованием и охраны имений¹⁵³. Вопрос о ликвидации частной собственности на землю в проекте не ставился. Крестьяне должны были арендовать земли частных собственников. Арендная плата, которую крестьяне к тому времени уже не вносили, должна была взыскиваться земельными комитетами, которые, уплатив долги и налоги землевладельцев, остаток денег обязаны были передать собственникам земли. Скот и инвентарь оставались в имениях и не могли использоваться крестьянами без согласия владельца. В арендный фонд передавались те земли, которые обычно сдавались в аренду или обрабатывались крестьянским инвентарем. Не подлежали передаче в арендный фонд сады, виноградники, сахарные плантации. Проект Маслова не разрушал производительные силы в сельском хозяйстве. Он отвергал как утопию социализацию земли с ее уравнительностью, запрещением аренды и наемного труда. Проект был продолжением политики капитализации крестьянского и помещичьего хозяйства, начатой П.А.Столыпиным. Но проект явно запаздывал: в деревне уже полным ходом шла конфискация частновладельческих земель.

Проект Маслова (очень близкий программе кадетов), при обсуждении в правительстве был отклонен. Серьезные возражения вызвали возможность передачи земель комитетам и образование арендного фонда до Учредительного собрания. При вторичном обсуждении (24 октября) он также не был принят - на этот раз ввиду скорого созыва Учредительного собрания.

Ленин в конце сентября расценивал крестьянское восстание как проявление общенационального кризиса. По его убеждению, большевики были бы изменниками крестьянству, если бы не пришли ему на помощь, организовав восстание против власти буржуазии, "ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством... значит губить всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно..."¹⁵⁴. 30 сентября в обращении "К рабочим, крестьянам и солдатам" он писал, что если власть будет у Советов и в России будет рабоче-крестьянское правительство, "то не позд-

нее 25 октября (если 20 октября будет съезд Советов) будет предложен справедливый мир всем воюющим народам... Если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа... Ни одного дня нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно предложить справедливый мир"¹⁵⁵.

Сдвиг влево в настроениях масс нашел отражение в документах последнего заседания Временного Совета республики вечером 24 октября 1917 г. Левый эсер Б.Д.Камков на его заседании заявил о недоверии своей фракции Временному правительству и о необходимости создания однородной демократической власти. Лидер меньшевиков Ф.И.Дан сказал, что выбить почву из-под ног большевиков можно только решением главных вопросов - о мире, земле, демократизации армии, чтобы народ видел "что его законные интересы защищаются именно этим правительством, а не большевиками". В таком же духе выступал лидер правых эсеров А.Р.Гоц. На том же заседании лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О.Мартов говорил: "Демократия должна заявить правительству, что никакой поддержки оно от нее не получает, если правительство немедленно не даст гарантии реализации насущных нужд народа. Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли..." Чтобы избавить страну от ужасов гражданской войны правительство должно реорганизоваться"¹⁵⁶.

Временный Совет республики принял резолюцию ("формулу перехода"), где подчеркивалась необходимость немедленного издания декрета о передаче земель земельным комитетам и "решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры". За левую резолюцию голосовало большинство членов Временного Совета республики - 123, против - 102 и 26 воздержалось. Лидер кадетов Милюков оценил результаты голосования как вотум недоверия Временному правительству. Поздно вечером о принятом решении был извещен премьер Керенский. Он также расценил это решение как отказ в поддержке, но заявил,

что правительство в подсказках не нуждается и будет действовать самостоятельно¹⁵⁷.

Временное правительство доживало последние часы в полной изоляции.

25 октября в 10 часов утра в воззвании "К гражданам России!" ВРК при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов объявил о низложении Временного правительства и переходе государственной власти в его руки. Вечером того же дня Второй Всероссийский съезд Советов передал власть Советам, политически оформив завершение социального взрыва, назревавшего в деревне в течение восьми месяцев 1917 г.

Глава 2. Рождение нового режима

Октябрьская революция в России созрела и победила в экстремальных условиях войны, развала экономики, паралича власти демократического Временного правительства, стремления народа к миру, крестьянства - к земле.

В марксистской теории, положенной в основу практической деятельности партии большевиков, взявшей власть 25 октября 1917 г., отношения рабочего класса и крестьянства строились как отношения ведущего и ведомого. Считалось, что рабочий класс должен быть гегемоном, воспитателем своего младшего брата политически менее развитого, неорганизованного, социально и духовно задавленного крестьянства, преобразователем условий и уклада его жизни, сознания, психологии.

В основе всей практической деятельности РКП(б) лежало ленинское понимание социально-классовой структуры российского крестьянства, представление о нем как о классе капиталистического общества. Поскольку революция считалась пролетарской, то ее опорой в деревне должна была быть, по понятиям коммунистов, беднота, т.е. пролетарские, полупролетарские и мелкие крестьянские хозяйства, живущие полностью или отчасти работой по найму. В крестьянстве эти слои составляли большинство и после решительной расправы с помещиками и зажиточными крестьянами они должны были быть, по расчетам большевиков, на стороне пролетарского переворота. Хотя среди мелкого крестьянства предвиделись неизбежные колебания в сторону свободной торговли, т.е. в сторону буржуазии¹.

Другой массовый слой сельского населения, с которым пролетариат должен был установить союзнические отношения, отвоевав его у буржуазии, Ленин относил к среднему крестьянству. В капиталистическом обществе это земледельцы, имевшие участок земли (на общинном праве, праве собственности или аренды), который давал им некоторый излишек продукции, способный в лучшие годы превращаться в капитал. При капитализме эти крестьяне часто прибегали к найму рабочей силы. В условиях Советской власти социальные признаки среднего крестьянства изменились. Оно не становилось собственником или арендатором национализированной земли, а лишь получало право

пользования и обработки ее собственным трудом. В новых условиях средним крестьянином Ленин называл того, кто владел некоторыми средствами производства, не продавал своей рабочей силы и не эксплуатировал наемный труд². В таком понимании средним становилось абсолютное большинство крестьян. В начале переходного периода от капитализма к социализму у этого слоя крестьянства, считал Ленин, преобладали колебания в сторону буржуазии. Источник колебаний он видел в мелкотоварном характере их производства, мелкобуржуазной психологии, мирозерцании и настроении собственника. Поэтому рабочий класс не мог сразу поставить задачу "привлечь этот слой на свою сторону, а должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.е. сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией"³. Чтобы не допустить перехода средних слоев на сторону буржуазии, власть Советов должна была добиваться соглашения с ними, делать им уступки в практических вопросах социалистического строительства. Соглашение с ними - основа политики их нейтрализации. Теоретически суть методов нейтрализации состояла в убеждении, воспитании, организации, соглашении и удовлетворении их требований. Но в случаях перехода колеблющихся на сторону "классовых врагов диктатуры пролетариата", для пресечения их враждебных действий Ленин не исключал возможность применения к ним принуждения⁴. Основой для достижения соглашения со средними слоями Ленин считал борьбу Советской власти против помещиков и буржуазии. К последней Ленин относил и состоятельное крестьянство, кулаков.

В упрочении власти Советов огромное значение имел политический блок большевиков с левыми эсерами, представлявшими интересы общинного крестьянства. Ленин считал, что блок этих партий "может быть "честной коалицией", честным союзом, поскольку "коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет"⁵. Однако практика первых месяцев революции показала различное понимание целей и методов социального преобразования общества коммунистами и левыми эсерами.

Левые эсеры вошли в революцию во многом с идейным багажом народничества. Они стали наследниками аграрной программы эсеров с ее разрушительным требованием уравнительно-

го раздела земли. В отличие от коммунистов они не признавали классового принципа в решении социальных задач, заявляя себя противниками диктатуры, централизации, ограничения свобод, применения насилия к трудящимся. Левые эсеры не отрицали расслоения крестьянства, но считали, что его верхние (кулацкие) и низшие (пролетарские, люмпенские) слои не играют определяющей роли в жизни деревни. Решающая роль, по их понятиям, принадлежала трудящемуся крестьянству, не эксплуатирующему наемного труда. В этом плане они чувствовали реальность лучше большевиков. Левые эсеры, не признавая гегемонии пролетариата, считали крестьянство основой класса трудящихся и движущей силой социального обновления общества. В Советах они видели организацию, способную осуществить их аграрную программу. Вся их практическая деятельность была подчинена борьбе с большевиками за влияние на крестьянство.

Левые эсеры оформились как политическая партия лишь во второй половине ноября 1917 г. Только после того, как выявилась безнадежность создания однородного социалистического правительства, они вошли в Совнарком (8 декабря 1917 г.). Коммунисты, не имевшие крестьянского большинства на съездах, к левым эсерам относились с осторожностью и терпимостью.

Наиболее сложными проблемами в отношении новой власти и среднего крестьянства стали хлебная монополия с ее запретом частной торговли и изъятием излишков хлеба и мобилизация крестьян в Красную Армию.

Задолго до Октябрьской революции Ленин много внимания уделял выявлению позиций кулачества. В его понимании кулаки - это крестьяне, ведущие хозяйство с применением наемного труда, т.е. эксплуататоры. Для Ленина и большевиков они представлялись лишь одной из разновидностей капиталистов и рассматривались ими как враги социалистической революции. В марксистской теории ликвидация кулачества считалась исторической задачей социалистической революции, но допускались многовариантные компромиссы в определении сроков и способов ее осуществления. Ф.Энгельс полагал, что отнять у кулаков всю собственность нельзя, поскольку такие крестьяне работают на земле и создают часть своего достатка собственным трудом. Теоретиче-

ски это положение разделял и В.И.Ленин. Но практика революции была далека от теории.

Термин "кулак" широко представлен в источниках по истории этого периода. Но необходимо помнить, что скрытая за ним историческая реальность не всегда доступна адекватной расшифровке, что зачастую мы имеем дело лишь с идеологемой и политическим жупелом, настойчиво навязываемыми большевиками в оправдание своей антикрестьянской политики.

В России крестьянское предпринимательство в агросфере наибольшее развитие получило на окраинах, где меньше давили крепостнические пережитки. В Прибалтике, на юге Украины, Северном Кавказе, в Заволжье, Сибири сразу проявилась враждебность кулаков к Советской власти. В Центральной России к Октябрьской революции кулаки еще не разорвали общинной пуповины. По образу жизни, труда, психологии они оставались крестьянами, ведущими за собой деревню.

Первые аграрные законы Советской власти (Декрет о земле и Основной закон о социализации земли) стали симбиозом двух утопий: крестьянской - с требованием всеобщего уравнивания, и пролетарской - с задачей социалистического преобразования сельского хозяйства на основе государственной и коллективной собственности. Законы не ставили непосредственной задачи экспроприации кулачества, но предусматривали ограничение его собственности. Во-первых, сам уравнительный принцип распределения позволял изымать у кулаков земли сверх определенной крестьянскими съездами нормы. Во-вторых, если земля сдавалась кулаками в аренду и обрабатывалась наемным трудом, она передавалась нуждающимся крестьянам. И лишь в одном случае допускалась экспроприация всей их собственности - при сопротивлении власти, т. е. в порядке карательной меры. В идеале главной задачей Советской власти в отношении кулаков было лишь ограничение их эксплуататорских стремлений, установление контроля над ними, подчинение их пролетарским законам, т. е. лишение их возможности выступать против власти Советов и оказывать идейное и политическое воздействие на деревню. Но уравнительность землепользования, запрещение аренды и использования наемного труда ограничивали крупного крестьянина в его правах собственности на средства производства и хлеб,

подрывали основы товарности его хозяйства. Подрыв материального благосостояния зажиточного крестьянства породил его политическую враждебность к Советской власти. С весны 1918 г. меры экономического принуждения, применяемые к этой категории крестьян, как единственных владельцев товарного хлеба, дополненные ограничениями гражданских прав, толкнули их в лагерь ярых противников новой власти. Практика 1918 г. в отношении крестьян дала наибольшие расхождения с теорией, став одной из причин разрыва политического блока большевиков и левых эсеров и создания крестьянского фронта гражданской войны.

В отношениях Советской власти и крестьянства наибольшие трудности пришлось преодолеть, решая проблему регулирования производства и перераспределения продуктов крестьянского труда. В условиях развала экономики страны Ленин и партия большевиков непоколебимо стояли за государственную монополию на хлеб, введенную еще в марте 1917 г. Временным правительством, за обязательность твердых цен на хлеб, его учета, контроля и централизованного распределения. Принятие в конце весны 1918 г. экстраординарных мер сохранения государственной монополии на хлеб вызвали серьезный конфликт новой власти с крестьянами как производителями хлеба. В таких условиях РКП(б) перешла к форсированию раскола крестьянства, чтобы через выделение и организацию бедноты упрочить свои позиции в деревне.

2.1. Волостные и сельские советы - крестьянская власть

Чтобы провести отмену частной собственности на землю и передать ее в пользование крестьянам, новой власти надо было овладеть крестьянскими организациями: Советами, земельными комитетами, волостными земствами. В них большевики и левые эсеры не имели большинства. Губернские и многие уездные организации крестьян оставались в руках правых эсеров, отрицавших правомочность Второго съезда Советов на издание законов. Это право они признавали только за всенародно избранным Учредительным Собранием.

Выборы в Учредительное Собрание состоялись 12 - 14 ноября 1917 г. Победу на них одержали эсеры (54% депутатов).

Открытию Собрания предшествовали Чрезвычайный, а затем II Всероссийский съезды крестьян (ноябрь - декабрь 1917 г.), которые высказались за власть Советов, одоббив декреты Второго Всероссийского съезда Советов. Вместе с тем они настаивали, чтобы Декрет о земле был утвержден Учредительным собранием. Выступая за созыв Учредительного собрания, II Всероссийский съезд крестьянских Советов тем не менее подчеркнул, что будет решительно бороться против попыток вступить в борьбу с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рассматривая это как посягательство на завоевания революции. Правоэсеровскому исполкому крестьянских Советов было выражено недоверие. Новый избранный исполнительный комитет крестьянских Советов влился во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, избранный Вторым съездом Советов. Правые эсеры, уйдя с крестьянского съезда, обратились к крестьянам от имени старого исполкома с призывом организовать сопротивление власти Советов, не осуществлять ее декретов и требовать созыва Учредительного собрания⁶.

С арены Всероссийских съездов борьба за крестьянство была перенесена на губернские и уездные съезды, волостные и сельские сходы и собрания. Поскольку выборы в Учредительное собрание дали правым эсерам значительный перевес перед всеми другими партиями, они рассчитывали, что крестьянство поддержит их в борьбе против Советов за передачу власти всесловным органам, созданным Учредительным собранием. И действительно в ноябре - декабре девять губернских - Владимирский, Воронежский, Курский, Московский, Петроградский, Самарский, Саратовский, Тверской, Ярославский и некоторые уездные - Орловский, Усманский и другие съезды крестьян, созданные правоэсеровскими исполкомами, осудили Октябрьскую революцию и выразили недоверие Советскому правительству. Острая политическая борьба за крестьянство шла на шести губернских съездах: Воронежском, Московском, Нижегородском, Самарском, Тверском и Ярославском. Здесь дело дошло до раскола: левые делегаты ушли со съездов. По призыву большевиков и левых эсеров делегаты бедноты присоединялись к съездам рабочих и солдат. Когда не было надежд на раскол общекрестьянских или всесловных съездов, большевики и левые эсеры созывали съез-

ды бедноты и средних крестьян. Такие съезды были организованы в Воронежской, Вятской, Владимирской, Нижегородской, Тверской, Саратовской губерниях. Решающую роль на этих съездах и в установлении Советской власти в уездах играли солдаты, вернувшиеся с фронта⁷.

Поскольку Декрет о земле уже осуществлялся, многие крестьяне перестали признавать за Учредительным собранием право на власть и требовали от него утвердить декреты Советской власти. В противном случае, подчеркивалось в резолюциях многих крестьянских съездов, Учредительное собрание должно быть распущено.

На волостных и сельских собраниях, отражавших непосредственно волю крестьян, расстановка сил выглядела следующим образом (данные по 415 волостям): 53,5% волостей высказались за власть Советов, 30% настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5% волостей население колебалось, не определив своей позиции⁸.

Собравшееся 5 января 1918 г. Учредительное собрание отказалось признать власть Советов, большевики и левые эсеры покинули заседание. В зале осталось менее 200 депутатов. Несмотря на отсутствие кворума (объявленный кворум - 400 депутатов) в ночь на 6 января 1918 г. оставшиеся депутаты приняли десять пунктов закона о земле, которые по существу повторяли Декрет о земле. Крестьянская утопия и в Учредительном Собрании обрела форму закона.

6 января 1918 г. декретом Советского правительства Учредительное собрание было распущено.

Одиннадцать губернских съездов крестьян - Вятский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Московский, Тамбовский, Тверской, Саратовский, Самарский и Симбирский, состоявшиеся в январе, одобрили роспуск Учредительного собрания. Но в восьми волостях Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии правым эсерам удалось организовать восстания крестьян. В Пермской губернии попытки эсеров поднять восстания не нашли поддержки крестьян. 78 уездных съездов, состоявшихся в январе, из них 32 в центрально-земледельческом и 19 в промышленном районах, одобрили действия советского правительства и роспуск Учредительного собрания⁹. На некото-

рых съездах заслушивалось по два доклада: один от блока большевиков и левых эсеров, другой - от правых эсеров. Около 70% крестьянских делегатов голосовали за власть Советов. Треть крестьянства оставалась индифферентной к форме власти, колебалась или резко отрицательно относилась к классовым организациям, оставаясь сторонницей демократически избранных всеобщих органов.

В январе 1918 г. состоялся III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он слился с III Всероссийским съездом крестьянских депутатов, съездом земельных комитетов и продовольственным съездом. Объединенный съезд избрал единый многопартийный Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Советы стали органами государственной власти.

Губернские и уездные Советы и исполкомы вначале создавались как многопартийные органы, но большинство мест в них имел блок большевиков и левых эсеров. Правые эсеры были единично представлены лишь в 54 уездных Советах.

В этот период правые эсеры не смогли организовать массы на защиту Учредительного собрания. Но с его роспуском они не смирились и не отказались от надежды поднять народ против власти большевиков под знаменем Учредительного собрания.

В волостях установление Советской власти в основном завершилось к апрелю 1918 г. К этому времени, по данным 3655 волостей Европейской части России, земства были распущены или влились в Советы на правах хозяйственных отделов в 87,4% волостей¹⁰.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г., провозгласила, что в составе органов власти не должно быть места эксплуататорам. Указания ЦК РСДРП(б) и инструкции Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) ориентировали местных партийных и советских работников при создании крестьянских Советов исходить прежде всего из интересов бедноты¹¹. Но эти указания редко реализовывались на местах. Лишь инструкция Новгородского губисполкома предписывала не допускать к выборам в органы власти кулаков и прочие эксплуататорские элементы¹². В

декабре 1917 г. на Пензенском губернском съезде Советов большевики пытались провести линию на выделение и организацию бедноты, однако они не были поддержаны левыми эсерами. В разделении крестьянства “кроется большая опасность”, говорил левый эсер Десятский. В крестьянские Советы должно организовываться все трудовое крестьянство¹³. Этот принцип всеобщего представительства стал основополагающим в создании первых волостных Советов. И в волостях Центральной России большинство Советов было избрано всем крестьянством¹⁴, к выборам не допускались только помещики и капиталисты. Утверждение некоторых историков о том, что кулаки якобы не принимали активного участия в первых выборах Советов, так как являлись сторонниками земств, не подтверждается данными анкет волостных советов Центральной России. Роспуском Учредительного собрания и решениями III Всероссийского съезда Советов судьба земств, служивших организационной опорой эсеров, была предопределена. Поэтому в январе 1918 г. ЦК партии правых эсеров скорректировал тактику в отношении Советов. В обращении, опубликованном в местных газетах, эсеры призывали “стремиться получить в Советах преобладание путем энергичной агитации за перевыборы Советов и отзыва большевистских депутатов”. “Будучи в меньшинстве в Советах, должны не покидать их, а вести разоблачительную работу”¹⁵.

Установка большевиков на недопущение кулаков в Советы довольно успешно реализовывалась в фабрично-заводских волостях. Например, в фабричных волостях Владимирской губернии 79,6% Советов были в основном бедняцко-средняцкими. В сельскохозяйственных же волостях Владимирской и Ярославской губерний процент бедняцко-средняцких Советов был значительно ниже - соответственно 22 и 25,6%. В торгово-промышленных волостях этих губерний бедняцко-средняцкими являлись 31,5 и 35,5% волостных Советов¹⁶.

По данным 320 волостей Севера и Северо-Запада, всем населением было избрано 55% Советов, 42% при участии только трудящегося населения, а 3% создано кулаками¹⁷. На Урале насчитывалось 3 тыс. Советов, и большинство из них включали в свой состав кулаков¹⁸. В апреле 1918 г. на Уфимской губернской конференции коммунистов в докладах говорилось, что “в деревне

дело обстоит не вполне надежно", нередко имеется "только видимость Советской власти, а по существу хозяйничают старые заправилы - кулаки, крупные землевладельцы - помещики и пр. или же Советы находятся под влиянием левых эсеров. Влияние же большевиков на деревню в то время было еще чрезвычайно слабо; была значительная оторванность партии от низов"¹⁹. Первый состав волостных и сельских Советов по всей стране был общекрестьянским. Это были органы общинного самоуправления с преобладанием в них бедняцко-средняцких слоев деревни.

О соотношении политических сил в деревне дают представление анкеты волостных Советов. По данным этих анкет в 1077 волостях центральных губерний к весне 1918 г. партийные организации большевиков имелись в 9,7%, левых эсеров - в 2,2% волостей²⁰. В 504 волостях Севера и Северо-Запада большевиков в Советах было 19%, сочувствующих им 11%, левых эсеров - 3,6%, сочувствующих им - 2,4%. других партий - 1,1%, беспартийных - 61,9%²¹. Преобладание беспартийных, но сочувствующих Советской власти - характерная черта крестьянских Советов, отражавшая слабую политизацию деревни. Большевиков в Советах представляли солдаты, рабочие, крестьянская беднота, левых эсеров - солдаты, мелкие и средние крестьяне, частично бывшие сотрудники земств. Кулаки в Советах чаще всего заявляли о своей беспартийности.

Левые эсеры быстро набирали силу в аграрных губерниях, где борьба в деревне не приняла еще крайних форм. Характерно, что там, где рано началась и остро проходила борьба бедноты и кулаков за власть, - Самарская, Саратовская, Московская, Нижегородская, Владимирская губернии - зимой 1917-1918 гг. левоэсеровские организации не получили большого развития. Здесь борьба за крестьянство шла между большевиками и правыми эсерами. В Самарской и Саратовской губерниях, отличавшихся высоким удельным весом зажиточного крестьянства, правым эсерам удалось сохранить свои организации и областное объединение с центром в г.Саратове и ряд волостных организаций, не смирившихся с потерей власти. В то же время в этом районе возникают 86 организаций РКП(б)²². С возвращением домой солдат во всех губерниях началось оформление ячеек большевиков. В ряде мест создание партячеек обосновывалось тем, что без них

не может быть правильной работы Советов²³. Зимой 1918 г. крестьяне Владимирской губернии организовали 13 сельских ячеек РКП(б)²⁴. В Нижегородской губернии демобилизованные солдаты создали более 15 организаций коммунистов²⁵.

Состояние доступных нам источников не дает возможности выявить динамику роста в деревнях левозэсеровских ячеек в эти месяцы. Но в губернских и уездных советских газетах того времени часто встречались призывы к их созданию. Левозэсеровские, как и большевистские, эмиссары, инструкторы, комиссары и агитаторы, приезжавшие из Москвы, Петрограда, губернских центров, помогали организационному сплочению своих сторонников в деревнях и уездных городах. В органах власти левые эсеры и большевики вели совместную работу на основе декретов Советской власти. Через Крестьянский отдел ВЦИК и крестьянские секции губисполкомов левые эсеры готовили инструкторов для проведения социализации земли. Здесь же ходоки из деревень получали инструкции, литературу. Советская власть оказывала той и другой партиям финансовую поддержку. Так, в первые месяцы ВЦИК выделил левым эсерам на агитационно-пропагандистские цели 250 тыс. руб²⁶. Большинство земельных, многие продовольственные и военные отделы исполкомов возглавляли левые эсеры.

Первоочередной задачей новых органов власти в деревне становится разрушение прежней системы общественно-экономических отношений, ликвидация всех видов частной собственности на землю.

Уже к апрелю 1918 г. в губерниях Центральной России было конфисковано 79,6% имений²⁷. Помещики не оказали организованного сопротивления экспроприации их собственности. Союз земельных собственников вынужден был признать, что фактическое положение дел не позволяет игнорировать Декрет о земле. Он рекомендовал помещикам настаивать на составлении подробной описи имущества и оформлении ее по юридическим правилам. При благоприятных условиях эта мера должна была помочь собственникам доказать размер убытков, причиненных во время конфискации. Юридический отдел союза разъяснял помещикам, что по смыслу Декрета о земле и Инструкции земельным комитетам, конфискации не подлежали дома, усадьбы, лич-

ные вещи. Собственник мог настаивать и на сохранении за ним участка пахотной земли для обработки собственным трудом. Совет союза рекомендовал бывшим землевладельцам не покидать своих усадеб²⁸. Союз надеялся на скорую реставрацию старой власти и стремился сохранить в деревне свои силы. Однако, опасаясь за жизнь, большинство помещиков и членов их семей покидали имения. Но весной в связи с усилением голода многие из них вернулись в деревню, пытались заняться земледельческим трудом. Летом местные Советы стали выселять помещиков. Этот процесс усилился в период комбедов, а завершился в 20-е годы.

Центральная власть не определяла размеры владений, подлежащих конфискации, оставляя решение этого вопроса на усмотрение самих крестьян. Нормы конфискуемых владений определялись съездами Советов и были различными даже в пределах одного уезда. По решению съездов, на учет брались и крупные владения крестьян. Этот вопрос достаточно изучен в литературе 70-х годов. Спорным остается лишь объем ущерба, нанесенного сельскому хозяйству погромами. Количество разгромленных имений было значительно выше, чем это отражено в трудах историков. Так, П.Н.Першин считал, что было разгромлено не более 10% имений. Однако, как показывают данные анкет, в 6 губерниях - Рязанской, Пензенской, Саратовской, Смоленской, Тверской и Новгородской - из 1204 имений пострадало 401, т. е. 33,3%. Особым размахом погромы отличались в губерниях со значительными остатками крепостнических пережитков. В Симбирской губернии, например, было уничтожено около 60% имений. В то же время в Тамбовской губернии, где эсерами были приняты своевременные меры по передаче имений в ведение земельных комитетов, разгромы не имели массового характера.

В феврале 1918 г. был опубликован подготовленный левыми эсерами "Основной закон о социализации земли" - второй после Декрета о земле законодательный акт, имевший важнейшее значение для аграрных преобразований первых лет. Он по существу заложил фундамент новых земельных отношений в стране. Закон исходил из факта ликвидации помещичьего землевладения. Первостепенное внимание в нем уделялось вопросам практического использования земли, ставшей общенародным достоянием. Этим законом определялись правила пользования и распоряжения

землей. Закрепляя идею большевиков о создании крупных государственных хозяйств, на чем настаивал Ленин, и отдавая предпочтение коллективным формам ведения хозяйств перед индивидуальными, закон вместе с тем не навязывал немедленного перехода к ним. Идя навстречу желаниям крестьян, закон вводил уравнительное землепользование.

По "Основному закону о социализации земли" в раздел пускались не только бывшие помещичьи, купеческие, монастырские, церковные земли, но и надельные, купчие, отрубные и хуторские земли крестьян, что подрывало товаропроизводящие хозяйства. Право пользования землей предоставлялось только лицам, обрабатывающим ее личным трудом. Использование наемного труда допускалось лишь для нетрудоспособных, или при обработке площадей запасного фонда и государственных земель. Всего в европейской части в раздел было передано 15,5 млн дес. земли. Но по губерниям и районам земля сельскохозяйственного значения распределялась неравномерно: в Среднем Поволжье и Прикамье на 6 губерний было 8 млн дес., в 4 губерниях черноземного центра - 3 млн, в 11 губерниях промышленного района - 3,3 млн дес. В Северном районе крестьяне 7 губерний получили 1,2 млн дес. В восточных губерниях (Поволжье и Прикамье) наделы увеличились таким образом на 50%, в южных - на 80, в центральных - на 15, а в северных - на 8%²⁹.

Начавшись весной 1918 г., уравнивание земли проходило вплоть до сплошной коллективизации, но наиболее активно - в 1918-1919 гг. Уравнивание проводилось не по высшему и даже не по среднему хозяйству, а по низшему, потребляющему, что предопределило в скором времени немалые трудности в получении хлеба из деревни. Весной 1918 г. средняя прибавка земли составила лишь 1-2,2 дес. на душу. Как первый, так и последующие разделы проводились в основном по числу едоков, что отвечало бедняцкому пониманию равенства. В ходе весеннего раздела состоятельные хозяйства лишались части своих земель, инвентаря, скота и это было одной из причин резкого обострения борьбы в деревне.

Беднота, получив землю, не могла создать рационального хозяйства, поскольку не имела нужных для этого средств производства. К началу весеннего сева деревне не хватало 350% сельско-

хозяйственных орудий по сравнению с тем, что требовалось до войны. Крестьяне нуждались в 3,5 млн пахотных орудий, каждое третье хозяйство не имело инвентаря и рабочего скота³⁰. Революционная власть пыталась помочь деревне, но все, что она могла немедленно сделать - издать Декрет о монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными орудиями и машинами, перевести некоторые заводы с военного производства на изготовление инвентаря, организовать общественное использование конфискованного инвентаря помещиков через прокатные пункты и др. Но это было лишь каплей в море народной нужды. А главное - государство не имело хлебных резервов и не могло обеспечить бедноту посевным материалом. Семена были у зажиточных крестьян и середняков. Весной хлеб стал главным объектом борьбы. Проблема его учета и перераспределения стала одной из основных задач новой власти.

10,5 млн безземельных и малоземельных крестьян (из 15 млн крестьянских дворов), даже получив землю, не могли создать товарного хозяйства, поскольку не имели, или почти не имели, инвентаря, скота, семян, да и прибавка земли не была существенной. Без помощи государства беднота не могла засеять полученную землю. Многие миллионы крестьян становились государственными иждивенцами, освобождавшимися от налогов, поставок хлеба, получавшими помощь на льготных условиях. Поскольку государство не имело никаких резервов для снабжения малоимущих, поощрялась их инициатива в уравнении богатых и состоятельных крестьян с беднотой в нормах пользования землей, скотом, инвентарем, в изъятии всех прочих "излишков", что с неизбежностью вело к обострению социальной борьбы.

Весной 1918 г. перед деревней не стояла задача организации новой экономики. Но жизнь втягивала крестьянские Советы в решение неотложных экономических проблем. Требовались деньги на содержание работников Советов, больниц, школ, милиции, Красной гвардии, приобретение хлеба и инвентаря. Советы получили от земств тяжелое наследство в виде налоговых недоимок, долгов. На требования местных Советов о субсидировании Совнарком разъяснял 19 ноября 1917 г., что они должны сами обеспечивать себя денежными средствами, вводя местные налоги³¹. 20 января 1918 г. Совнарком издает "Проект единовре-

менного поимущественного налога”, по которому обложению подлежали крестьяне, имеющие более двух рабочих лошадей и более 25 дес. земли³². Практическому осуществлению этого налога должна была предшествовать работа сельских и волостных Советов по учету и оценке имущества жителей. Крестьянское хозяйство, как объект налогового обложения, было новым и непонятным для сельских жителей явлением, к которому их органы власти не были готовы.

В январе 1918 г. Ленин ориентировал Советы на изъятие денег у кулаков, рассматривая наличие таковых как свидетельство эксплуатации народного труда³³. 14 февраля Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) циркулярно предписывал изыскивать средства “на месте путем беспощадного обложения имущих классов”³⁴. Но большинство Советов не было к этому готово, практикуя традиционное обложение земли и сбор земских налогов. Однако Наркомзем и Наркомфин были принципиальными противниками взимания поземельных налогов, так как “Основной закон о социализации земли” отменял выкуп за землю и арендную плату. Разъяснениями, данными в апреле и июне, эти налоги были отменены³⁵. Советы перестали собирать налоги для государственных нужд. Дискуссии об объекте налогового обложения велись в центральных органах до конца октября 1918 г. До осени каждый Совет по-своему добывал средства для местных нужд. Категории облагаемых жителей и суммы налогов находились в прямой зависимости от социального состава Совета. По данным 1003 волостных Советов 17 губерний Европейской России (Владимирская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская) 343 Совета (34,2%) получали средства подесятинным и подушным сбором³⁶, хотя они были запрещены Советской властью. Практикуемый Советами принцип уравнительности нередко на местах оборачивался против бедноты и середняков. Так Чудиновский сельский Совет Орловского уезда Вятской губернии обложил одинаковым налогом как малоземельных, так и состоятельных крестьян. Разобравшись в сути такого уравнивания, беднота запротестовала³⁷. А в Михайловской волости Новоладожского уезда 25 голосами против 21 и

при 7 воздержавшихся был принят налог не с десятины, а с души (надела), что также ущемляло бедноту. Если платить за десятину, жаловались бедняки в НКВД, "то приходится со всех поровну, а если с души, то у кулаков в одной душе находится 8-10 десятин, а у крестьянина от 3 до 5, и получается, что за неравный надел земли платить одинаково, что кулакам выгодно"³⁸.

Небольшая часть Советов (9,2%) старались получить средства, не задевая интересов крестьян: от продажи леса, имущества помещичьих имений, скота, инвентаря.

203 Совета (20,2%) практиковали обложение "сельской буржуазии" (кулаков, торговцев, владельцев промыслов). Но зажиточное крестьянство конечно не мирилось с такой практикой и обычно добивалось перевыборов неугодных Советов. Так, после того, как Совет с. Ризадеево Ардатовского уезда Нижегородской губернии обложил кулаков налогом, они его разогнали. Вместо Совета избрали старосту³⁹. Похожее случилось и в Бельской волости Глазовского уезда Вятской губернии. Здесь 29 марта волостной совет решил обложить чрезвычайным налогом лиц, нажившихся на войне. 3 апреля волостное собрание под нажимом кулаков отменило решение Совета⁴⁰.

Налоговое обложение только зажиточных крестьян наиболее часто практиковали волостные Советы промышленных губерний. Так, из 100 волостных Советов Владимирской губернии (губерния с развитой промышленностью) к такому обложению прибегли 30 Советов, в то время как в аграрной Рязанской губернии из 100 Советов кулаков обложили лишь 13, а в аграрной Пензенской - 7. Вообще в аграрных губерниях волостные Советы чаще всего получали средства путем обложения всего населения: в Пензенской губернии так поступали 46% Советов, в Рязанской - 23%, в Вологодской - 48% (106 из 220 Советов)⁴¹. В то же время во взаимоотношениях с зажиточными слоями деревни большинство крестьянских Советов не выходили за привычные рамки общинной жизни. Налоговая деятельность волостных Советов не подрывала финансовой основы крепких крестьянских хозяйств

Советская власть подтвердила монополию государства на хлеб, введенную еще Временным правительством в марте 1917 г. Основой государственной монополии были учет и контроль, изъятие хлеба по твердым ценам, запрещение его свободной про-

дажи. Но в начале 1918 г. хлебная монополия существовала только на бумаге. Государство не имело работоспособного продовольственного аппарата. Владельцы хлеба не признавали решений съездов и исполкомов Советов об ограничении свободной продажи и мерах контроля, отвечая на попытки учета и реквизиции излишков прекращением подвоза хлеба в города и на сельские базары. Хлеб стал сильнейшим средством давления на органы власти. Незаинтересованность крестьян в продаже хлеба государству, стремление обменять его на товары, неуклонный рост спроса и сокращение предложения усиливали спекуляцию хлебом. Неспособность государственных органов обеспечить население хлебом породила особое явление, так называемое мешочничество (индивидуальная добыча хлеба, покупка его по рыночным ценам).

Продовольственные съезды и съезды Советов, состоявшиеся в начале 1918 г., высказались за хлебную монополию, сохранение твердых цен, усиление борьбы с мешочничеством, спекулянтами, захватом грузов в пути, с сепаратизмом местных Советов и отдельных организаций. Вместе с тем практические работники считали необходимым предоставить крупным продовольственным организациям право на самостоятельные заготовки продуктов в указанных центром местностях и объемах⁴². Весной все большее число продовольственных комитетов, не справляясь со своими обязанностями, стали настаивать на привлечении к хлебозаготовкам кооперативных организаций и оставшегося частного торгового аппарата. В этом они видели реальную возможность борьбы со спекуляцией.

Кооперативный съезд, прошедший в феврале, высказался против централизации продовольственного дела и системы государственного регулирования⁴³, хотя в 1917 г. кооператоры были рьяными защитниками хлебной монополии. Теперь меньшевики и эсеры, которые составляли большинство в кооперативах, заявляли, что для осуществления монополии в стране нет социальных и политических условий, что учет миллионов мелких хозяйчиков - утопия. Имея большинство в продорганах (в Московском областном продкоме из 2 тысяч служащих только 25 были коммунистами⁴⁴), они не прилагали усилий к сохранению монополии, выдвигая лозунг свободной торговли.

К весеннему севу государству удалось получить лишь 18% необходимых семян⁴⁵. Их пришлось брать с боем. Так, в Воронежской губернии, где имелось 7 млн пудов хлебных излишков, из них 3 млн обмолоченных, крестьяне скармливали хлеб скоту, изводили на самогон, но не давали заготовителям⁴⁶. В Бобровском уезде три дня шло сражение заготовителей с крестьянами, не дававшими вывозить хлеб с ссыпных пунктов на железнодорожную станцию. В результате боя было много убитых и раненых⁴⁷. Курская губерния из 16,7 млн пудов излишков за четыре месяца 1918 г. поставила по нарядам центра только 116 вагонов⁴⁸ (116 тыс. пудов), в то время как спекулянты и мешочники вывезли из губернии 14 млн пудов хлеба.

А в это время в потребляющих губерниях на почве голода вспыхивали эпидемии и росла социальная напряженность. В г. Бельске (Смоленская губ.) голодной толпой был расстрелян уездный Совет. В Смоленской губернии толпы крестьян по 300-400 человек производили насилия над продовольственными работниками. В голодающей Калужской губернии крестьяне получали не более 2-3 фунтов хлеба в месяц. Во многих местах к весне были съедены семена и поля остались незасеянными. Петроградская губерния за четыре месяца получила лишь 245 вагонов хлеба. В Псковской губернии к весне 50% детей опухли от голода. В поисках хлеба одна деревня нередко обыскивала другую, что приводило к кровопролитным столкновениям⁴⁹.

Обеспечение населения хлебом и семенами являлось важнейшей функцией волостных Советов. Именно они были наиболее массовым звеном аппарата, осуществлявшего хлебную монополию государства. Результативность их продовольственной деятельности зависела не только от наличия хлеба в волости, но и от социального состава самих Советов. Но, как показывает анализ волостных документов тех лет, состав Советов часто сам определялся обеспеченностью населения хлебом. В 200 волостях четырех губерний промышленного района - Владимирской, Нижегородской, Тверской и Ярославской, наибольшую активность в проведении государственной политики проявляли Советы с высоким процентом рабочих в составе населения волости. Так, во Владимирской губернии 80% волостных Советов признавали монополию на хлеб, в Ярославской - 50, Нижегородской - 43, Твер-

ской - 22,6%⁵⁰. В среднем 49% волостных Советов промышленных губерний поддерживали продовольственную политику Советской власти. Но результативность их работы была невелика. На состоявшемся в марте 1918 г. Осташковском уездном съезде Тверской губернии делегаты 7 волостей говорили, что в деревне сильно влияние кулаков, из-за чего деревня не идет навстречу местным Советам: развита спекуляция, учет и реквизиции хлеба не проводятся, продукты распределяются "несправедливо, всем". Сообщалось также, что Новинский волостной Совет сам поддерживает спекуляцию, а в Павлихинской волости голодная бессознательная масса, подстрекаемая кулаками, попами, помещиками, избивала членов Совета, пытавшихся провести учет хлебных излишков. И лишь Пашутинский волостной Совет, поддерживаемый беднотой и крестьянами среднего достатка, произвел реквизицию хлеба у кулаков, и распределил его среди неимущих⁵¹.

Голод побуждал бедноту создавать свои организации. Агитатор Поляков сообщал во ВЦИК, что волостной Совет Константиновской волости Кашинского уезда состоит сплошь из зажиточных мужиков. Волости грозит голод, но крестьяне прячут хлеб, боясь не только реквизиции, но и его переписи. Приближение голода заставило солдат организовать свою секцию при Совете, на которую, как писал агитатор, "можно надеяться"⁵². В губернии получили распространение "комитеты голодных", проявлявшие инициативу в учете и реквизиции хлеба. Такие же комитеты действовали во Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Тамбовской, Тульской, Рязанской губерниях. По данным 75 волостей Тверской губернии, провести учет удалось лишь в 3% волостей, реквизиции - в 66%⁵³. В среднем 31,6% волостных Советов четырех промышленных губерний провели учет хлеба. Из 180 Советов Тверской и Нижегородской губерний, давших сведения, реквизиции осуществили 54,8%⁵⁴. В Ярославской и Владимирской губерниях реквизиции не проводились ввиду отсутствия излишков, но в 42% волостей (46 - в Ярославской и 36 - во Владимирской) были установлены нормы потребления⁵⁵.

Власть оказывала некоторую помощь голодающим губерниям. Так, Владимирский губисполком получил деньгами 4,5 млн

руб. и более 300 вагонов семенного овса, 70 вагонов картофеля. Чтобы засеять все поля, отдел снабжения губисполкома открыл в Меленковском и Муромском уездах ссыпные пункты, послав туда мануфактуру для обмена и агентов для закупки картофеля⁵⁶. Помощь государства имела немаловажное значение в прекращении выступлений голодающего населения. Однако основным источником обеспечения семенами были внутренние ресурсы, которые приходилось добывать в нелегкой борьбе. В с. Андрейково Больше-Мурашкинской волости Княгининского уезда Нижегородской губернии беднота для борьбы с кулаками создала партийную ячейку и при ней организовала вооруженный отряд. Согласно версии сельских коммунистов, кулаки стали натравливать на них голодающих жителей, в связи с чем пришлось обратиться за помощью в уездный Совет⁵⁷. В конце марта члены бедняцкой организации села Гридна И. Федотов и А. Ширшин просили Нижегородский губернский Совет помочь в борьбе с кулаками, которые не давали произвести учет хлеба⁵⁸. Нижегородский губисполком послал в уезды реквизиционные отряды. Один из них под командой коммуниста Павлова был направлен в Княгининский уезд. Беднота активно помогала отряду в учете хлеба, что привело к резкому обострению борьбы в деревнях. "Кулаки с неимущими крестьянами, - говорилось на заседании губисполкома при обсуждении итогов работы отряда, - устраивают между собой схватки"⁵⁹. Согласно официальным документам, 6 марта, ночью, в зажиточном селе Б. Мурашкино 200 "кулаков, торговцев и подкупленных ими лиц", окружив отряд, устроили над ним расправу. Руководитель отряда был убит. Губисполком наложил на кулаков контрибуцию в 600 тыс. руб. и направил в село усиленный отряд для реквизиции хлеба⁶⁰.

18 марта на заседании Нижегородского губисполкома был заслушан доклад председателя Сергачского уездного исполкома Романова. Раскрывая трудности реквизиции хлеба, он рассказал, как кулаки подкупали голодающих хлебными подачками, за что беднота защищала их как благодетелей, оказывая вооруженное сопротивление учету⁶¹. Аналогичным было положение и в других уездах. В Татаро-Маклаковской волости Васильсурского уезда кулаки, сидевшие в Совете, сжигали декреты Советской власти. Террором они подавили бедноту, расстреляв весной 41 человека

и выгнав из села 10 семей⁶². В марте произошли вооруженные выступления крестьян, противившихся учету хлеба, в селах Воскресенском, Левихе, Капустихе, Хвощевке, Шарголи и др. В Воскресенском крестьянами был разогнан уездный Совет⁶³. Сообщая в Наркомат внутренних дел о разгорающейся на почве голода борьбе в деревне, Нижегородский губисполком отмечал усиление кулаков и неорганизованность бедноты. Неспособность местных Советов добыть хлеб подрывает их авторитет, в настроениях масс заметен сдвиг вправо и рост неприязни к Советской власти⁶⁴, заключал губисполком.

В губерниях, располагавших хлебными запасами, волостные Советы отвергали хлебную монополию и твердые цены, поднимали нормы потребления. Так, в 131 волости Вятской губернии, имевших излишки хлеба, попытки реквизиции были отмечены лишь в 35,1% волостей⁶⁵. Наиболее активно против хлебной монополии выступали волостные Советы четырех южных, самых хлебных уездов губернии, где излишки хлеба имелись у 50% крестьян и определялись в 5,5 млн пудов. В Уржумском уезде твердые цены на хлеб признавали лишь 3 волостных Совета, остальные 18 категорически отвергли их, повысив стоимость пуда зерна до 20 руб. В Малмыжском уезде из девяти Советов, по которым выявлены сведения, только два провели учет и реквизицию излишков. Уездный Совет не мог наладить снабжение шести голодающих волостей, в то время, как мешочники вывезли из уезда около 300 тыс. пудов хлеба. В Яранском уезде лишь 3 из 11 волостных Советов проводили продовольственную политику центра. Уезд, традиционно и ежегодно поставлявший на рынок 1,5 млн пудов товарного хлеба, руководство Совета потребовало перевести из производящих в потребляющие⁶⁶.

Для поволжских губерний 1917 год был неурожайным. В начале 1918 г. хлеб здесь можно было достать лишь с применением вооруженной силы. На это решился лишь Саратовский губисполком, проведя реквизиции в 59,7% волостей⁶⁷. За счет внутренних ресурсов губернии было удовлетворено большинство нуждающихся, привозной хлеб распределялся лишь в 14% волостей.

В Пензенской губернии излишки были в 4 из 12 уездов. Меры к учету приняли лишь 22,5% волостных Советов, но в 7,5% волостей он не дал результатов.⁶⁸

Московский журнал "Продовольственное дело" писал, что в Пензенской губернии хлеб задерживают кулаки, стремящиеся во что бы то ни стало добиться отмены хлебной монополии, чтобы "наживать барыши на имеющемся у них и захваченном в помещичьих экономиях хлебе"⁶⁹. Поскольку большинство уездов были голодающими, правительство ассигновало Пензенской губернии 8 млн руб. для закупки хлеба. Но купленный в Сибири хлеб не был доставлен из-за мятежа Дутова. Чтобы ослабить голод и помочь пензенской бедноте семенами, в марте-апреле из Тамбовской губернии в Пензенскую было направлено 100 вагонов зерна⁷⁰.

Государство пыталось получить хлеб в обмен на товары. Это был единственный способ избежать обострения ситуации. В апреле для расширения товарообмена с деревней Совнарком отпустил Наркомату продовольствия товаров первой необходимости на 1162 млн руб.^{70а} За эти товары власти рассчитывали получить 230 тыс. вагонов (230 млн пудов) продовольствия. Однако товарообмен дал лишь 6,7% от ожидаемого. Советы не сумели организовать обмен товаров на хлеб. К тому же большая часть товаров попала в руки противников Советской власти, поскольку была направлена в наиболее хлебные районы страны, вскоре захваченные контрреволюционными силами.

Позицию волостных Советов в вопросе о хлебе в конечном счете определял середняк, как наиболее массовый представитель в Советах. Но, имея излишки хлеба, он тоже хотел извлечь максимальную прибыль из своего достатка. Поэтому в хлебородных губерниях середняк вместе с кулаком боролся против твердых цен, учета и реквизиций. В потребляющих губерниях средний крестьянин весной хлеба не имел. И здесь он был заинтересован в учете и перераспределении кулацких излишков. Но, располагая некоторыми средствами для покупки хлеба на рынке, он легко поддавался агитации в защиту свободной торговли и самостоятельных заготовок. В потребляющих губерниях средние крестьяне составляли основную массу мешочников.

В волостных Советах середняки выступали сторонниками мирного, традиционно общинного решения проблемы обеспечения хлебом голодающих: путем пожертвований, самообложения, закупки в других губерниях и пр. Так, в Смоленской губернии

волостные сходы (Цуриковская волость и др.) выносили постановления, в которых было записано, чтобы каждая деревня сама кормила своих голодающих. "Прокорм за плату, - писали "Известия Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов" 21 июня 1918 г., анализируя положение в деревне, - кто берет по твердым ценам, а у кого совести меньше, - берет с бедняков и подороже". Княгининский волостной Совет Нижегородской губернии также постановил, чтобы каждое общество само заботилось о своих нуждающихся согражданах и оказывало им продовольственную помощь. В то же время Совет принял наказ ходатайствовать перед уездным съездом об уничтожении всех продовольственных органов, проводящих хлебную монополию, установлении свободной торговли, повышении твердых цен⁷¹.

Традиционные методы борьбы с голодом, в частности самообложение в пользу нуждающихся односельчан, активно пропагандировались эсеровской печатью. Газета удмуртских эсеров "Виль-Синь", призывая к гражданскому миру в деревне, рекомендовала кулакам добровольно обеспечивать бедноту хлебом, чтобы у нее не было стремления отобрать его бесплатно или по твердым ценам. Одновременно газета призывала кулаков создавать свои боевые дружины⁷². Однако добровольные пожертвования хлеба не получили массового распространения. В Саратовской губернии, например, лишь в 10 волостях беднота получила помощь от зажиточных односельчан⁷³.

В начале марта Московский областной продовольственный комитет, курировавший деятельность продкомов 13 губерний, направил всем Советам телеграмму, предлагая собрать деньги на закупку хлеба и семян. Каждый едок должен был внести не менее 5 руб.⁷⁴ Волостные Советы Московской, Смоленской, Костромской, Вологодской губерний развернули широкую кампанию по сбору денег для закупки хлеба в производящих местах. Но и здесь богатые крестьяне, имевшие средства и вносявшие сотни рублей, были в выигрыше. Бедняк же денег не имел. Перед Советами встал вопрос об организации продовольственных фондов для помощи голодающим. Там, где руководящую роль играли пролетарские слои деревни, фонды создавали за счет контрибуций, собранных с местной буржуазии. Средняцкие же Советы

призывали вносить добровольные пожертвования на закупку хлеба для голодающих. В Нижегородской губернии 22 волостных Советов из 105 средства для продовольственных фондов получали за счет обложения зажиточных крестьян и кулаков, 13 - собирали деньги со всего населения⁷⁵. Обложения зажиточно-кулацких хозяйств чаще всего практиковались в промышленных уездах губернии - Павловском, Балахнинском, Воскресенском. Там зимой позиции бедноты в Советах еще были достаточно прочными. Иногда кулаки сами предлагали услуги для покупки хлеба голодающим, но на своих условиях: допустить свободную торговлю, разогнать волостной или даже уездный Совет. Так было, например, в Керенской волости Пензенской губернии. За обещание добыть хлеб местные купцы потребовали разогнать уездный совет и вернуть ранее собранные с них деньги⁷⁶.

Губернские продорганы и съезды Советов устанавливали нормы потребления, и требовали сдавать излишки по твердым ценам, даже превышавшим государственные порой в пять и более раз. Но и по этим завышенным ценам владельцы не хотели отдавать хлеб, поскольку на рынке он стоил значительно дороже и спрос на него намного превышал предложение. Владельцы хлеба не допускали к своим амбарам учетные комиссии, разгоняли Советы, пытавшиеся учесть их излишки, оказывали вооруженное сопротивление сельской Красной гвардии и реквизиционным отрядам. На этой почве весной участились вооруженные столкновения.

Эти явления не были новыми или характерными только для 1918 г. Они начались еще в 1916 г. осенью, когда царский министр А.А.Риттих вынужден был ввести продрозверстку и реквизиции хлеба. Кадет А.И.Шингарев, первый министр продовольствия Временного правительства, при поддержке "всей демократии" в марте 1917 г. ввел монополию государства на хлеб. С.Н.Прокопович, последний министр продовольствия Временного правительства, использовал воинские части для ее осуществления. Большевики сохранили монополию государства на хлеб и вначале полагались на инициативу местных органов власти в ее проведении. Способы добычи хлеба волостными Советами зимой - весной 1918 г. были весьма разнообразными. Учет и реквизиция хлебных излишков стали революционно-больше-

вистской мерой борьбы с голодом. Но к ней прибегали не более трети волостных Советов.

В марте - мае 1918 г. губернские продовольственные органы и съезды Советов Астраханской, Вятской, Казанской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской губерний, а также десятки уездных Советов, уступая давлению крестьянства, либо отменяли твердые цены, либо запрещали вывоз хлеба из губерний, либо прямо разрешали свободную торговлю им. С точки зрения большевиков, вышеназванные Советы капитулировали перед мелкобуржуазной стихией, сдавали позиции буржуазии. Но это не усилило притока хлеба в города и на сельские базары. Через рынок крестьяне диктовали свои условия, вслед за свободной торговлей требуя роспуска неугодных им Советов. О том, к чему привела отмена твердых цен на хлеб, можно судить на примере Спаского уезда Казанской губернии. Инструктор Володин сообщал во ВЦИК, что цена пуда ржаной муки в деревне дошла до 70-80 руб. На рынке хлеба не было вообще. "Бедняки тщетно пытаются понизить цену, так как 4-й крестьянский съезд Казанской губернии разрешил вольную продажу хлеба... Отдел продовольствия в руках тех, кто и раньше руководил им, но ничего не придумал, кроме вольных цен и прекращения закупки хлеба. Кроме того, огромная часть излишка хлеба выкачена уже мешочниками. Мешочники едут огромными массами и остановить их нет возможности"⁷⁷. Аналогичным положение было и в других губерниях, имевших хлеб. В Тамбовскую губернию еженедельно прибывало до 50 тыс. мешочников⁷⁸. Чрезвычайный уполномоченный по хлебозаготовкам на юге страны А.С.Якубов телеграфировал в Наркомпрод: "Тысячи ходоков от волостей, уездов с удостоверениями Советов и продкомов на право закупки хлеба направляются на Северный Кавказ, вывозится с Кавказа хлеб главным образом мешочниками. Пробовали реквизировать несколько десятков вагонов и никак не отделаемся. Сотни ходоков каждый день устраивают перед домом дебош. Нет сил при таких условиях работать"⁷⁹. Член коллегии Наркомпрода Д.З.Мануильский, курировавший организацию продовольственной работы в Курской и Орловской губерниях, сообщал в мае 1918 г., что на Московско-Курской железной дороге мешочничество приняло раз-

меры катастрофы, взрывающей хлебную монополию⁸⁰. Мешочники подкупали железнодорожников, нанимали матросов и солдат для охраны, вступали в бой с реквизиционными отрядами.

Мешочничество было порождено мировой войной, разрухой, неспособностью буржуазного, а затем созданного на его основе советского продовольственного аппарата обеспечить население хлебом. В Калужской губернии 40% населения, не надеясь на централизованную доставку хлеба, добывало его собственными силами⁸¹. Борьба с мешочничеством, развернутая Наркомпродом, не давала практических результатов, лишь обострив положение в потребляющих губерниях. Так, 21 июля комиссар Ярославского военного округа М.В.Фрунзе, председатель губисполкома Климохин и председатель горсовета Степанов телеграфировали Ленину, что в Иваново-Вознесенской губернии голод, населению целый месяц не выдавалось ни фунта хлеба. "Рабочие изнурены до последней возможности. До сих пор держались мешочничеством. Преследования и уничтожение последнего, в связи (с) отсутствием всякой поддержки от продорганов создает (волнение в) рабочей среде"⁸².

Кроме продовольственного, острейшими политическими проблемами жизни страны того времени были еще два вопроса: Брестский мир и создание регулярной армии.

Вся "демократия", оскорбленная в своих лучших патриотических и революционных чувствах, развернула ожесточенную борьбу против условий Брестского мира. Правая часть "демократии" отвергала мирную передышку как предательство союзников, ущемление национальных интересов и потерю революционных завоеваний. Левая часть "демократии" не приняла курс на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, оценив его как политику капитуляции перед империализмом и предательство мировой революции. Стремясь разжечь ее пламя, левые эсеры звали народ на восстание против Брестского мира. Б.Камков - один из лидеров левых эсеров, заявлял: "Мировая революция придет путем нашего восстания против германского империализма. Наше восстание - несомненный импульс к революции мировой"⁸³. Эти же мотивы лежали в основе неприятия Брестского мира и левыми коммунистами.

Протестуя против Брестского мира, левые эсеры в марте 1918 г. вышли из Советского правительства (Совнаркома), но остались

во ВЦИКе и местных Советах. В вопросе о мире левые эсеры разошлись с трудящимися массами крестьянства, которые воевать не хотели. На III съезде левых эсеров (июнь 1918 г.) одиннадцать делегатов от крестьян Архангельской, Вологодской, Воронежской, Московской, Новгородской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской губерний, Елецкого уезда Орловской губернии, от крестьян-татар и башкиров Урало-Волжского района, заявили о признании мира, отнесясь к нему как к необходимому злу⁸⁴. Призывы к восстанию против Брестского мира не встречали поддержки в деревне. "Не надо себя обманывать напрасными надеждами, - говорил представитель Архангельской и Вологодской губерний Зитта. - Массы сознают неприемлемость договора, но отвергать его вряд ли будут, вряд ли поднимутся против него"⁸⁵. Вместе с тем, крестьянство прифронтовых уездов Псковской, Воронежской, Курской, Витебской, Орловской губерний видели в немцах врага и выражали готовность защищать свою землю.

Борьба левых эсеров против мира за "революционную войну" стоила им потери 19% голосов на Всероссийском съезде Советов: на III съезде в январе 1918 г. они имели 39% делегатов, а на IV съезде в марте уже 20%. О падении влияния левых эсеров поступали сообщения и с мест. Так, в Псковской губернии под влиянием и руководством левых эсеров прошли три губернских съезда крестьян. Но на 4-м съезде, в апреле, их резолюция против Брестского мира была отвергнута большинством делегатов. Партия левых эсеров, сообщал губком коммунистов в ЦК РКП(б), "на этот раз разошлась с крестьянством. Подобный разрыв объясняется, безусловно, занятой левыми эсерами позицией по отношению к Брестскому миру"⁸⁶.

В апреле орган левых эсеров газета "Знамя труда" отмечала, что влияние партии в широких народных массах резко упало. В вопросе о мире, писала газета 9 апреля, левые эсеры разошлись с крестьянством, в результате партия теряет их голоса. С.Рудаков в статье "Итоги и перспективы" признавал, что теперь большинства трудового крестьянства за левыми эсерами нет. Он считал это естественным результатом выхода из Совнаркома и ошибочной позиции руководства партии в вопросе о Брестском мире,

что не только подрывает дело революции, но и "губит будущее нашей партии, как партии массовой"⁸⁷. Нежелание и неумение руководства партии считаться с действительностью, писал Рудаков, приведет к потере влияния на трудящихся, так как "питать массы фразеологией нельзя; необходима такая работа, которая давала бы возможность реально ощущать социально-экономические завоевания революции", что возможно только при условии совместной работы с большевиками и такой же ответственности за политику в целом.

Борьба руководства левых эсеров против Брестского мира и выход из Совнаркома не встретили единодушной поддержки в партии. Некоторыми наиболее дальновидными ее членами, способными разобраться в сложной обстановке, позиция руководства была оценена как "красивая поза" и "глубоко ошибочный шаг". Так, М.А.Натансон, старейший член партии эсеров и один из организаторов партии левых эсеров, писал, что, борясь против мира и объявляя большевиков изменниками социальной революции, левые эсеры логически приходят "к необходимости борьбы с большевиками, т. е. фактически к борьбе с Советами"⁸⁸. На апрельском съезде партии он отмечал, что громадное большинство народа за заключение мира, что "народ желал спасти хоть часть того, что возможно", чтобы "в этой части России начать осуществление завоеваний революции"⁸⁹.

В таких условиях Советская власть начала воссоздавать армию, стараясь как можно меньше затрагивать интересы крестьянства. Избежать конфликтов помогал добровольческий принцип формирования армии. Когда крестьяне воочию видели врага или возникала очевидная угроза возвращения помещиков, они добровольно брались за оружие. К.Б.Вербицкий, проводивший агитационную работу на границе Донской области и Воронежской губернии, в докладе во Всероссийскую коллегия по организаций Красной Армии отметил характерные для прифронтовых мест настроения крестьян. Сначала крестьяне и солдаты, только что вернувшиеся домой, относились к вступлению в Красную Армию отрицательно, писал он. Это настроение "сменялось выжидательным, когда они стали узнавать о поведении немцев в завоеванных местах. Оно становилось лихорадочным, когда слухи о зверствах немцев усилились и когда неприятель

приближался к границам и создавал непосредственную опасность". Крестьяне, засеявшие землю помещиков и немецких колонистов, умоляли дать им оружие и сколько-нибудь организовать их⁹⁰. На 10 апреля в Курской губернии, по уездам которой проходила демаркационная линия, в Красную Армию записалось 7543 добровольца, а в Воронежской губернии, где крестьянам приходилось защищаться от казаков Краснова, на 20 апреля было зарегистрировано 8503 добровольца⁹¹.

Когда в конце марта уральское казачество вторглось в Николаевский и Новоузенский уезды, беднота Самарской губернии стала создавать волостные и сельские дружины, из которых за короткое время только в Николаевском уезде было создано четыре полка. По 200-600 добровольцев выделили села Липовка, Горяиновка, Хлебное, Н.Захарьино, Сулак, Семеновка и др., 2600 бойцов дал Новоузенский уезд. Для борьбы с казаками в уездах была создана "Особая армия" в 4500 человек⁹². Но как только опасность проходила, добровольцы возвращались в деревни. В тыловых же губерниях беднота и вовсе отказывалась братья за оружие.

Большим препятствием на пути формирования армии, наряду со слабой работой военных отделов Советов, технической неподготовленностью, отсутствием средств, обмундирования, был голод. Из Тверской, Псковской, Новгородской, Нижегородской, Московской, Тамбовской губерний сообщали, что добровольцы не получая пайка, уходят из армии.

В апреле 1918 г. Высший военный совет разработал план комплектования армии в миллион человек. В тех условиях такую армию на основе добровольчества создать было невозможно. Поэтому, не отказываясь от добровольческого принципа, Советская власть предприняла меры к подготовке перехода к всеобщей воинской повинности. 8 апреля Совнаркомом был принят декрет о создании военных комиссариатов (военкоматов), которые должны были заниматься вербовкой добровольцев, учетом годного к военной службе населения, его обучением, спортивной подготовкой и политическим просвещением⁹³. 22 апреля 1918 г. ВЦИК по докладу Л.Д.Троцкого принял декрет "Об обязательном обучении военному искусству". Подчеркивая классовый принцип создаваемой армии, декрет вводил обязательное воен-

ное обучение для трудящихся 18-40 лет⁹⁴. Декрет закладывал основы регулярной армии.

Реализация советских военных декретов встретила большие трудности в деревне. Хотя декрет о создании военкоматов не подлежал обсуждению, на сельских сходах звучали требования его отмены. Агитатор М. Михайлов, работавший в апреле-мае по созданию волостных военных комиссариатов в Сычевском уезде Смоленской губернии, сообщал в Москву, что на почве продовольственной разрухи и агитации кулаков и правых эсеров волостные сходы крестьян не желают исполнять декрет о создании военкоматов⁹⁵. Агитатор Самородов писал из Муромского уезда Владимирской губернии, что в Загоринской и Клинской волостях против создания военкоматов на собраниях активно выступали кулаки, обвиняя Советскую власть и Красную Армию в организации голода. Бедствующие крестьяне, поддавшись им, отказались создавать военные комиссариаты⁹⁶. Военный комиссар Новгородской губернии доносил в Москву, что продовольственный кризис заставил прекратить прием в Красную Армию, а из-за отсутствия подготовленных кадров и отказа населения задерживается формирование волостных комиссариатов⁹⁷. Такие же сообщения поступали из Вологодской, Костромской, Калужской, Московской, Орловской, Пермской губерний⁹⁸. В итоге в апреле-мае военные комиссариаты были созданы лишь в 14 губерниях и 50 уездах⁹⁹. Строительство военного аппарата в волостях и учет призывных возрастов еще и не начинались.

Руководство окружными, губернскими и уездными военными комиссариатами коммунисты делили с левыми эсерами. К лету левые эсеры занимали посты военных комиссаров и руководителей в Тверской, Тульской, Калужской, Костромской, Курской, Ярославской, Казанской, Симбирской, Пермской, Новгородской и других губерниях. В Московском военном округе левый эсер Полянский был заместителем командующего коммуниста Н.И. Муралова. Много левых эсеров было на постах уездных военных комиссаров. Например, в Костромской губернии они возглавляли 11 из 12 уездных военкоматов, в Тульской - 6 и т. д.¹⁰⁰

Если губернские и уездные Советы завершили формирование военкоматов в июне-июле, то в волостях этот процесс шел трудно, и растянулся на все лето. Среди причин медленного создания

волостных военных комиссариатов следует назвать общую слабость организационных связей между звеньями советского аппарата, несвоевременное поступление декретов в волости, их сокрытие и искажение волостными Советами, плохую осведомленность населения, отсутствие подготовленных кадров, отрицательное отношение левых эсеров и др. В докладе исполкома Совета Старорусского уезда Новгородской губернии об итогах военного строительства, представленном в НКВД в начале июня 1918 г., отмечалось, что многие волостные Советы проявляют полнейшее непонимание декрета о создании волостных военных комиссариатов. Декрет был разослан в конце мая с предписанием организовать военкоматы в спешном порядке. Однако они были созданы лишь в трех из 26 волостей. В Городецкой волости при обсуждении этого вопроса возникли беспорядки. В результате были убиты два советских работника, а волость отказалась создавать военный комиссариат. Некоторые сходы принимали ультимативные постановления о роспуске Красной Армии. В противном случае, писалось в их решениях, лица, находящиеся в армии и советских учреждениях, будут лишены земельного надела и усадьбы, а власть Советов будет ликвидирована силой¹⁰¹. Обсудив создавшееся положение в волостях, уездный исполком постановил принять соответствующие меры. Аресты кулаков, восстановление разогнанных Советов, вооружение бедноты и организация военкоматов проводились отрядами красноармейцев¹⁰². Тем не менее к концу июня в Новгородской губернии волвоенкоматы были созданы лишь в 55-60% волостей¹⁰³.

30 мая 1918 г. президиум ВЦИК рассмотрел вопрос об отказе волостных Советов создавать военные комиссариаты. 8 июня ВЦИК специальным предписанием всем Советам еще раз настоятельно потребовал немедленной организации окружных, губернских, уездных и волостных военкоматов¹⁰⁴.

Неразрывность задач организации военной подготовки страны и борьбы с голодом была очевидной. Но именно в организационных вопросах Советы всех уровней больше всего отставали.

Новая власть, легко справившись с задачами ликвидации остатков крепостнических отношений, наносила серьезный удар по товаропроизводящим хозяйствам крестьян, создав экономические, социальные и политические трудности в отношениях с

деревней. Состоятельное крестьянство проявляло большую активность в защите своих экономических интересов и ведущей роли в органах власти. Социальная напряженность в деревне усилилась к концу весны, когда вопрос о хлебе приобрел политический характер.

2.2. Кризис доверия большевикам

В апреле - мае 1918 г. истекали полномочия волостных Советов первого созыва (они избирались на три месяца). Их перевыборы проходили в сложной обстановке.

Правые эсеры весной попытались восстановить свои партийные организации и повести за собой крестьянство. Их лидеры из Московского губернского и областного комитетов предприняли объезд уездов¹⁰⁵. Однако результаты были неутешительными: организации распались, связей не было, массы отошли от правых эсеров. В апреле прекратили существование Уральское областное бюро и Пермский губернский комитет правых эсеров¹⁰⁶. Удалось сохранить лишь Поволжское объединение, которое стало их опорой в борьбе с большевиками и властью Советов. Потеря поддержки масс заставила лидеров правых эсеров искать иные возможности для продолжения борьбы. И они находят их в сплочении всех противобольшевистских партий и группировок. Не исключают они и помощь со стороны Антанты. "Высадка союзных войск, - писал их орган "Земля и воля" 7 апреля 1918 г., - может быть нам полезна, дав силы для организации собственной армии и для начального периода военных действий". В мае VIII Совет партии правых эсеров принял решение о вооруженной борьбе с властью Советов, призвав своих членов не ограничиваться заговорами, а стремиться к организации массового анти-советского движения¹⁰⁷.

Во всех губерниях правые эсеры усилили агитацию за свободную торговлю и созыв Учредительного собрания. В Можайском уезде Московской губернии, отказавшись от работы в уездном Совете, они пошли в деревню. Результаты их деятельности были незначительны, хотя отдельные волости поддерживали правозеро-вские резолюции. Так в Карачаровской волости на собрании 22 апреля при голосовании резолюций о текущем моменте 35 го-

лосами против 31 была принята резолюция правых - за власть Учредительного собрания¹⁰⁸. В Дмитровском уезде стараниями правых эсеров некоторые селения подали заявления о том, что они против Советской власти¹⁰⁹. В Верейском уезде перевыборная кампания также сопровождалась усилением эсеровской агитации. Здесь уездный Совет 13 мая постановил выслать офицеров и арестовать агитаторов за Учредительное собрание¹¹⁰. 24 мая вопрос о положении в волостях вновь рассматривался уездным исполкомом. Было решено направить в волости контрольную комиссию с широкими полномочиями по реорганизации Советов. 27 мая на уездном съезде представителей волостных Советов "кулаки и несознательные элементы" выдвинули требование созыва Учредительного собрания. Тогда исполком с группой делегатов из бедняков и середняков покинул заседание и в другом помещении закончил съезд¹¹¹, за что Вышегородское и Смоленское волостные собрания выразили уездному исполкому недоверие, потребовав свободной торговли и роспуска реквизиционных отрядов. 28 мая Верейский уездный исполком отменил решения этих собраний, а председателя Вышегородского волостного Совета за неисполнение приказов Советской власти постановил арестовать¹¹².

28-30 мая вопрос о положении волостных Советов в связи с продовольственным кризисом обсуждался пленумом Московского уездного Совета. В докладах с мест отмечалось, что на почве голода растет недоверие и озлобление против Советской власти, этим "пользуются темные личности в целях контрреволюционной пропаганды. В подобных условиях работа волостных Советов сильно затруднена и не может протекать вполне продуктивно"¹¹³. Анализируя состояние Советской власти в деревне, "Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской губернии" 30 мая 1918 г. констатировали: "Большинство в Советах составляют зажиточные мужики". За обещания кулаков и торговцев достать хлеб голодающие крестьяне соглашались на любые условия. А они были везде одинаковы: роспуск бедняцких Советов, передача руководства местной властью зажиточным слоям деревни.

Типичным для этого периода можно считать положение в Нижегородской губернии, где перевыборы Советов показали серь-

езный сдвиг вправо. Как констатировал губисполком в сообщении в НКВД, новый состав 82% волостных Советов не стоял на советской платформе¹⁴. Председатель Нижегородского губкома РКП(б), анализируя положение в губернии, писал: "Когда учет и контроль начали затрагивать мелкую собственность... мелкая буржуазия, испугавшись, отхлынула от нас"¹⁵. В мае шесть уездных съездов (50%) - Ардатовский, Арзамасский, Балахнинский, Воскресенский, Княгининский, Лукояновский - высказались против хлебной монополии¹⁶. 22 мая губернский продовольственный съезд отменил твердые цены на хлеб и разрешил его свободный ввоз из производящих губерний¹⁷.

В Костромской губернии многие волостные Советы Буйского уезда, состоявшие из бедноты, были разогнаны, их члены избиты и заменены зажиточными крестьянами¹⁸. "Темные и голодные массы поддаются провокационным слухам,- сообщал Белореченский волисполком Костромскому уездному исполкому,- в волости ведется сильная агитация к низвержению Советской власти". На волостном съезде крестьяне объединились вокруг помещика Трухина, агитировавшего идти походом на Кострому - требовать продовольствия и в удобном случае "свергнуть существующий порядок". Несогласные с резолюцией помещика члены исполкома сложили полномочия¹⁹. В ряде сел Советы были разгромлены²⁰. На почве голода антисоветское движение активизировалось во всех уездах Костромской губернии. Скрывая хлеб от учета, имущие крестьяне требовали свободной торговли и роспуска Советов. Об этом говорили на Кологривском уездном съезде (июнь) делегаты от Георгиевской, Матвеевской, Халбужской, Николо-Поломской, Николо-Шитовской, Вожеговской и других волостей²¹. Агитация против Советов за Учредительное собрание велась также в Ветлужском, Кинешемском уездах²². 16 апреля Варнавинский уездный Совет, обсудив вопрос об усилении подпольной агитации против Советской власти, объявил уезд на военном положении²³. 17 мая многочисленная толпа голодающих из окрестных деревень пришла в г. Макарьев громить уездный Совет. Проявив большую выдержку и такт, работники Совета разъяснили крестьянам причины отсутствия хлеба и меры, принимаемые для его доставки. Этого оказалось достаточно, чтобы крестьяне спокойно разошлись по домам²⁴.

Разъяснениями большевиков был сорван задуманный правыми эсерами поход голодных крестьян губернии на Кострому. Наркомпрод оказал губернии посильную продовольственную помощь¹²⁵, но ее было недостаточно для обеспечения голодающих; за обещания достать хлеб крестьяне выбирали в Советы зажиточных односельчан, что вполне соответствовало традициям общинной деревни.

Из Новгородской губернии сообщали, что контрреволюционные элементы, пользуясь голодом, стараются подорвать Советскую власть. В апреле в губернии некие "темные личности", "преимущественно из бывшего офицерства, саботирующего чиновничества, недовольного духовенства и просто хулиганов, погромщиков" усилили агитацию среди голодающих, подстрекая их к разгрому Советов, требуя свободной торговли¹²⁶. И действительно несколько раз голодные толпы собирались вокруг Новгорода, угрожая разгромом. Город объявлялся на осадном положении. В Крестцах голодные люди разогнали уездный Совет. Тысяча человек из Костыковской волости пришли в уездный город Демьянск требовать хлеба. Некоторые волостные Советы за обещания имущих крестьян добыть хлеб высказались за Учредительное собрание. Новгородский губернский исполком сообщал в Москву, что голод резко изменил настроение населения. Несознательные элементы и кулаки винят в голоде только Советскую власть, стараясь подорвать к ней доверие населения¹²⁷. Назревал кризис доверия крестьян к власти Советов. Перевыборы волостных Советов усилили позиции правых эсеров.

В большинстве губерний коммунисты и левые эсеры не смогли развернуть разъяснительной работы во время перевыборной кампании, а главное - они не могли обеспечить хлебом и семенами нуждающихся. Голод стал причиной разгромов Советов и самосудов над их членами в Вятской, Тверской, Рязанской, Смоленской, Псковской, Пензенской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской, Казанской, Самарской губерниях. Укрепив свои позиции в низовых органах власти, кулаки 10 мая сорвали съезд Советов в Медынском уезде Калужской губернии¹²⁸. В Тульской губернии были парализованы государственные заготовки хлеба. Здесь в феврале крестьяне Новосильского уезда разгромили продовольственный отряд, реквизировавший хлеб, убив продоволь-

ственного комиссара губернии Бундурина. В мае - начале июня в уездных городах - Крапивне, Епифани, Богородицке, Белеве произошли восстания¹²⁹. ВЦИК направил в Тульскую губернию в качестве чрезвычайного комиссара по борьбе с контрреволюцией В.Л. Панюшкина. В его распоряжение были выделены две роты пехоты, эскадрон кавалерии, авиационный отряд и бронестрелковый отряд¹³⁰.

В потребляющих губерниях в марте - мае на почве голода произошло более 120 выступлений¹³¹. Втянутые в движение массы не были враждебны Советской власти. Своими выступлениями они протестовали против недостаточно энергичных и результативных действий местных властей по преодолению голода. Но Ленин видел в выступлении голодных масс только одно - признаки враждебных Советской власти сил: "...восстание контрреволюционеров в связи с голодом и в использовании голода стало на очередь дня... Перед нами оживление гражданской войны, перед нами поднимающая голову контрреволюция..."¹³².

Какую позицию заняли левые эсеры в кризисной ситуации? Они не требовали отмены хлебной монополии, как правые эсеры, но протестовали против применения к хлебовладельцам мер принуждения, против реквизиции хлеба у мешочников и спекулянтов, что с одобрением принималось и голодающими, и владельцами хлеба. Вместе с тем, возглавляя многие продовольственные отделы Советов, они не старались наладить практическую заготовку хлеба и снабжение им населения. Наоборот, их деятельность усиливала хаос, дезорганизацию, местничество, сепаратизм. Примером может служить Елецкий уезд Орловской губернии, где левые эсеры играли руководящую роль в органах власти. Уезд, наиболее хлебный в Орловской губернии, решил отделиться от губернии. Уездный продком отказался выполнять наряды на хлеб и другие распоряжения центра, стал проводить сепаратный обмен хлеба на промышленные товары. В мае на уездном съезде две трети делегатов были представлены кулаками¹³³. "Надо говорить истину, - писала левозсеровская "Елецкая газета", - святую истину, что у власти стоит кулачество"¹³⁴.

Тамбовский губисполком в мае сообщал в НКВД, что в губернии назревает восстание, что верх берут кулаки, "борьба между ними и беднотой доходит до перестрелки и убийств"¹³⁵.

14 мая фракция коммунистов Тамбовского уездного исполкома, обсудив вопрос "О Советах на местах", отметила, что кулаки силой захватили руководство во многих сельских и волостных Советах¹³⁶. Подобное положение наблюдалось в Советах Кирсановского, Спасского, Козловского, Моршанского и других уездов.

В Воронежской губернии на Бобровском уездном съезде продовольственная деятельность исполкома получила неудовлетворительную оценку. Изъятие хлеба, говорилось в резолюции съезда, "должно производиться только средствами Совета без участия назначенных из центра лиц и реквизиционных отрядов". В связи с этим 21 мая исполком уездного Совета заявил, что дальнейшая работа невозможна, и сложил полномочия¹³⁷.

Псковский губком в апреле сообщал в ЦК РКП(б), что в губернии в последнее время появилось много агитаторов из партии левых эсеров, которые "ведут на местах политику захвата Советов в свои руки и тем желают столкнуть центр..."¹³⁸.

Похожая картина была и на Урале. Из Пермской губернии сообщали, что положение волостных Советов неустойчивое, в них "сплошь и рядом преобладают кулацкие элементы, имеющие хлеб", причем в волостные Советы они проходят, называясь большевиками и левыми эсерами¹³⁹. Крестьяне-собственники с оружием в руках отстаивали свои позиции, борьба с ними шла по всей губернии. За весну число левозеролевских организаций в губернии выросло до 150-200, в них состояло не менее 9500 членов¹⁴⁰. В апреле на губернском съезде Советов левые эсеры получили большинство и пытались использовать его для борьбы против политики Совнаркома, что вызвало серьезный конфликт с большевиками¹⁴¹. В Уфимской губернии позиции левых эсеров в апреле также были прочными, в губисполкоме им принадлежало большинство¹⁴². К апрелю организации левых эсеров имелись во всех 29 уездах Вятской, Уфимской и Пермской губерний. В уездных Советах региона в марте им принадлежало от 30 до 44% мест¹⁴³. К июню их позиции еще более усилились. Председатель Глазовского уездного исполкома И.Шубин сообщал в середине мая 1918 г. в Вятский губисполком, что волостные исполкомы меняются чуть ли не каждый месяц. Кулаки требуют, чтобы Советы работали как земства и везде стремятся к власти. Они срывают собрания волостных Советов, производят насилия над пре-

данными делу хорошими работниками, пускают в ход демагогию, просят выбирать их, обещая служить чуть ли не даром. Из того, что удалось выяснить в Святицкой и других волостях, председатель уездного исполкома делал вывод о необходимости крутых мер: "Сытого словами не разжалобишь, голодному с пустыми руками и казной тоже не поможешь. Единственное спасение России - в организации бедноты и передаче всей власти ей. Кулачество деревенское должно быть зажато в тиски, иначе эта сытая братия сведет на нет все завоевания революции"¹⁴⁴. Летом в уезде было отмечено 80 крестьянских выступлений¹⁴⁵. В конце мая вопрос об организации борьбы с хлебодержателями в масштабе губернии был поставлен уфимскими коммунистами, созавшими первый в стране губернский съезд батраков и бедноты. Левые эсеры из губисполкома выступили против выделения и организации бедноты¹⁴⁶.

Во время весенних переВыборов возросло влияние крестьян-собственников и в Советах поволжских губерний. Беднота и средние крестьяне Пензенской губернии сохранили свои позиции лишь в 14,6% Советов¹⁴⁷. Соответственно усилилось влияние левых эсеров, выросли их организации в деревнях. Только в Чембарском уезде к лету насчитывалось 1506 левых эсеров, из них в деревне - 1206 человек¹⁴⁸.

Весенние переВыборы показали повсеместные колебания крестьянства, сдвиг настроений вправо, поддержку лозунга свободной торговли. Однако усилия правых эсеров придать протесту измученных голодом масс "характер организованного политического выступления во имя завоеваний февральской революции" и оформить стремление крестьян к свободной торговле в антисоветское движение под лозунгом "Власть Учредительному собранию!", не получили ощутимой поддержки ни среди голодающих крестьян северного района, ни в центре страны. В Орловской губернии правоэсеровский лозунг был поддержан только 4 волостными Советами из 420, и лишь в Мценском уезде образовался блок правых и левых эсеров¹⁴⁹. Показательны анкеты волостных Советов центральной России, заполненные в апреле - июне 1918 г. Из 1002 анкет в 81,6% выражено позитивное отношение к Советской власти. 78,1% вынесли резолюции о доверии, сочувствии, готовности подчиняться ее распоряжениям. 13,4% волостных Со-

ветов отмечали негативное отношение крестьян к местной власти. И только 1,5% поддержали правозсеровский лозунг с требованием созыва Учредительного собрания¹⁵⁰.

Сложнее была обстановка в Поволжье и Приуралье, где правые эсеры развернули энергичную подготовку к свержению власти Советов. "Агитация против рабоче-крестьянского правительства, - писал в мае 1918 г. Н.И.Подвойский в докладе Высшей военной инспекции (ВВИ), - ведется сумевшими достаточно организовать собственническими слоями населения на почве борьбы за Учредительное собрание. Этот лозунг здесь пользуется огромной популярностью. Нигде за время революции ни один лозунг не охватил так глубоко массы, как это имеет место в областях, являющихся ареной чехословацкой трагедии. (Напомним, что здесь в начале 1918 г. крестьянские выступления в защиту Учредительного собрания были подавлены вооруженной силой - Т.О.). Даже рабочие, сохранившие свой заработок, поддаются под его влияние (так в тексте. - Т.О.), не говоря уже о безработных, железнодорожниках и крестьянах"¹⁵¹. Председатель ВВИ отмечал слабую работу Советов, их оторванность от масс. "Советы не прислушиваются к чаяниям народных масс, они не только не способны посвятить массы в их работу, разъяснить им смысл этой работы, но они даже не считают нужным к этому стремиться"¹⁵².

И, тем не менее, в большинстве губерний в деревнях не было сильной оппозиции Советской власти. Правая часть "демократии" не могла собственными силами перевести колебания крестьян в вооруженную борьбу с Советской властью. В то же время стало очевидным, что все недовольные группируются вокруг партии левых эсеров, которая стала для них удобным политическим прикрытием: оставаясь советской партией, она боролась против внешней и внутренней политики правительства. Изменение социального лица партии было признано многими делегатами III съезда (июнь) левых эсеров. Партия, "пухнет" не потому, отмечали они, что ее принципы признаются верными, а потому, что, оставаясь советской, она отрицательно относится к большевикам и их продовольственной политике, чем привлекает всех недовольных. За их счет в Калужской губернии ряды левых эсеров выросли до 1 тыс. человек, в Рязанской-до 3 тыс. человек и

т.д.¹⁵³ С апреля по июнь партия увеличилась более чем на 17,3 тыс. членов¹⁵⁴.

Весной проблема методов добычи хлеба была в центре внимания Советской власти и общественности. Правая часть “демократии” требовала свободной торговли и допуска к хлебозаготовкам частноторговых организаций и кооперативов. Но большинство работников продкомов потребляющих губерний считали, что отмена хлебной монополии не спасет от голода. Об этом 25 марта было заявлено на съезде продовольственных управ Северной области. Настаивая на централизации заготовок и распределения, съезд вместе с тем высказался за привлечение к этим операциям частного торгового аппарата и кооперации на комиссионных началах, использования их опыта под советским контролем¹⁵⁵. 3 апреля продовольственный вопрос обсуждался на пленарном заседании Московского губернского Совета. Губернский комиссар по продовольствию Денисов отстаивал право самостоятельной закупки хлеба для голодающих губерний, в частности для Московской. Но выступивший на заседании областной комиссар по продовольствию А.И.Рыков считал такое право уничтожением хлебной монополии и “началом конца революции”. Решено было обсудить вопрос на совместном заседании губернского, областного (в это время он объединял 11 губернских продкомов центра) и Народного комиссариатов продовольствия. До этого выдача разрешений на самостоятельные закупки запрещалась. А.И.Рыков предложил привлечь представителей голодающих губерний к заготовкам хлеба в производящих губерниях¹⁵⁶.

Ленин видел только один путь решения продовольственного вопроса, позволяющий сохранить Советскую власть, - через усиление диктатуры пролетариата, через борьбу с мелкими хозяйчиками, мелкими собственниками, т.е. через борьбу с крестьянством. Ленин ставил вопрос со свойственной ему категоричностью: либо диктатура пролетариата подчинит своему контролю и учету крестьянина, организовав бедноту вокруг сознательного пролетарского авангарда, и установит “железный порядок, беспощадно строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата (власть опирающуюся на насилие, а не на закон. - Т.О.), заставит кулака подчиняться...”, либо кулак “скинет нашу, рабочую,

власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие"¹⁵⁷. Угроза страшных последствий от потери власти большевиками будет долго и настойчиво внедряться в сознание масс, порождая постоянный страх и формируя соответствующую идеологию у представителей самой власти.

Иначе видели перспективу левые эсеры. В.А.Карелин, Б.Д.Камков, В.И.Трутовский, Д.А.Черепанов, О.Чижиков, Тивин-Пятницкий и другие расценивали рост крестьянского сопротивления политике Советской власти как подъем социальной активности трудового крестьянства и проявление моральной усталости городского пролетариата. Из этого они делали вывод, что назрели объективные условия для замены большевиков у власти¹⁵⁸. Еще на II съезде партии (апрель) Карелин поставил вопрос о том, что у власти должно стать "трудовое крестьянство" и на местах "надо положить начало организации этой новой силы"¹⁵⁹. В апреле - мае левые эсеры значительно усилили внимание к политической работе, организационному оформлению ячеек и вовлечению в партию крестьян. Левые эсеры из ВЦИК и ЦК партии совершали объезды губерний, выступали на съездах Советов, собраниях, митингах, резко критиковали политику Совнаркома, настаивали на усилении борьбы с большевиками внутри Советов, нацеливая членов партии на упрочение своих позиций в военном аппарате, на создание боевых дружин, не подчиненных Советам. Особое внимание уделялось прифронтовым губерниям, куда были посланы специальные эмиссары для организации срыва Брестского мира¹⁶⁰.

К концу весны продовольственная ситуация в стране значительно ухудшилась. Для обеспечения населения потребляющих губерний хотя бы полуголодной нормой хлеба требовалось 35 млн пудов в месяц. Из деревни же извлекали 15 - 20 млн пудов, т.е. 50 - 60% этой потребности¹⁶¹. Но и из этого количества в места назначения доходило чуть больше 20%. Из-за низкой пропускной способности железных дорог даже заготовленный хлеб своевременно не могли доставить потребителям. Из Сибири, имевшей около 150 млн пудов излишков, железная дорога пропускала лишь 180 вагонов в день, т.е. 5 млн пудов в месяц. Столь же малой была пропускная способность и на южных магистра-

лях, связывавших центр с Крымом, Кубанью, Ставрополем, где было 106 млн пудов товарного хлеба. В апреле квота Западной Сибири в общем объеме поставок хлеба в центр страны составляла 63%, а выполнена она была лишь на 17%. Северный Кавказ вместо 26 дал 13,8%. Из Казанской, Уфимской, Вятской губерний получили 6%. Центральные губернии - Тамбовская, Воронежская, Орловская, апрельский наряд выполнили лишь на 2% (вместо 985 вагонов было отгружено только 21). Погрузка хлеба по апрельскому наряду была выполнена на 11,3%, а на места пришло значительно меньше, так как в дороге продовольственные грузы расхищались. В результате Владимирская губерния получила 3,3% запланированного хлеба, Калужская - 4,6%, Тверская - 5,4, Брянский район - 0, Москва - 11%. Вместо 9370 вагонов 11 губерниям Московской области поступил 1051 вагон хлеба, Северным и Северо-Западным губерниям еще меньше¹⁶². В мае белогвардейцы заняли Ростов-на-Дону, прервав доставку хлеба с Кавказа. Дутов задерживал хлебные маршруты из Сибири, в результате потребляющие районы получили только 5-6% хлеба. В конце мая восстание чехословацкого корпуса окончательно лишило центр сибирского и уральского хлеба. Интервенты и контрреволюция захватили территорию, которая давала 85% товарного хлеба. Из 30 губерний, где удерживалась власть Советов, хлеб был лишь в 6-7. В Воронежской, Вятской, Орловской, Курской, Тамбовской, Тульской губерниях до нового урожая оставалось около 10-15 млн пудов хлебных излишков, да и те были в цепких руках крестьян, не считавшихся с государственными интересами и муками 64,5 млн голодных¹⁶³.

Продовольственное положение внутри страны становилось критическим. Экстремальные условия, сложившиеся в стране в конце весны, заставили большевиков прибегнуть к чрезвычайным мерам получения хлеба. Усиление принуждения крестьян к выполнению законов государственной власти, форсирование раскола крестьянства, выделение и организация бедноты в тех условиях представлялись партии большевиков единственно возможными для удержания власти и развития революции. В мае Лениным была конкретизирована политика принуждения крестьян к выполнению советских законов.

8 мая на заседании Совнаркома при обсуждении доклада народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы и проекта дек-

рета о предоставлении ему чрезвычайных полномочий Ленин дал комиссии, созданной для переработки декрета, инструкцию. В ней он предлагал "сильнее подчеркнуть основную мысль о необходимости, для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба..."¹⁶⁴ Владельцев хлеба, не сдающих его, Ленин предлагал объявить "врагами народа", подвергать их заключению в тюрьму не менее чем на 10 лет, конфисковать все их имущество, навсегда изгнать из общины, а самогонщиков подвергать принудительным общественным работам¹⁶⁵.

9 мая при вторичном обсуждении декрета в Совнарком с докладом выступил Рыков. От имени Московской и Северной областных продовольственных организаций он высказался за изменение продовольственной политики, считая безумием осуществление экономической политики штыком. Не отказываясь от монополии государства на хлеб, он предлагал более гибкие методы ее осуществления, что помогло бы уменьшить сопротивление крестьян. Рыков, в частности, находил возможным изменить систему оплаты за сдаваемый хлеб, выдавать премии, установить твердые цены на предметы первой необходимости, главным образом на мануфактуру, сосредоточить все дело в руках органов, в которых были бы представители Наркомпрода и, не менее трети, местных продкомов. Как и многие продовольственные работники на местах, Рыков полагал, что к заготовкам хлеба надо привлечь кооперацию, а где ее органы недостаточно развиты, - сохранившиеся еще частные торговые сообщества и др.¹⁶⁶ Основные положения содоклада Рыкова были отклонены правительством, но идея усиления представительства голодающих губерний в продорганах производящих губерний была одобрена и реализована в ближайшее время.

Декрет "О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими" с поправками В.И.Ленина был принят Совнаркомом при одном воздержавшемся¹⁶⁷.

Определенные декретом меры борьбы с хлебодержателями вызвали критику оппозиции и практических работников. Так,

М.Е.Шефлер, председатель Московской городской продуправы, член коллегии Наркомпрода, коммунист, считал, что декрет страдает теоретичностью и односторонностью, дает мало конкретных указаний и действенных методов борьбы с продорганами, нарушающими монополию; в нем не разработаны меры принуждения продорганов к выполнению плана, не указаны методы товарообмена, не определена система работы реквизиционных и инспекторских аппаратов. Он считал ошибкой требование декрета о сдаче хлеба в недельный срок, а десять лет тюрьмы за не сдачу излишка, ему, как опытному практику, казались чрезмерным преувеличением. Осуществление такой угрозы привело бы к тому, что на "казенные хлеба" пришлось бы "посадить" целые селения. Психологически эффективнее было бы заключение под стражу на три месяца, а практически целесообразнее, полагал он, не тюремное заключение, а конфискация имущества и принудительные общественные работы. Неправомерным с практической и моральной точек зрения он считал обещание выплаты 50%-ной стоимости за указание скрытых излишков. Это будет поощрять доносы, что неэтично с точки зрения социалистических принципов и недопустимо с точки зрения морали, и кроме того дает широкие возможности для всякого рода злоупотреблений¹⁶⁸. По свидетельству Шефлера, на заседании президиума ВЦИК Свердлов поддержал его замечания, но тем не менее подписал его в первоначальном виде¹⁶⁹.

Левые эсеры, предпочитая компромисс с мелкими собственниками, высказались во ВЦИКе против создания продотрядов, полагая, что борьба с укрывателями хлеба является прямой обязанностью местных Советов. В.А.Карелин, лидер левых эсеров, настаивал на более четком определении понятий крестьянская буржуазия, кулаки, владельцы излишков хлеба, без чего трудно было избежать произвола, преследования мелкого и среднего крестьянства. Он протестовал против объявления врагами народа всех имеющих излишки хлеба и удерживающих их.

Однако Ленин, развивая свою идею о применении организованного насилия для изъятия хлеба, в "Тезисах о современном политическом положении" (12 или 13 мая), настаивал на введении "военных положений, закрытии газет, аресте вожаков и т.п. и т.д.", на необходимости "военного похода" против деревен-

ской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию. Без “железной дисциплины пролетариата ни от контрреволюции, ни от голода не спастись”¹⁷⁰. 26 мая в “Тезисах по текущему моменту” он высказал мысль о введении на это время военного положения во всей стране, мобилизации армии “для войны за хлеб и на ведение такой войны - на 3 месяца: июнь - август”, “мобилизовать 19-летних, хотя бы в некоторых областях”, “для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба, и топлива... Ввести расстрел за недисциплину”. В каждый отряд армии, действующий против кулаков, предлагалось включить от 1/3 до 1/2 рабочих и беднейших крестьян голодающих губерний. В каждом уезде и волости с избытками хлеба Ленин считал необходимым “составить тотчас списки богатых землевладельцев (кулаков), торговцев хлебом и т. п., с возложением на них личной ответственности за сбор всех излишков хлеба...”¹⁷¹

Военные действия, развернувшиеся в Поволжье, в Сибири и на Урале, не позволили использовать армию для борьбы за хлеб. Ее заменили продовольственная армия рабочих и бедноты, созданная при Наркомпроде, и рабочие уборочно-реквизиционные отряды при ВЦСПС. До конца года в деревню в составе продотрядов было направлено более 70 тыс. рабочих¹⁷².

20 мая ВЦИК заслушал доклад Я.М.Свердлова о положении Советов в деревне. В нем впервые предельно четко был обозначен курс на раскол крестьянства. Борьба за власть в деревне, отмечал Свердлов, обострилась до крайности: “в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу”, часто под вывеской левых эсеров. Центральные органы власти, говорил председатель ВЦИК, должны вмешаться в развитие событий в деревне с тем, чтобы помешать буржуазным элементам оказывать какое-либо влияние на происходящие там процессы. Свердлов предлагал перейти в наступление и первыми нанести им удар. Он поставил задачу “разжечь гражданскую войну в деревне”, путем раскола крестьянства создать “две противоположные враждебные силы”, противопоставить бедноту деревенской буржуазии. Перед Советами ставились задачи: широкое разъяснение противоположности интересов бедноты и кулаков, организация бедноты и ее вооружение с целью “удушения

кулаков". Только в этом случае, внушал Свердлов, диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства будет "уже не слово, а действительность"¹⁷³.

На заседании ВЦИК против курса на организацию бедноты и разжигание гражданской войны в деревне выступили меньшевики, правые и левые эсеры. Лидеры меньшевиков Мартов и Суханов заявили, что политика Советской власти ведет к созданию "внутреннего фронта в деревне". Идея противопоставления бедноты кулаку несостоятельна, утопична, так как, нанося удар по кулаку, "будете бить и по среднему крестьянству"¹⁷⁴, предупредил Мартов. Вместо создания бедняцких организаций, Суханов предлагал распустить Советы и вернуться к учреждениям, созданным на основе всеобщего избирательного права, - земствам, думам¹⁷⁵.

От имени фракции левых эсеров В.А.Карелин также высказал отрицательное отношение к расколу деревни. Левые эсеры заявили, что используют весь авторитет партии и все свое влияние в Советах, чтобы "вести решительную борьбу с теми вредными мерами, которые сегодня приняты ВЦИК"¹⁷⁶.

Вопреки эсерам и меньшевикам, ВЦИК абсолютным большинством голосов принял резолюцию, в которой подчеркивалась крайняя неотложность "сплочения трудового крестьянства против деревенской буржуазии".

11 июня 1918 г. ВЦИК издал декрет "Об организации деревенской бедноты и снабжения ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями". Декрет узаконил новую форму организации бедноты, предусмотренную программой РКП(б), - комитеты деревенской бедноты (комбеды).

Декрет предусматривал объединение бедноты и средних крестьян против кулаков. Он имел целью социальную и политическую изоляцию сельской буржуазии и подчинение ее законам революционной власти. Ленин придавал этому декрету чрезвычайное значение, видя в нем реализацию идеи о создании социальной базы социалистической революции в деревне. Принятием декрета о комбедах, писал он, "мы перешли ту грань, которою отделяется буржуазная революция от социалистической, ибо одна победа рабочего класса в городах и один переход всех фабрик в

руки пролетарского государства, все это не в состоянии было бы закрепить и создать основы социалистического порядка, если бы в деревне мы не создали себе также не общекрестьянской, а действительно пролетарской опоры"¹⁷⁷.

Чрезвычайные акты, нацеленные на политико-экономический разгром кулачества, завершились циркуляционной телеграммой наркома внутренних дел Г.И.Петровского "О борьбе с кулаками в Советах". В ней подчеркивалось: "В последнее время наблюдаются неоднократные попытки зажиточных и кулацких слоев деревни захватить в свои руки Советы путем участия в выборах и даже в работе сельских, волостных и уездных Советов. Советы на местах, особенно волостные и сельские, часто не обращают на это должного внимания и относятся к таким явлениям с недопустимой снисходительностью". Циркуляр требовал устранить от всякой советской работы и участия в выборах все зажиточные и кулацкие элементы¹⁷⁸. Это была установка на создание пролетарских органов власти в деревне.

Конституция РСФСР, принятая через несколько дней V Всероссийским съездом Советов, закрепила это положение, узаконив ограничение гражданских прав имущих крестьян. Таким образом, к ранее принятым мерам экономического ограничения хозяйственно-состоятельных крестьян в мае добавились внеэкономические методы изъятия у них хлеба. "Кулак" становился прямым объектом насилия со стороны государства. Средние крестьяне, имевшие запасы хлеба, приравнивались к кулакам. Теперь они лишались и гражданских прав. Все это не могло не породить их враждебности к Советской власти, превращая в сторонников демократически избранного Учредительного собрания и всесословных органов власти.

Майские декреты ВЦИК, постановления Совнаркома и циркуляр НКВД оформляли невиданный ранее социальный эксперимент революционеров. Суть его заключалась в решительном подавлении сопротивляющегося государственной политике имущего крестьянства, организации и противопоставлении ему бедняцких масс деревни. Эти документы максимально концентрировали силы большевиков на решении неотложной задачи - борьбе с голодом, которая для них в этот период была равнозначна борьбе за социализм. Они заложили основы политики "военного

коммунизма”, базировавшейся на мерах внеэкономического принуждения крестьян к сдаче хлеба. Эту политику крестьянство не приняло ни на одном этапе, вступив в вооруженную борьбу с ней. В этой борьбе имущий крестьянин выступал как наиболее активная социальная сила деревни, отстаивающая интересы крестьян как класса мелких товаропроизводителей.

Активным проводником ленинской продовольственной политики и “крестового похода” против хлебодержателей и спекулянтов был Л.Д.Троцкий. 4 июня 1918 г. на заседании ВЦИК он рассматривал продовольственный вопрос как органическую часть общих проблем советского строительства, подчеркивая, что методы его решения - одна из частных проблем режима диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Его выступление было пронизано идеей гражданской войны с крестьянством. Ей он останется верен во все последующие годы. “Само собой разумеется,- говорил Троцкий,- что Советская власть есть организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков. Советская власть не боится этого сказать, как не боится призывать массы к гражданской войне и для этого их организовывать”. Троцкий считал, что нет иного пути получения хлеба, кроме как силой оружия отнять его у крестьянина. Он призывал к “истребительной и беспощадной” войне против кулаков, пытающихся измором взять рабоче-крестьянскую Советскую Россию. Со всей решительностью и непреклонностью коммунистического вождя он пропагандировал гражданскую войну, подчеркивая, что кулаки, держащие хлеб, стали опорой и надеждой контрреволюции: “голод и контрреволюция друг другу помогают, идут рука об руку”¹⁷⁹.

С таким направлением внутренней политики и методами дальнейшего развития революции были принципиально не согласны левые эсеры, не говоря уже о правых эсерах и меньшевиках. Они предлагали искать выход из кризиса на прежнем уровне соотношения классовых сил в стране, задержав развитие революции на демократическом этапе до начала ожидаемой ими мировой революции, путь к которой должен открыть срыв Брестского мира. Левые эсеры считали, что продовольственная диктатура отражает недоверие большевиков к трудовому крестьянству и является упрощенным методом решения вопроса. Не прини-

мая предлагаемый большевиками принцип классовой борьбы для решения внутренних проблем, протестуя против вмешательства рабочего класса в дела деревни, левые эсеры во ВЦИК выступили решительными противниками диктатуры "как в отдельных областях", так и "против общей диктатуры по политическим соображениям"¹⁸⁰. 2 июня 1918 г. ЦК партии левых эсеров, обсудив продовольственную проблему, постановил: в устных выступлениях и в печати разъяснить, что все продовольственные меры правительства неэффективны. Решение же вопроса им виделось в углублении государственной системы регламентации цен, монополизации всех предметов массового потребления (это будет проведено в 1919 г. и станет одной из составных частей "военного коммунизма"). Принуждение кулаков левые эсеры допускали только силами местных Советов. ЦК партии левых эсеров высказался против посылки рабочих отрядов в деревню, рассматривая их как карательные экспедиции. Членам партии запрещалось принимать в них участие¹⁸¹. 6 июня, возвращаясь к продовольственному вопросу, ЦК левых эсеров еще раз подчеркнул недопустимость участия в карательных отрядах. Местным Советам рекомендовалось вести напряженную борьбу с кулацкими элементами, используя в случаях надобности помощь из центра. Продорганам предлагалось в кратчайший срок выработать конкретные меры добывания продовольствия и точно определить содержание понятий - "кулак", "торговец", "трудовой крестьянин"¹⁸², что, однако, не было сделано. В политическом отчете ЦК III съезду левых эсеров В.А.Карелин еще раз подчеркивал решительную оппозиционность партии большевистскому правительству в продовольственном вопросе, настаивая на перенесении центра тяжести с диктатуры продотрядов и комбедов на деятельность местных Советов. Он считал, что продотряды создадут "противоестественный фронт города и деревни", а комбеды - не что иное, как покушение на Советскую власть и дезорганизация трудового крестьянства. Докладчик призывал к энергичной борьбе против таких организаций¹⁸³. Левые эсеры надеялись повести за собой крестьянство, изолировать рабочий класс, возглавить революцию и государственную власть. Ближайшей их целью стало завоевание большинства в местных Советах и на V Всероссийском съезде Советов. Лидеры партии со всей опреде-

ленностью пошли на разрыв с коммунистами, взяв курс на устранение их от власти. “Мы должны, - говорила М.А.Спиридонова, - с уверенностью сказать, что нам удастся победить партию большевиков и заставить ее подчиниться нашей воле. Но для этого надо развить с огромной интенсивностью всю нашу работу, захватывать аппараты власти на местах”¹⁸⁴. 24 июня ЦК партии левых эсеров принял решение “в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Центральный Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма”. Одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения “мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддерживали партию в этом выступлении”. Кроме того, было решено “подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики СНК”¹⁸⁵. ЦК левых эсеров весьма наивно пытался отделить политику Совнаркома от линии РКП(б), рассматривая свои действия “как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков”¹⁸⁶. 28 июня на III съезде левых эсеров Спиридонова звала свою партию возглавить восстание: “Наша партия должна взять на себя, товарищи, все бремя восстания, на которое мы будем звать все массы, будем поджигать, подстрекать и организовывать, только через восстание мы в состоянии будем одолеть то, что идет на нас”¹⁸⁷. Левым эсерам, говорила она, “надлежит взять руководящее место во всей дальнейшей борьбе крестьянства и рабочих со своим классовым врагом (имеются в виду помещики - Т.О.)... Мы вступаем в новую стадию политического продвижения вперед, когда, наверно, мы будем партией господствующей”¹⁸⁸. 2 июля 1918 г. орган ЦК левых эсеров, информируя о III съезде партии, отметил, что он признает необходимым, чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики”.

Между двух диктатур: год 1918.

Таким образом, кризис внутри правительственного блока, обозначившийся в марте, в мае-июне перерос в политическую конфронтацию.

В это же время на юге страны собирала силы "белая" контрреволюция. Правая же часть "демократии", говоря о недопустимости гражданской войны, разжигала ее в Поволжье, на Урале, в Сибири, где, опираясь на штыки чехословацкого корпуса и восстания крестьян, свергала власть Советов. Именем Учредительного собрания восстанавливались всеобщие органы власти и создавалась армия для борьбы с коммунистами.

Глава 3. Между двух диктатур: год 1918.

3.1. Свержение власти Советов в Поволжье и на Урале

В конце мая 1918 г. во внутренние дела России вмешался корпус чехословацких военнопленных, ставший с января 1918 г. автономной частью французской армии и эвакуировавшийся из России через Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. В этом хорошо подготовленном и вооруженном корпусе контрреволюция получила ударную силу для свержения Советской власти в непосредственной близости от центра страны. Навстречу чехословакам поднималась волна восстаний. Их организаторами были правые эсеры, призывавшие крестьян и всех недовольных на борьбу с революционной властью.

За неделю до выступления чехословацкого корпуса VIII Совет партии правых эсеров взял курс на немедленное вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти, возрождение Учредительного собрания и всесословных органов самоуправления. В резолюции по международному положению Совет отмечал возможность “с момента на момент” вооруженного вмешательства в русские дела союзников, и выразил готовность принять их военную помощь. В комментарии к этой резолюции писалось: “Войска союзников должны войти в пределы России, должны занять рубежи областей, еще не захваченных германцами, и на этих рубежах нужно возобновить борьбу... Стратегическая необходимость союзнического десанта в Сибири диктуется всей обстановкой момента и наша партия совершенно определенно высказывается за этот десант, за поддержку”¹. Совет партии утвердил переговоры ЦК с бывшими союзниками царской России о подготовке выступления чехословацких военнопленных². В.М.Чернов впоследствии как особую заслугу отмечал роль партии эсеров в объединении контрреволюционных сил Поволжья и Урала с руководством чехословацкого корпуса для борьбы с диктатурой пролетариата³.

Неразрывная связь антисоветского движения в Поволжье, на Урале и в Сибири с восстанием чехословацкого корпуса признавалась многими активными деятелями эсеров. Так, в январе 1919 г. В.И.Лебедев (один из организаторов армии Комуча) писал, что

для борьбы с большевиками им нужна была "какая-то внешняя сила, вокруг которой и под прикрытием которой могла бы сформироваться национальная сила". Ею могло быть уральское казачество, или Добровольческая армия генерала Алексеева, союзные войска, или "удачное восстание где-нибудь подальше от центра политической жизни. Такое восстание имело больше всего шансов произойти на Волге, в непосредственной близости от уральского и оренбургского казачества". Эсеры переправляли сюда свои боевые силы, о чем знали и союзники, вместе с ними разрабатывался план создания волжского фронта, который должен был стать базой в борьбе против Советской власти и Германии⁴.

Связь подготовки антисоветского движения в Поволжье с восстанием чехословацкого корпуса подтверждал и Н.В.Святицкий - активный радетель "народовластия", подводя итоги полугодовой борьбы против диктатуры коммунистов⁵. Раскрывая усилия правых эсеров по подрыву Советской власти, П.Д.Климушкин (член Самарского комитета правых эсеров, один из организаторов Комуча) признавал, что "работа была трудной, никто не верил в возможность переворота. Поскольку на город надежд было мало, внимание сосредоточили на деревне, где работа была медленная, но неуклонная. В то же время, однако, мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя, дружины стали разлагаться"⁶.

До выступления чехословацкого корпуса внутренняя контрреволюция не представляла серьезной опасности для Советской власти. С выступлением же чехословаков борьба против большевиков в Сибири, Поволжье, на Урале изменила характер, превратилась в гражданскую войну. Восстания крестьян стали отличаться организованностью, большим территориальным охватом, массовостью и крайней жестокостью. Крестьянские восстания стали одной из причин падения Советской власти в этих районах.

В первых же телеграммах с мест развернувшихся боев сообщалось, что чехи стали центром притяжения всех местных антисоветских сил. Находившаяся в Поволжье и на Урале Высшая военная инспекция, возглавляемая Н.И.Подвойским, уже 31 мая сообщала о сплочении вокруг чехословацких эшелонов контрре-

волюционных элементов, начался “форменный поход против Советской власти”, всюду раздавались призывы вступать в ряды “Народной армии”, оказывать помощь чехословацким эшелонам, свергать власть Советов^{7,8}. Опасность мятежа чехословацкого корпуса Н.И.Подвойский видел в том, что “он организует мелкобуржуазную контрреволюцию, которая грозит распространиться на весь Уральский и Приволжский край”⁹. Из Чистопольского уезда Казанской губернии, как и из многих других, в июне сообщали в НКВД, что выступление чехословаков подняло дух контрреволюции¹⁰.

Мятеж чехословаков ускорил поляризацию крестьянства в поволжской и уральской деревне. Социальной опорой антисоветского движения в деревне стало зажиточное крестьянство. Беднота же вместе с рабочими выступала с оружием в руках на защиту власти Советов. Когда чехи угрожали Пензе, беднота ближайших к городу волостей отрядами в сотни человек под командой бывших солдат пришла на станции Рамзай, Симаничино, Студенец, разъезд Абреково и другие, и требовала оружие, чтобы идти на помощь Совету. Помогали Красной Армии хлебом и деньгами. Жители Свищевской и Шutowской волостей Пензенского уезда организовали отряд в 600 человек. Крестьяне Рузаевского района послали на помощь Пензе отряд в 300 человек, из Саранского уезда пришло 100 человек¹¹.

На защиту власти Советов поднималась многонациональная беднота Поволжья и Урала. В июне в Уфе, Белебее, Мензелинске и других городах были созданы татаро-башкирские боевые дружины, батальоны, полки. Они участвовали в боях под Златоустом, Челябинском, Самарой, Бугульмой и в других местах. В начале июня только на Златоустско-Миасском участке беднота входила в состав 12 отрядов¹².

В это же время во многих волостях Златоустовского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского уездов начались руководимые правыми эсерами мятежи крестьян против Советской власти.

И для Советской власти, и для ее противников особое значение имело поведение средних слоев крестьянства, без поддержки которых ни та, ни другая сторона не могли создать массовой армии. Обе борющиеся силы прибегли к вынужденной мере - моби-

лизации. 29 мая 1918 г. ВЦИК, преодолев большинством голосов сопротивление оппозиции, принял постановление о принудительном наборе трудящихся в Красную Армию¹³. 2 июня ЦК левых эсеров высказался за мобилизацию четырех призывных возрастов всех слоев населения¹⁴. 12 июня ВЦИК объявил мобилизацию пяти возрастов рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, находящихся в непосредственной близости от театра военных действий (угрожаемые уезды)¹⁵. V Всероссийский съезд Советов в июле 1918 г. закрепил переход от добровольческого принципа формирования Красной Армии к созданию регулярной армии рабочих и трудящихся крестьян на основе воинской повинности.

Мобилизация в Красную Армию стала одной из основных причин, усиливших политическое размежевание крестьянства. В угрожаемых уездах мобилизация проходила в чрезвычайно сложных условиях: близость фронта, неудачи Красной Армии, восстания в тылу, острая борьба вокруг раздела земли, недовольство хлебной монополией и неспособность Советов удовлетворить потребности крестьян в предметах первой необходимости. К началу военных действий РКП(б) не имела прочной опоры в деревне (беднота не была организована), военно-административный и агитационно-мобилизационные органы не были созданы, учет военнообязанных не велся.

Совокупность этих факторов и неизжитая усталость населения от четырех лет мировой войны были причиной пассивного и даже враждебного отношения населения к призыву в Красную Армию. Мобилизация пяти возрастов проводилась в разгар полевых работ. Из хозяйств изымалась наиболее трудоспособная рабочая сила, что вызывало резкое недовольство крестьян. К тому же опыта проведения призывов у Советской власти не было, классовый отбор призывников и их военное обучение не были налажены. "Мобилизация не имеет шансов на успех. Энтузиазма, веры, желания сражаться нет"¹⁶, - отмечал член Высшей военной инспекции Николаев в тезисах доклада Совнаркому.

В Уфимской губернии, где призыв распространялся на все уезды¹⁷, антимобилизационную и антисоветскую работу возглавляли лидеры уездных эсеровских организаций - Вербинцев, Ов-

чаров, Филатов, Кувашинский, Кондратьев, Кузнецов и др.¹⁸ Уход на фронт активных сил бедноты, приближение чехословаков, сопротивление кулаков способствовали успеху антисоветских восстаний. В селах Месягутово и Сикияш Златоустовского уезда в ходе крестьянского восстания было уничтожено 400, а в Ново-Троицкой и Кизганбашевской волостях Бирского уезда - было убито 100 коммунистов и активистов из бедноты¹⁹. Массовость антисоветским восстаниям июня-июля 1918 г. придавало участие среднего крестьянства: в районе Емашей против Советов действовал отряд в 1500 человек, в Месягутовской волости - в 5000 человек²⁰. На борьбу с крестьянскими выступлениями в Уфимскую губернию прибыли добровольческие отряды рабочих и бедноты из соседней Пермской губернии. К ним присоединилась местная беднота. Так, в рабочий отряд А.Л.Борчанинова, прибывший из Красноуфимска в Златоустовский уезд, влилось до 2,5 тыс. местных бедняков²¹. На подавление мятежа в с.Топорино был послан красногвардейский отряд А.М.Чевырева, в Ново-Троицкой волости в борьбе с крестьянами погиб отряд А.Д.Нелидова²². В Бирском уезде Уфимской губернии и Осинском уезде Пермской губернии на борьбу с мятежниками поднялась беднота под командованием матроса Балтийского флота коммуниста П.И.Деткина, уроженца этих мест²³. В июне в Уфимскую губернию прибыли первые отряды продовольственной армии. Рабочим продотрядов с ходу пришлось включиться в подавление крестьянских восстаний. В Уфимской, Вятской, Пермской губерниях много продотрядов было уничтожено крестьянами.

В Вятской губернии, имевшей большие запасы хлеба, уездные Советы отменили твердые цены, разрешив его свободную продажу. В июне Малмыжский и Нолинский съезды Советов потребовали созыва Учредительного собрания за что были распущены. Крестьяне Архангельской, Кырчанской, Верхосунской, Больше-ситминской, Дворищенской, Зыкинской волостей оказали вооруженное сопротивление изъятию хлеба. В Вавожской, Святогорской, Юсовской и других волостях выступления крестьян возглавили члены Советов и военруки. В Елабужском и Яранском уездах продотряды были разогнаны крестьянами. Враждебность к продотрядам нередко провоцировалась поведением рабочих,

не понимавших крестьянской психологии, не знавших местных традиций и обычаев. Одной из национальных традиций удмуртских крестьян была закладка хлебных скирд в честь рождения дочери. Такие скирды, называемые девичьи, ставились каждый год до свадьбы, являясь приданым дочери. Поэтому каждый хозяин, имевший дочерей, имел неприкосновенные до их свадьбы запасы хлеба. Не знаящие этого продотрядники, обмолачивая девичьи скирды, бесчестили, по понятиям крестьян, их дома. Подобная бестактность создавала благоприятные условия для националистической агитации и вооруженных выступлений против продотрядов. И, тем не менее, именно в Вятской губернии удалось получить наибольшее количество хлеба. Этому способствовали действия экспедиции А.Г.Шлихтера, применившей систему договоров с крестьянскими Советами и оплату части хлеба товарами.

Борьба за хлеб стала еще одним фронтом гражданской войны: он проходил через каждую деревню и требовал больших сил и жертв. Только за июнь отрядам продармии более 100 раз пришлось подавлять вооруженное сопротивление крестьян. За полтора труднейших месяца до нового урожая рабочие добыли немногим более 2 млн пудов хлеба, оплатив его жизнью более 4100 коммунистов, рабочих, бедняков²⁴.

Восстания крестьян сорвали призыв в Красную Армию в уездах Уфимской губернии. В силу "пассивности и несочувственного отношения крестьян" мобилизация здесь была прекращена²⁵.

Свержение Советской власти в Уфимской губернии повлияло на ход мобилизации во всех губерниях Уральского военного округа. Вступали в Красную Армию лишь сознательные сторонники Советской власти. В Оханском уезде Пермской губернии на фронт ушла беднота нескольких сел - Дуброво, Таборы, Б. Соновка, Григорьевское, Ножовка. Добровольно вступили в армию и бедняки Юрлинской, Чураковской, Усть-Зулинской волостей Чердынского уезда²⁶. В Рождественской волости Екатеринбургского уезда из бедноты были организованы два партизанских отряда. В Верх-Теченской волости Шадринского уезда в отряд вступило более 300 крестьян, 70 из которых были коммунистами. Беднота и маломощные середняки Ногушинской волости Красноуфимского уезда создали двухтысячный отряд. В Камыш-

ловском уезде из крестьян Кочневской, Квашинской и Куровской волостей в короткий срок были созданы три отряда добровольцев под командой члена Кочневского волисполкома А.Ф.Некрасова²⁷. Из бедноты и маломощных середняков Камышловского, Шадринского и Ирбитского уездов выросли 1-й Камышловский и 1-й Крестьянский коммунистический полк “красных орлов”.

Екатеринбургский уезд в Пермской губернии дал наибольший процент явки крестьян по мобилизации - 36,4% (3638 из 10 тыс. призывников), Кунгурский - 1398 человек²⁸. Однако большинство крестьян уклонялись от призыва в Красную Армию. С объявлением мобилизации в Кунгурском, Красноуфимском, Осинском, Оханском, Чердынском уездах Пермской губернии начались мятежи призывников. В этих уездах зажиточные крестьяне имели значительное влияние. По сведениям губисполкома, большинство из 1435 волостных и сельских Советов Пермской губернии были кулацкими²⁹⁻³⁰. В середине июня в Красноуфимский уезд Пермской губернии из Уфимской губернии вторгся башкирский отряд в 3,5 тыс. человек, во главе которого были бывшие офицеры, урядники. К ним присоединились кулаки с. Кленовское, Суксун и др. Их агитаторы, разъезжая по деревням, призывали к расправе с большевиками и Советами, к отмене хлебной монополии и твердых цен. В результате только в южной части уезда было убито до 600 работников сельских Советов и членов их семей³¹. Выступление было подавлено отрядами, сформированными уездным военно-революционным комитетом из бедноты, и частями Красной Армии, присланными из Кунгура и Перми³².

В Кунгурском уезде в июне было одно крестьянское выступление. С объявлением мобилизации их стало 17³³. Разрозненные выступления крестьян приобретали характер организованного восстания. Движение началось с Богородской волости, где при объявлении призыва в Красную Армию собрание крестьян приняло резолюцию с отказом от мобилизации и осуждением братоубийственной войны. Резолюция была распространена в соседних волостях, где стали создаваться “оборонительные комитеты” (штабы) и проводиться своя мобилизация. Главный штаб мятежников вел работу в деревне под эсеровскими лозунгами.

25 июля в селе Рождественском состоялся сход, где участвовало более тысячи крестьян. По предложению эсеров сход принял решение о восстании против Советской власти. Вокруг села были построены оборонительные сооружения, выставлены караулы. С целью изолироваться от Кунгура была предпринята попытка занять станцию Шумаково и Тулумбасы и взорвать железнодорожный мост. Но охрана отбила отряды восставших. В конце июля был создан районный военный штаб, координировавший действия 23 присоединившихся к восстанию волостей. В движении было втянуто до 10 тыс. крестьян³⁴.

В августе восстали Усольский, Осинский и Оханский уезды. Центром восстания в Оханском уезде стало богатое село Сепыч. Под влиянием агитаторов этого села 15 тыс. крестьян из 12 волостей отказались от явки на призывные пункты, протестуя против мобилизации и хлебной монополии. В Сепыче в первые дни мятежа было убито 49 коммунистов и работников Совета³⁵. Прапорщик Мальцев пытался организовать из мятежников "народную армию"³⁶. Восстание было подавлено отрядами сельских коммунистов, рабочих и Пермской ЧК. Когда они подошли к мятежному селу, крестьяне сами арестовали часть главарей и освободили арестованных (типичное поведение для взбунтовавшихся крестьян во все времена). С целью предотвращения восстаний, губчека взяла 78 заложников, опубликовав их фамилии³⁷. Взятие заложников стало новацией большевиков в борьбе с народной стихией.

Восстаниями крестьян, судя по данным советских источников, руководили офицеры. Возглавляемые ими отряды захватывали станции, портили телеграфную и телефонную связь, разрушали железнодорожное полотно. Нанося удары с тыла, они отвлекали части Красной Армии с чехословацкого фронта. Очаги крестьянских восстаний возникли во всех губерниях Урала и Поволжья.

Ленин считал, что "кулацкие элементы" "составили из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России"³⁸. Очевидна предвзятость этой оценки, положенной в основу советской историографии гражданской войны. Кулаки были меньшинством в крестьянстве и сами по себе не представляли серьезной опасности для Советской власти. Их сила за-

ключалась в социальном родстве с крестьянским общинным большинством. Как социально наиболее активная часть крестьянства, кулачество, борясь за свое существование, вместе с тем отстаивало коренные экономические интересы имущих слоев деревни. Посягательство государства на интересы сельских товаропроизводителей объединяло кулаков и средних крестьян, придавая массовость их движению. Только их совместная борьба создавала реальную опасность для власти. Ленин же, акцентируя внимание на роли кулаков в расширении контрреволюционного движения, подтверждал свой прогноз развития классовой борьбы, оправдывая намеченные им в мае 1918 г. чрезвычайные меры против кулаков.

Крестьянство в основной своей массе стремилось уклониться от участия в гражданской войне, остаться по возможности нейтральным. Некоторые уездные Советы, стремясь смягчить ситуацию, практиковали призыв в Красную Армию по разверстке 10-25 добровольцев с волости: в Курганском уезде Пермской губернии - по 10, в Уфимской губернии - по 20, в Елабужском уезде Вятской губернии - по 25 человек³⁹. Впервые такая мобилизация была применена в апреле в Саратовской губернии, где для борьбы с белоказаками каждая волость обязывалась выделить 100 человек. В июне по указанию Н.И.Подвойского такую мобилизацию провели в Рузаевском уезде Пензенской губернии, где каждая волость должна была выделить по 20 рядовых и по 2 унтер-офицера под ответственность волостных Советов за их благонадежность⁴⁰. Здесь мобилизация добровольцев прошла с успехом, дав возможность сформировать значительную армию. Но на Урале эта мера не дала результатов прежде всего в силу осложнившейся обстановки в районе. Так, в Осинском уезде, где подобная мобилизация проводилась с 15 по 24 августа, Красная Армия получила лишь 678 человек⁴¹. В армию шли прежде всего добровольцы из рабочих и бедноты. Середняки уклонялись от призыва, а порой вместе с кулаками уходили к белым. Из-за "несочувственного отношения крестьян" в Оханском, Кунгурском, Шадринском, Красноуфимском уездах Пермской губернии мобилизация была отменена⁴².

В поволжской деревне, как и на Урале, мятеж чехословаков ускорил размежевание крестьянства. Кулаки активно поддержи-

вали чехов и казаков, вторгшихся в Новоузенский и Николаевский уезды. Беднота вступала в Красную Армию, и на основе волостных и сельских отрядов добровольцев здесь были сформированы две стрелковые бригады. В одну из них влились отряды В.И. Чапаева, И.М. Плясункова, И.В. Топоркова, И.С. Кутякова и др.⁴³

В Саратовской губернии в первые дни мятежа чехословацкого корпуса крестьяне Аткарского и Сердобского уездов, захваченных военными действиями, послали в Красную Армию 8600 добровольцев. Но объявленная 30 мая V губернским съездом Советов мобилизация не была поддержана крестьянскими сходами и Советами⁴⁴. ВЦИК декретом от 12 июня предписал провести мобилизацию в двух уездах губернии - Хвалынском и Вольском, а 27 июля она была распространена на Сердобский и Кузнецкий уезды⁴⁵. Для проведения разъяснительной работы в деревни были направлены 10 членов губисполкома и агитаторы губвоенкома⁴⁶.

Но одновременно в губернии активизировались правые эсеры. Их областной комитет находился в Саратове. Для подготовки восстаний сюда из Москвы прибыли представители ЦК. В Поволжье собирался эсеровский актив из центральных губерний. Среди крестьян работал К. Буревой, бывший в 1917 г. председателем Воронежского Совета крестьянских депутатов⁴⁷. Для работы в деревне правые эсеры активно использовали продовольственный аппарат, куда через биржу труда под видом контролеров трудовых артелей, комиссаров по учету урожая и т. п. проникло много бывших офицеров. Разъезжая по губернии, они вели антисоветскую агитацию, а во время наступления чехословаков стали готовить восстание⁴⁸. В июле губпродком послал в деревню около 700 студентов и интеллигентов для учета хлеба. Многие из них также стали агитировать против политики Советов и мобилизации⁴⁹. 30 июля правые эсеры провели съезд представителей шести волостей Царицынского уезда, вынесший резолюцию против мобилизации и декрета о комбедах⁵⁰. В некоторых волостях были разогнаны организации бедноты. Вокруг Саратова вспыхнули восстания. Пригородные станции Татищево, Курдюм, Разбойщина были захвачены повстанцами. Сотрудники губчека арестовали подпольный штаб правых эсеров, руково-

дивший антисоветским движением в губернии⁵¹. Тем не менее в 44 волостях начались крестьянские восстания. Уездные города Вольск, Хвалынский, Сердобск, Кузнец были захвачены восставшими⁵². В Саратовском уезде, как только была объявлена мобилизация, в 12 селах были разогнаны Советы, расстреляны активисты из бедноты. В деревне Таловка кулаки из немецких колонистов за восемь дней мятежа убили 19 бедняков и около 150 приговорили к расстрелу⁵³. В таких условиях не только средние крестьяне, но и часть бедноты предпочитали уклониться от явки на призывные пункты. Мобилизация в этих уездах была отменена⁵⁴. В июле восстания прокатились по Новоузенскому, Петровскому и Аткарскому уездам: и здесь мобилизация была сорвана. В Кузнецком и Сердобском уездах призыв был объявлен после подавления восстаний, но поскольку он не был поддержан крестьянами, его также пришлось прекратить⁵⁵.

Не удалась объявленная 12 июня мобилизация крестьян и в трех уездах Симбирской губернии. И здесь пополнение Красной Армии шло за счет добровольцев из коммунистов и бедноты всех национальностей: в Алатырском уезде был сформирован русско-чувашский конный полк, в Буинском - смешанный отряд и чувашский партизанский отряд во главе с председателем уездного исполкома И.С.Космовским⁵⁶.

Слабая работа уральских и поволжских Советов по проведению мобилизации населения в Красную Армию во многом объясняется позицией левых эсеров. Имея большинство в Советах и занимая ответственные посты в исполкомах, в частности, должности губернских и уездных военных комиссаров и руководителей, они не оказывали активной поддержки военной политике центральной власти. Левые эсеры были противниками регулярной классовой армии, отстаивали всеобщее вооружение и партизанские методы борьбы. ЦК левых эсеров видел в чехословацких легионерах силу, способную взорвать Брестский мир. Немалые надежды ЦК возлагал на командующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева, намеревавшегося объединиться с чехословаками для совместных военных действий против Германии⁵⁷. На местных съездах и в исполкомах Советов левые эсеры выступали против мобилизации, за всеобщее вооружение. Однако по мере развития вооруженной борьбы на Урале и в Поволжье от-

ношение значительной части левых эсеров к мятежу чехословацкого корпуса изменилось: они вместе с коммунистами включились в организацию обороны. В числе защищавших Пензу, Самару, Симбирск, Казань были и дружины левых эсеров. В борьбе с чехами погиб военный комиссар Симбирской губернии левый эсер П.Х.Гладышев⁵⁸, руководитель пензенской губернской организации и другие левые эсеры.

1 августа распоряжением командующего 1-й армией М.Н.Тухачевского в Симбирской губернии была объявлена мобилизация бывших солдат, унтер-офицеров и крестьян пяти призывных возрастов. Советам предлагалось применять самые решительные меры, вплоть до расстрелов и конфискации имущества в пользу бедноты, к кулакам и лицам, оказывающим сопротивление и агитирующим против мобилизации. В некоторых волостях трудно было найти лиц на должности военных комиссаров и руководителей, крестьяне отказывались давать армии лошадей, заявляли о нежелании идти на службу. В донесении от 9 августа комиссар политотдела 1-й армии В.В.Куйбышев отмечал необходимость применения оружия к сопротивляющимся деревням⁵⁹.

Для настроений крестьян характерно заявление, сделанное сельским сходом Б.-Березниковской волости Карсунского уезда Симбирской губернии. Отказ от мобилизации они обосновывали тем, что идет война партий, "а мы (крестьяне) беспартийные"⁶⁰. Сопротивление крестьян мобилизации в Курмышском, Алатырском и Ардатовском уездах переросло в восстание⁶¹. Оно было ликвидировано при активном участии продовольственных отрядов рабочих и агитаторов политического и мобилизационного отделов 1-й армии. При его подавлении только в Курмышском уезде было расстреляно до 1 тыс. "контрреволюционеров"⁶². В таких масштабах репрессии против крестьян были применены впервые.

В Казанской губернии до середины июля губисполком был в руках левых эсеров. Занимая посты губернского и уездных военных комиссаров, они использовали их аппарат для создания своих боевых дружин⁶³. Лишь 30 июня крестьянская секция Совета высказалась за мобилизацию и 7 июля был опубликован приказ о мобилизации одного призывного года, но левые эсеры соглашались на нее лишь при условии отмены хлебной монополии⁶⁴.

Это была личная инициатива казанских левых эсеров, идущая навстречу крестьянским требованиям. Однако призыв в армию, намеченный на 16-17 июля, был провален крестьянами. Второй срок явки (24-26 июля) также был сорван⁶⁵. Крестьянские сходы не желали слушать большевистских агитаторов, отказывались от советских газет и литературы. В Ядринском уезде собранные мобилизованные ушли с призывных пунктов⁶⁶.

Документы крестьянских сходок и сельских Советов раскрывают весь комплекс причин колебаний крестьян: недовольство отсутствием товаров первой необходимости, хлебной монополией, непонимание целей и характера войны, страх перед чехами и кулацким террором, антикоммунистическая агитация эсеров, отрицательный пример соседних волостей. Казанский уездный военком Ф.Терехин вспоминал в 1924 г., что явка и настроение мобилизованных были прескверные. На призыв являлась треть или четверть. Вместо призывников сельские Советы и волисполкомы присылали протоколы, в которых, например Арская волость, писалось: ввиду того, что "ближайшие волости заняты чехами, нам не устоять, поэтому на мобилизацию не являться"⁶⁷. Ряд волостей высказались за Учредительное собрание. Прибывшие на призывной пункт крестьяне Столбищенской волости ушли обратно, якобы за неявившимися. Поскольку одна деревня отказалась от мобилизации, ее примеру последовали и все другие. Некоторые требовали удостоверений, что они пошли в армию по мобилизации, а не добровольно. И все-таки по Казанскому уезду на призыв явилось 1250 крестьян⁶⁸. По существу это были добровольцы, сознательно вставшие в ряды защитников Советской власти.

Массовый отказ от призыва имел место во всех уездах, а не только в районах с преобладанием татарского, чувашского, марийского крестьянства, находившегося под влиянием националистов⁶⁹. В трех губерниях Поволжья - Казанской, Самарской и Симбирской в эти месяцы произошло 38 восстаний⁷⁰. Их активными участниками были мобилизованные крестьяне. Вышеизложенное дает основание не согласиться с выводом авторов книги по истории Приволжского военного округа, что мобилизация здесь "в целом прошла удачно"⁷¹.

В прифронтовых Вятской и Пензенской губерниях, наводненных агентами Комуча, настраивавшими население против советской власти, чтобы сохранить в нейтральном состоянии деревенское население, проводились лишь частичные мобилизации людей и транспортных средств. И здесь левые эсеры, идя навстречу настроениям крестьян, серьезно мешали созданию Красной Армии. Пензенский губернский военный комиссар коммунист Л.Х.Фридрихсон требовал немедленного очищения военных органов от левых эсеров и укрепления их коммунистами, заявляя, что в противном случае он снимет с себя ответственность за дальнейшие события⁷². В августе Чембарский уездный военком Шильцов, имевший сторонников в 42 волостях и опиравшийся на 1500 левых эсеров, поднял восстание, захватил город, раздал оружие крестьянам⁷³. Лишь очищение военного аппарата от левых эсеров, организация бедноты и широкая разъяснительная работа позволили провести в губернии частичную мобилизацию⁷⁴. В Вятской губернии призыв был прекращен в связи с восстаниями в Нолинском, Малмыжском, Уржумском, Елабужском, Яранском уездах.

Первая половина августа дала наивысший подъем крестьянских восстаний в Поволжье и на Урале, где они охватили 51 уезд. Спротивление крестьян принудительному набору в армию легко перерастало в восстания. Тем не менее мобилизация в Красную Армию дала в Приволжском военном округе 14 646 человек. Уральском - 22 609, в Сибири - 16 794, всего - 54 049 человек⁷⁵, т.е. 19,6% от предполагавшегося количества призывников.

Чрезмерные трудности, вставшие весной перед хозяйствами крестьян, отсутствие перспективы улучшения жизни озлобляли их. Крестьянская психология порождала иллюзии о возможности уйти в сторону от борьбы, отсидеться дома, переждать тревожное время.

Подобная картина наблюдалась на всей территории страны. Там, где установилась власть Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) и близких к нему правительств, сразу же был поставлен вопрос о формировании армии "для создания на Волге антигерманского фронта". 8 июня (день взятия Самары) Комуч объявил о создании "народной" армии из добровольцев, подчеркивая ее внеклассовый характер. Но крестьяне воевать не хотели. Один из организаторов этой армии, Н.А.Шмелев, обра-

щая внимание на ее социальный состав, писал, что в “ряды добровольческих частей вливались бывшие офицеры, учащая молодежь, интеллигенция. Их состав был приблизительно однороден и лишь слабо разбавлен представителями трудовой демократии”. Только в Хвалынско-Вольском районе, Ачинской и Сарнинской волостях Красноуфимского уезда, населенных богатыми хуторянами, в Ижевско-Воткинском районе “Народная армия” пополнялась за счет рабочих и крестьян⁷⁶.

Крестьяне пяти из семи уездов Самарской губернии не поддержали добровольчества для армии Комуча. Лишь самые богатые уезды губернии - Николаевский и Новоузенский дали добровольцев⁷⁷. Но они же послали десятки тысяч бедняков и мало-мощных середняков в Красную Армию. Правый эсер П.Д.Климушин вынужден был признать в сентябре 1918 г., что, “несмотря на всеобщее ликование, реальная поддержка была ничтожна. К нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали”⁷⁸.

30 июня Комуч перешел к мобилизации. Крестьянские массы всех губерний, подвластных Комучу, отнеслись к ней отрицательно. На съездах и сходах крестьяне заявляли, что гражданской войны не хотят и солдат для войны с большевиками не дадут⁷⁹. Из занятой белогвардейцами части Симбирской губернии советский разведчик сообщал в штаб 1-й армии, что там удался призыв офицеров, а мобилизация унтер-офицеров и солдат, несмотря на повсеместное применение карательных мер, “прошла плачевно”⁸⁰. Как и при мобилизации в Красную Армию, крестьяне мотивировали свой отказ от призыва “партийностью” войны и собственной беспартийностью.

Грабежи, насилия над населением, массовые порки крестьян - вот что принесла “Народная армия” в деревню. Население, с нетерпением ожидавшее ее прихода, признавал Н.А.Шмелев, “часто чуть ли не с первых дней горько разочаровалось в своих ожиданиях”⁸¹. В Мензелинском уезде, населенном татарами, в период наступления чехословаков прошла волна крестьянских выступлений против Советской власти. “Но достаточно было “погулять” по уезду несколько дней полковнику Щ. со своими молодцами, как настроение совершенно изменилось в противоположную сторону. Когда Мензелинский уезд был вновь занят со-

ветскими войсками, почти все мужское население уезда, способное носить оружие, не дожидаясь принудительной мобилизации, вступило в ряды Советских войск"⁸², - писал Н.А.Шмелев. Признание правого эсера отразило характерные изменения в настроениях и поведении крестьян Поволжья и Урала.

Эсеровский Совет крестьянских депутатов Самарской губернии разослал в деревни анкету с вопросом: нужно ли воевать с немцами? "Вестник Учредительного собрания" в нескольких номерах печатал ответы крестьян. Приведем несколько типичных ответов: "война с Германией и вообще война не желательна" (Аделаидовский сельский сход Бугурусланского уезда); "война с немцами не желательна" (Васильевский сельский сход того же уезда). В том же духе высказывались сельские сходы Бузулукского и других уездов⁸³.

8 июля крестьяне многих волостей привезли на Самарский уездный съезд, проводимый правыми эсерами, наказания, в которых говорилось о поддержке беднотой Советской власти. На съезде часть середняков заявила о "нейтралитете". Но делегаты с. Обшаровка, Красно-Донской и других волостей открыто говорили, что крестьяне воевать не пойдут⁸⁴. Крестьяне семи волостей Бугурусланского уезда отказались от явки на призывные пункты⁸⁵. В Ключевской волости молодежь, избегая мобилизации, скрылась. Для наведения "порядка" прибыл отряд в 200 казаков. Нежелавших вступить в армию стегали нагайками, родителей скрывшихся призывников выпороли, 18 человек арестовали, двоих расстреляли⁸⁶. 23 июля под влиянием большевиков крестьяне с. Зыкова и Егорьевка постановили: в "Народную армию" не идти. 4 августа от мобилизации отказались крестьяне Емельяновской, Матвеевской, части Новобогородской волостей⁸⁷. Такие же решения вынесли сходы Елховской волости, Троснянской, Красного Яра и др. В Еманкаевской волости крестьяне открыто заявили, что не хотят воевать друг с другом⁸⁸. И всюду Комуч "вразумлял" крестьян карательными отрядами, поркой, расстрелами без суда и следствия.

Не желая воевать и возмущенные насилиями, крестьяне нескольких волостей Самарской губернии восстали против политики Комуча. В июле в Кинель-Черкасской, Подбельской и Сарбайской волостях Бугурусланского уезда при подавлении восста-

ния было расстреляно более 500 человек⁸⁹. В Иващенковской волости при таких же обстоятельствах чеки уничтожили около 2 тыс. крестьян, в Николаевском уезде 45 коммунистов были зарыты живыми в землю⁹⁰.

Агитатор агитационно-вербовочного отдела Комуча Н.В.Витиевский докладывал 17 августа, что крестьяне сел Матвеевка, Новоспасское и других Бугуруслановского уезда враждебно относятся к Учредительному собранию и мобилизации, не дают людей и лошадей для армии. В ряде сел настроение большевистское, многие не верят в гибель Советов. Особенно сильным сопротивлением политике Комуча было в Абдулинском районе. Даже под пулеметами крестьяне Зыковской, Тимошкинской, Емельяновской волостей не дали солдат. В общем, заключал агитатор, дела обстоят скверно, население не одобряет Комуча⁹¹.

О том, что "Народная армия" не пользуется популярностью у крестьян, заявляли не только деятели Комуча Климушкин, Шмелев и др. "Мобилизация, - писал монархист А.Соловейчик, разоблачая несостоятельность политики эсеров, - протекала весьма неблагоприятно: крестьянство, не увлеченное лозунгом Учредительного собрания, приговорами своих сходов, заявляло о своей "нейтральности" и давало солдат лишь после того, как посылались карательные экспедиции"⁹². Генерал П.А.Щепихин признавал впоследствии, что все мобилизации провалились⁹³.

Уклонения от мобилизации вскоре переросли в массовое дезертирство и открытую борьбу с Комучем. Уполномоченный Комуча по Бугульминскому уезду доносил в августе 1918 г.: "За последнее время наблюдается крайне нежелательное явление - массовый уход солдат из полка домой в деревню. Идут поодиночке, идут толпами. Несмотря на посылки начальником гарнизона отрядов для поимки беглецов, успешных результатов нет - поймут, приведут, а он через день опять убежит"⁹⁴. Только из Самарского полка дезертировало около 2 тыс. человек⁹⁵. Из 14 000 мобилизованных крестьян Бузулукского уезда на сборный пункт явилось только 1564 (10,8%), но вскоре большинство из них разбежались по домам⁹⁶.

По сообщению разведчика Строганова в политотдел штаба II армии от 15 сентября 1918 г., в занятом белогвардейцами Чистопольском уезде Казанской губернии настроение даже богатых

крестьян изменилось в пользу Советской власти, так как за малейшую провинность белые расстреливают крестьян. От грабежа белых, писал Строганов, больше всего страдает середняк, так как богатые скрываются или поддерживают белогвардейцев, а у бедняка взять нечего. Теперь, продолжал информатор, все жалуют о Советах, ждут прихода Красной Армии. Крестьяне провалили мобилизацию четырех возрастов в "народную" армию. Даже волости, которые при Советской власти высказывались за Учредительное собрание, не мирятся с властью белых, хотят получить оружие для борьбы с ними. Многие крестьяне, получив оружие в "народной" армии, вернулись в деревни и начали борьбу с белыми⁹⁷.

В партизанскую борьбу включилось многонациональное крестьянство Казанской губернии. 15-16 августа в с. Пролей-Каши Тетюшского уезда состоялось собрание, на котором присутствовало 120 представителей соседних волостей. Обсуждались вопросы политического характера, в том числе мобилизация в "Народную армию". Решение сорвать призыв было поддержано как русским, так и чувашским крестьянством. Когда в село прибыли каратели, направленные местным помещиком, бывшие фронтовики обезоружили их. На следующий день прибыл усиленный отряд во главе с помещиком. Было арестовано 9 человек, при этом кулаки выдали карателям еще 16 крестьян из середняков⁹⁸. Село стало центром партизанского движения.

Реанимация Учредительного собрания не была поддержана крестьянством. Альтернатива коммунистической диктатуре оказалась лишь кратковременным экспериментом.

В центральных губерниях России летом 1918 г. массовых призывов крестьян в Красную Армию не проводилось с тем, чтобы дать им возможность закончить полевые работы и уборку урожая. Но Ленина интересовали настроения крестьян тыловых губерний, их отношение к мобилизации в Красную Армию, что позволяло глубже понять причины колебаний крестьян, их обусловленность и порайонные особенности. С этой целью было решено провести пробный призыв крестьян в одной из тыловых губерний. Была выбрана Тамбовская губерния⁹⁹, входившая в Московский военный округ, не испытывавшая влияния внешних факторов (интервенции). 12 июня 1918 г. Ленин телеграфировал Там-

бовскому губернскому комиссару: “Ввиду того, что контрреволюционные помещики и капиталисты, кулаки и наемные агенты иностранных империалистов подняли голову и пытались вырвать власть из рук рабочих и крестьян, приказываю Вам объявить в Тамбовской губернии призыв на военную службу всех рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужой труд, родившихся в 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг.”¹⁰⁰

Объявление мобилизации в Тамбовской губернии выявило те же явления, что в Поволжье и на Урале. Крестьяне и здесь не были готовы встать под ружье, не понимали целей и характера войны. Волостные Советы не доводили до крестьян приказ о мобилизации или выносили решения с отказом от нее. В ряде волостей были разогнаны военные комиссариаты. В Спасском уезде от призыва уклонилось 4 тыс. крестьян¹⁰¹. В Темниковском уезде председатели некоторых сельских Советов не только вели антимобилизационную агитацию, но и отказывались выдавать необходимые документы крестьянам, желавшим добровольно вступить в Красную Армию. Только после агитационно-разъяснительной работы, проведенной политотделом 1-й армии (уезд входил в зону его деятельности) и издания командованием приказа “об аресте членов волостных Советов в случае неявки мобилизованных и доставки последних под конвоем”¹⁰², крестьяне стали являться на призывные пункты.

В Усманском уезде были попытки подбить мобилизованных разогнать Советы. В Сафроновской и Соротельской волостях им удалось спровоцировать самосуды над членами Советов. 17 июня мобилизация в уезде была временно прекращена¹⁰³. В Липецк мобилизованные крестьяне пришли из всех волостей, но отказались ехать на формирование, заявив, что будут защищать Советы только в своем уезде. В Тамбове неподготовленность властей к приему призывников привела к восстанию. Больше половины мобилизованных (400 из 700) разбежались¹⁰⁴.

Председатель губисполкома, докладывая в Москву о ходе мобилизации, отмечал, что среди призванных крестьян специально прибывшими агитаторами распространялись тревожные слухи о падении Петрограда, убийстве Ленина. Кулаки стали вооружаться и свергать Советы в ближайших к Тамбову волостях. 18 июня толпа мобилизованных учинила в городе погром комисса-

риатов, арестовала советских работников¹⁰⁵. "По моему глубокому убеждению, - писал военный руководитель Тамбовской губернии, - мятеж носит характер организованный, и я не сомневаюсь, что это политическая авантюра правых, левых эсеров..."¹⁰⁶. Однако Высшая военная инспекция, анализируя причины, по которым пришлось отложить мобилизацию в Тамбовской губернии, прежде всего отметила недостаточную организованность власти в губернии, слабость Советов, неотлаженность военно-административного аппарата, полную неудовлетворительность постановки военного дела и другие причины¹⁰⁷, общие для всех губерний в этот период.

Из анализа тамбовских событий Ленин сделал вывод, ставший фундаментом советской историографии гражданской войны: "Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам"¹⁰⁸. 1 июля в интервью корреспонденту газеты шведских социал-демократов Ленин подчеркнул: "Контрреволюция состоит из богатых крестьян и офицеров, но без иностранной поддержки она бессильна"¹⁰⁹. Ленинская оценка стала незыблемой догмой, исключавшей возможность иного осмысления этого периода гражданской войны и крестьянских восстаний как ее неотъемлемой части.

В остальных губерниях центральной России в июне-июле шло формирование военно-административного аппарата и организация частей Красной Армии на основе добровольчества и мобилизации специалистов. По данным на 15 июля, в Московском военном округе в Красную Армию вступило более 77,5 тыс. добровольцев¹¹⁰. Из центральных губерний в Москву неоднократно поступали сообщения о трудностях формирования Красной Армии. В донесениях, наряду с несознательностью деревенских масс и антисоветской пропагандой, серьезным препятствием называлась деятельность левых эсеров. Так, в сообщениях из Курска неоднократно отмечалось, что если губерния не будет очищена от военных комиссаров - левых эсеров, которые, разъезжая по деревням, агитируют против Брестского мира, то в скором времени начнется восстание¹¹¹. В Воронежской губернии левые эсеры, используя уездные и волостные Советы, где имели значи-

тельное число мест, проводили самовольные мобилизации крестьян и формировали из них партизанские дружины и отряды для провоцирования войны с Германией. Губернский военный комиссар И.А.Чуев направил всем уездным Советам и военкомам телеграмму, запрещающая подобные мобилизации и настаивая на организации Красной Армии¹¹².

Летом вопросы военного строительства стали центральными в деятельности РКП(б) и Советской власти. Майское предписание Ленина и Свердлова о повсеместной организации в недельный срок военных комиссариатов было выполнено лишь на губернском уровне. К началу июня они были созданы в 21 из 23 губерний центра и Северо-Запада, а в уездах лишь в 68,5% (170 из 248)¹¹³.

В июне-июле усилилась агитация против создания военкоматов в волостях. В некоторых местах даже созданные комиссариаты были распущены, участились убийства комиссаров и организаторов Красной Армии. Известия об этом поступили из Александровского, Бельского, Валдайского, Глазовского, Егорьевского, Епифановского, Ковернинского, Коротоякского, Корочанского, Липецкого, Льговского, Моршанского, Муромского, Новоладожского, Олонецкого, Осинского, Осташковского, Поречского, Порховского, Пошехонского, Симбирского, Слободского, Старорусского, Тимского, Холмского, Чернского и других уездов.

В августе волостные военные комиссариаты были созданы в 19,7% волостей аграрных губерний центра и в 43,4% волостей промышленных губерний¹¹⁴. Их организация ускорила в связи с созданием комитетов деревенской бедноты и сельских партийных ячеек. Работники окружных, губернских и уездных военкоматов, формируя комиссариаты, одновременно помогали организовываться бедноте. Комбеды, в свою очередь, выделяли кадры из солдат-фронтовиков для укрепления военкоматов. В ноябре военкоматы имелись в 98,7% волостей аграрных губерний и в 100% промышленных¹¹⁵. Однако далеко не все они оказались работоспособными.

Как очевидно, первые мобилизации в значительной мере носили характер добровольчества. Большая же часть крестьянства стремилась уклониться от участия в гражданской войне, сохра-

нить нейтралитет в борьбе коммунистов и эсеров за власть. Однако остаться нейтральным в гражданской войне оказалось невозможным.

В то время как в Поволжье, на Урале, в Сибири и на юге страны крестьянство из двух диктатур выбирало "лучшую", в центре страны усиливалась политическая борьба большевиков с левоэсеровской оппозицией в Советах.

3.2. Левоэсеровская оппозиция. Восстания крестьян в Центральной России.

Летом 1918 г. партийная борьба в стране достигла предельной остроты.

Постановлением ВЦИК 14 июня 1918 г. меньшевики и правые эсеры были исключены из ВЦИК и местных Советов. В Советах осталась только одна оппозиционная партия - левые эсеры.

В печати, на съездах Советов, в деревне левые эсеры развернули ожесточенную борьбу против похода рабочих в деревню, против раскола крестьянства, против организации комбедов. Из номера в номер орган ЦК левых эсеров газета "Знамя труда" доказывала, что комбеды - это плод чистейшего кабинетного мышления, отход от лозунгов Октябрьской революции, что комбеды означают упразднение Советов и передачу власти из рук трудового крестьянства случайным пришельцам, что заготовка хлеба должна вестись через существующие Советы без насильственного изъятия его из деревни. Левые эсеры настаивали на получении хлеба только путем товарообмена, введения монополии на все продукты, замены денежных налогов с крестьян хлебным обложением. Выход из трудностей они видели в изменении внешней политики, в разрыве Брестского мира. Левоэсеровские газеты (в апреле в Центральной России издавалась 41 левоэсеровская газета¹⁶) призывали крестьян к сопротивлению политике правительства. В июне 1918 г. партия левых эсеров выросла до 80 тыс. членов, объединенных в 130 - 133 организациях¹⁷. Их практическая деятельность сводилась к завоеванию большинства мест в Советах, сплочению крестьян и агитации их против политики правительства.

На этой почве уже в июне в Советах Воронежа, Калуги, Нижнего Новгорода, Тулы, Ярославля коммунисты пошли на раз-

рыв с левыми эсерами. Так, губернская фракция коммунистов Воронежского Совета, чтобы обеспечить выполнение правительственных декретов, вывела левых эсеров из продовольственного и финансового отделов. В знак протеста 17 июня левые эсеры вышли из губисполкома¹¹⁸, перенесли борьбу в деревню. Готовясь к выборам на V Всероссийский съезд Советов, Воронежский губернский комитет левых эсеров распространил в деревнях листовку, обращенную к тем, "у кого есть хлеб" и направленную против коммунистов¹¹⁹.

Большевистские газеты Воронежа в свою очередь настойчиво писали о засилье кулаков, именующих себя левыми эсерами, в волостных Советах, наличии у них большого количества оружия и их агитации против комбедов. В Землянском уезде в борьбе против бедноты и коммунистов левые эсеры объединились с правыми. Волостные и сельские Советы, состоявшие из бедноты, были разогнаны¹²⁰. 2 июля съезд Советов Ореховской волости того же уезда, рассмотрев вопрос об организации комитета бедноты, не допустил его создания. Старо-Ольшанский Совет, состоявший из четырех левых эсеров и двух коммунистов, обсуждал декрет о комбедах в отсутствие бедноты и отклонил их организацию в волости. Не удалось выделить бедноту и в с. Владимировке. В д. Киевка комбед был сформирован вопреки Совету. Не стал исполнять декрет и Совет д. Избище (Гончариха). Созванный 4 июля сход целый день не соглашался на выделение и организацию бедноты. Прибывшему инструктору каким-то образом удалось отделить кулаков от бедноты. Только после этого 200 бедняков создали комиссию из 7 человек, поручив ей подготовить перевыборы Совета и оформить комбед¹²¹. В с. Гудовка Ендовищенской волости Совет разогнали и восстановили власть старшины. Сельская ячейка коммунистов обратилась в губисполком с просьбой прислать отряд для разоружения кулаков и создания бедняцкого Совета. 18 июля отряд Красной Армии прибыл в село. Вместе с ним приехал инструктор-агитатор Зимин. Но сход выступил против переизбрания Совета, организации комбеда и сдачи оружия. С помощью красноармейцев было арестовано 22 крестьянина. После этого в восстановленный Совет избрали коммунистов и одновременно организовали комитет бедноты. Сельская ячейка РКП(б) увеличилась до 29 человек¹²².

В Богучарском, Острогожском, Нижнедевицком, Коротоякском уездах той же Воронежской губернии левые эсеры готовились к вооруженной борьбе с коммунистами за власть. 29 июня они демонстративно покинули Коротоякский уездный съезд¹²³. "Саботажники, - доносили в Наркомпрод уполномоченные по губернии, - разъезжают по селам, подговаривают не давать хлеба. Вообще в Воронежскую губернию слетается контрреволюционная саранча..."¹²⁴

В июле в губернии состоялся съезд уездных комиссаров продовольствия, наметивший конкретные меры по реализации майских декретов. Особое внимание обращалось на организацию комбедов как основных помощников в борьбе с держателями хлеба. В деревню были направлены агитаторы и инструкторы для разъяснения бедноте важности задач, поставленных перед ней государством¹²⁵. Однако без активной помощи Центра местные коммунисты были бессильны против левых эсеров, имевших сильные позиции в крестьянских Советах уездов и волостей. Поэтому Наркомпрод направил в Воронежскую губернию своих уполномоченных и рабочие продотряды. В начале июня в один из самых хлебных уездов губернии - Коротоякский - прибыл продотряд московских рабочих в 425 человек. Уездный Совет голосами 23 правых эсеров отверг попытки коммунистов (6 человек) учесть хлеб. В деревнях крестьяне заявляли, что они теперь левые эсеры и хлеба реквизиционным отрядам не дадут, а если "силой придете брать, то наша партия меня защитит, оружия у нас достаточно для этого"¹²⁶.

Деревня враждебно встречала продотряды. "Обладателям хлеба, - писал в Наркомпрод ее уполномоченный Д.Гольман, - удавалось привлекать на свою сторону бедноту, и бывали случаи, когда все жители деревни по набатному звону собирались, вооружались кто чем мог и бывали готовы оказывать нашему отряду сопротивление"¹²⁷. Интересуясь, почему крестьяне не сдают хлебные излишки, Д.Гольман пришел к выводу, что это происходит не потому, что они сплошь контрреволюционны, а по причинам экономическим и в силу особенностей психологии крестьянина-собственника. Крестьянин обычно никогда не продавал все излишки. Зажиточным, порядочным хозяином в деревне считался тот, у кого хлеб лежит из года в год. В д.Сетищи, на-

пример, у крестьян имелся хлеб 16-20-летней давности. Только беднота из-за нужды продавала свои запасы между жатвой озимых и яровых хлебов по самым низким ценам. Теперь же, когда рубль был неустойчив, деревня деньги брала неохотно. Хозяйственные крестьяне придерживали хлеб, ожидая возможности продать его подороже или обменять на товары. На сходах крестьяне заявляли: "Мы даем хлеб, давали и будем давать, мы хотим поддерживать Советскую власть". Однако сдавали они не весь излишек, а пятую часть или четверть. Иногда по постановлению схода жертвовали еще 1-2 тыс. пудов. Но когда приходил отряд, чтобы забрать остальной хлеб, деревня встречала его набатным звоном и оружием. "Требовать от крестьян сдачи всех излишков потому, что это необходимо для жизни и благополучия Советской Республики, - это значит требовать полного сознательного отношения к создавшемуся положению, это значит требовать сознательных жертв от крестьянства, которое ищет от свободы выгоды и только выгоды"¹²⁸, - заключал уполномоченный Наркомпрода. До прибытия рабочего продотряда из Коротоякского уезда в центр не было вывезено ни пуда хлеба. За два месяца работы отряда было собрано 250 тыс. пудов, из которых 130 тыс. пудов (130 вагонов) было отправлено в Москву¹²⁹, а остальной хлеб распределен среди бедноты.

По сообщениям местных коммунистов, в таких же условиях велась работа и в других уездах. Нередко имущие крестьяне подкупали и спаивали бедноту, вовлекая ее в борьбу с рабочими отрядами. В с. Ливенки Павловского уезда, где ежедневно изготавливалось 200 ведер самогонки, местные крестьяне напали на продотряд, что повлекло за собой человеческие жертвы¹³⁰. В Острогском уезде крестьяне повесили замки на ссыпные пункты, поставили стражу и не выпускали хлеб. Даже в обмен на мануфактуру они не желали добровольно сдавать его¹³¹.

В Орловской губернии продовольственным, земельным, военным и другими отделами Совета руководили левые эсеры. Постоянные конфликты с коммунистами делали губисполком неработоспособным¹³². 21 мая голосами коммунистов губисполком принял постановление о реквизиции излишков хлеба и инструкцию о порядке ее проведения¹³³. В уезды были назначены продовольственные диктаторы. В помощь им в селениях создавались

учетные комиссии из комиссара и трех беднейших крестьян, в распоряжение которых предоставлялись вооруженные отряды. В июне было сформировано Центральное бюро по организации бедноты. 14 июля руководство Центрального бюро сообщало в президиум губернского Совета, что от инструкторов часто поступают жалобы на местные Советы, которые не только не оказывают содействия, но во многих случаях препятствуют созданию комбедов и учету хлеба. Оно просило губисполком в самой строгой форме предписать Советам не подрывать работу по организации комитетов бедноты³⁴.

Создание комбедов шло слабо во всех уездах, где в исполкомах имели преобладание левые эсеры. 17 июня против продовольственной диктатуры высказался Карачевский уездный съезд земельных отделов. 27 июня левозсеровский исполком уездного Совета поддержал его резолюцию о запрещении работы реквизиционных отрядов, о сохранении единства крестьянских Советов и против организации бедноты³⁵. Однако IV уездный съезд Советов, на котором было 96 коммунистов и 50 левых эсеров, отверг резолюцию левых эсеров по продовольственному вопросу. Была принята резолюция коммунистов, выражавшая недоверие исполкому за развал работы. В новый состав исполкома вошло 18 коммунистов и 9 левых эсеров³⁶. В Брянском, Трубчевском, Малоархангельском уездах волостные Советы не публиковали декрет о комбедах. Губисполком направил в деревню на 500 тыс. руб. различной литературы, но она не доходила до крестьян, так как Советы сжигали ее³⁷. Только приезд инструкторов и рабочих изменил положение, беднота приступила к организации комбедов и перевыборам Советов³⁸. Трудно было создавать комбеды в Ливенском уезде, где бедноты было немного - 10%³⁹, а среднее крестьянство вместе с кулаками спекулировало хлебом. В этом уезде левые и правые эсеры вместе боролись против комбедов.

Совместными усилиями продотрядов и бедноты за июнь-июль в Орловской губернии было собрано лишь 135 тыс. пудов хлеба⁴⁰.

Подобные же трудности в реализации продовольственных декретов были характерны и для Тульской губернии. Здесь губисполком послал в деревни 105 агитаторов и 40 уполномоченных по реализации урожая⁴¹. В их распоряжение предоставлялся во-

оруженный отряд в 600 человек¹⁴². На уездные съезды, проходившие в губернии в июне, волостные Советы послали значительные делегации левых эсеров и беспартийных. 15 июня левые эсеры повели за собой съезд волостных и сельских Советов Богородицкого уезда, большинство на котором представляли состоятельные крестьяне. Съезд не принял декрет о комбедах и на Всероссийский съезд Советов послал делегатами только левых эсеров. Протесты фракции коммунистов о неправомерности выборов были отклонены¹⁴³. В начале июня IV Белевский уездный съезд той же губернии принял резолюцию с осуждением Брестского мира и декрета о комбедах¹⁴⁴. В июне - июле в наиболее хлебных уездах Тульской губернии - Новосильском, Белевском, Веневском, Ефремовском, Крапивенском, Чернском, вспыхнули восстания¹⁴⁵. В июне на почве реквизиции хлеба крупное выступление крестьян произошло и в Одоевском уезде. Вооруженные пулеметами, винтовками, бомбами и двумя пушками, крестьяне тремя группами повели наступление на уездный город. Крестьянами Старобельской, Паринской и Покровской волостей был разбит отряд уездного Совета. 7 членов уездного Совета были ранены, двое живыми зарыты в землю¹⁴⁶. Во главе этого движения стоят кулаки, сообщал на пленуме губисполкома 1 июля председатель фракции коммунистов Г.Н.Каминский¹⁴⁷. На пленуме левые эсеры Тришечкин и Чернов потребовали ликвидировать продовольственную диктатуру и высказались против создания организаций бедноты, считая, что это не выход из продовольственного кризиса. Отвечая им, член ВЦИК и чрезвычайный уполномоченный по продовольствию А.И.Кауль вновь подчеркнул, что выход в беспощадной борьбе с кулаками, очищении от них волостных Советов, безусловном проведении майских декретов и развитии товарообмена¹⁴⁸. Отвергнув предложения левых эсеров, губисполком направил в деревню коммунистов и более 2 тыс. рабочих Тулы¹⁴⁹. Однако в июне - июле в губернии было оформлено лишь 14,8 % комбедов¹⁵⁰.

Курский губернский съезд продовольственных работников также нашел "несвоевременным организацию сельской бедноты, как вооруженной силы для принудительного изъятия хлеба"¹⁵¹.

В конце июня съезд Советов Тамбовского уезда большинством в 52 голоса также принял резолюцию левых эсеров, откло-

нявшую создание комбедов. В Шацком уезде левые эсеры вообще отказались заниматься организацией помощи бедноте¹⁵².

Сложная обстановка в июне создалась в Пензенской губернии, являвшейся непосредственным тылом Восточного фронта (четыре ее уезда были прифронтовыми), его материальной и людской базой. Эсеры Комуча перебросили сюда значительные силы, намереваясь поднять крестьянство против власти Советов. Коммунистов в губернии было немного, парторганизации на местах еще только оформлялись. Эсеры засыпали деревни своими воззваниями¹⁵³. На губернской конференции РКП(б) в августе отмечалось: в "деревне происходит нечто невероятное: провокации, неосведомленность, царящие в деревне, поистине чудовищны", в волостях создаются контрреволюционные организации, из Самары приезжали агенты Комуча¹⁵⁴. В июне на Инсарском уездном съезде правые эсеры открыто призывали к свержению Советской власти¹⁵⁵. Тогда же Саранский уездный съезд волостных и сельских Советов с левозсеровской мотивировкой отклонил организацию комбедов и высказался за Учредительное собрание¹⁵⁶. По уезду готовился разгон Советов¹⁵⁷. Левые эсеры, имевшие сильные позиции в уездных Советах, отвергали продовольственные декреты правительства и организацию бедноты. В июне губвоенком В.В.Кураев и председатель президиума губисполкома А.Е.Минкин сообщали в Москву, что крестьяне требуют отмены хлебной монополии. Губернские руководители опасались потерять контроль над событиями и не надеялись удержать под своим влиянием открывающийся съезд Советов. А.Е.Минкин просил Ленина "указать путь, по которому удалось бы выйти из положения"¹⁵⁸. Ленин прислал председателю губисполкома телеграмму "Об организации продовольственных отрядов", в которой предлагал разъяснить съезду, что требование отмены хлебной монополии есть политический шаг контрреволюционных слоев. Выход один - в последовательном осуществлении продовольственных декретов Советской власти¹⁵⁹. Но пензенские руководители не ознакомили съезд с этим документом. Не был он опубликован и в губернской печати. Стремясь избежать обострения ситуации, коммунисты пошли на компромисс с левыми эсерами. Они согласились объединить свою резолюцию по продовольственному вопросу с левозсеровской, полагая, что

представленные сторонами документы имеют много общего. Была признана необходимость учета и реквизиции хлеба без применения мер принуждения и обойден вопрос об организации бедноты, продотрядов и помощи голодающему центру¹⁶⁰, т. е. по существу коммунисты признали правоту левых эсеров. На V Всероссийский съезд Советов делегатами были избраны 12 коммунистов, 16 левых эсеров и 1 максималист¹⁶¹. Положение в Пензенской губернии встревожило В.И.Ленина. 17 июня в записке А.Д.Цюрупе он писал: "Я очень боюсь, что мы недооцениваем "пензенскую" опасность и продовольственную и общеполитическую и что "агитаторов" фактически послать не сможем".

В промышленном районе особенно острая борьба между большевиками и левыми эсерами развернулась в Ярославской губернии. Здесь к лету у левых эсеров позиции были прочнее, чем у коммунистов. В июне они имели большинство в Ярославском, Угличском, Ростовском, Мологском уездных исполкомах. Левые эсеры из губисполкома, разъезжая по деревням, вели антикоммунистическую пропаганду. Под их влиянием Угличский уездный съезд в июне отказался от организации комбедов¹⁶².

Большевики арестовали губернский комитет левых эсеров за созыв губернского съезда представителей волостей, закрыли левозсеровскую газету. Однако Свердлов, опасаясь обострения ситуации, потребовал немедленного освобождения левых эсеров и призвал обе фракции подчиниться постановлению ВЦИК о совместной работе. Председатель ВЦИК предложил созвать новый съезд 1 июля¹⁶³. 25 июня в ЦК РКП(б) поступило сообщение о назревании нового конфликта с левыми эсерами, которые "стараятся изолироваться. Местный комитет (коммунистов - Т.О.) энергично борется против политики левых эсеров, рассылает агитаторов на места. В городе атмосфера напряженная. Ожидается выступление против Совета. Некоторые из членов комитета - коммунисты получили анонимные письма с угрозами смерти... Левые эсеры хорошо снабжены деньгами и игнорируют распоряжения местного исполкома"¹⁶⁴. С.М.Нахимсон (представитель ВЦИК в губернии) считал, что в расколе и дезорганизации повинен председатель губисполкома М.Н.Доброхотов (левый эсер - Т.О.) и его сторонники, и просил Я.М.Свердлова отозвать его¹⁶⁵. Левые эсеры, в свою очередь, обратились к Спиридоновой и про-

силы ее приехать 1 июля на губернский съезд Советов, чтобы предотвратить раскол с большевиками¹⁶⁶. Нахимсон телеграфировал ВЦИК, чтобы задержали Спиридонову¹⁶⁷. Обстановка накалялась с каждым днем, в городе происходили забастовки¹⁶⁸.

А в уездах развернулась ожесточенная борьба между коммунистами и левыми эсерами, объединившимися с правыми. Когда на пленуме Романово-Борисоглебского Совета из исполкома были исключены правые эсеры, левые из солидарности тоже покинули Совет. На 4-м Любимском уездном съезде после выступлений левых эсеров против коммунистов и политики Совнаркома часть беспартийных делегатов и правые эсеры объявили себя сочувствующими партии левых эсеров. Съезд был сорван¹⁶⁹.

1 июля открылся Ярославский губернский съезд Советов. Среди делегатов с решающим голосом коммунистов было 101, левых эсеров - 21, эсеров - 1, беспартийных - 6¹⁷⁰. Не дожидаясь открытия съезда, левые эсеры увели беспартийных и делегатов с совещательным голосом и открыли параллельный съезд. В итоге было создано два губисполкома. Во ВЦИК руководителями съездов были посланы делегации с докладами о создавшемся положении¹⁷¹. 3 июля Свердлов от имени ЦК РКП(б) направил письмо Ярославскому губкому партии, коммунистическим фракциям губернского и городского исполкомов Советов с требованием немедленно прекратить склоку¹⁷².

Раскол в губисполкоме облегчил подготовку белогвардейского восстания в городе. И 6 июля оно началось. Вскоре восстали крестьяне в Ярославском, Пошехонском, Романово-Борисоглебском уездах. Из волостей отряды в 300-800 человек, руководимые офицерами, двигались к уездным городам свергать там Советскую власть.

Белогвардейцы возлагали большие надежды на крестьян прилегающих к Ярославлю волостей. Туда были посланы агитаторы из офицеров. Они были настолько уверены в своей победе, что многие из них выступали перед крестьянами во всей форме - в мундирах, с орденами. Повстанцы распускали Советы. В некоторых восставших деревнях была объявлена мобилизация мужчин от 18 до 43 лет¹⁷³. В Пошехонском уезде 8-10 июля в восстание были втянуты Холмовская, Заимищенская, Николо-Раменская, Трушковская волости¹⁷⁴.

И в Калужской губернии левые эсеры готовились к проведению губернского съезда раньше установленного срока. Съезд намечался не в Калуге, а в Жиздре, где уездный исполком находился в их руках¹⁷⁵. К лету численность левых эсеров в губернии возросла до 1 тыс. человек, в волостях ими были созданы многочисленные партийные дружины¹⁷⁶. В шести уездах губернии левым эсерам удалось избрать на V Всероссийский съезд Советов только своих делегатов¹⁷⁷.

Успешно действовали левые эсеры в Тверской губернии, где за ними шла основная масса крестьян. Здесь до второй половины июля эсеры возглавляли исполкомы Бежецкого, Краснохолмского, Старицкого уездов, имели сильные позиции в Калязинском, Кашинском уездных и в губернском исполкомах¹⁷⁸. В 10 уездах существовали их партийные организации, в 7 - боевые дружины. Проходивший в середине июня (16-18) Тверской губернский продовольственный съезд стал ареной острейшей борьбы. Правые эсеры и меньшевики пытались восстановить крестьянских делегатов против Советов, за Учредительное собрание. Однако в этом большинство съезда не поддержало их. Но 16 июня съезд 140 голосами против 26 и 13 воздержавшихся принял эсеровскую резолюцию с требованием изменить продовольственную политику. 18 июня съезд получил телефонограмму Наркомпрода, отменявшую резолюцию съезда и обязывавшую принять меры к неуклонному исполнению продовольственной политики правительства. Предложенная большевиками новая резолюция была принята 87 голосами (63 против, 7 воздержались)¹⁷⁹.

Декрет о комбедах не был принят к исполнению большинством уездных Советов Тверской губернии. Его опубликовали в июне лишь в четырех уездах: Вышневолоцком, Ржевском, Корчевском, Новоторжском. В июле - еще в четырех: Осташковском, Зубцовском, Кимрском, Кашинском. В остальных пяти он был доведен до сведения крестьян лишь во второй половине августа, после удаления левых эсеров из уездных исполкомов.

Левозсеровская крестьянская секция Тверского губисполкома вела активную работу с ходоками из деревень, делегатами съездов и членами Советов, приезжавшими в город¹⁸⁰. Но настроение крестьян губернии было правее левозсеровского. В июне - июле многие волостные Советы посылали на уездные съезды

сторонников свободной торговли. Так, Новоторжский уездный съезд (1-2 июня) высказался против учета и реквизиции хлеба, за свободную торговлю. За непризнание распоряжений центральной власти и как не выражающий воли бедноты, он был распущен¹⁸¹. В Осташковском уезде в начале июня под давлением большинства делегатов с уездного съезда были вынуждены уйти члены исполкома - коммунисты и левые эсеры. В новый исполком были избраны исключительно беспартийные. Город стал наполняться противниками Советской власти из окрестных волостей. Старый исполком обратился в Бологое за помощью к красноармейцам-латышам¹⁸².

1-5 июля состоялся IV Осташковский уездный съезд, на который прибыли представитель губисполкома лидер левых эсеров губернии Никифоров и агитатор из Москвы. На съезд собралось 110 делегатов, из них 32 большевика, 16 левых эсеров. Остальные числились беспартийными, однако в них легко узнавались правые эсеры¹⁸³. Губернская газета отмечала, что среди беспартийных выделялись лица, умело отличавшие одну партию от другой, опытно критикующие советские партии. Перед открытием съезда левые эсеры пригласили беспартийных на заседание своей фракции. За их счет ее численность возросла до 45-50 человек. На фракции выступил московский агитатор, убеждавший присутствующих в пагубности политики Совнаркома и необходимости немедленного разрыва Брестского мира¹⁸⁴. На съезде губернские лидеры левых эсеров - Никифоров, Федоров и другие говорили, что расслоение крестьянства приведет к его гибели. Можав-Олимпиев от имени представителей ряда волостей заявил, что там уже вынесены резолюции против создания комбедов¹⁸⁵. Никифоров огласил наказ делегатам на V Всероссийский съезд Советов, в котором политика Совнаркома объявлялась пагубной. Наказ требовал разрыва Брестского мира и немедленного восстания¹⁸⁶ (чувствовалось влияние решений III съезда партии левых эсеров, высказавшегося за "выпрямление" политики Советской власти путем захвата власти и восстания). Осташковский уездный съезд большинством голосов отверг организацию комбедов с эсеровской мотивировкой: в деревне нет бедняков, а есть только трудящиеся крестьяне¹⁸⁷. Против комбедов также высказались исполкомы Вышневолоцкого, Старицкого, Калязинско-

го, Бежецкого, Краснохолмского и других уездов со значительным удельным весом середняков и зажиточного крестьянства. В этих уездах хозяевами положения были левые эсеры. В Калязинском и Кашинском уездах они возглавляли большинство волостных исполкомов, которые силой разгоняли возникавшие организации бедноты.

В Псковской губернии 21 июня против комбедов высказался съезд уездных земельных отделов. Исполком губернского Совета также отверг организацию бедноты. 23 июня был распущен как кулацкий крестьянский съезд в Великих Луках¹⁸⁸.

В Петроградской губернии 19 июня резолюцию с требованием отмены декрета о комбедах принял Новоладожский уездный Совет. В Лужском уезде левые эсеры из исполкома, разъезжая по деревням, организовывали протесты против раскола "единого трудового крестьянства" и "гибельного похода" города против деревни¹⁸⁹.

В 22 губерниях в июне - начале июля левые эсеры отказались проводить продовольственную политику правительства¹⁹⁰, развернув не только идейно-политическую борьбу в исполкомах и на съездах Советов, но и организуя сопротивление крестьян. Однако до V Всероссийского съезда Советов и мятежа левых эсеров ВЦИК не распустил ни одного съезда, где левые эсеры, будучи в большинстве и иногда выступая вместе с правыми эсерами (как было в уездах Воронежской и Ярославской губерний), отвергали комбеды и продотряды. Это была легальная политическая борьба по вопросам экономической политики, в которую Всероссийский съезд вправе был внести коррективы. Однако в этот же период были распущены несколько съездов (в Малмыже, Нолинске, Новом Торжке), требовавшие передачи власти Учредительному собранию. И здесь левые эсеры и большевики выступали вместе, давая отпор противникам Советской власти.

В июне 1918 г. в Сибири, на Урале и в Поволжье Советская власть потерпела поражение, поскольку не была поддержана крестьянством. В Центральной России коммунисты стимулировали борьбу бедноты с кулаками, но оказать ей достаточной помощи не смогли. Волостные Советы, социальный состав которых в подавляющем большинстве был общекрестьянским, не приняли идею выделения и создания самостоятельных организа-

ций бедноты, т.е. учетно-контрольных органов, противостоящих им. Вооруженных продотрядов рабочих и коммунистов в летние месяцы в деревне было еще мало. А без их поддержки беднота не проявляла социальной активности и на съездах была представлена слабо. Основную массу делегатов уездных съездов составляло среднее крестьянство, но его позиции были неустойчивыми. В производящих губерниях оно стремилось уйти от государственного учета и контроля, а в потребляющих губерниях - проявляло недовольство недостаточно эффективными мерами снабжения населения. Поэтому среднее крестьянство под влиянием эсеровской агитации на съездах отклоняло предложенные правительством меры борьбы с голодом.

Политически оформляя настроения крестьян-собственников, их неприятие продовольственной диктатуры, левые эсеры сумели увеличить свое представительство в исполкомах Советов на 11,5%. По данным 16 центральных губерний, в апреле - мае они имели в 47 уездных исполкомах 23,1% мест, а в начале июля - 34,6%. За это же время большевики потеряли 7,6% мест: 52,4% в апреле-мае, 44,8% - в начале июля¹⁹¹. Все другие партии на съездах и в Советах были представлены единично и не оказывали практического влияния на позиции крестьянства. Борьба за среднее крестьянство в это время велась между двумя массовыми партиями - коммунистами и левыми эсерами.

На 96 съездах, состоявшихся в 31 губернии в апреле - начале июля 1918 г., коммунисты представляли 48% делегатов, левые эсеры - 24%. На 19 съездах (18,7%) левых эсеров было больше, чем большевиков, а на 31 (32,2%) они составляли треть и более делегатов. В уездных Советах левые эсеры имели 28% мест¹⁹².

На V Всероссийском съезде Советов коммунисты имели 66,5% делегатов, левые эсеры - 30,4, беспартийные - 0,9, все другие партии - 2,2%¹⁹³. По районам распределение было следующим. Среди делегатов Западной области 71% коммунисты и 23,2% левые эсеры. Среди делегатов центра страны 71,4% являлись коммунистами и 26,3% представляли левых эсеров. Делегаты Северного и Северо-Западного района - 65% были коммунистами и 32,5% левыми эсерами. Урал был представлен: 62% коммунисты и 38% эсеры¹⁹⁴.

В центральных губерниях в июне левых эсеров поддержало среднее крестьянство. На Всероссийский съезд прислали левых

эсеров больше чем коммунистов губернии: Курская - 64,7%, Тульская - 63,1, Рязанская - 58,8, Орловская - 57, Костромская - 54,5%. В исполкомах этих губерний левые эсеры имели от 30 до 65% голосов. На съезд Курская, Тульская, Рязанская и Орловская губернии послали делегатами левых эсеров больше, чем Симбирская (56,8%) и Уфимская губернии (55%)¹⁹⁶.

Из 157 уездов Центральной России 17 (10,8%) послали на съезд делегатами только левых эсеров. Это - Богородицкий, Богучарский, Варнавинский, Ветлужский, Епифанский, Карачевский, Краснохолмский, Тихвинский, Лукояновский, Перемышльский, Переяславль-Залесский, Раненбургский, Романово-Борисоглебский, Рыльский, Судженский, Талдомский, Угличский уезды. Поровну коммунистов и левых эсеров направили 52 уезда¹⁹⁶ (33,1%).

Таким образом, не только в Поволжье, но и в 44% уездов Центра страны левые эсеры пользовались значительным доверием крестьян.

Характерно, что в 12 центральных губерниях на 35 уездных съездах, состоявшихся в апреле - начале июля, 30,5% делегатов были беспартийными¹⁹⁷, еще не определившими своей политической позиции.

Накануне V Всероссийского съезда Советов произошел наибольший отход крестьянства от коммунистов, увеличивший представительство в Советах левых эсеров. И лидеры левых эсеров полагали, что они завоевали большинство крестьянства, и это обеспечит им победу на V Всероссийском съезде Советов (4 - 10 июля 1918 г.). Именно там левые эсеры решили дать главный бой большевикам по вопросам внешней и внутренней политики. Но, вопреки ожиданиям, они располагали на съезде лишь немногим более 30% голосов.

Съезд открылся информацией Троцкого о провокациях левых эсеров в прифронтовой полосе и их опасности для сохранения мира. Затем Свердлов сделал отчет о деятельности ВЦИК. После него с докладом выступила М.А.Спиридонова, заявившая, что выступает "как яростная противница партии большевиков". Она обвинила большевиков в измене крестьянству, в насилиях над ним, совершаемых ради утверждения "диктатуры одной партии, диктатуры отдельных лиц, влюбленных в свою теорию, в свою

схему и в свои книжки". В этом Спиридонова видела причину разрыва блока большевиков и левых эсеров. Политику партии большевиков она называла губительной, отталкивающей крестьян от социальной революции, убивающей у них любовь к Советской власти и заводящей страну в тупик. Лидер левых эсеров обвиняла большевиков в том, что они используют крестьян, но не служат им, превращая 90% их в объект неоправданных социальных экспериментов. К кулакам она относила не более 7% крестьян. Через комбеды, говорила Спиридонова, большевики стремятся установить диктатуру пролетариата над многими миллионами трудового крестьянства, что приведет к разгону крестьянских Советов, с чем не могут согласиться левые эсеры. "Вы сошлетесь", - предупреждала она руководителей большевиков. От имени своей партии Спиридонова заявила, что левые эсеры будут на местах бороться против комбедов и не допустят их создания¹⁹⁸. Другие лидеры левоэсеровской оппозиции говорили о "Брестской петле", обещали силой разогнать комбеды и вышвырнуть из деревень продотряды рабочих. Это был тот бой большевикам, который левые эсеры обещали на своем III съезде в июне и который они уже осуществляли на местах.

С докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров выступил Ленин. Он много внимания уделил проблеме организации бедноты, на которую большевики решились "с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры..."¹⁹⁹. Он несколько раз возвращался к доводам тех, кто борьбу за хлеб рассматривал как борьбу с крестьянством, настойчиво проводя мысль о том, что борьба за хлеб идет "с ничтожным меньшинством деревенских кулаков, это борьба за то, чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно... Мы будем бороться в союзе с громадным большинством крестьянства"²⁰⁰. Считая ошибочной левоэсеровскую тактику в деревне, Ленин упорно проводил мысль, что декрет о комбедах предусматривает участие средних крестьян в этих организациях, поэтому против него могут быть только враги социализма²⁰¹. Он акцентировал внимание на социалистической направленности декрета о комбедах. Только расколов деревню и присоединив к себе сельских пролетариев и полупролетариев, объединив их против кулаков и буржуазии, пролетариат России перейдет окончательно к революции социа-

листической²⁰². Если бы крестьянство осталось “целым”, считал Ленин, революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократических задач²⁰³. Ленин, как руководитель РКП(б) и Советского правительства, брал на себя ответственность за гражданскую войну в деревне. Он, как и Троцкий, считал это заслугой партии²⁰⁴.

Ленин явно преувеличивал социалистическую направленность декрета о комбедах. Нельзя не видеть того, что в необычайно широком развороте гражданской войны в России значительная доля вины лежит на методах осуществления продовольственной политики, хотя только к этому сводить причины гражданской войны неправомерно. Ее истоки были значительно глубже.

В конкретных условиях весны - лета 1918 г. коммунисты не уступили напору крестьянской стихии, вступив с ней в открытую борьбу с применением военных методов организации и защиты своей революции. На этом пути большевики оказались в одиночестве, перечеркнув все возможности компромисса с левыми эсерами. 6 июля коммунистическое большинство V Всероссийского съезда Советов приняло резолюцию, одобрявшую внешнюю и внутреннюю политику правительства²⁰⁵, что означало поражение левых эсеров и продолжение курса на борьбу с крестьянским большинством.

В то время как в Большом театре Москвы, где проходил съезд, лидеры партий выясняли отношения без надежды на консенсус, два экстремиста из левых эсеров, Блюмкин и Андреев, совершили террористический акт международного значения: ими был убит посол Германии Мирбах. На языке дипломатии это означало объявление войны. В распространенных воззваниях и телеграммах левые эсеры призывали к восстанию против международного империализма, к свержению гнета германских империалистов, морящих страну голодом. Все последующие действия - арест Дзержинского, Лациса, Смидовича и других, занятие почтамта и пр., они объясняли как оборонительные, не преследующие свержения Советской власти.

Позже, три месяца спустя, в октябре 1918 г., Спиридонова в письме IV съезду партии левых эсеров оценивала убийство Мирбаха как “акт протеста на весь мир против удушения величайшей

в мире революции, призыв трудовых масс Запада, агитация за срыв Бреста, акт, сокрушающий все буржуазные сговоры и традиции всех разбойничьих государств"²⁰⁶. Однако ее партия не была готова не только к мировой революции, что входило в замыслы организаторов террористического акта, но даже к осмыслению его ближайших последствий. Это честно признала Спиридонова. Убийство Мирбаха, каялась она IV съезду левых эсеров, "страшно ударило по партии". "Вина ЦК, - писала она, - в частности и моя (я бы себя четвертовать дала сейчас за свою вину) в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была бы предугадать возможные последствия акта и заранее нейтрализовать их... Практическая и психологическая неподготовленность партии была громадная... Самой большой ошибкой в акте с Мирбахом я считаю то, что с ним поторопились"²⁰⁷.

События ближайших дней показали, что лидеры левых эсеров действительно жестоко просчитались. Ни партия, ни народ не поддержали их акции. Провоцирование войны с Германией шло в разрез с интересами народа, жаждавшего мирного строительства. Оно представляло собой серьезную опасность для республики, у которой интервенты и белогвардейцы уже захватили две трети территории, отрезав промышленный центр от источников сырья и продовольствия. Страна еще не имела армии, чтобы сдерживать натиск врагов на востоке, а ей навязывали еще один фронт - на западе.

Опасные последствия убийства посла поняли многие делегаты съезда. Так, Н.А.Рославец, выступив от имени Елецкой уездной организации левых эсеров с резким осуждением действий ЦК, говорила о своей партии как о "партии самоубийц"²⁰⁸.

Акция Блюмкина и Андреева вызвала раскол левоэсеровской фракции V съезда Советов. 40% ее делегатов из 173, ответивших на анкету, осудили убийство посла и последующие действия. Около половины членов фракции в те дни не смогли определить отношения к авантюре, дав уклончивые, неопределенные ответы, 10% отказались отвечать²⁰⁹. Убийство посла осудили на съезде эсеры-максималисты, квалифицировавшие его как "вредный акт политического легкомыслия со стороны верхов партии"²¹⁰. Социал-демократы-интернационалисты также решительно отме-

жевались от левых эсеров, назвав их действия “авантюристическими и провокационными”²¹.

Ленин квалифицировал действия ЦК левых эсеров как преступную авантюру, мятеж²². Троцкий, докладывавший съезду о событиях 6-7 июля, назвал выступление левых эсеров “постыдной пародией на мятеж”. Он считал, что этим партия убила себя навсегда и воскрешена быть не может. Ему же принадлежит мысль о левых эсерах как попутчиках революции, потеря которых не ослабила, а укрепила коммунистов²³. Н.И.Бухарин тотчас же нашел не менее сильные характеристики, подведя социальную базу под убийство Мирбаха. Он характеризовал действия ЦК левых эсеров как “бунт хозяйственного мужичка против бедноты и городского пролетариата, бунт против диктатуры пролетариата и социализма”²⁴. Ленин и другие лидеры большевиков склонны были видеть в поступке левых эсеров не “детски-наивный акт” приближения мировой революции, а сознательную контрреволюционную провокацию. “По существу своего положения, - писала 8 июня газета “Известия ВЦИК”, - левые эсеры выступили 6-7 июля только как боевая дружина на службе контрреволюционной буржуазии, для которой они расчищали дорогу”.

В адрес съезда из 12 уездов Центральной России - Алексеевского, Бобровского, Волховского, Брянского, Буйского, Елецкого, Звенигородского, Кашинского, Новохоперского, Обоянского, Талдомского, Тарусского поступили заявления от организаций левых эсеров и их фракций в Советах с осуждением террористического акта²⁵. В них высказывалось желание продолжать совместную работу с коммунистами.

Перед V Всероссийским съездом Советов встала задача определить свое отношение к партии, не принимающей политики правительства и Всероссийского съезда, к партии, провоцирующей войну. Чтобы не обострять положение на местах, не усиливать колебаний крестьян и сохранить в Советах всех преданных революции работников, резолюция съезда не устраняла левых эсеров как партию из органов власти. Председатель съезда Свердлов разъяснял, что за левыми эсерами признается законным их стремление к продолжению советской работы, “считаем такую работу вполне возможной и желательной”²⁶. Единствен-

ным условием для продолжения сотрудничества было требование открытого осуждения действий своего ЦК. Закрывая съезд, Свердлов еще раз подчеркнул, что на местах борьбу надо вести только с теми элементами, кто прямо или косвенно будут поддерживать авантюру ЦК левых эсеров. Отбрасывать же "искренние советские элементы в такой момент, когда повсюду и везде белогвардейские элементы поднимают голову, когда мы должны сплотить всех тех, кто только в состоянии защищать Советы, кто истинно хочет отстаивать Советы, нельзя"²¹⁷.

Съезд выразил полное одобрение продовольственной политики правительства. Таким образом курс на гражданскую войну в деревне получал высшую санкцию. Все несогласные с ним, по понятиям коммунистов, становились контрреволюционерами. V съезд принял Конституцию, в которой было записано, что в Советах не должно быть места эксплуататорским элементам.

9 июля Московское областное бюро РКП(б) во исполнение решения Всероссийского съезда Советов и циркуляра НКВД²¹⁸ предложило коммунистам центральных губерний устранить левых эсеров с ответственных постов²¹⁹. Московский областной исполком Совета 18 июля, заслушав декларацию фракции левых эсеров и не найдя в ней определенного заявления о несолидарности с ЦК партии, постановил исключить ее из своего состава²²⁰. От левых эсеров, работавших в Советах, стали требовать письменного осуждения ЦК своей партии.

В августе 1918 г. Ленин призвал относиться "с чрезвычайной осторожностью к говорящим слишком часто неправду левым эсерам", не гоняться за соглашениями с ними, "ибо мы видели и испытали их ненадежность..."²²¹ Фактически это была установка на изменение курса V съезда Советов в отношении левых эсеров.

Информация о событиях в Москве была чрезвычайно скудной. Коммунистическая печать давала одностороннее освещение вопроса, которое на местах понималось как мятеж левых эсеров против Советской власти.

Убийство Мирбаха чрезвычайно остро поставило вопрос о возможности занятия левыми эсерами постов военных и продовольственных комиссаров. К этому времени левые эсеры возглавляли 10 губернских и более 45 уездных военкоматов²²². Сразу же они были запрошены об отношении к московским событи-

ям. Левые эсеры - губернские комиссары Курска (Кривошеин), Новгорода (Н.А.Миронов), Перми (С.И.Окулов), Тулы (Д.П.Оськин) и другие осудили действия своего ЦК и были оставлены на постах и в дальнейшем делом доказали свою преданность Советской власти. Губвоенком Твери (Царук) выехал на Восточный фронт во главе сформированных полков. Военком Ярославля (А.Ф.Душин) погиб в дни белогвардейского мятежа. Около 75% уездных военкомов из левых эсеров остались верны власти Советов. Малмыжский уездный военком левый эсер Савинцев доносил Всероссийскому бюро военных комиссаров, что уездный и 42 волостных военных комиссариата "вынесли порицание Центральному комитету партии левых эсеров и всем ее приспешникам за сделанную попытку свержения Советской власти. К сделанному мятежу отнеслись с презрением, какового никто не ожидал, и поддерживать его не намерены. Шлем проклятие предателям и изменникам Советской власти. Власть Советов будем защищать до последней капли крови, и трудовой народ ни перед чем не остановится. Нет пощады тем, кто предает народную Советскую власть"²²³. Левые эсеры из Кадниковского уезда Вологодской губернии заявили о своей готовности в любой момент выступить на защиту Советов вместе с большевиками против чехов и белогвардейцев²²⁴. О том же заявили левые эсеры и эсеры-максималисты, военкомы и военруки Аткарского, Балашевского, Сердобского, Покровского, Камышинского уездов Саратовской губернии²²⁵.

Но неоднородность партии левых эсеров не могла не проявиться в разной реакции на московские события. Активно одобрили убийство посла левые эсеры, близкие по своему мировоззрению к правым эсерам. Около 25% уездных военкомов из левых эсеров - в Жиздре, Холме, Корочане, Чембаре, Ливнах, Уржуме, Черни. тульский уездный военком Сазонов. ряд курских уездных военкомов восприняли убийство Мирбаха как сигнал к вооруженной борьбе за власть.

В середине августа Московское областное бюро РКП(б) направило губернским комитетам партии циркулярное письмо, требовавшее срочной проверки партийного состава всех военных комиссариатов и заведующих агитационно-вербовочными отделами. На эти посты рекомендовались коммунисты²²⁶. Вскоре

в Тверской губернии в уездных военных комиссариатах левые эсеры были заменены коммунистами²²⁷. В Богучарском, Калачевском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском уездах Воронежской губернии военкомы из левых эсеров дали подписку об осуждении московского выступления²²⁸ и были оставлены на своих постах. В остальных уездах и волостях военкомы были заменены коммунистами. В Костромской губернии военкомы - левые эсеры были заменены во всех 12 уездах²²⁹, в Тульской губернии - в 9²³⁰. В августе левые эсеры были устранены из уездных военкоматов Петроградской, Псковской, Новгородской и других губерний. Во всех губерниях и большей части уездов военные комиссариаты возглавили коммунисты.

В эти же месяцы из партии левых эсеров вышли губернские продовольственные комиссары Курска, Орла, Пензы. Они были оставлены на своих постах и позже вступили в РКП(б). К концу августа во главе 29 губернских продовольственных комитетов стояли коммунисты²³¹. В уездах продовольственные и земельные отделы перешли в руки коммунистов к концу года.

Характерным явлением этих месяцев был раскол левозэсеровских организаций и фракций в Советах. Осудили руководство своей партией и одобрили решения V съезда Советов в Алексинском, Бобровском, Буйском, Весьегонском, Галичском, Даниловском, Елецком, Звенигородском, Зубцовском, Калужском, Кашинском, Кимрском, Кирсановском, Мышкинском, Новохоперском, Обоянском, Перемышльском, Ростовском, Рузском, Талдомском, Тарусском, Угличском уездах, а также в уездных исполкомах Московской губернии, т. е. как минимум в 34 уездных Советах центральных губерний России (около 20% от их общего числа).

В северных и северо-западных губерниях 11 фракций в Советах и левозэсеровские организации (Валдайский, Великолукский, Кадниковский, Лодейнопольский, Маловишерский, Опочецкий, Порховский и другие уездные исполкомы) осудили ЦК своей партии, две фракции - в Архангельском губернском и Грязовецком уездном исполкомах после колебаний отошли от ЦК. На советской платформе остались 42% левозэсеровских фракций региона. Поддержали ЦК 18 фракций и организаций (58%), но единодушия среди них не было²³².

Были удалены из уездных исполкомов без репрессий фракции левых эсеров или отдельные их члены, разделявшие политику ЦК, но не проявлявшие агрессивности. Так было в Богородицком, Крапивинском, Волховском, Валдайском, Великолукском, Вологодском, Вышневолоцком, Петергофском, Елатомском, Кадниковском, Калязинском, Каргопольском, Карачевском, Касимовском, Кирсановском, Лихославльском, Медынском, Новгородском, Новоржевском, Опочечком, Острогожском, Петергофском, Торопецком, Царскосельском, Ямбургском и других уездах (более 20 уездных Советов, около 17%).

Поддержали ЦК большинство эсеровских фракций Курской, Воронежской, Тверской, Петроградской, Псковской губерний. Бежецкий, Старицкий, Осташковский уездные исполкомы Тверской губернии, Новоладожский Петроградской губернии, Боровичский Новгородской губернии, пытавшиеся поднять крестьян на вооруженную борьбу, были распущены²³³. За попытку захвата власти был арестован Холмский левозэсеровский исполком Псковской губернии²³⁴, а также члены исполкома - руководители восстания в Жиздринском уезде Калужской губернии²³⁵.

Однако не все левые эсеры, вначале осудившие авантюру ЦК и заявившие о желании сотрудничать с коммунистами, остались на этих позициях в дальнейшем. Колебания среди советских работников из левых эсеров продолжались до осени. Искренне осудив московскую авантюру, не все они были готовы принять курс большевиков на раскол деревни. Некоторые левые эсеры изменили лояльное отношение к коммунистам под влиянием решений губернских и уездных партийных конференций.

Характерно в этом отношении поведение левых эсеров в уездных Советах Пензенской губернии. Партийная организация губернии долго не могла определить своего отношения к московским событиям. 23 июля на заседании губисполкома левые эсеры заявили, что ни при каких условиях не уйдут из Советов, в которых их позиции были сильными²³⁶. Когда 26 июля на общем собрании Совета большевики решили не давать левым эсерам мест в президиуме Совета, те постановили собрать крестьянскую секцию, избранную вторым губернским съездом, где они имели большинство²³⁷. 28 июля общее собрание пензенской организации левых эсеров постановило принять меры к созыву 3-го гу-

бернского съезда Советов²³⁸. До конца сентября губернская организация левых эсеров оказывала давление на советских работников. Оставаясь на позициях единой трудовой деревни, левые эсеры или отвергали создание комбедов под предлогом отсутствия в волостях и селах кулаков, или создавали их на общинных сходах с участием всего крестьянства.

По инициативе Ленина в Пензенскую губернию было направлено несколько групп партийных и советских работников: в августе прибыли 50 коммунистов из Петрограда и 35 из Москвы, через некоторое время ЦК прислал еще 20 партийных работников²³⁹. Совместной работой с коммунистами из политического и мобилизационного отделов 1-й Армии и продотрядов они добились изоляции левых эсеров. Но вплоть до осени во всех уездах левые эсеры имели сильные позиции и всячески сопротивлялись расколу деревни. К середине августа в 11 уездах губернии было создано лишь 33 волостных и 483 сельских комбеда²⁴⁰, да и те далеко не всегда отвечали своему назначению. Во многих селах Городищенского, Мокшанского, Пензенского уездов комитеты бедноты состояли из богачей, имеющих деньги и прекрасно оборудованные хозяйства²⁴¹. Их цель, писала губернская газета, не давать хода бедноте²⁴². О непролетарском составе комбедов сообщали также из Инсарского, Саранского, Нижне-Ломовского, Рузаевского и других уездов²⁴³, где левые эсеры оставались в уездных Советах до октября 1918 г.

В начале августа вспыхнуло масштабное восстание против комбедов и продоотрядов, которое охватило семь волостей Пензенского и одну волость Мокшанского уездов. В с.Кучки, ставшем центром восстания, были убиты четыре крестьянина, избранные в комбед, и семь рабочих из 4-го Петроградского продотряда²⁴⁴. Штабом мятежников была послана делегация к Кому-чу в Самару с просьбой оказать поддержку в свержении Советской власти²⁴⁵. Но к 12 августа восстание было подавлено. Его руководители были расстреляны, в деревнях было изъято много оружия, черносотенной литературы. В уезд было направлено около 40 агитаторов²⁴⁶.

В сентябре участились крестьянские выступления в Нижне-Ломовском уезде той же Пензенской губернии. Их связь с левыми эсерами была очевидной. Коммунисты потребовали от них

формулировки их взглядов на внутреннюю и внешнюю политику и определения отношения к московской аванюре ЦК. Решив продолжать совместную работу с коммунистами, левые эсеры осудили ЦК и распустили свою уездную организацию²⁴⁷. В конце сентября прекратила существование и губернская организация левых эсеров, перешедшая на позиции вновь созданной партии революционных коммунистов

Крестьяне аграрных губерний (середняки по социальному положению) поддерживали левых эсеров на съездах, отдавали им большинство мест в Советах. Победить левых эсеров в открытом политическом соревновании коммунисты были не в состоянии. В ответ на насилия над крестьянами некоторые лидеры левых эсеров намеревались превратить аграрные губернии центра (Воронежскую, Курскую, Орловскую, Тамбовскую) в базу антикоммунистического подполья (по примеру правых эсеров и Поволжья). Их штаб обосновался в Орле, в окрестностях которого проходили заседания ЦК. За городом ими были созданы склады оружия. Отсюда, из Орла, Камков, Сирота, Черепанов руководили сопротивлением крестьян, устраивали провокации на демаркационной линии с немцами, все еще надеясь сорвать Брестский мир. В Дмитровском и Кромском уездах левые эсеры пытались созвать нелегальные съезды.

В начале августа в Ливнах состоялась нелегальная конференция левых эсеров юго-восточной области, принявшая антикоммунистические резолюции. Она призвала членов партии к созданию в селах боевых отрядов, к подготовке вооруженных выступлений, террору против коммунистов, всячески препятствовать мобилизации крестьян в Красную Армию²⁴⁸. В августе левые эсеры поддержали выступления мобилизованных унтер-офицеров в Орловском военном округе. Подавление восстания в Ливенском уезде и аресты в Орле 15 видных левых эсеров предотвратили выступления крестьян в Малоархангельском и других уездах²⁴⁹.

Особое внимание левые эсеры уделяли Советам прифронтовой Курской губернии. Летом уездные Советы губернии были в их руках. Так, в Дмитриевском уездном Совете в конце июля 1918 г. левых эсеров было 14, правых эсеров - 2, коммунистов - 6. Когда фракция левых эсеров заявила о солидарности с ЦК своей партии, коммунисты потребовали передачи важнейших постов в

исполкоме в их руки. Эсеры отказались и демонстративно покинули собрание. 2 августа по инициативе коммунистов исполком был распущен и вместо него создан военно-революционный комитет²⁵⁰. В ответ левые эсеры усилили антикоммунистическую работу среди крестьян уезда. Инструкторы Совета - эсеры, разъезжая по деревням, агитировали против политики Советской власти, препятствовали созданию комбедов и работе продотрядов, создавали свои боевые дружины. Настроение крестьян уезда даже в сентябре было враждебным коммунистам.

Аналогичное положение наблюдалось и в Льговском уезде Курской губернии, где 11-12 июля левые эсеры намеревались поднять восстание²⁵¹. На уездном съезде Советов, состоявшемся в августе, левые эсеры имели 143 голоса против 44 коммунистов. Съезд одобрил убийство Мирбаха и заявил протест против ареста фракции левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов. Коммунисты, покинув съезд, создали ревком, который распустил левозсеровский исполком. Левые эсеры стали готовить восстание в частях Красной Армии²⁵². В сентябре Льговская уездная организация левых эсеров, заявив о желании остаться советской партией, присоединилась к революционным коммунистам²⁵³.

Левые эсеры довольно долго не сдавали свои позиции в Курском уезде. В июне 1918 г. из 42 членов уездного исполкома коммунистов было только 10. Фракция левых эсеров отказалась признать решения V Всероссийского съезда Советов. Она пыталась созвать уездный съезд Советов до установленного срока. Фракция коммунистов исполкома сочла действия эсеров незаконными и 17 августа направила волостным Советам телеграмму с призывом не поддаваться левым эсерам. Тогда члены левозсеровской фракции разъехались по деревням, чтобы удержать власть в низовых Советах, устранить коммунистов, привлечь на свою сторону части Красной Армии и объявить войну Германии²⁵⁴.

Только в сентябре Курский губернский съезд заведующих отделами управления констатировал, что борьба с кулаками началась повсюду. В ряде уездов - Льговском, Старооскольском, Тимском, Корочанском, Суджанском - и в сентябре левозсеровское влияние еще не было преодолено, в силу чего организация комбедов встречала противодействие. В Новооскольском, Тим-

ском, Фатежском уездах в комбеды записывались целыми обществами и селениями²⁵⁵. Лишь к концу года левые эсеры в Курской губернии были изолированы.

Сложная обстановка создалась в Воронежской губернии. Здесь донские казаки 9 августа заняли Богучар и 16 волостей уезда. Затем, продвигаясь к северу, захватили Калач, Павловск, Новохоперск, Коротомяк, Бобров, Лиски и др. Организуя восстания в тылу советских войск, кулаки помогали казакам продвигаться в глубь губернии. Свергая Советы, они восстанавливали власть старост и урядников; у крестьян отнималась полученная весной земля, с них взимались огромные контрибуции, реквизировался скот. В свои родовые имения возвращались помещики. Расстрелы и пытки рабочих и крестьян стали здесь обычным явлением²⁵⁶. В таких условиях левые эсеры вместо помощи коммунистам в организации Красной Армии создавали повстанческие отряды для борьбы с немецкой армией. В Задонском уезде они развернули подпольную антикоммунистическую работу, используя государственный аппарат. Коммунисты потребовали от левых эсеров прекращения подрывной работы, осуждения ЦК, сдачи оружия или выхода из Совета. Ввиду отказа выполнить эти требования, левые эсеры были исключены из исполкома. Но в деревне они по-прежнему имели значительную поддержку крестьян. На V уездном съезде (16-19 августа) левые эсеры получили 122 мандата против 98 голосов коммунистов. На требования коммунистов уточнить отношение к своему ЦК левые эсеры заявили, что не разделяют его тактики. Но после открытия съезда, отправив приветственную телеграмму Спиридоновой, они демонстративно бросили вызов коммунистам. Большевики покинули съезд, арестовав лидеров левых эсеров. При возобновлении работы съезда левые эсеры отвергли резолюцию большевиков по текущему моменту. После протестов коммунистов резолюция была вновь вынесена на голосование и принята большинством. По продовольственному и земельному вопросам коммунисты также провели свои резолюции. В конце работы на съезд явилось несколько сот вооруженных крестьян и примкнувших в них мобилизованных унтер-офицеров, которые потребовали освободить арестованных левых эсеров²⁵⁷. В донесениях в Москву все это было представлено как восстание кулаков и ле-

вых эсеров²⁵⁸. Ленин послал Задонскому исполкому телеграмму с требованием действовать "самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсеровской сволочи... Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев"²⁵⁹. Однако решительных мер принимать не пришлось, поскольку освобожденные левые эсеры дали подписку не агитировать против коммунистов и покинуть пределы уезда²⁶⁰. В исполком вошли 13 коммунистов и 7 левых эсеров, которые потребовали для себя постов руководителей важнейших отделов. После съезда фракция левых эсеров отказалась письменно осудить ЦК, за что 22 августа была исключена из исполкома²⁶¹. 29 июля было подавлено вооруженное выступление левых эсеров в Коротояке²⁶². В августе был распущен, как кулацко-эсеровский, съезд в Бобровском уезде²⁶³. В Нижнедевицком уезде левые эсеры были удалены со съезда за то, что предложили "контрреволюционную" резолюцию²⁶⁴. В августе крестьянство Воронежской губернии все еще поддерживало левых эсеров, избрав их в большинство исполкомов уездных Советов.

Июль-август - месяцы напряженной борьбы коммунистов с левыми эсерами и в западном районе страны (Смоленская губерния входила в состав Московской области. В августе 1918 г. была создана Западная область с центром в Смоленске). На Смоленском уездном съезде, состоявшемся в конце августа, фракцию левых эсеров поддержало около половины делегатов съезда. Как кулацко-эсеровская она была распущена²⁶⁵. Летом во всех уездах Смоленской губернии шло активное сопротивление крестьян их расколу. Только в Ельнинском уезде в июле-августе работники уездного исполкома 83 раза выезжали в различные деревни, причем 29 раз пришлось прибегать к помощи вооруженной силы для усмирения крестьян²⁶⁶. К августу комбеды здесь были созданы лишь в 40 деревнях²⁶⁷.

В сентябре партия левых эсеров распалась. Из нее выделились две новые: народники-коммунисты и революционные коммунисты. В основе их платформ лежало признание недопустимости срыва Брестского мира и активное участие в советской работе на основе решений V Всероссийского съезда. Новые партии пытались сочетать идеологию народников с признанием политики и тактики коммунистов. Так, программа народников-коммуни-

тов, отрицая необходимость диктатуры пролетариата для переходного периода, тем не менее признавала, что власть Советов создает предпосылки социалистического строя. Партия народников-коммунистов объединила лишь 3 тыс. членов и 5 тыс. сочувствующих, хотя ее организации значились в 7 губерниях и 23 уездах, в 14 уездных исполкомах имелись ее представители²⁶⁸. Уже в ноябре 1918 г. партия отказалась от идейного багажа народничества и вступила в РКП(б).

Партия революционных коммунистов просуществовала дольше: два года, до ноября 1920 г. В основе ее тактики лежало единство действий с большевиками как главной руководящей силой революции, признание обострения противоречий в деревне «с неизбежной при этом гражданской войной». Революционные коммунисты отказывались от пропаганды партизанских методов борьбы с врагом и поддерживали создание регулярной армии. Но они оставались противниками выделения и организации крестьянской бедноты. В борьбе против комбедов они использовали аргументы эсеров. «Мы в принципе, - писали они, - отрицаем необходимость создания комитетов бедноты, так как деревенская «беднота» является внеклассовым бесхозяйственным элементом деревни. Это ничтожное меньшинство деревни, не пользующееся авторитетом на местах»²⁶⁹. При четком проведении курса на вовлечение в комбеды среднего крестьянства этот аргумент терял силу.

Революционные коммунисты также не смогли повести за собой крестьянство. К концу 1918 г. партия имела 2800 членов и около 1500 сочувствующих²⁷⁰. Одной из первых на позиции революционного коммунизма перешла пензенская организация левых эсеров. 27 сентября совещание активных работников Пензы и представителей уездных организаций левых эсеров приняло резолюцию, осудившую тактику ЦК партии. Существование партии, стоящей за власть Советов и социальную революцию, отмечалось в резолюции, возможно только при условии работы в Советах. Вне Советов такая партия неизбежно станет контрреволюционной, за которой трудовые массы не пойдут. Ближайшей насущной задачей совещание считало необходимость победы над белогвардейскими бандами. Порывая связь с ЦК и выходя из партии, левые эсеры Пензенской губернии заявили о присоеди-

нении к "здоровым элементам, пошедшим за Устиновым, Коллегаевым, Биценко" и др.²⁷¹ Через месяц (27 октября) около 20 революционных коммунистов губернии перешли в РКП(б)²⁷². Организации революционных коммунистов удалось выявить в 12 уездах Поволжья: Нижне-Ломовском, Наровчатском, Инсарском, Керенском уездах Пензенской губернии; Аткарском, Вольском, Кузнецком, Петровском, Пугачевском уездах Саратовской губернии; в Буинском, Мензелинском, Чистопольском уездах Казанской губернии²⁷³.

В аграрных губерниях Центра деятельность революционных коммунистов прослеживается в 10 уездах: Брянский, Задонский, Карачевский, Кирсановский, Лыговский, Моршанский, Перемышльский, Старооскольский, Тимский, Трубчевский, т. е. в четырех уездах Орловской, в двух Курской, двух Тамбовской, в одном Воронежской и одном уезде Калужской губернии²⁷⁴. В промышленных губерниях партия имела организации в уездах Владимирской (Покровский уезд), Костромской (Нерехтский, Чухломской уезды), Московской, Тверской, Смоленской (Вяземский уезд) губерний²⁷⁵. На Урале - в Вятской и Пермской губерниях. На Севере и Северо-Западе революционные коммунисты заявили о себе в Архангельской, Вологодской (Тотемский уезд), Новгородской, Петроградской и Псковской губерниях²⁷⁶. В ноябре 1918 г. группа руководящих работников революционных коммунистов - А.Коллегаев, А.Александров, А.Биценко, М.Доброхотов, В.Черный - вышли из партии, подав заявление о вступлении в РКП(б)²⁷⁷.

За три месяца после московской авантюры партия левых эсеров потеряла 50 тыс. своих членов, сократившись с 80 тыс. (июнь) до 30 тыс. (октябрь)²⁷⁸. Большинство ее членов отошло от активной деятельности.

О распаде партии, отсутствии единого признанного центра свидетельствует положение левозсеровских организаций к октябрю 1918 г. На легальном положении находились губернские комитеты во Владимире, Рязани, Новгороде, Нижнем Новгороде, Курске, Ярославле. На нелегальное положение, пытаясь продолжать борьбу, перешло большинство организаций в Петроградской, Псковской, Тульской, Тверской, Московской губерниях. В ряде других губерний - Казанской, Калужской, Тамбовской - су-

ществовали как легальные, так и нелегальные организации. В уездах Костромской, Тверской, Ярославской губерний левозеровские организации находились на полулегальном положении²⁷⁹. Распустили свои организации Тульская, Пензенская, Саратовская, Елецкая, Ижевская, Уржумская, Котельническая, Глазовская, Усольская, Чердынская и др.

Партия левых эсеров потеряла массы. В конце года на губернских съездах она имела около 1% мест²⁸⁰. По данным 87 уездных исполкомов Центральной России (55,4% от их общего числа), к ноябрю 90% их членов были коммунистами и сочувствующими, 10% представляли беспартийных и все прочие партии²⁸¹. В уездах Севера и Северо-Запада коммунисты и сочувствующие имели 72%. Из 46 исполкомов региона левые эсеры были представлены в 14 (30,4%), где имели 7,7% мест. На съездах их представительство упало до 2,3%²⁸². В уездных исполкомах Поволжья основную массу составляли беспартийные, коммунисты имели 37,4% мест²⁸³. На Урале (Вятская и Пермская губернии) в октябре-ноябре в уездных исполкомах левые эсеры были представлены 2-3%²⁸⁴.

К осени в органах власти была установлена фактически политическая монополия РКП(б). Но она не привела к стабильности положения, поскольку продовольственная политика коммунистов вызывала упорное сопротивление крестьянства. Для сохранения власти коммунисты прибегли к усилению чрезвычайных мер, массовому террору, внедрению в деревенские органы власти своих ставленников.

В июле-августе Советская власть удерживалась в 286 уездах 30 губерний европейской части страны, население которых составляло 64,5 млн человек²⁸⁵. По данным НКВД, в эти месяцы в 22 губерниях произошло 73 восстания и 130 антисоветских выступлений²⁸⁶. Восстаниям предшествовала пропагандистская обработка населения. Активными агитаторами против коммунистов выступали сельская интеллигенция, священнослужители, некоторые работники советского аппарата, особенно бывшие офицеры, служившие в военных комиссариатах. Во всех выступлениях кулаки были социальным активом. Возбуждая недовольство крестьян, агитаторы уступали место руководителям - офицерам (из помещиков, буржуазии, крестьян). Достаточно было среди

голодного населения, напряженно ожидавшего нового урожая, распространить слух, что в соседнее село, деревню или волость прибыл отряд косить зеленую рожь, чтобы население приходило в возбужденное состояние. Нередко распространялись провокационные слухи о том, что начинается массовая реквизиция скота (при попытках учесть лошадей). Это вызывало массовый убой и распродажу скота крестьянами, как было в Московской, Петроградской, Смоленской, Воронежской губерниях. Так в июле были спровоцированы выступления крестьян Бельского и Поречского уездов Смоленской губернии, Старорусского, Боровичского, Валдайского и Новгородского уездов Новгородской губернии, Лужского и Новолодожского уездов Петроградской губернии, Порховского и Холмского уездов Псковской губернии, Жиздринского уезда Калужской губернии и др.

Восстание в Смоленской губернии началось в начале июля, когда по распоряжению Бельского уездного исполкома в Холмскую и Покровскую волости для реквизиции скота у прасолов прибыл отряд красноармейцев во главе с работниками уездного и областного исполкомов. 7 июля, в воскресенье, на базаре три красноармейца (без оружия) вели разъяснительные беседы с крестьянами о продовольственных постановлениях, необходимости сдачи хлеба в общественные амбары для помощи голодающей бедноте²⁸⁷. Возбужденная толпа устроила над красноармейцами самосуд. По волостям был пушен провокационный слух, что если крестьяне не ссыпят хлеб в общественные амбары, красноармейцы будут косить зеленую рожь и отбирать скот не только у прасолов, но и у всех крестьян. Возмущенные крестьяне арестовали прибывших с реквизиционным отрядом работников уездного и областного исполкомов, в качестве заложника был взят товарищ председателя Холмского волостного Совета Гребнев, 9 красноармейцев были подвергнуты самосуду и избиению. По соседним волостям были посланы агитаторы, распускавшие слухи о свержении Советской власти в Москве, Смоленске и призывавшие идти ликвидировать уездный Совет. Восстание стало быстро набирать силу, как только из Москвы были получены известия о выступлении левых эсеров (в Холме и Покрове был телеграф). Коммунистов в уезде почти не было. Поскольку левые эсеры не распространяли декрет о комбедах, для его реализации и

подготовки уездного съезда прибыл член областного исполкома Д.К.Прокопчик, который был захвачен мятежниками. За организацию бедноты ему грозили расстрелом²⁸⁸. В плену оказался и еще один член облисполкома - Константинов.

Уже 9 июля в уезде был создан "военно-революционный штаб" повстанцев 11 волостей, который возглавили левые эсеры, приехавшие с V Всероссийского съезда Советов²⁸⁹. Военной подготовкой восстания руководили бывшие офицеры - полковник Коробанов и прапорщик Воронин²⁹⁰. 11 июля штаб мятежников объявил мобилизацию населения от 16 до 60 лет²⁹¹. У восставших имелось до 2 тыс. винтовок и 3 пулемета²⁹². В движении приняли участие 8 тыс. крестьян. Лозунги восстания ("Долой Советскую власть", "Да здравствует Учредительное собрание") характерны для правых эсеров, но левые эсеры Бельского уезда приняли их.

Посланные на подавление восстания отряды уездного исполкома и ЧК были разбиты. Попавших в плен коммунистов, советских работников и красноармейцев крестьяне жестоко пытали. Раненых закапывали в землю, затаптывали в болоте. Для борьбы с повстанцами пришлось стягивать войска из Смоленска, Ржева, Духовщины, Ярцева, Вязьмы. При приближении отрядов крестьяне угнали свой скот. Руководители восстания скрылись²⁹³. 19 июля восстание было ликвидировано.

Выявлять зачинщиков активно помогала беднота. На восставшие волости была наложена контрибуция, конфискован хлеб. Советы были переизбраны²⁹⁴. Западная областная Чрезвычайная комиссия приговорила к расстрелу 10 человек. Из них 6 помещиков за участие в заговоре и внесение крупных денежных сумм на его организацию, одного присяжного поверенного и священника, который в ходе Бельского восстания живыми закапывал в землю раненых красноармейцев. Был также расстрелян епископ Макарий за участие в восстании в Вязьме²⁹⁵. 6 сентября в Смоленске были взяты 14 заложников²⁹⁶.

Одновременно с восстанием в Бельском уезде началось выступление в пяти волостях Поречского уезда той же Смоленской губернии. Появившихся в деревнях красноармейцев крестьяне предавали анафеме, грозя исключить из обществ их отцов. Мятежники убили 8 красноармейцев и заведующего уездным земельным отделом. В селе Каспле был замучен председатель волостной ячейки РКП(б) и воло-

стного исполкома²⁹⁷. Восстание было ликвидировано, но его организаторы - братья Жигаловы (бывшие поручики), скрылись, и появились осенью вновь.

В Новгородской губернии выступления крестьян произошли также в июле. В Старорусском уезде в движении приняли участие 30 деревень трех волостей (около 3 тыс. человек). Идейными вдохновителями здесь также были эсеры, а военными руководителями - офицеры²⁹⁸. В Старорусском и Новгородском уездах организатором выступления был правый эсер кулак Ф.К.Терещенко. В с.Подгощи он провел совещание 47 уполномоченных 14 волостей этих уездов, на котором обсуждался продовольственный вопрос. На нем присутствовали представитель крестьянской секции ВЦИК левый эсер И.А.Алексеев и член подгощеской группы левых эсеров М.В.Рыбкин²⁹⁹. Совещание вынесло резолюцию, призывавшую население к свержению Советской власти и требовало от Совнаркома сложить свои полномочия и немедленно созвать Учредительное собрание³⁰⁰.

В Петроградской губернии наибольшую остроту события приобрели в Новоладожском уезде, где восстание вспыхнуло сразу в нескольких волостях. Как и везде, были разгромлены Советы, захвачены склады с оружием, нарушены средства связи. Начавшись в июле, восстание в этом уезде продолжалось до 22 августа. Поводом к восстанию стала реквизиция лошадей. В ходе ее исполком допускал много злоупотреблений и самоуправств. Реквизиции проводились не только у помещиков и кулаков, но и у средних и даже бедных крестьян, что вызвало широкое недовольство населения. Восстание охватило восемь волостей. Но достаточно было прибывшим на подавление восстания советским отрядам дать несколько выстрелов в воздух, как крестьяне разбежались; в 24 часа они сдали оружие. 20 августа по уезду были проведены митинги и собрания крестьян. В разъяснительной работе участвовали местные коммунисты и член бюро Петроградского губкома, комиссар Союза коммун Северной области Г.Е.Евдокимов³⁰¹. Коммунисты создали комиссию по борьбе с контрреволюцией, которой было арестовано 60 человек, у населения отобрано оружие. Неправильно реквизированные лошади (почти 50%) были возвращены крестьянам³⁰².

На Петроградском губернском съезде Советов, состоявшемся 21 - 23 августа, говорилось, что кроме Новоладожского уезда, хорошо вооруженные отряды действуют в Петроградском, Лужском и Ямбургском уездах, а руководят ими офицеры. В уездных городах и деревнях было решено провести "классовую чистку", разоружить кулаков, офицеров и прочих "белогвардейцев", арестовав всех, замешанных в антисоветских действиях. Съезд постановил немедленно выселить из имений помещиков, ведущих подрывную агитацию³⁰³.

Ни в одной тыловой губернии антисоветским силам не удалось создать армейских формирований из крестьян, хотя во время восстаний везде проводились насильственные мобилизации. Советские карательные отряды быстро рассеивали толпы мятежников. Далеко не всегда удавалось найти и арестовать организаторов и руководителей мятежей, которые нередко, переждав тревожное время, появлялись вновь. Поскольку Советская власть не могла устранить причины, вызывавшие недовольство крестьян (голод, реквизиции лошадей, скота и транспортных средств, мобилизация солдат), у ее политических противников оставался шанс вновь возбудить недовольство, чтобы еще и еще раз попытаться свергнуть власть коммунистов. И каждый раз разъяснение, просвещение и агитация коммунистов для крестьян были убедительнее пушечно-пулеметных аргументов. Сплочением бедноты и средних крестьян коммунисты укрепляли власть Советов.

Несколько иными были результаты крестьянских выступлений в губерниях, примыкавших к линии Восточного фронта. Взятие Симбирска и Казани чехами активизировало антисоветские силы в Вятской, Пензенской, Нижегородской, Костромской губерниях. После падения Казани (6 августа) вспыхнуло восстание в Ижевске, Воткинске, Сарапуле и в московском продовольственном полку, действовавшем в южных уездах Вятской губернии. Грабежи, пьянство, издевательства восстановили против полка население. Движение охватило Уржумский, Нолинский уезды и 17 северных волостей Малмыжского уезда. В этом восстании впервые был выдвинут лозунг "Советская власть без коммунистов"³⁰⁴. В эти тревожные дни коммунисты без достаточных оснований обвинили в подготовке восстания левых эсеров, имев-

ших большинство в уездных исполкомах. Три месяца кипела гражданская война в Вятской губернии. В борьбу была втянута значительная часть крестьянства южных, хлебных уездов губернии. Они дали наибольшее пополнение "Народной армии" Комуча. Немалую роль в этом сыграли удмуртские советы старейшин (кенеш), выносившие решения о вступлении всех крестьян от 18 до 45 лет в войско Учредительного собрания³⁰⁵. В подавлении восстания активно участвовала Продармия рабочих.

Уральская областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, находившаяся в Вятке, провела "чистку" советских учреждений. Ей были арестованы наиболее крупные деятели правых партий, бывшие царские чиновники, и в качестве заложников были взяты 28 кадетов, 8 монархистов, 10 меньшевиков и правых эсеров, обвиненных в подстрекательстве к выступлениям, 23 полицейских, 154 "контрреволюционера", 186 офицеров, 32 агента белых, проникших в советские органы, и 35 видных местных деятелей. 476 человек были расстреляны³⁰⁶. Центральная фронтовая комиссия по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте 14 августа направила в помощь местным работникам 24 своих сотрудника. Создав в Вятке Особую комиссию во главе с Путке, они провели "чистку" уездов. По данным этой комиссии в контрреволюционных формированиях насчитывалось по 200 - 500 человек. Особая комиссия со 2 сентября по 20 октября расстреляла 136 заложников³⁰⁷.

В это же время в Вятской губернии из бедноты были созданы отряды защиты власти Советов. В Глазовском уезде губернский военный комиссар С.И.Малыгин сформировал из бедноты особую Вятскую дивизию. Уездный военный комиссар С.П.Барышников с отрядом в 175 человек боролся с восставшими крестьянами Святогорской, Юсовской, Васильевской волостей. Против восставшего московского продполка Степанова первыми выступила беднота Токтай-Беляжской волости, затем поднялась беднота Кикнурской, Сернурской и других волостей Уржумского уезда. Из удмуртской бедноты сел Дебессы и Шаркан Сарапульского уезда губвоенком С.И.Малыгин создал отряд, ставший основой полка им. Володарского, который вел партизанскую борьбу в губернии. В Малмыжском уезде на стороне Советской власти боролись отряды бедноты (400 человек), возглавляемые воен-

ным комиссаром уезда - Савинцевым и командиром М. Гореловым. В восточной и юго-восточной частях губернии (за Камой) вел борьбу с повстанцами отряд П. И. Деткина, отступивший сюда из Бирского уезда Уфимской губернии. В конце июля в отряде было 800 человек, в начале августа к нему присоединились еще 800 бойцов из отряда Бирского ревкома. Отряды Деткина были реорганизованы в 1-ю Бирскую пехотную дивизию в составе II армии Восточного фронта, но по существу они еще продолжительное время вели партизанскую борьбу на границах Сарапулского и Осинского уездов³⁰⁸.

В середине сентября началось разложение армии Комуча, массовое дезертирство крестьян из ее рядов. В ноябре повстанчество в Вятской губернии было разгромлено, остатки мятежников ушли за Урал, влившись в армию Колчака.

В Нижегородской губернии летом оживилось антисоветское подполье. 25 июля крестьяне четырех волостей Васильсурского уезда перебили сельских коммунистов Егорьевской волости, приехавших в с. Быковку на конференцию. Среди убитых был секретарь волостного исполкома Воробьев, военный комиссар волости Каганов, секретарь волостной ячейки РКП(б) Комолов³⁰⁹. В начале июля в Семеновском уезде в антисоветское движение были втянуты крестьяне 11 волостей³¹⁰ (из 64). 9 июля Лукояновский уездный исполком просил президиум губернского Совета о скорейшей присылке вооруженного отряда для подавления беспорядков³¹¹.

Положение в губернии привлекло внимание Ленина. 9 и 19 августа он указал нижегородским коммунистам на готовящееся в губернии восстание, требуя проявления твердости в борьбе, рекомендуя применять массовые обыски, расстрелы за хранение оружия, высылку (вывоз) меньшевиков и ненадежных лиц и т.д.³¹² По указанию Ленина 10 августа в Н.Новгороде был создан ВРК, приняты меры к вооружению коммунистов, проведены аресты среди буржуазии, кулаков, офицеров, взяты заложники. Только в Сормове, на территории ярмарки, было задержано до сотни офицеров, бежавших сюда после подавления восстания в Муроме и Ярославле, здесь же был задержан представитель чехословацкой армии, изъято много оружия³¹³. В 1918 г. в губернии отмечено 128 антисоветских выступлений³¹⁴. Летом в деревни были

направлены 3 вооруженных отряда коммунистов для организации бедноты³⁵. Кроме того, в деревню были посланы 20 ответственных работников, создан особый фонд для субсидирования организации бедноты. Объезжая деревни, коммунисты создавали комбеды из своих ставленников.

Летом осложнилась обстановка в Костромской губернии. В начале августа Галичский комиссар уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в одном из приказов писал о сильном распространении агитации со стороны помещиков, попов и кулаков, стремившихся внушить бедноте недоверие к Советской власти. Он предписывал всем волостным исполкомам и военным комиссарам вести разъяснительную работу среди крестьян, следить за появляющимися в селах и деревнях подозрительными лицами и арестовывать противосоветских агитаторов³⁶. На границе Костромской и Вологодской губерний - в районе Череповца и Галича - были обнаружены белогвардейско-офицерские ячейки, проводившие подготовку восстания, приуроченного к появлению десанта англичан. Девять офицеров, из которых четверо служили в Красной Армии, были расстреляны³⁷. В связи с высадкой английского десанта на Беломорском побережье и белогвардейской опасностью, в губернии был создан военный революционный комитет, проведена мобилизация коммунистов. Кострома и уезд были объявлены на военном положении.

В августе началось восстание в пяти отдаленных волостях Варнавинского уезда, наиболее богатых хлебом, отрезанных бездорожьем и лесами, граничивших с Нижегородской и Вятской губерниями. Центром стало торговое село Урень, населенное старообрядцами, потомками мятежных стрельцов. Этот район отличался исключительной привязанностью крестьян к старине. Поводом к восстанию послужило появление в Урени реквизиционного продотряда. При попытке учета хлеба крестьяне оказали сопротивление, заставив продотряд отступить³⁸. Следуя традициям старины, крестьяне избрали руководителем своего сопротивления насилию власти и продотрядам "царя" - толкового селянина среднего достатка И.Н.Иванова, прозванного Уреньским царем (он же "Суходольский царь", известный по прозвищу Нестеров). Восстание быстро разрасталось. Почва для выступления

крестьян была подготовлена бесчинствами и злоупотреблениями членов Варнавинского уездного и волостных исполкомов, производивших безрассудные реквизиции, хищения, побои и т. п.³¹⁹ В середине августа, мобилизовав 1500 крестьян, штаб восстания начал осаду уездного города Варнавино, продолжавшуюся десять дней. С помощью отряда из Костромы повстанцы были отбиты и отошли в Урень. 29 августа был совершен антибольшевистский переворот в Ветлуге. Здесь эсерам удалось сконцентрировать силы под видом учительского съезда³²⁰.

2 сентября в Костромской губернии было введено осадное положение³²¹. Борьба с варнавинско-ветлужским восстанием продолжалась более месяца и потребовала привлечения регулярных частей Ярославского военного округа, который 4 сентября был объявлен на военном положении³²². Только во второй половине сентября восстание было ликвидировано. Остатки повстанцев скрылись в Яранском уезде Вятской губернии, где кипела гражданская война. Военное положение в Костромской губернии было снято, за исключением двух волостей Ветлужского уезда - Ново-Успенской и Широковской, и пяти волостей Варнавинского уезда - Уренской, Черновской, Тонкинской, Вахрамеевской, Семеновской.

Костромской губисполком с помощью работников Московского областного исполкома провел расследование деятельности Варнавинского Совета, наказав виновных. Одновременно были применены репрессивные меры к участникам восстаний: только в Ветлуге было арестовано 100 человек, из них 19 было расстреляно³²³. Костромской губком РКП(б) для работы в деревне сформировал специальные "летучие отряды" по 10 агитаторов и организаторов на уезд, которые проводили собрания, митинги, распространяли газеты, листовки, плакаты, создавали комбеды, восстанавливали Советы³²⁴.

В производящих хлеб губерниях Центра волна крестьянских выступлений в августе была вызвана мобилизацией унтер-офицеров в Красную Армию, объявленной в Воронежской, Курской, Орловской губерниях, входивших в Орловский военный округ. Здесь встретились те же трудности, что и при проведении призыва крестьян в Поволжье и на Урале. По социальному положению большинство унтер-офицеров, призываемых в Красную Армию,

принадлежало к зажиточно-средняцким крестьянам. В их среде эсеровская агитация против создания регулярной армии, за все-народное вооружение, партизанские методы войны и против участия в гражданской войне находили широкий отклик. Используя государственный аппарат - Советы, военкоматы, курсы всевобуча, эсеры организовывали выступления крестьян против мобилизации. 13 и 14 августа был сорван призыв унтер-офицеров в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии. В Коротоякском и Землянском уездах той же губернии призывники отказались от явки, выдвинув эсеровские требования³²⁵.

Слабо шла мобилизация унтер-офицеров в Курской губернии. Здесь левые эсеры вели планомерную провокационную работу с целью осложнения отношений с Украиной и Германией. Замнаркома НКВД В.А.Тихомирнов предписывал губернскому отделу управления проверить командный состав Красной Армии, принять меры к срочному очищению губернии от бывшего офицерства, применяя аресты, высылки, взятие заложников³²⁶. Левые эсеры признавали мобилизацию только для борьбы с Германией. Результаты их деятельности отрицательно сказались на ходе призыва унтер-офицеров для пополнения частей на Восточном фронте. Так, по Курскому уезду предполагалась ежедневная явка по 500 унтер-офицеров. Однако 13 и 14 августа явилось только 29 человек. Вместо 200 ожидавшихся в Льговском уезде прибыло 20 унтер-офицеров, в Фатежском уезде вместо 600 - 12³²⁷. Были случаи категорического отказа от призыва. В ряде волостей явившиеся требовали разъяснения куда и для какой цели они будут отправлены. Настроение собравшихся, сообщал окружной военный руководитель В.Широков, было повышенным³²⁸. Брожение среди мобилизованных унтер-офицеров отмечалось в Дмитриевском и других уездах³²⁹. 19 августа из Щигровского уезда в НКВД сообщали, что мобилизация принимает затяжной характер: "Призываемые устраивают митинги для выяснения цели призыва. Царит какое-то непонимание. Возможны нежелательные явления"³³⁰. В Корочанском уезде на сборном пункте при станции Прохоровка, где ожидали отправки 600 мобилизованных, левые эсеры повели агитацию среди своих земляков. В результате часть призывников отказалась идти на службу. Волнение на сборном пункте было прекращено сознательной ча-

стью мобилизованной бедноты³³¹. В среднем явка в Курской губернии не превышала 10%, что было ниже поступления мобилизованных на Урале и в Поволжье.

В Орловской губернии призыв унтер-офицеров был сорван во всех уездах. 27 августа военный комиссар Орловского округа А.Я.Семашко телеграфировал во Всероглавштаб, что в Малоархангельске призванные отказались регистрироваться, требуя мобилизации всех, а не только унтер-офицеров и вооружения на местах. Невзирая на разъяснения, призывники разошлись. То же самое произошло в Дмитровске. В Мценске вместо 500 явилось 200 унтер-офицеров, из которых 140 затем самовольно ушли со сборного пункта³³². Агитация против мобилизации велась во всех уездах - Болховском, Карачевском, Севском и др.³³³ 20 августа из Кром телеграфировали, что население настроено против мобилизации; если исполком не проведет широкой разъяснительной работы о целях мобилизации, население не даст призывников³³⁴.

В Ливенском уезде, где удельный вес зажиточных крестьян был высоким, мобилизация унтер-офицеров вылилась в восстание, во главе которого встал заведующий отделом социального обеспечения, редактор газеты "Пахарь", до 20 апреля бывший председателем исполкома, левый эсер (в прошлом офицер) И.И.Клепов. В июне он был делегатом III съезда партии левых эсеров, 1 июля присутствовал на заседании Крестьянского отдела ВЦИК, где слушал Спиридонову и других лидеров партии³³⁵. Он возглавил антикоммунистическую работу среди крестьян. Попытка ЧК изъять оружие у населения не нашла поддержки волостных исполкомов и военкомов из левых эсеров. В августе по инициативе левозсеровских Советов началась дележка урожая с бывших помещичьих земель. 2 августа в уезде была объявлена мобилизация унтер-офицеров. В уездном городе собралось две тысячи призывников, которые своевременно не были отправлены в Орел. Собравшиеся на митинг унтер-офицеры постановили разойтись по домам. Принятая ими резолюция была направлена против гражданской войны. Вернувшись домой, унтер-офицеры повели агитацию среди земляков против мобилизации.

15 августа, после того, как уездный исполком повторил приказ о призыве на службу в Красную Армию, в деревнях началась расправа с коммунистами, членами комбедов и продотрядами³³⁶.

В Кудиновской волости сход, руководимый левыми эсерами, постановил отозвать из Красной Армии земляков, пригрозив в противном случае расправиться с их семьями. Решение схода с 20 гонцами было разослано во все волости уезда. В результате крестьяне 12 волостей выступили против мобилизации³³⁷. В с. Липовце во главе отряда из 147 мобилизованных встал помещик Ветчинин, пользовавшийся поддержкой крестьян³³⁸. Небольшие советские отряды, посланные на ликвидацию выступлений, были обезоружены, в ряде случаев арестованы. Положение в уезде стало крайне напряженным³³⁹. Наибольшую активность проявили крестьяне Хотеевской, Б. Бобровской, Волковской и Веретенинской волостей, имевшие связь с повстанцами соседних уездов.

18 августа в г. Ливны проходила ярмарка. По призыву братьев Удовыдченковых (один из них унтер-офицер) прибывшие на ярмарку крестьяне Черкасской слободы захватили на станции оружие охраны и продотряда. Председатель уездного исполкома П. Д. Селитренников, пытавшийся поговорить с собравшимися на базарной площади крестьянами, был ими зверски убит³⁴⁰. 19 августа г. Ливны был окружен почти десятью тысячами восставших крестьян. Интернациональный отряд, отряд ЧК и охраны (всего 200 человек) были разбиты, город разграблен, попавшие в руки повстанцев советские и партийные работники были растерзаны. Восставшие разобрали железнодорожный путь, задержав прибытие отрядов из Орла и Курска³⁴¹. Восстанием было охвачено большинство волостей уезда.

Ленин настаивал на беспощадном подавлении восстания и разоблачении роли левых эсеров в его организации. Орловскому окружному военкому, организации коммунистов и Ливенскому исполкому он советовал "конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба"³⁴².

Указания Ленина были выполнены: из советских органов были удалены левые эсеры и меньшевики, в деревнях ускорена организация комбедов, хлеб был отобран. При подавлении восстания было убито свыше 300 человек³⁴³. К расстрелу были приговорены руководители восстания, члены штаба - бывшие офицеры

Ф.Никитин, Т.Артемьев, полицейский пристав города Ф.Кречетов, купец И.Красов, священник Рязанов, военком Россошенской волости Лобов. Организаторы восстания - И.Клепов, А.Чернский, И.Фирсов скрылись. Но в ноябре И.Фирсов был арестован и осужден. Арест ливенского комитета мятежников помог раскрыть заговор левых эсеров в Орле. В штабе Орловского комитета левых эсеров изъяли взрывчатку, оружие, листовки³⁴.

Арестованные крестьяне, не проявлявшие активности в ходе восстания, в соответствии с решением VI Всероссийского съезда Советов, в ноябре были амнистированы.

Летние восстания были отражением неприятия крестьянством продовольственной и военной политики коммунистов. Восстания в деревнях стали неотъемлемой частью гражданской войны. За июль-август 1918 г. в 22 губерниях повстанцами было расстреляно 4480 советских работников. До конца года жертвами крестьянско-белогвардейского террора стали 10 490 партийных и советских работников. Продотряды потеряли 4,5 тыс. рабочих. Во время подавления восстаний погибло 5 тыс. сотрудников чрезвычайных комиссий и членов их отрядов³⁵.

Достоверных данных о жертвах красного террора в эти месяцы не имеется, но расстрелы участников восстаний и заложников не были единичными, став средством устрашения крестьян.

3.3. Социальный эксперимент в деревне: организация комбедов.

Летом 1918 г. положение Советской власти было критическим. Оно усугублялось голодом. Перед новым урожаем население потребляющих губерний получало менее 4,5% месячной потребности хлеба³⁶. Но на полях созрел обильный урожай. С точки зрения правящей партии нельзя было допустить, чтобы крестьяне спрятали хлеб, а потом использовали его как оружие против власти. Взять хлеб нового урожая под контроль и равномерно распределить его крестьянские Советы не могли, пока в них не было закреплено пролетарское влияние. Добиться этого коммунисты мыслили только через выделение бедноты и организацию ее комитетов. Но их создание шло медленнее, чем рассчитывали

большевики: за июнь-август они возникли в среднем в 10% волостей³⁴⁷. Общинное крестьянство не приняло линии РКП(б) на выделение бедноты и передачу ей контрольных функций. А без широкой и всесторонней помощи власти и политического руководства РКП(б) беднота не в состоянии была самоорганизоваться.

В августе вся система диктатуры пролетариата была приведена в действие для борьбы за хлеб нового урожая. Мобилизация сил проводилась на основе ленинских "Тезисов по продовольственному вопросу", написанных им 2 августа. В них наряду с новыми мерами борьбы с голодом, организации широкого похода рабочих в деревню для выделения бедноты и подавления кулачества, уделялось внимание и вопросу сближения со средним крестьянством. Чтобы заинтересовать середняка в сдаче хлеба государству, Ленин предложил повысить заготовительные цены до 30 руб. за пуд (предложение не было принято), полагая, что это поможет не только увеличить заготовки, но и "нейтрализовать в гражданской войне наибольшее возможное число крестьян"³⁴⁸. В этих же целях намечалось расширение товарообмена. Крестьяне-посевщики должны были получать товары только в обмен на хлеб. Кроме того, Ленин предлагал "установить налог натурой, хлебом, с богатых крестьян, считая богатыми таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собственное потребление (считая прокорм семьи, скота, обсеменение)"³⁴⁹. 3-6 августа Совнарком принял новые продовольственные декреты и обращение к трудящимся "На борьбу за хлеб". Профсоюзы через Военно-продовольственное бюро ВЦСПС направили в деревню 30 тыс. рабочих, организованных в уборочно-реквизиционные отряды³⁵⁰.

Августовский поход за хлебом расширил масштабы разрушения традиционной жизни общины. Рабочие направлялись прежде всего в хлебопроизводящие губернии центра страны. Так, в четырех губерниях - Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, до сентября остававшихся основным источником заготовки хлеба, действовало 27 724 рабочих в составе отрядов продармии, реквизиционно-уборочных отрядов Военпродбюро и отрядов, созданных на местах. Из них в Воронежской губернии было 6844 человека, в Орловской - 2625, Курской - 6930, Тамбовской - 11 325³⁵¹, в Пензенской губернии работало 8 петроградских

продотрядов, 5 владимирских, 2 московских. В Симбирской - сводный петроградский (2 тыс. чел.), московский, владимирский, новолодожский, костромской, северо-двинский и др., всего 4945 человек³⁵². К концу года продотряды поставили под свой контроль около 70% волостей хлебопроизводящих губерний³⁵³⁻³⁵⁴.

С августа 1918 г. идеологическая и организаторская работа коммунистов в деревне стала вестись в широких масштабах, однако сопротивление общины преодолевалось с трудом. Неграмотность, отсутствие навыков организаторской работы у бедноты приводили к тому, что после прочтения декрета общинные сходы выделяли в комбеды наиболее развитых и грамотных лиц, а ими были прежде всего зажиточные крестьяне. Трудно создавались комбеды в голодающих уездах - Юрьевецком, Чухломском, Нерехтском, Кологривском, Ковернинском, Макарьевском и других, где вместе с беднотой голодали и середняки. Здесь крестьяне не понимали необходимости раскола деревни³⁵⁵. Одной из основных задач массового похода рабочих в деревню было развитие активности бедноты. Но коммунисты не имели навыков работы с крестьянами и им далеко не всегда удавалось установить правильные отношения с середняками, от которых в значительной степени зависело мирное и успешное решение хлебной проблемы. До октября 1918 г. РКП(б) имела слабые организационные связи и идейное влияние на деревню. К средним крестьянам у многих коммунистов было недоверчивое отношение из-за их колебаний, сомнений, поддержки левых эсеров, участия в летних восстаниях. К тому же среди коммунистов было распространено прямолинейное толкование понятия "комитеты бедноты" как организаций чисто пролетарского типа, противостоящих всему остальному крестьянству. Подчеркивание пролетарского характера комбедов нашло отражение в первых инструкциях, воззваниях, резолюциях собраний, съездов, конференций. В ряде мест, например, в Северной области, где чрезвычайно острым был вопрос снабжения хлебом, инструкция съезда губернских комиссаров продовольствия запрещала принимать в комбеды крестьян, которые могли прокормиться своим хлебом³⁵⁶, т.е. средних крестьян. Противопоставление пролетарских слоев деревни всему остальному крестьянству давало весомые аргументы эсерам в борьбе против коммунистов.

С уборкой нового урожая хлеба в деревне наглядно материализовались итоги аграрной политики диктатуры пролетариата - миллионы бедняков переходили в разряд среднеобеспеченных крестьян. Их нельзя было противопоставлять пролетарским слоям деревни. Нельзя было игнорировать и "старых" середняков, с которыми Советская власть стремилась добиться соглашения в решении практических вопросов. В Вятской, Смоленской, Тверской, Ярославской губерниях середняки и перед революцией составляли основную массу сельских жителей. Даже в такой небогатой губернии, как Вологодская, существовали волости со значительным удельным весом середняцких дворов. Например, в Кадниковском уезде в Замошской волости в 28 селениях на 1038 дворов средних было 400 (38,7%), бедняцких - 630 (61%), в Пельшемской волости в 35 селениях из 1112 дворов средних насчитывалось 700 (63%), бедных - 442 (37%), в Двиницкой волости в 31 селении на 550 дворов средних было 200 (34%), бедных - 350 (63,7%)³⁵⁷. Немало таких волостей было и в Пензенской губернии. По уровню жизни крестьян Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская губернии были середняцкими.

В НКВД часто поступали сообщения с мест о непонимании социальной направленности комбедов. Исполком Вятского уездного Совета писал в НКВД, что бедноты в уезде немного, преобладает среднее крестьянство, у которого остаются излишки хлеба. Организация комбедов задерживалась из-за того, что декрет от 11 июня долгое время не был понятен населению³⁵⁸. Неясен был вопрос о возможности приема в комбеды средних крестьян в Смоленской, Тверской и других губерниях. До сентября у многих коммунистов Северной области также не было четкого понимания этой проблемы³⁵⁹. 15 августа Северо-Двинский губисполком, объясняя НКВД причины задержки в организации бедноты, указал на непонимание многими партийными и советскими работниками из кого должны создаваться комбеды, могут ли в них входить средние крестьяне³⁶⁰.

После удаления левых эсеров из уездных исполкомов и подавления крестьянских выступлений, в ходе которых из деревень были удалены наиболее враждебные элементы, позиция средних крестьян стала более лояльной Советской власти. Недоучет социальных сдвигов в деревне и недооценка изменений по-

литических настроений среднего крестьянства представляли большую опасность, поскольку вели к отрыву от основных масс деревни.

В июле-августе Ленин неоднократно возвращался к проблеме отношений Советской власти с средним крестьянством, напоминая, что с ним она не борется, а ищет соглашения, идет на уступки в жизненно важных для него вопросах³⁶¹. С целью исправления допущенных ошибок и предупреждения новых, 17 августа 1918 г. всем Советам была послана телеграмма за подписью Ленина и наркома продовольствия А.Д.Цюрупы, уточнявшая социальную направленность комбедов. "Из сведений, поступающих с мест об организации комитетов деревенской бедноты, - говорилось в ней, - видно, что очень часто при организации бедноты нарушаются интересы крестьян среднего достатка. Лозунг организации бедноты во многих местностях неправильно истолкован в том смысле, что беднота должна быть противопоставлена всему остальному крестьянскому населению - как заведомым кулакам и богатеям, так и многочисленному среднему слою крестьянства, который еще вчера голодал и который только при Советской власти свободно вздохнул". Телеграмма напомнила, что Советская власть никогда не вела борьбу со средним крестьянством и сейчас ставит своей целью объединение городского пролетария с беднотой и крестьянством среднего достатка, не эксплуатирующим трудящихся. Всем органам Советской власти строжайше предписывалось выполнять политику центральной власти. "Комитеты бедноты должны быть революционными органами всего крестьянства против бывших помещиков, кулаков, купцов и попов, а не органами одних лишь сельских пролетариев против всего остального деревенского населения"³⁶².

Телеграмма с трудом принималась к реализации партийными и советскими органами. Так, совещание представителей уездных исполкомов Советов Петроградской губернии, состоявшееся 27 августа, не приняло во внимание указание Ленина и Цюрупы, решив создавать комбеды из беднейших крестьян и батраков. Это решение расходилось и с резолюцией губернского съезда Советов, 21 августа постановившего считать главной задачей момента объединение бедноты и средних крестьян. Социальная ориентация уездных исполкомов на бедняка привела к

тому, что в семи губерниях Северной области середняки приняли участие в создании только 5,3% комбедов³⁶³. В октябре Северный областной комитет РКП(б) предписал начать проверку состава и деятельности комбедов³⁶⁴. Комбеды, включавшие в свой состав кулаков или не допускаявшие середняков, переизбирались. В ходе этой кампании середняки стали активнее втягиваться в работу комбедов. По данным на октябрь, в трех губерниях области - Вологодской, Новгородской, Олонецкой - середняки участвовали в выборах уже 11,6% комбедов³⁶⁵.

В августе из сообщений с мест выяснилось, что при создании комбедов преобладает тенденция их организации на общих собраниях крестьян. 20 августа наркомпрод издал "Положение о комитетах бедноты", разъяснявшее, что они должны создаваться сходом без участия кулаков, торговцев, церковных служителей и интеллигенции (за исключением лиц, пользующихся доверием бедноты). Но эти указания центральных органов слабо выполнялись на местах.

Телеграмма Ленина и Цюрупы о необходимости включать середняка в комбеды и последовавшее вскоре разъяснение о недопустимости передачи власти комбедам были положительно оценены левыми эсерами. 17 сентября вопрос о комбедах рассматривался ЦК левых эсеров. После информации В.А.Карелина было решено представить к следующему заседанию доклад и проект листовки, в основу которой должна лечь мысль о необходимости работы эсеров в комбедах³⁶⁶. Однако такого доклада и листовки в архивах левых эсеров обнаружить не удалось. Тем не менее отношение их к комбедам стало спокойнее. В ряде уездов они даже принимали участие в работе комбедов.

Периодом массового оформления комбедов, когда было создано свыше 80% их общей численности, стало время со второй половины августа - по октябрь включительно.

Для объективной оценки расстановки сил в деревне на этом этапе комбедовского строительства необходимо ответить на вопрос: кем была организована основная масса комбедов и каким был их социальный состав?

Прежде всего, попытаемся ответить на вопрос о степени зрелости субъективных факторов для развития социалистической революции в деревне, выяснить, насколько активна была сама

беднота в создании своих организаций. В историографии большая роль в организации комбедов отводится рабочим, как выехавшим из городов вследствие остановки предприятий, так и прибывшим в деревню в составе продотрядов. Это положение не подвергается сомнению ни одним из исследователей, но оно не дает ответа на вопрос о степени социальной активности самой бедноты, часто, наоборот, подчеркивает ее социальную инертность, апатию.

В.В.Туляков, изучивший этот вопрос на материалах трех аграрных губерний центра страны - Тамбовской, Тульской и Рязанской, установил, что средний процент комбедов, организованных самой беднотой составлял 20,8%. В Тульской губернии самой беднотой было создано лишь 9% комбедов, в Пензенской - 20, Рязанской - 21,5, Тамбовской - 32,5% комбедов³⁶⁷. Социальная активность бедноты приходится признать невысокой.

Стремление бедноты создать свои организации с наибольшим успехом реализовывалось лишь при активной поддержке уездной власти, продотрядов и другой конкретной помощи, оказываемой властью.

Невелика была в этом деле и роль сельских партийных ячеек, поскольку их массовое создание относится к октябрю-декабрю 1918 г., когда уже был поставлен вопрос о ликвидации комбедов. По данным анкет комбедов Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний около трети, а в Пензенской губернии пятая часть их, были организованы коммунистами. Но это результат деятельности не сельских партакчеек, а коммунистов губернских и уездных организаций и продотрядов. Коммунистами Нижегородского губкома РКП(б) было создано и реорганизовано 2133 из 2753, или 73,8% комбедов³⁶⁸. По отчету Бронницкого уездного комитета партии Московской губернии, все комбеды и партакчейки в уезде были созданы его агитаторами и организаторами³⁶⁹.

Создаваемые коммунистами организации по социальному составу были бедняцкими, но достигалось это ценой больших усилий. Заведующий агитационно-вербовочным отделом Вологодского уезда Н.П.Тришин, военком С.М.Бокарев, заведующий учетным отделом Г.И.Богданов, коммунист А.А.Костров совершили 80 агитационных поездок, в ходе которых появилось 28 волостных и 1033 сельских комбедов, т. е. абсолютное их большин-

ство. 15 агитаторов губернского агитотдела в 66 волостях создали 420 комбедов, 35 партийных ячеек, 26 коммун³⁷⁰. Сохранившиеся отчеты, письма, дневники агитаторов, организаторов, инструкторов воссоздают картину упорного сопротивления общины ее расколу, выделению бедноты и передаче ей власти. Агитатор Г.И. Дементьев, работавший в августе в Велильской волости Демянского уезда Новгородской губернии, писал, что из-за кулачко-эсеровской агитации настроение крестьян было неустойчивым. Среди 400 человек, присутствовавших на волостном сходе, довольно много было крестьян, которые отвергали все декреты Советской власти. Дементьев выступал несколько раз, агитируя за создание комбеда, но сход отклонил это предложение³⁷¹. Комбеды здесь были созданы лишь в сентябре, когда в уезд прибыл отряд петроградских рабочих. Но сопротивление крестьян в Советах долгое время не удавалось сломить. В конце года в волости сложилась группа сочувствующих РКП(б). 15 декабря она постановила принять меры к немедленному удалению из Советов "кулаков" и "прекращению ими лживой агитации"³⁷².

Являясь руководящей силой комбедовского строительства, коммунисты тем не менее не в состоянии были охватить политической и организаторской работой все деревни. Большая доля работы по созданию комбедов легла на Советы. В историографии раскрыта роль губернских и уездных исполкомов Советов в организации комбедов, но участие волостных и сельских Советов в этом процессе по существу не исследовано. Выяснение роли низовых Советов и социального состава созданных ими комбедов представляет несомненный интерес, поскольку непосредственно вводит в круг острейших проблем жизни и борьбы в деревне.

Выше говорилось, что к середине 1918 г. лишь около трети волостных Советов являлись бедняцко-средняцкими по своему составу, проводившими политику центральной власти. Тем не менее нельзя сказать, что все они проявляли инициативу в создании комбедов. Некоторые из них не понимали необходимости их организации, считая их излишними, ведущими к двоевластию в деревне. Но вышестоящие инстанции настаивали на их обязательности, ибо это была единственная в тех условиях возможность выявить политическое лицо Совета. Наиболее часто общи-

на отказывалась организовывать комбед под предлогом беднячко-средняцкого состава населения и Совета. Коммунисты видели в этом происки эсеров и настаивали на перевыборах Советов. Настойчивость губернских и уездных организаций приводила к тому, что в ряде уездов голодающих губерний, в частности в Новгородской, Псковской, Костромской, имело место формальное переименование волостных и сельских Советов в комбеды или в Советы бедноты. Однако при проверках оказывалось, что в них было немало непролетарских элементов. В тех случаях, когда комбеды создавались из беднейших крестьян, они волею-неволею начинали противопоставлять себя среднему крестьянству, делая его главным объектом своей агрессии. В волостях со слабой зажиточно-кулацкой прослойкой середняк наиболее остро чувствовал тяжесть комбедовской диктатуры.

Большинство низовых Советов оказывало упорное сопротивление созданию бедняцких организаций, прибегая к различным формам борьбы против них, вплоть до вооруженного сопротивления. Но вооруженные формы борьбы в сентябре-октябре, представляя постоянную потенциальную угрозу, не получили значительного развития. Это было следствием широкой помощи рабочего класса беднякам, высокой насыщенности хлебопроизводящих губерний агитаторами-коммунистами и вооруженными продотрядами рабочих, разоружения деревни, изъятия из нее наиболее враждебно настроенных элементов (расстрелы участников летних восстаний, аресты, взятие заложников). Немаловажным фактором стабилизации обстановки в деревне являлось допущение некоторой свободы торговли хлебом (полуторарапудничество), а также несочувствие средних крестьян насильственным методам изъятия продуктов. Вхождением в комбеды середняк примирял крайности социально полярных групп деревни.

На втором этапе комбедовского строительства община изменила тактику борьбы: раз не удалось воспрепятствовать их организации, то надо поставить комбеды на службу своим интересам. Через Советы и мирские сходы община стала создавать комбеды из своих ставленников, хотя формально их члены могли принадлежать к беднячко-средняцким слоям. Вместо выборов они назначали в комбеды лиц по своему усмотрению. По данным 8 губерний Северной области путем назначений были созданы

15% комбедов³⁷³. В Новгородской губернии таким образом было оформлено 21,6%, а в Псковской губернии - 20,9% комбедов³⁷⁴. Назначение членами комбедов практиковалось не только Советами, но и коммунистами. Когда не было возможности расколоть общекрестьянский сход, членами комбедов назначались лица по указанию коммунистов.

По выявленным на сегодняшний день источникам, больше всего комбедов было создано волостными Советами в Рязанской губернии - 42,5%. В Тамбовской меньше - 20%, в Тульской - 19%³⁷⁵. Но все они ни по социальному составу, ни по характеру работы не соответствовали декрету. Такие комбеды подлежали реорганизации. 15 сентября Рязанский губисполком отмечал, что создание комбедов еще не закончено. Серьезным препятствием он считал засилье "кулаков" в волостных Советах Данковского, Егорьевского, Зарайского, Касимовского, Пронского, Рязанского, Ряжского, Скопинского и других уездов. По мнению губисполкома в результате долгого пребывания левых эсеров в исполкомах уездных Советов, распространенным явлением в волостях стало создание комбедов на общих сходах и вхождение в них кулаков. Только в сентябре, после оформления уездных комитетов РКП(б) и усиления коммунистов в исполкомах, началась организация бедняцко-средняцких комбедов и роспуск волостных Советов, состав которых не отвечал Конституции. Причем, если в Ряжском уезде распускались некоторые Советы и их состав пополнялся коммунистами и комбедовцами, то в Рязанском уезде в восьми обследованных волостях были переизбраны почти все Советы и созданные ими комбеды³⁷⁶. Егорьевский районный комитет РКП(б) в ноябре доложил, что усилиями агитационной коллегии и коммунистов исполкома в уезде все комбеды и Советы переизбраны и из них удалены "негодные элементы"³⁷⁷.

Характеризуя положение в деревнях Михайловского уезда той же губернии, отдел управления уездного исполкома в сентябре отмечал остроту борьбы между беднотой и кулаками. Основную трудность в реорганизации Советов он видел в поддержке средним крестьянством кулаков³⁷⁸⁻³⁸⁰. В этом же, по мнению отдела, коренилась и причина "засоренности" комбедов. Состоявшийся в сентябре Михайловский уездный съезд комбедов, отметив наличие кулаков в организациях, постановил исключить из

них людей, не отвечающих требованиям декрета и “не защищающих этот великий декрет” (об организации комбедов)³⁸¹. Во многих волостях Советы были заменены комбедами. Эта замена общекрестьянских Советов комбедами стала одной из причин ноябрьского восстания, охватившего в губернии все уезды, кроме Егорьевского.

Во всех губерниях бедняцко-средняцкие комбеды в своем большинстве были созданы помимо низовых Советов и даже в борьбе с ними. В бюро по организации комбедов в Орловской губернии неоднократно поступали сведения от агитаторов и инструкторов о сопротивлении Советов созданию комбедов. В Мценском уезде Советы Долговской, Тельчинской и других волостей вели агитацию против комбедов. В Михайловской волости, имевшей большие излишки хлеба, комбед был разогнан. 18 августа в селе Золотарево большинство крестьянского схода постановило хлеба бедноте не давать, обезоружить и “побить волостной комитет” и организацию коммунистов³⁸². Президиум Мценского уездного исполкома предписал всем волостным Советам оказывать содействие комбедам, арестовывать лиц, ведущих агитацию против них, а членам Советов, агитирующим против комбедов, грозила крайняя мера наказания³⁸³. По всем волостям были разосланы агитаторы-коммунисты. Особое внимание уделялось волостям, имевшим много хлеба, и где активность крестьян была наивысшая. Так, в Михайловской волости разъяснительную работу вели председатель уездного исполкома, коммунист с 1913 г. А.Е.Денисов и волостной военный комиссар Акимочев³⁸⁴. В помощь уездному бюро комбедов, руководимому коммунисткой В.П.Танчик, из Орла были направлены инструкторы Борисов, Бубенец, Созинов. Общими усилиями комбеды были созданы почти во всех волостях и многих деревнях³⁸⁵.

Активное сопротивление выделению бедноты оказывали волостные Советы Курской губернии. В Новооскольском, Тимском, Фатежском уездах в комбеды записывались целыми обществами и селениями³⁸⁶, что лишало их создание смысла. В Львовском уездном исполкоме в сентябре работали левые эсеры. Поддержка среднего крестьянства обеспечила им 54% (вместе с сочувствующими) мест против 41% коммунистов и им сочувствующих³⁸⁷. Лишь в конце сентября коммунистам уезда удалось до-

биться заметного перелома среди населения “в смысле признания необходимости комбедов и доверия правительствующей партии коммунистов (большевиков)”³⁸⁸, - сообщил Семенов, заведующий административным отделом уездного исполкома. В ноябре уездная конференция РКП(б), подводя итоги работы в деревне, отмечала, что в Советах и комбедах все еще много “нежелательных элементов”, борьба с которыми остается главной задачей³⁸⁹.

Спротивление крестьянской общины выделению бедноты и передаче ей контроля над жизнью деревни было характерно не только для губерний, производящих хлеб. Не менее остро стоял вопрос и в потребляющих губерниях Центра, Севера и Северо-Запада.

Много писала об этом губернская и уездная печать Тверской губернии. Так, Луковниковский волостной Совет Старицкого уезда, получив декрет о комбедах, положил его под сукно, так как по понятиям членов Совета в волости кулаков не было и поэтому никаких комбедов организовывать не надо³⁹⁰. Упорно сопротивлялись местные Советы созданию комбедов в Вышневолоцком уезде. В д. Лютивня Дарской волости крестьяне четырежды собирались для организации комбеда и каждый раз мирской сход этот вопрос проваливал, переключая внимание на раздел товаров, поступивших в кооператив, и т.п.³⁹¹ В ряде волостей уезда инструкторам пришлось создавать комбеды в вооруженной борьбе с Советами. Центром сопротивления стали Поддубенская и Лубовская волости. Только после подавления вооруженного сопротивления крестьян в нескольких волостях, комбеды были созданы в 26 из 31 волости и в 663 селениях уезда³⁹². Губернская и уездная коммунистическая печать сообщала, что в Краснохолмском, Осташковском, Кашинском и других уездах беднота, боясь кулаков, не создает свои организации, а во многие созданные комбеды проходят кулаки³⁹³. К середине сентября комбеды имелись в девяти десятых волостей, но многие из них не отвечали своему назначению. Для местных работников неясен был вопрос, как быть с середняком, не могли они определить взаимоотношения комбедов и Советов, отмечал губисполком³⁹⁴. Губернский съезд комбедов, дав установку на объединение в комитетах бедноты и крестьян среднего достатка, обязал уездные исполко-

мы выделить комиссии для проверки личного состава волостных комбедов, которые, в свою очередь, должны проверить состав сельских комитетов, добиваясь их бедняцко-средняцкого состава через перевыборы³⁹⁵.

По мнению большевиков, от социального состава комбедов зависела их деятельность, а от нее - отношение населения к советской власти. Комбеды часто проводили свою политику, злоупотребляя властью: сводили счёты, преследовали честных людей, разоряли их незаконными обложениями, терроризировали обысками и пр.

Изоляция кулаков встретила сопротивление крестьянских Советов в уездах Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской губерний.

В Московском уезде негативное отношение волостных Советов к комбедам долгое время тормозило их организацию. Уездному исполкому пришлось в каждой волости создавать комиссии по организации бедноты и обследовать деятельность волостных Советов, не выполнявших правительственные декреты. Аналогичным было положение в Богородском уезде, где Советы уничтожали коммунистическую литературу и газеты, восстанавливали крестьян против коммунистов. В октябре уездный исполком создал коллегию, которая проверила состав волостных советов и комбедов. В середине ноября уездный комитет партии сообщил в ЦК РКП(б): "Все непролетарские Советы уже разогнаны и заменены бедняками-коммунистами. Очень часто случается, что кулачье, не желая уйти от власти, оказывает вооруженное сопротивление. Многие из кулаков, видя свою неизбежную гибель, начинают перекрашиваться в коммунистов, стараясь опять-таки остаться в рядах Советской власти"³⁹⁶. В Волоколамском уезде в ходе проверки было реорганизовано и распущено много комитетов бедноты: за бездействие, халатное отношение к делу, "засоренность"³⁹⁷. Ревизия в Можайском уезде показала засилье кулаков и запуганность бедноты³⁹⁸.

3 октября вопрос о реорганизации комбедов поставил Северный областной комитет РКП(б). По его оценке, сильная засоренность кулаками волостных Советов Северной области была одной из причин слабой организованности бедноты до сентября 1918 г. Кулаки, сообщил Комиссариат внутренних дел Союза

коммун Северной области, "тормозят всю деятельность и ведут определенную контрреволюционную работу под советским флагом"³⁹⁹. Местные партийные работники не имеют опыта в организации бедноты. У многих не было ясности, из кого создавать комбеды, могут ли в них входить средние крестьяне. Под видом середняков в комбеды организовывались кулаки⁴⁰⁰. Разосланное на места циркулярное письмо предписывало "провести точную проверку состава комитетов бедноты в деревнях, так как, несомненно, они далеко не соответствуют своему назначению и часто имеют в своей среде, и даже в качестве председателя, или заведомого кулака или зажиточного крестьянина и, следовательно, совершенно не могут считаться действительными представителями бедноты". Такие комитеты надо было распустить и избрать новые из действительно неимущих крестьян⁴⁰¹. Реализуя указание Областного комитета РКП(б), Новгородский уездный съезд председателей и секретарей волостных Советов 3 ноября постановил немедленно приступить к очищению сельских Советов и комбедов от "контрреволюционеров и кулаков"⁴⁰². Стоит напомнить, что 83% комбедов этого региона было создано на собраниях бедноты. Но это, как видим, не приводило к их превращению в органы "пролетарской диктатуры". Беднота без помощи коммунистов не умела отделить себя от остальной части крестьянства.

Не было такой губернии, из которой в августе-октябре не поступали бы сведения о засилье кулаков в Советах и комбедах. Трудно шло создание комбедов в Поволжье и на Урале. Здесь наряду с общими причинами добавлялись трудности военного характера. Кроме того, в этих многонациональных районах не хватало агитаторов, знающих местные языки, трудно преодолевалось влияние мусульманского духовенства. Из Царевококшайского уезда Казанской губернии в ЦК РКП(б) сообщали, что комбеды созданы по всему уезду, но большинство их не отвечает своему назначению. Для их реорганизации было послано 12 агитаторов⁴⁰³. В Лайшевском уезде многие села отклоняли организацию комбедов, считая, что у них нет ни бедных, ни богатых, все одинаково равны, причисляя себя к середнякам. Лучше обстояло дело в Спасском и Тетюшском уездах, где к их организации и работе сразу стали привлекать среднее крестьянство⁴⁰⁴. В силу по-

литической темноты и неразвитости бедноты многие комбеды Краснококшайского, Сенгилеевского, Чебоксарского, Свияжского, Чистопольского уездов состояли из зажиточно-кулацких элементов⁴⁰⁵. Подобной была картина и в Вятском, Глазовском, Елабужском уездах Вятской губернии⁴⁰⁶. Большое засилье кулаков в комбедах (на три четверти) отмечалось в Котельничском уезде⁴⁰⁷, хотя абсолютное большинство их было создано силами коммунистов из военкоматов.

Волостные Советы отражали интересы крестьянской общины, упорно сопротивлявшейся расколу деревни. К концу года все же удалось упрочить позиции бедноты и середняков в комбедах. По данным пяти губерний: Тамбовской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской - 60-65% их членов представляли бедноту, 20-25% - середняков, 10-15% - рабочих, 4-5% - кулаков⁴⁰⁸. Эти показатели можно считать средними по стране.

Представительство рабочих в комбедах, особенно в руководящем составе, было выше, чем их удельный вес среди населения. Объясняется это вхождением в них рабочих из продотрядов и рабочих, возвращавшихся в родные места в связи с закрытием предприятий и голодом в городах. Их избирали на должности председателей, секретарей, казначеев комбедов. Так, в сельских комбедах Тамбовской губернии рабочих было 16,6%, в волостных - 12,5, среди председателей сельских комбедов - 22,4, волостных - 16,5%⁴⁰⁹. Значительный процент рабочих в комбедах - один из показателей слабой способности бедноты к организации и тем более к руководящей работе. Пришлые были активными проводниками административных и партийных приказов, они наиболее решительно разрушали вековые устои общинной жизни крестьян.

Истинное лицо комбедов - "носителей социалистической идеи" в деревне, станет ясным к концу 1918 - началу 1919 г. В отчетах комиссий, расследовавших причины массовых восстаний крестьян и уклонения от службы в Красной Армии, в донесениях уполномоченных ЦК РКП(б), СНК, ВЦИК, посланных в мае 1919 г. для восстановления связей центральной власти с деревней, комбеды характеризуются, как скопище голытьбы, деклассированных и бесхозяйственных элементов города и деревни, с оружием утверждающих свою власть над крестьянством. Отри-

цательная оценка комбедов, данная высокопоставленными коммунистами, по существу перечеркивала все усилия по расколу деревни. Она полностью подтверждала правоту левых эсеров, борющихся против их насаждения. А. Устинов (левый эсер, один из лидеров революционных коммунистов), оценивая комбеды, писал, что они "становятся в деревне источником величайшей неразберихи, и от них идет там дым коромыслом. Эта теплая кампания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся и трудовые хозяйства: расхищаются скот, мертвый инвентарь всех видов, самые ничтожные запасы продуктов - растаскивается и проматывается все и вся, идет не созидание ценностей, а их уничтожение"⁴¹⁰.

Чтобы избежать разорения, середняк стал участвовать в организации комбедов. Съезды Советов и комбедов, состоявшиеся в сентябре-ноябре в Центральной России и Северной области также отмечали все большее участие среднего крестьянства в работе комбедов.

Отражая сдвиги в настроениях среднего крестьянства, часть левых эсеров пересмотрела свое отношение к комбедам. На IV съезде партии левых эсеров (2-7 октября 1918 г.) делегаты девяти губерний - Владимирской, Новгородской, Орловской, Петроградской, Псковской, Тверской, Тульской, Череповецкой, Ярославской заявили, что поскольку в комбеды стал входить середняк, то они также участвуют в их работе⁴¹¹. Некоторые делегаты прямо признавали, что на их отношении к комбедам повлияла телеграмма Ленина и Цюрупы от 17 августа. После разъяснения Ленина, что в комбеды должны входить середняки, говорил делегат Викторов, левые эсеры не могут возражать против них. Трудовые крестьяне заинтересованы в комбедах и пойдут туда, как бы их ни удерживали. Волостные Советы не могут отобрать хлеб у кулаков, для продовольственного дела комбеды необходимы⁴¹². За вхождение в комбеды высказался делегат Псковской губернии Чижиков, ибо комбеды, считал он, имеют широкое революционное значение для экономической и организационной работы⁴¹³.

Член ЦК левых эсеров В. Трутовский, оставаясь непримиримым противником политики коммунистов, считал необходимым

входить в комбеды, закрепляться в них, превращать в свои органы, но не использовать их для расслоения крестьянства; он предлагал “выпирать” большевиков из комбедов. Делегат Калужской губернии сообщал, что члены их организации входят в комбеды “со специальной целью нарушить их работу”⁴⁴. Продолжали борьбу с комбедами левые эсеры Тамбовской, Воронежской, Пензенской (до 27 сентября), Курской, Нижегородской, Московской и других губерний. Но единства по этому вопросу в левозесеровских организациях не было. Большинство делегатов IV съезда левых эсеров высказались за колеблющуюся тактику “постольку-поскольку”: - если середняк участвует в работе комбедов, то они поддерживают их. Эта тактика на съезде была предложена лидером партии Карелиным, бывшим активным противником продовольственной политики Советской власти. Он признал, что изменение его позиции вызвано разъяснением Ленина и Цюрупы⁴⁵. На съезде он заявил, что жизнь заставляет признать комбеды экономической организацией крестьян⁴⁶. Голосование по вопросу о комбедах показало отсутствие единства в партии левых эсеров: 30 делегатов (45,4%) поддержали тактику “постольку-поскольку”, 24 (36,4%) голосовали за безусловное участие в работе комбедов, 12 (18,2%) были категорически против⁴⁷.

Доклады с мест говорили о развале организаций, отходе масс от партии левых эсеров. В Калужской, Рязанской, Нижегородской, Владимирской, Московской губерниях левые эсеры пытались вести работу, сохраняли боевые организации, но массы крестьян не поддерживали их. Наибольшее число ячеек левым эсерам удалось сохранить в Воронежской губернии, где, по данным на февраль 1919 г., их было 83⁴⁸. Потерю масс лидеры левых эсеров видели. Об этом говорили Карелин, Богачев, Черепанов, Магеровский⁴⁹.

Находившаяся в заключении М.А.Спиридонова обратилась к съезду с письмом. Надо “заново собрать партию”, утратившую связи с массами, писала она. Партия должна “организацией масс, агитацией и пропагандой содействовать образованию из крестьянской “пыли” - класса с самосознанием, волей и всей классовой вооруженностью... Помощь в этом процессе крестьянам может оказать только наша партия с нашим философско-социологическим багажом и программой и с традиционной душев-

ной связанностью с судьбами земледельческого класса и преданностью ему". Спиридонова стремилась развить в крестьянстве качества активного субъекта, преобразователя жизни и творца истории. Главной задачей партии она считала выработку тактики, обеспечивающей "возможность разорвать Брестский мир, чем откроются дальнейшие пути развития русской и мировой революции". Победа мировой революции, считала она, будет обеспечена пропагандой левозсеровских лозунгов. Только они дают крестьянству возможность превращения из "современного илота у большевиков и всей прочей социал-демократии" в "правомочное и равноценное историческое лицо в общем новом восстании и социалистическом творчестве"⁴²⁰. Спиридонова предлагала изменить тактику борьбы с Брестским миром и партией большевиков. "Мне кажется, - писала она съезду, - всякого рода сепаратные выступления, восстания, захваты, прорывы фронта, переход через демаркационную линию, террор против большевиков... нецелесообразно сейчас. Сейчас надо сосредоточить все силы на завоевании масс и восстановлении народовластия в лице Советов"⁴²¹. На диктатуру пролетариата и партию большевиков она возлагала ответственность за сужение политических свобод и снижение роли демократических институтов, прежде всего Советов. Большевики, писала лидер левых эсеров, идею Советской власти заменили принципом чиновничества, назначенчества, что ведет к узурпации прав народа, и этим убиваются идеи Октября. "Это самое худое дело большевиков, т. к. трудовое население приобретает психологические навыки ко всякому захвату их прав и насилию, ко всякой диктатуре. Подготовка их психологии идет в сторону убийства Октября в провинции". Не давая левым эсерам служить революции, монополизируя ее, большевики стремясь к власти своей партии, извращают идею Советской власти, убивают дух революции, что ведет "в конце концов к господству, обману масс, к насилию". Вместе с тем, Спиридонова призывала партию левых эсеров никогда не забывать, что именно "большевики сделали великое дело", что "за границей весь мир поднимается под их флагом", а также и то, что "у нас и у большевиков общие враги и общие друзья"⁴²².

Итогом коммунистического эксперимента в деревне стало выделение из многомиллионного крестьянства нескольких сотен

Социальный эксперимент в деревне: организация комбедов

тысяч бедняцкого актива, опираясь на который, РКП(б) несколько месяцев осуществляла свою политику в деревне. Однако этот актив оказался малоспособным к решению экономических проблем. Противопоставление бедноты имущему крестьянству привело к внедрению в общинную жизнь насилия, которое не оправдало себя ни с экономической, ни с морально-этической точек зрения.

Глава 4. Диктатура коммунистов в деревне

4.1. Кто власть на селе?

Исследователи комбедов с давних пор выясняют их взаимоотношения с Советами. В правительственных органах тех лет не было ясности по вопросу о функциях и задачах создаваемых в нелегкой борьбе комбедов. Не было ее и на местах.

Если Советы (волостные и сельские) являлись конституционными органами государственной власти в деревне, то комбеды должны были выполнять контрольные и учетно-распределительные функции. Декрет о комбедах и инструкции Наркомпрода подчеркивали, прежде всего, продовольственные функции этих органов. НКВД наделял комбеды более широкими полномочиями, поручая им укрепление сельских Советов и допуская возможность замены Советов комбедами.

Весь период комбедовского строительства наполнен борьбой за изгнание из низовых органов власти крестьян, не согласных с политикой центральной власти. Это была одна из основных задач коммунистов в деревне. Комбеды, объединившие бедняцкий актив, неизбежно вступали в конфликты с Советами, защищающими интересы крестьян-собственников. Они присваивали функции власти, далеко выходя за пределы полномочий, определенных декретом и инструкциями. Губернские и уездные Советы, а также комитеты РКП(б), не препятствовали комбедам в расширении их функций и превращении в фактические органы власти коммунистов. Так, захват власти, роспуск "кулацких" и просто бездеятельных Советов представители губисполкома и делегаты из уездов рассматривали как нормальное следствие избытка революционной энергии пробудившейся к политической жизни бедноты¹.

Превращение комбедов в органы власти создавало двоевластие, и на местах не просто было решить вопрос о приоритете власти в деревне. Когда Советы находились "под влиянием кулаков", съезды комбедов, исполкомы уездных Советов, комитеты РКП(б) высказывались за передачу власти комбедам.

Одним из первых подобным образом был решен вопрос в Московской губернии, где большая часть Советов не принимала

политику центра. В результате в Щелковской волости Московского уезда во всех селах комбеды были "на положении власти, к чему были вынуждены самой жизнью"². В августе губернский съезд комбедов, созданный по инициативе бюро окружного комитета РКП(б), постановил: "Там, где Советы превращаются в оружие эксплуатации трудящихся, попадают в руки кулацких сил деревни, комбеды должны взять власть в свои руки"³. Богородский, Звенигородский, Можайский уездные исполкомы Советов постановили передать власть комбедам⁴.

Калужский губернский съезд комбедов 24 сентября также высказался за передачу им власти⁵. Председатель Тамбовского губкома РКП(б) Ж.Миллер считал, что в деревне власть должна принадлежать хорошо организованным комбедам⁶. Козловский уездный комитет партии полагал, что волостные Советы должны быть заменены комбедами, поскольку на местах сильное стремление к этому⁷. В Моршанском уезде власть перешла к комбедам ввиду сильных позиций в Советах состоятельного крестьянства. В Усманском уезде упразднение сельских Советов было санкционировано съездом председателей и инструкторов уездных комбедов⁸. В Добринской, Демешинской, Дрязгинской волостях этого уезда власть в селах была передана комбедам по настоянию коммунистов⁹. По инициативе уездных комитетов РКП(б), исполкомов Советов и съездов передача власти комбедам была произведена в Буйском, Касимовском, Кологривском, Льговском, Нерехтском, Малоархангельском, Саранском, Шлиссельбургском и других уездах¹⁰. В Нижегородской губернии этот процесс захватил Воскресенский, Княгининский, Лукояновский, Семеновский, Сергачский и другие уезды. Так, в Воскресенском уезде Советы 10 волостей вместо их перевыборов были просто заменены комбедами¹¹. Постановлением уездного исполкома от 19 сентября все волостные и сельские Советы Княгининского уезда заменили комбедами¹².

В тех случаях, когда в ходе организации комбедов Советы переизбирались, и в деревне появлялись два социально однородных органа власти, возникало ненужное двоевластие. Стремясь избежать его, Новгородский губисполком в конце августа принял инструкцию, предлагавшую Советам сдать дела комбедам¹³. В Бежецком уезде Тверской губернии¹⁴, в Ардатовском уезде

Симбирской губернии¹⁵, в Шигровском уезде Курской губернии¹⁶ замена Советов комбедами понималась как осуществление "диктатура деревенской бедноты". Сосредоточение власти в руках комбедов превращало их в чрезвычайные органы с неограниченными и неопределенными полномочиями.

Вопрос о функциях комбедов и приоритете власти 26 сентября 1918 г. рассматривался коллегией НКВД. Комбеды не должны идти по линии работы Советов, поскольку они не являются органами власти, разъяснялось в принятом постановлении. "Как органам специального назначения, названным комитетам предоставлены лишь функции чисто продовольственного характера с задачами фиска"¹⁷. 20 октября НКВД опубликовал циркулярную телеграмму "О взаимоотношениях комитетов бедноты с волостными Советами". В ней еще раз указывалось, что комбеды являются продовольственной организацией и передача им управления на местах признается нежелательной. Губернским и уездным исполкомам вменялось в обязанность упразднить, опираясь на комбеды, кулацкие волостные Советы путем их перевыборов. Советам предписывалось сотрудничать с комбедами, содействовать им в проведении их непосредственных задач¹⁸.

Началась кампания восстановления Советов.

Была ли замена Советов комбедами искажением политики центральной власти? Созданные в соответствии с требованием партийной программы коммунистов и для достижения их цели - углубления социалистической революции через развитие гражданской войны в крестьянстве, комбеды олицетворяли этот процесс. Императивное осуществление ими доктринальных задач РКП(б) влекло за собой массовые нарушения законности, злоупотребления властью и оружием. Замена крестьянских Советов приводила к изоляции власти, сужению ее социальной базы. Комбеды, опираясь на вооруженную силу продотрядов, разрушали вековой уклад крестьянской жизни, внедряли силовой принцип решения неотложных вопросов на основе пресловутой уравнительности. Комбеды превращались в военную форму диктатуры коммунистов в деревне.

Процесс комбедовского строительства породил ошибки левизны, ускорения и подталкивания революционного процесса в деревне. Источник ошибок - увлеченность, экстремизм и леваче-

ство, порожденные пролетарским энтузиазмом и желанием скорее уничтожить действительных и мнимых врагов, с одной стороны. С другой - исторически обусловленная теоретическая, политическая и культурная неподготовленность практических работников к руководству революционным строительством в таких грандиозных масштабах и сложных условиях переплетения политических, социальных, экономических, военных и классовых проблем. С третьей стороны - успехи в борьбе с эсерами за крестьянство, первые победы над армиями интервентов и внутренней контрреволюцией вызвали у многих коммунистов состояние революционной эйфории, отрыва от действительности.

Стремясь к упрочению коммунистической диктатуры, партийные и советские работники губернских, но чаще уездных рангов рекомендовали распускать и переизбирать не только кулацкие, но и беспартийные исполкомы и комбеды и выбирать в новый состав только бедняков и коммунистов. Такая практика была распространена в аграрных губерниях - Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Симбирской, Саратовской, отмечалась и в Пермской.

Но особенно широко она практиковалась в Тамбовской губернии, где имела самые тяжелые последствия, приведшие к ноябрьским восстаниям, а потом и к антоновщине. А началось с того, что 9 июля Тамбовский губисполком, борясь с левыми эсерами, постановил считать органами власти фракции коммунистов Советов¹⁹. Поскольку речь шла о срочном удалении политических конкурентов из Советов, формулировкам не придавали особого значения. В августе состоялся губернский съезд комитетов бедноты. На нем присутствовало 398 коммунистов и 4 сочувствующих из 411 делегатов²⁰. Партийный состав съезда вызвал явное "головокружение от успехов" у его руководителей, и они решили добиться чисто коммунистического состава всех органов власти в губернии, не считаясь с реальными условиями в деревне и настроениями крестьянского большинства, о которых они не имели ясного представления. Коммунистический состав съезда комбедов выдвинул лозунг: "Вся власть - нашей партии"²¹. 20 сентября в уезды была разслана телефонограмма, оповещавшая, что на предстоящие съезды Советов созываются только коммунисты, а все беспартийные будут исключаться из их состава.

ва. Реализуя эту установку, мандатная комиссия Козловского уездного съезда Советов (28 сентября - 12 октября) исключила из числа делегатов 45 человек²². На съезде остались только коммунисты.

В сентябре третий Тамбовский губернский съезд Советов принял решение "обнародовать в пределах Тамбовской губ. верховную диктатуру РКП(б) и комбедов и ходатайствовать перед ВЦИК об объявлении "верховной диктатуры РКП(б)" по всей территории РСФСР"²³. Эта установка стала осуществляться в уездах, волостях и селах губернии. В ноябре на съезде председателей и секретарей волостных Советов Кирсановского уезда секретарь укома партии Агейкин, проводя линию на очищение Советов от "шкурников", предложил ввести в них только коммунистов. Он был поддержан руководящими работниками исполкома Красновым и Буровым, которые считали, что выборы по Конституции проводить нельзя, так как в Советы попадут саботажники и кулаки. "У нас сейчас диктатура партии коммунистов, и выборы производит она", работать в Советах могут только коммунисты²⁴, говорил Краснов. На съезде представители волостей обращали внимание на ненормальность отношений партийных ячеек с Советами, высказывали озабоченность низким уровнем развития сельских коммунистов, которые сводят личные счета, отбирают деньги, вещи, реквизируют кур без ведома Советов, растаскивают и проматывают все. Партийные ячейки подменяют исполкомы и комбеды, вызывая недовольство населения²⁵.

18 декабря на расширенном заседании Усманского уездного комитета РКП(б), где присутствовали представители 9 волостных парторганизаций, секретарь укома Спиридонов, определяя задачи сельских ячеек, также проводил мысль о "диктатуре партии". Она легла в основу решения уездного съезда председателей и инструкторов комбедов, решившего упразднить в деревне Советы, а в новые органы власти ввести только коммунистов²⁶.

Руководящие работники Тамбовской губернии оправдывали свои левацкие установки близостью фронта, крайней остротой борьбы в деревне, засильем кулаков в Советах, низким политическим уровнем крестьянской бедноты. На деле это свидетельствовало о неумении коммунистов вести работу в широких массах. Убеждение, разъяснение, воспитание здесь заменились прика-

зом, давлением, насилием, администрированием. Заметим, кстати, что во главе всех уездных комитетов РКП(б), кроме Липецкого, и большинства уездных исполкомов Советов в губернии стояли присланные коммунисты, не знавшие местных условий и особенностей тамбовской деревни. Проводимая ими "диктатура партии" была опасным сектантством. Отстранение беспартийных от участия в деятельности Советов и комбедов отрывало партию от масс. Так формировались административно-командные, "военно-коммунистические" методы руководства деревней.

Противопоставление коммунистов трудящимся вело к бесконтрольности, злоупотреблениям, бюрократизации, с одной стороны. С другой - исполнение функций власти партийными ячейками побуждало "шкурные элементы" к вступлению в партию, что привело к разбуханию сельских организаций РКП(б) Тамбовской губернии, их сильной засоренности маргинальными элементами²⁷. К концу октября 1918 г. в губернии организовалось 277 партийных ячеек с 7566 коммунистами²⁸. В Тамбовском уезде в ноябре было 20 волостных и 48 сельских партячеек, Спасском - 22 волостных и 39 сельских ячеек, в Кирсановском - партячейки были созданы в 40 из 42 волостей, в Моршанском - в 51, в Козловском - в 52 и т. д.

"Правда", информируя о деятельности уездных партийных организаций Тамбовской губернии за декабрь-январь, отмечала ненормальное положение в Спасском уезде, в ряде волостей которого ячейки выполняли советскую работу. Зубово-Полянскую и Ачадскую ячейки пришлось распустить. Секретарь уездной парторганизации был арестован за превышение власти и "соглашательство" с буржуазией²⁹. В Борисоглебском уезде 29 волостных и 3 сельских ячейки РКП(б) объединили 1700 членов, но среди них было "много темных элементов" и, чтобы избавиться от них, необходимо было провести перерегистрацию ячеек³⁰.

К марту 1919 г. в Тамбовской губернии было 568 ячеек РКП(б) с 13 400 членами, из них 9535 членов состояли в 438 волостных и сельских организациях³¹. Сравнение их численности с количеством сельских партийных ячеек в более развитых промышленных районах показывает чрезмерную и неоправданную форсированность партийного строительства в этой аграрной губернии, приведшей к засоренности ячеек социально чуждыми и

шкурными элементами. Так, в Московской губернии, избежавшей левацкого увлечения "диктатурой партии", число сельских парторганизаций выросло в 20 раз, но к концу 1918 г. в волостях и селах было создано только 124 сельских и волостных ячейки с 1365 коммунистами³², т. е. почти в 5 раз меньшее количество ячеек и в 7 раз меньшая их численность, чем в Тамбовской губернии. В Орловской, Тульской, Владимирской, Тверской губерниях также отмечался быстрый рост партийных ячеек в деревне, но он по темпам и масштабам был близок к Московской губернии. В Орловской губернии за июнь-декабрь было оформлено 120 ячеек, в Тульской губернии в конце 1918 г. было 162 ячейки, во Владимирской - 199, Тверской - не менее 240³³. Неоправданно высокие темпы партийного строительства отмечались в Пензенской губернии, где к концу года среди политически и культурно отсталого русского и мордовского крестьянства появилось 300 сельских организаций РКП(б)³⁴. Это был результат деятельности коммунистов из продотрядов, форсировавших организацию пролетарских сил в деревне.

Как показали партийные конференции, состоявшиеся в сентябре-декабре, во многих местах комбеды, Советы и партийные ячейки были похожи по своим функциям. Делегаты с мест часто говорили о непонимании сельскими ячейками своих обязанностей, подмене ими комбедов и Советов. Иногда, как это было в уездах Тамбовской губернии и Дмитровском уезде Орловской губернии, инициатива исходила от руководителей уездов, взявших курс на "диктатуру партии". Но чаще это происходило из-за незнания своих функций сельскими коммунистами, не имевшими опыта работы, слабо разбиравшимися в политике Советской власти. Низкий уровень культуры, отсутствие повседневного руководства и контроля за их деятельностью привели к тому, что партийные ячейки, как и комбеды, стали органами гражданской войны, злоупотреблявшими насилием и выполнявшими не свойственные партии административные, карательные и хозяйственные функции. Они собирали налоги, проводили реквизиции, облагали население контрибуциями, решали споры о земле и т. п. Морецкая хуторская ячейка Саратовской губернии, например, в три дня собрала все недоимки по земским сборам - 22 тыс. руб.³⁵ Административно-хозяйственной деятельностью и ко-

мандными методами увлекались деревенские ячейки РКП(б) Владимирской, Вятской, Казанской, Рязанской, Симбирской и других губерний. Подобные методы работы широко практиковались в Ардатовском, Балахнинском, Васильсурском, Княгининском, Сергачском, Нижегородском уездах Нижегородской губернии³⁶.

Инструктор ВЦИК Смирнов, обследовавший состояние советской работы в Усманском уезде Тамбовской губернии, особо отмечал должностные злоупотребления коммунистов. Терроризированные местными властями крестьяне Княже-Байгорской, В.-Матренской и других волостей день и ночь шли к нему с жалобами. Произвол творился от имени Советов и коммунистической партии. Крестьяне с ужасом говорили о местных коммунистах, которые силой брали женщин в жены, присваивали конфискованные вещи и пр. Самыми употребляемыми словами коммунистов были: арестуем, расстреляем. Крестьяне, заключал инструктор ВЦИК, нуждаются в просвещении. Для Советской власти они ничего не жалеют, но просят их избавить от власти местных "коммунистов"³⁷.

Члены комбедов и Советов в Тамбовской губернии, как и в большинстве других, не получали денежного вознаграждения за труд, из-за чего некоторые бедняки бросали работу, другие компенсировали свои труды самовольными конфискациями, реквизициями и прочими мерами, терроризировавшими деревню. Такие методы добычи средств практиковали и партийные ячейки. В Липецком уезде, как выяснилось на ноябрьской уездной конференции РКП(б) из выступлений 19 представителей сельских ячеек коммунистов с. Телелюй, Ситовки, Кузьминские Отвержки и других, в партийных ячейках видят власть, так как именно они борются со спекуляцией, самогоноварением, штрафуют, проводят реквизиции хлеба, конфискуют мельницы и пр. Подобная работа порождала враждебность населения к коммунистам³⁸.

В ноябре на Кирсановском уездном съезде волостных и сельских Советов также шла речь о трениях Советов, комбедов и партийных ячеек. Не зная своих прав, обязанностей и не представляя своих функций, ячейки РКП(б) неоправданно вмешивались в дела Советов и комбедов. На жалобы работников Советов, что крестьяне ничего не получают за сданный хлеб и это мо-

жет подорвать авторитет Советской власти, председатель уездного комитета РКП(б) Агейкин говорил на съезде о диктатуре партии и о том, что сначала надо разбить Антанту и классовых врагов, организовать сельскохозяйственные коммун, устроить жизнь на коммунистических началах, а потом уже получать соль, керосин, спички, деготь и пр.³⁹ Подобные руководители, далекие от понимания действительных нужд крестьянина, своей революционной экзальтацией, а попросту - пустозвонством, поощряли произвол деревенских диктаторов.

Нарастающее непонимание между крестьянами и местной властью вылилось 24 октября в восстание, центром которого стали Рудовская, Вышенская и Софийская волости. После ликвидации выступления с крестьян была собрана контрибуция: 1 млн руб., 10 тыс. пудов хлеба, 100 пудов масла, 3 тыс. овец, несколько сот лошадей и коров. Часть конфискованного предназначалась для 9 тыс. бедняков⁴⁰. В результате в ноябре-декабре в уезде произошли новые выступления, массовым стало уклонение от мобилизации в Красную Армию и дезертирство. Жестокость при подавлении выступлений оттолкнули крестьян от коммунистов.

Сохранившиеся материалы партийных ячеек Лебедянского уезда показывают ту же картину. Комбеды умышленно скрывают хлеб, препятствуют его реквизиции. Бедняцкий актив, сплотившийся в ячейки РКП(б), превышает свои права, выполняет функции власти. В октябре Сезеневская волостная организация РКП(б), обсудив вопрос о деятельности комбеда, просила уездный комитет партии (не Совет, а комитет партии, поскольку в уезде осуществлялась "диктатура партии"!) распорядиться о реквизиции хлеба, чтобы не оставить без него бедноту⁴¹. Ей же был признан "не на высоте положения" председатель Зуевского комбеда и избран другой. Осуществляя "диктатуру", партячейка утверждала протоколы волостной ЧК, назначала контрибуции, определяла размеры штрафов, распределяла излишки хлеба и пр.⁴²

Слабость Советов и комбедов при огромной концентрации в губернии продотрядов и присланных коммунистов показывала их неумение организовать работу по просвещению пролетарского актива и сплочению вокруг него средних крестьян. Руководители уездных организаций, упиваясь революционными речами и

мечтами о грядущем коммунизме и мировой революции, проявили себя ничемными практиками.

О присвоении сельскими ячейками РКП(б) властных полномочий говорилось на многих уездных конференциях Тамбовской губернии⁴³. По указанию губкома Усманский уездный комитет РКП(б) провел ревизию партийной ячейки с.Талицкий Чамлык. Дела ее оказались в хаотическом состоянии, не выписывались газеты и брошюры, не было библиотеки, не читались лекции, не проводились митинги, не принимались к сведению циркуляры укома. Все внимание коммунистов поглощала хозяйственно-административная деятельность⁴⁴.

Методы работы коммунистов вызвали серьезное недовольство в деревне. В Новгородском уезде большинство партийных организаций, отмечалось в докладах с мест на уездной конференции, исполняли преимущественно хозяйственную работу. Видеогощская ячейка создавала артель для заготовки дров, Новоселецкая - артель сапожников и сельскохозяйственные артели, Медведская - кузнечные артели, Волховская - богадельни. Ячейки занимались распределением хлеба, жалованья и пр. Коммунисты не имели ясного представления о своих задачах, пропагандистская и культурно-просветительская работа велась слабо. О таких же недостатках в деятельности деревенских коммунистов говорилось на Демянской и Боровичской уездных конференциях РКП(б)⁴⁵. Много жалоб на ненадежность состава сельских ячеек партии, незнание своих функций, злоупотребления поступало из Вятской губернии. Сходы крестьян просили избавить их от коммунистов⁴⁶. В ноябре 1918 г. о недостатках в работе коммунистов в Раненбургском уезде Рязанской губернии писал В.И. Ленину некто Ф.Козьмин. "Много плохого замечается в Раненбургском уезде. Многие местные коммунисты ведут себя отвратительно, - сообщал он. - Идеи коммунизма ими оплевываются и топчутся. Поэтому авторитет Советской власти падает. Население относится к местной власти с отвращением, страхом и ненавистью"⁴⁷.

Установка "на полную диктатуру партии коммунистов (большевиков)" и создание комбедов только из коммунистов была принята в октябре Козельской уездной конференцией РКП(б) Калужской губернии⁴⁸. Подобный курс проводила и Валдайская уездная организация РКП(б) Новгородской губернии⁴⁹, волост-

ная организация РКП(б) с. Апраксино Нижегородского уезда⁵⁰ и др. А Дмитровский уездный исполком Орловской губернии пошел еще дальше. 16 октября он постановил пригласить на уездный съезд Советов представителей комбедов и партичек, а волостные и сельские Советы, как состоящие в большинстве из кулаков, на съезд не допускались⁵¹. В данном случае партийные ячейки прямо приравнивались к органам власти, тем самым нарушалась не только Конституция, но и устав партии.

Долгую и трудную борьбу с левыми эсерами коммунисты Курской губернии завершили административным путем, проведя на III губернском съезде Советов (октябрь) установку на избрание в комбеды только членов РКП(б)⁵². Этим был дан толчок к необоснованно быстрому росту партийных ячеек в деревне, вхождению в них "шкурных элементов". Курс на "диктатуру партии" получил свое логическое завершение в Аткарском уезде Саратовской губернии. Здесь перевыборы волостных Советов (январь-февраль 1919 г.) дали 100 % мест коммунистам. Но добились этого партийные ячейки, попирая волю большинства крестьянства, предъявляя ультиматум не только кулакам, но и средним крестьянам, составлявшим здесь от 35 до 70 % крестьян. К ним коммунисты относились как к кулакам. Нередко в селах властью являлся не Совет, а партичейка⁵³.

Левацкий курс приводил во многих местах к приему в партию всех желающих. В Пензенской губернии отмечалась запись целыми селами, как например в с. Торопово Наровчатского уезда⁵⁴. Нередко запись в партию проводилась на митингах и сельских сходах, как это делал в ноябре инструктор Задонского уездного исполкома П.И.Абрамов. За неделю им было создано 6 сельских ячеек партии⁵⁵. Грубое администрирование вместо идейно-политической и организаторской работы подрывало авторитет РКП(б), вызывая недоверие к ней, возмущение и озлобление крестьян.

Спор о праве на власть в деревне между комбедами и Советами был решен VI Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов (ноябрь 1918 г.) в пользу конституционных органов. Поскольку отношения партийных ячеек и Советов получили не меньшую остроту при большом непонимании проблемы практического осуществления руководящей роли партии в Советах, во-

прос был рассмотрен VIII съездом РКП(б) (март 1919 г.), определившим их функции и взаимоотношения. Но и последующая практика далеко не всегда следовала курсом, определенным съездом Коммунистической партии. В условиях политической монополии РКП(б) ее аппарат вращался в государственную систему, становясь ее костяком и осуществляя несвойственные партии функции. Партия стала фундаментом "военно-коммунистической" системы, активным проводником командно-административных методов руководства деревней.

4.2. Продовольственная деятельность комбедов

Государство, не имевшее возможности удовлетворить потребности деревни в товарах первой необходимости, но обязанное дать минимум хлеба рабочим и бедноте потребляющих районов, неизбежно вступало в конфликт с крестьянами хлебопроизводящих губерний. Задача состояла в том, чтобы изымая хлеб из деревни, сохранить и упрочить коммунистическую власть. Сделать это было непросто, поскольку крестьяне 10 - 12 производящих губерний не собирались дарить Советской власти имевшийся у них хлеб. Для обеспечения многих миллионов голодающих его надо было учесть и перераспределить. Монополия государства на хлеб предполагала нормирование потребления. До войны средняя годовая норма потребления крестьянина составляла от 13,7 до 15,8 пуда на душу, у зажиточного - до 18,2 пуда. Весной 1918 г. наркомпродом были установлены нормы для всех хлебопроизводящих губерний - 12 пудов зерна и 1 пуд крупы на человека, 18 пудов на лошадь, 9 пудов на крупный рогатый скот и 3 пуда на мелкий скот⁴⁶. Нормы были ниже средних. Весь продовольственный и кормовой хлеб сверх установленных законом норм считался излишним и подлежал сдаче государству по твердым ценам, увеличенным в августе 1918 г. в три раза.

Урожай 1918 г. был хорошим, но его действительный объем мог быть определен лишь подворным учетом, от которого освобождалась беднота. Для правильного учета требовался налаженный продовольственный аппарат и заинтересованность в нем крестьян. Но ни того, ни другого в деревне не было. К тому же подворный учет не мог быть проведен сразу. А голод требовал

немедленной доставки хлеба в города, армии. Надо было позаботиться и о создании государственного семенного фонда. Для него предназначался урожай озимых хлебов, посеянных в 1917 г. помещиками. Эти так называемые экономические посевы не подлежали разделу. Но уже в августе из Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Калужской, Курской, Нижегородской, Орловской губерний стали поступать сообщения, что урожай с экономических полей расхищается, крестьяне препятствуют его учету, делят между собой, что уездные органы не могут и не желают отбирать расхищенный хлеб, что нужны сильные продовольственные отряды⁵⁷. 23 июля в губернии была направлена правительственная телеграмма, объявлявшая урожай с экономических полей собственностью государства. Продкомам и земельным комитетам предписывалось организовать уборку этих хлебов, не допуская раздела урожая крестьянами и присвоения его какими-либо организациями⁵⁸. Наркомпрод направил на места 700 своих уполномоченных, опытных работников по хлебозаготовкам, 30 тыс. рабочих выехали в деревню в составе уборочно-реквизиционных отрядов⁵⁹. Уездные Советы создавали уборочные отряды из бедноты, безработных горожан. На основе трудовой повинности к уборке экономических посевов привлекалась городская буржуазия. Труд горожан и бедняков оплачивался натурой.

Вернуть большую часть хлеба, увезенного крестьянами с полей, удалось лишь в Костромской, Пензенской, Орловской, отчасти в Тамбовской губерниях. В Калужской губернии в Перемышльский и Мещовский уезды для возвращения хлеба пришлось посылать вооруженные отряды. Волостные продкомы, препятствовавшие его обмолоту и вывозу, арестовывались⁶⁰. В Курской губернии большая часть экономического хлеба была расхищена и спрятана. 16 августа губпродком издал распоряжение о возвращении захваченного хлеба. Но поскольку крестьяне отстаивали его с оружием в руках, комбеды не сумели отобрать его. Лишь усилиями полутора тысяч рабочих Московского продовольственного полка, действовавшего в губернии с 16 августа по 17 ноября, от расхищения было спасено 75 тыс. пудов в Старо-Оскольском и Ново-Оскольском уездах и до 90 тыс. пудов в Дмитриевском уезде⁶¹, что было весьма немного по сравнению с огромными посевами помещиков. Чтобы не обострять и без то-

го сложную обстановку в Курской губернии, Свердлов и Цюрупа отменили распоряжение губпродкома о возвращении расхищенного экономического хлеба⁶². Больше всего семенного хлеба - 8 млн пудов удалось заготовить в Саратовской губернии, где экспедицию возглавлял член Коллегии Наркомзема В.Н.Харлов⁶³.

Ни в одной губернии власти не имели точных данных ни о засеянных площадях, сведения о которых уменьшались крестьянами на сотни тысяч десятин, ни об урожайности с десятины, которая сознательно занижалась на 15-20 пудов. Ленин требовал от ЦСУ сведений о количестве излишков по каждой волости⁶⁴. Настаивая на ответственности села и всей волости за сдачу хлеба, он предлагал ввести в практику назначение в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков⁶⁵. Рекомендованные Лениным жесткие меры сбора хлеба в 1918 г. не получили распространения. Наркомпрод искал более гибкие методы его изъятия, которые бы меньше озлобляли крестьян и могли дать максимальный результат. В качестве эксперимента в ряде губерний стала применяться система соглашений, договоров продовольственных органов с крестьянами через Советы и комбеды о добровольной сдаче ими хлеба с оплатой части его товарами.

Впервые эксперимент был опробован летом в Вятской губернии А.Г.Шлихтером. В сентябре он применил его в Ефремовском уезде Тульской губернии, добившись значительного в тех условиях результата. Здесь, в Ефремовском уезде, продовольственные работники не могли накормить своих рабочих и бедноту даже при помощи чрезвычайных комиссаров и военной силы. Обследование урожая в уезде было проведено частично и поверхностно, "на глазок". Об объеме урожая на экономических полях, не говоря уже об излишках в крестьянских хозяйствах, никто не имел представления. Вместо организации ссыпки зерна селения облагались хлебными контрибуциями по самовольным нормам. Крестьяне охотно шли на это, рассматривая такие контрибуции, как откуп от власти. Волостные и сельские Советы противодействовали любым попыткам контроля. Из 17 волостей только в трех Советы оказывали слабую помощь продовольственным работникам, в 9 - совсем не помогали, держась "нейтрально", в 4 -

оказывали сопротивление. Здесь комбеды не были созданы даже в сентябре, лишь в одной волости агитаторами из Тулы было организовано 4 сельских комбеда⁶⁶. Таким же было положение и в Епифановском уезде, где ссыпкой хлеба руководили кулаки, причем ссыпался он в частные амбары. От небрежного хранения здесь погибло 40,3 тыс. пудов; за сданный хлеб крестьяне не получили ни обещанных денег (2 млн руб.), ни товаров, значительные запасы которых лежали на складах⁶⁷. Восстание, начавшееся в уезде в ноябре, окончательно сорвало заготовку хлеба.

В район деятельности экспедиции Шлихтера входили также Данковский уезд Рязанской губернии и Лебедянский уезд Тамбовской губернии. Данковский уезд был богат хлебом, имел много экономических посевов, но в Советах и комбедах уезда пролетарские позиции были слабыми⁶⁸. Местные советские работники творили произвол, на продовольственной почве возникло много эксцессов, приведших в начале ноября к восстанию крестьян, сорвавших деятельность экспедиции. Не смогли добиться результатов сотрудники Шлихтера и в Лебедянском уезде, где комбеды создавались кулаками. Они удовлетворяли хлебные потребности местной бедноты и, подкупая ее таким образом, побуждали задерживать хлеб в селениях⁶⁹. Уездный исполком до декабря не принимал решительных мер к реорганизации Советов и комбедов. Комбеды в уезде не дали практических результатов⁷⁰.

17 сентября Шлихтер провел совещание наскоро организованных комбедов Ефремовского уезда. От волостей и сел съехались до 300 представителей. По договоренности крестьяне согласились поставить 1 069 762 пуда ржи и 1 222 541 пуд овса. После сдачи установленной нормы никакие реквизиции хлеба в уезде не допускались. Получив объем разверстки, волостные комбеды заключали договоры на поставку определенного количества пудов с каждого селения. Неопытные в работе комбеды под руководством деятельных помощников Шлихтера в короткие сроки успешно выполняли договорные обязательства⁷¹. Некоторые комбеды пытались провести уравнильное (подесятинное, подушное) обложение хлебом. Однако руководство экспедиции, решительно вмешавшись, запретило уравнение бедняка с кулаком. 10 ноября Шлихтер издал циркуляр, обязывавший комбеды

брать хлеб у кулаков и зажиточных крестьян. Только при недостатке этого хлеба для выполнения обязательств разрешалось брать излишки у середняков. А если и их не хватит, можно было покрывать дефицит излишками хлеба бедноты⁷². Если и его было недостаточно, разрешалось взять хлеб в богатом, более урожайном соседнем селе. Все излишки сверх договора брались на учет комбедами и могли быть проданы только Советской власти по твердым ценам⁷³. 15% сданного хлеба оплатили товарами, которые распределялись через кооперацию⁷⁴. За 45 дней работы в Ефремовском уезде было заготовлено 2 376 887 пудов - на 4,8% больше, чем по договору⁷⁵. В Епифановском уезде из-за восстания было собрано лишь 15,7% излишков, но экономический хлеб был собран с 1063 дес. Из 67 633 полученных пудов хлеба бедноте уезда было выделено 23 890 пудов⁷⁵. Всего в четырех уездах было собрано 2 748 866 пудов.

Присутствие вооруженных продотрядов являлось побудительным фактором, хотя к оружию экспедиции прибегать не пришлось. Успех был достигнут благодаря воздействию не на отдельного крестьянина, а на все сельское общество, которое через Советы и комбеды было принуждено обслуживать государство. Опыт работы Шлихтера показал, что с крестьянами можно достичь соглашения при условии внимательного отношения к их нуждам, понимания их психологии, уважения к их труду. Доверие к крестьянам, совместное обсуждение с ними трудного вопроса определения излишков, твердое проведение своей линии без угроз и произвола, выполнение данных обещаний, посильная помощь им - все это встречало понимание у крестьян, приближало их к участию в решении общенародного дела. Разъяснение, помощь, деловой контроль наиболее ценились крестьянами.

Договорно-разверсточный метод давал гарантированный сбор хлеба. Он частично практиковался и в других губерниях - Пензенской, Калужской, Псковской, Симбирской. Однако в Казанской губернии применение договоров с крестьянами дало лишь 18% сбора излишков⁷⁶. Здесь в организации разверстки было допущено серьезное нарушение классового принципа - обложение велось уравнилельно. Такая разверстка (в Цивильском уезде с каждой десятины 3 пуда ржи и 5 пудов овса⁷⁷) наносила ущерб бедняцко-средняцким хозяйствам, существенно не задевая кулака.

Однако опыт договорных отношений с обществами крестьян не получил в 1918 г. широкого развития. В большинстве уездов объектом сбора излишков было не сельское общество, а крестьянская семья. Давление на нее комбедов и продотрядов оказалось малоэффективным, приведя к излишним насилиям. Так Тульский губпродком через комбеды и продотряды за три месяца в 8 уездах сумел получить с крестьян лишь 2 633 850 пудов⁷⁸.

Без товаров ни продотряды, ни комбеды не в состоянии были получить хлеб у крестьян. Комбеды работали в основном на удовлетворение потребностей своих членов, в лучшем случае обеспечивали нужды уезда. Проводимый ими учет не соответствовал действительным запасам⁷⁹, хотя на Тульском губернском съезде комбедов (25-27 октября) их деятельность оценивалась высоко: «блестяще проделали продовольственную работу», провели вторичный учет, борьбу со спекуляцией и самогоноварением. Председатель съезда считал, что комбеды организовали «более чем удовлетворительный подвоз хлеба на ссыпные пункты»⁸⁰. Если иметь в виду, что до октября крестьяне вообще не давали хлеба, сбывая его «полторапудникам», т. е. легализованному мешочничеству, то 11% излишков, собранных к концу года, можно считать успехом. За весь заготовительный год в губернии было взято лишь 38,3% излишков⁸¹.

Изучение широкого круга документальных источников показывает, что хлеб в основном сдавало среднее крестьянство. В этом проявлялось изменение его политических позиций, поворот к поддержке Советской власти. Труднее было с состоятельными крестьянами. Сдавая некоторое количество излишков, они утаивали основную массу. Пока вся община не была связана круговой порукой, имущие крестьяне находили способы уклониться от контроля комбедов. Ни комбеды, ни продотряды, ни инструктора и уполномоченные не имели критериев для отделения середняка от кулака, если последние не применяли наемной рабочей силы.

Во второй половине 1918 г. продотряды и комбеды были главными рычагами осуществления хлебной монополии. Но результативность их деятельности нельзя признать высокой. Причин этого несколько. К моменту созревания хлебов и первому укусу комбеды еще не были созданы. К учету они приступили с

опозданием: в конце сентября - октябре хлеб был убран, часть уже была продана, другая спрятана. Опоздание определило провал учетной компании. К тому же учет проводился не специалистами. В большинстве губерний к нему привлекли учеников-подростков, гимназистов, студентов и враждебно настроенную к Советской власти интеллигенцию. Единой методики учета не существовало. Он проводился на глаз или путем опроса посевищников, которые занижали данные об урожайности. Так, в Алатырском уезде Симбирской губерний, по данным комбедов и волостных Советов, излишков хлеба не было. А по сведениям, имевшимся в распоряжении заместителя наркома внутренних дел А.Г.Правдина, прибывшего в район в качестве особоуполномоченного Совнаркома по продовольствию, в уезде должно было быть около миллиона пудов излишков разных хлебов⁸². В Тамбовской губернии урожай ржи с десятины был определен в 39 пудов, вместо действительных 65-85 пудов⁸³. В результате такого учета многие села и волости вместо производящих оказывались в числе потребляющих. Попытки переучета всегда встречали сопротивление крестьян. Хороший урожай 1918 г. обеспечил бедноту своим хлебом и у нее не было причин портить отношения с односельчанами. Поэтому нередко комбеды и Советы сами способствовали сокрытию излишков, декретированные нормы потребления в производящих губерниях в расчет не принимались. Бедняцкие комбеды часто заботились лишь об удовлетворении хлебом своих членов, что легче удавалось сделать без обострения отношений с зажиточными крестьянами. Они в свою очередь умело использовали крестьянские сходы, проводя через них популярный в деревне "справедливый принцип" уравнительности. Он лежал в основе подесятинного обложения хлебом, по числу едоков и пр. Хлеб оказалось проще учесть и взять в бедняцко-средняцких губерниях. Показательна в этом отношении Пензенская губерния, где большинство крестьян были бедными. Средняки здесь составляли 23% (по сравнению с такой же категорией крестьян Саратовской и Самарской губерний они были бедняками). Жазиточных крестьян (одно-двухлошадных) в губернии было только 6%⁸⁴. С помощью продотрядов в губернии был создан новый продовольственный аппарат. Губерния была разделена на 53 района (по 3-7 на уезд), за каждым был закреплен инструктор

и уполномоченный по реализации урожая. Им были выделены средства, из бедноты и беспосевных крестьян созданы уборочные артели. Поскольку крестьяне начали делить экономический хлеб и противодействовать учету своего урожая, в помощь инструкторам и уполномоченным были привлечены 380 рабочих из Петроградского продотряда - по 40 человек на уезд (в Пензенском - 50, Инсарском - 70)⁸⁵. Не все уполномоченные оказались на высоте. В Чембарском уезде вместо организации учета уполномоченный занялся сбором добровольных пожертвований⁸⁶.

В Нижне-Ломовском уезде была введена разнарядка по деревням, излишки должны были быть сданы в две недели. За неисполнение хлеб подлежал конфискации. Стремясь избежать этого, крестьяне прятали хлеб, складывали необмолоченные снопы в одоньи, как околотки⁸⁷. В Инсарском, Саранском, Керенском, Краснослободском, Мокшанском уездах крестьянские сходы отказывались давать сведения об урожайности, сопротивлялись учету. В большинстве волостей конфликты были ликвидированы мерами морального воздействия. К помощи вооруженной силы пришлось прибегнуть лишь в Елизаветинской, Михайловской и Богородской волостях Мокшанского уезда, где сходы под влиянием эсеров противились учету и требовали допущения свободной торговли⁸⁸. Наиболее решительно и последовательно действовали пролетарские по составу комбеды. Например, Перхляйский сельский комбед в Саранском уезде предписал владельцам излишков немедленно сдать их, в противном случае весь хлеб и имущество подлежали конфискации, а сами они выдворялись из губернии⁸⁹. Именно на таких действиях настаивал Ленин, но информация о них в источниках незначительна.

Участие средних крестьян в комбедах придавало их работе более осторожный, взвешенный характер. Они старались не обострять отношений в общине, искали и находили компромиссные решения. Вхождение средних крестьян в комбеды повышало их авторитет и кулаки наиболее хлебных уездов - Наровчатского и Чембарского - вынуждены были подчиниться органу, представляющему большинство деревенского населения⁹⁰.

Немалую роль в успехе хлебозаготовительной кампании в Пензенской губернии сыграло то, что левые эсеры, отказавшись от борьбы, распустили свою организацию. Образовав новую

партию революционных коммунистов, критикуя несовершенство продовольственной работы Советов, они тем не менее помогали общему делу. К началу декабря хлебозаготовки в губернии дали наивысший показатель - 55,8%, а в январе 1919 г. все предполагаемые излишки - 3 259 871 пуд были собраны⁹¹. Сверх излишков по инициативе комбедов рабочим Москвы и Петрограда посылались продовольственные подарки из добровольных взносов. Но без эксцессов не обошлось и здесь, хотя в Пензенской губернии их число было незначительным. При обыске у кулака Тутаева в селе Глушково Б.-Полянской волости крестьяне, подстрекаемые кулаками, убили председателя комбеда А.И.Ембулатова, председателя волостного Совета Х.И.Ембулатова и сотрудника уездной ЧК Румянцева. За это восемь зачинщиков были расстреляны, на кулаков была наложена контрибуция в 25 тыс. руб.⁹²

Наиболее серьезные выступления на почве реквизиции хлеба произошли в ноябре в нескольких селах Пензенского и Саранского уездов - Трофимовщине, Романове, Пятине и Ладе. В с. Лада крестьянами был уничтожен продотряд владимирских рабочих. В ответ за 6 убитых продармейцев было расстреляно 12 крестьян, взято 24 заложника и наложена контрибуция в 250 тыс. руб.⁹³ В остальных селах выступления были ликвидированы без расстрелов, коммунисты ограничились лишь взятием заложников.

В большинстве хлебопроизводящих губерний не было разрушено единство экономических интересов средних крестьян и кулаков. Владельцам товарного хлеба удалось скрыть от контроля его большую часть. Показательна в этом отношении Курская губерния, имевшая свыше 17 млн пудов излишков⁹⁴. Учет хлеба, докладывав в сентябре на Московской областной партийной конференции член губкома Н.Добродницкий, проходит с большими затруднениями⁹⁵. Основная причина, по его мнению, заключалась в слабости партийных организаций, продорганов и комбедов, во многих из которых усматривалось влияние кулаков⁹⁶. Здесь легко можно было получить хлеб в обмен на товары (только Корочанский уезд мог дать 1 млн пудов), в чем большую заинтересованность проявляло среднее крестьянство⁹⁷. Но поскольку за сданный хлеб товары распределялись среди бедноты, ни кулаки, ни средние крестьяне не хотели сдавать его государ-

ству. При такой практике товарообмена хлебопроизводитель оставался равнодушным к призывам о помощи голодным, находя способы продажи и обмена хлеба с частными покупателями. В Курской губернии кулаки, подкупая бедноту, срывали работу комбедов. За август 1918 - январь 1919 г. комбедам губернии удалось собрать лишь 2,5 млн пудов хлеба, или 14,7% от общего количества излишков, а за весь заготовительный год - 25,2%⁹⁸. Слабая результативность деятельности комбедов коренилась в том, что средние крестьяне и беднота Курской губернии не поддерживали продовольственной политики Советской власти. Хороший урожай здесь обеспечивал бедноту хлебом. Брать хлеб у курских крестьян силой власть не решилась.

На первом месте по объему урожая в 1918 г. среди производящих губерний центра была Тамбовская губерния, имевшая 36 млн пудов излишков⁹⁹. Несмотря на значительную численность присланных сюда продотрядов, продовольственных уполномоченных и партийных работников, волостные и сельские Советы и комбеды не удалось сделать надежным инструментом хлебной монополии. Учет экономического хлеба был проведен с большим занижением. С выявлением и изъятием излишков крестьянского хлеба большинство комбедов не справилось.

В докладе, адресованном Ленину, Свердлову, Цюрупе, Максиму, Серебрякову, Рыкову, руководитель чрезвычайной продовольственной экспедиции Московского Совета В.И.Соловьев, действовавшей в сентябре в составе 250 человек в Борисоглебском и Новохоперском уездах Воронежской губернии, назвал причины слабой ссыпки хлеба. До середины сентября, т. е. до массовой организации комбедов, на сыпной пункт активно поступал экономический хлеб. Со второй половины месяца ссыпка уменьшилась почти в 4 раза, особенно резко снизилась сдача крестьянского хлеба. "Причина в том, что, организовавшись в комбеды, беднота стала задерживать хлеб в деревне. Опасаясь, что будет вывезен весь хлеб и она останется необеспеченной, комбеды стали запрещать ссыпку хлеба до окончания учета и выяснения излишков". Учет проводился по несколько раз. Даже при сознательном преуменьшении излишков хлеба в деревне было много, считал Соловьев. Из его разговоров с крестьянами стало ясно, что комбедам "просто жаль с хлебом расставаться с

непривычки-то. Власть им дали, - говорили сельчане, - ну и показывают..."¹⁰⁰ О том, что комбеды препятствуют доставке хлеба на ссыпные пункты и не только в этой губернии, говорил Свердлов 14 октября на заседании межведомственной комиссии, решавшей вопрос о судьбе комбедов¹⁰¹.

В Тамбовской губернии несправедливые действия комбедов, сообщал в ЦК РКП(б) уполномоченный по Моршанскому уезду И.Иволгов, задевают среднее крестьянство. На этой почве были выступления. Особое озлобление крестьян вызывали реквизиции, проводимые из-за бездействия Советов и комбедов партийными ячейками¹⁰². О том же в конце октября в ЦК РКП(б) писал член Петроградской организации РКП(б) А.Федоров. Сообщая о неблагоприятии и дискредитирующем поведении коммунистов в Моршанском уезде, он отмечал, что их работа среди крестьян ведется неправильно, "страшно задевается среднее крестьянство, т. е. за счет среднего крестьянства делается все, что и создает ненависть к Советской власти"¹⁰³. В конце октября одновременно по всему уезду вспыхнули вооруженные выступления. Поводом послужили реквизиции хлеба у средних крестьян и даже бедноты¹⁰⁴.

В Тамбовской губернии было собрано более 14 млн пудов хлеба (39,5%)¹⁰⁵. Основная масса его была взята путем реквизиций. Часто за отобранный хлеб крестьяне не получали не только денег или товаров, но и каких-либо квитанций. Такие действия властей, продотрядов, воинских частей крестьяне расценивали как грабеж. Реквизиции с помощью вооруженной силы продотрядов стали массовыми с октября, когда кончился срок действия свободной закупки хлеба "полторапудниками". Полтора месяца относительно свободной продажи хлеба "избаловали" крестьян, которые перестали считаться с комбедами и продотрядами, усилившими в октябре нажим на владельцев хлеба. На этой почве в конце октября - начале ноября вспыхнули серьезные восстания крестьян в 7 из 12 уездов Тамбовской губернии.

IV губернский съезд Советов (26 февраля - 1 марта 1919 г.) дал оценку обстановке, которая привела к восстаниям. Среди причин, вызвавших их, отдел управления назвал произвол местных властей, в том числе партийных ячеек и комбедов, аморальное поведение сельских коммунистов¹⁰⁶. Проанализировав доку-

менты местных Советов, губисполком опротестовал 455 их протокольных постановлений. Из них 61 по Кирсановскому уезду, 52 по Тамбовскому, 50 по Борисоглебскому, 47 по Елатомскому, 43 по Моршанскому и т. д.¹⁰⁷

Несколько иной характер носила хлебозаготовительная кампания в Поволжье, где созрел богатый урожай. В первые недели после освобождения от власти Комуча крестьяне сдавали хлеб добровольно. Но, запасясь деньгами, они перестали подвозить хлеб к ссыпным пунктам: им требовались товары. Наркомпрод, учитывая это, направил сюда большие партии предметов первой необходимости. Товарообмен проводился через кооперацию, имевшую разветвленную сеть потребительских обществ, распределительных пунктов и лавок. Товары распределялись комиссиями в составе одного члена волостного Совета, двух членов комбеда и двух из правления кооператива. Сельские комбеды представляли списки граждан, имеющих право на получение товаров без сдачи хлеба, и списки лишенных права получать товары за не сдачу излишков или ссыпку недостаточного количества зерна. Предполагалась оплата товарами 40% сданного хлеба. Однако Средне-Волжский кооператив, собрав зачетных квитанций за сданный хлеб на 1 154 483 руб., отпустил по ним товаров на 989 510 руб. Выше всего хлеб был оплачен в Самарском уезде - 50%. В Ставропольском было оплачено 33%, в Бузулукском - 21, Пугачевском - 13%¹⁰⁸.

Хлеба в Самарской губернии уродилось так много, что при определившемся повороте среднего крестьянства в сторону Советской власти не было нужды в продотрядах. В декабре ответственный представитель Наркомпрода сообщал из губернии, что товарообмен дает самые положительные результаты: "хлеб подвозится к ссыпному пункту по собственному почину, нередко больше, чем за сто верст. При таком положении нет надобности в применении вооруженной силы, поэтому заготовка хлеба продотрядами здесь совершенно не производится; часть отрядов отправлена обратно, часть оставшихся работает по охране грузов и складов, а также по организации комбедов"¹⁰⁹.

Иная картина наблюдалась в Саратовской губернии, где из 14 млн пудов заготовленного хлеба¹¹⁰ 8 млн было получено с экономических полей, к уборке которых привлекали по трудовой по-

винности буржуазию, безработных и пр. Остальной хлеб был собран продотрядами и комбедами. Чрезвычайная ревизия, проведенная Советом обороны в Саратовской губернии, отмечала, что продовольственные работники часто путали середняка с кулаком, применяя к нему такие же крутые меры воздействия¹¹¹. Революционные коммунисты губернии настаивали на привлечении к суду председателей некоторых комбедов¹¹². На VIII съезде РКП(б) и в беседах с сотрудниками агитпоезда "Октябрьская революция" весной 1919 г. представители Поволжья упрекали комбеды за произвол в отношении средних крестьян и неумелые действия в хозяйственных вопросах¹¹³. В с.Алексеевка и Базарный Карабулак при учете хлеба были занижены нормы потребления. Этим воспользовались кулаки, подбив на восстание против Совета средних крестьян и зависимых от них бедняков. В выступлениях против реквизиции хлеба в с. Б.Карабулаке участвовало до 3 тыс. человек. В с.Алексеевка только что избранный Совет не сумел пресечь агитацию против учета. Крестьяне разгромили Совет, убив 12 человек. При подавлении восстания было расстреляно 32 человека¹¹⁴.

Как и везде, крестьяне Поволжья были заинтересованы в индивидуальном обмене хлеба на товары и настаивали на его проведении, в чем находили поддержку кооперативов. На непосредственном обмене товаров на хлеб построил работу "красный купец" - представитель Союза коммун Северной области С.В.Малышев, прибывший в Саратов с петроградским продотрядом и 15 вагонами товаров. Успех его плавучей лавки на барже превзошел все ожидания. Ленин приветствовал его действия¹¹⁵. Но это было исключение из правил товарообмена, установленных правительством. Если бы продорганы позволили владельцам хлеба сдавать его непосредственно в обмен на товары, а бедноте покупать товары за деньги (в определенной пропорции), экономический эффект продовольственной политики, несомненно, был бы выше, меньше было бы и злоупотреблений, насилий, недовольства. Но власть не имела товарных фондов для индивидуального обмена с крестьянами. Поэтому, как признавал член коллегии Наркомпрода М.И.Фрумкин, отвечающий за организацию товарообмена, снабжение товарами носило скорее характер премии не за сдачу хлеба, а за оказание помощи при извлечении хлеба.

Он не считал это ошибкой. Система снабжения товарами тех, кто мало производил и еще меньше сдавал хлеба, писал он, диктовалась всей политической обстановкой и исключительными условиями существования Советской власти¹¹⁶.

Ленин оценивал товарообмен 1918 г. прежде всего с классовых позиций: "Когда мы создавали комитеты бедноты, - писал он, - когда старались произвести товарообмен с деревней, мы стремились не к тому, чтобы богатый получил товары, а чтобы в первую голову получил бедняк те немногие товары, которые мог дать город, дабы, помогая бедноте, мы могли с ее помощью победить кулака и взять от него излишки хлеба"¹¹⁷.

12 хлебопроизводящих губерний за заготовительную кампанию 1918/19 г. получили товаров на 1700 млн руб.¹¹⁸ Товарами было оплачено в среднем 20-25% хлеба. Через Наркомпрод деревне было передано сельскохозяйственного инвентаря и машин на 5 799 372 руб.¹¹⁹ Этого было крайне недостаточно для удовлетворения потребностей деревни.

В первую четверть заготовительного года (август-октябрь) хлебных излишков было собрано 12,5% к плану, за вторую (ноябрь-январь) - 16,1%, всего 67,5 млн пудов¹²⁰. За шесть месяцев работы комбедов и продотрядов из 12 производящих губерний было извлечено лишь 28,6% излишков. Они приблизительно поровну распределились между губерниями черноземного центра и Поволжья.

В имеющейся литературе нет ответа на вопрос, сколько хлеба собрано комбедами и сколько продотрядами. Источники не позволяют отделить хлеб, заготовленный продотрядами, от хлеба, добытого комбедами. Лишь в редких случаях даны сведения, но и те далеки от полноты. Например, в Тамбовской губернии продотряды заготовили 1700 тыс. пудов¹²¹. В Курской губернии продотряды взяли 6,3% излишков. Но не подлежит сомнению, что без давления вооруженной силы рабочих отрядов было бы невозможно дать городу даже этот объем хлеба.

Большая насыщенность производящих губерний продотрядами в сентябре-октябре сдерживала протесты хлебодержателей, и их сопротивление учету не выходило за пределы волости. Основной формой их борьбы против монополии государства на хлеб в эти месяцы были саботаж, убийства при учете и реквизиции хле-

ба, поджоги домов членов комбедов, коммунистов. Это была не организованная борьба, а акты мести отдельных хлебовладельцев, редко - всех жителей деревни.

18 потребляющих губерний не могли своими ресурсами прокормить население. Здесь каждый лишний пуд хлеба имел особую цену, поэтому борьба за учет и изъятие излишков приобретала более жесткий характер.

13 августа 1918 г. народный комиссар продовольствия направил Советам и продкомам потребляющих губерний телеграмму, предупреждавшую, что хлеб им будет доставляться лишь после того, как будут исчерпаны собственные ресурсы. Рекомендовалось исчислять излишки по средним данным прошлых лет, произвести разверстку и объявить населению сроки сдачи хлеба. В наиболее хлебородных уездах предлагалось сосредоточить лучшие продотряды. Работа по учету и сбору хлеба должна была сопровождаться широкой устной и печатной агитацией. Телеграмма заканчивалась напоминанием ленинского положения о том, что в борьбе за социализм и Советскую Россию победит тот, кто победит кулаков в борьбе за хлеб¹²².

Советы и продкомы потребляющих губерний тщательно готовились к учету урожая. Норма потребления на человека здесь равнялась 9 пудам. В губерниях были подготовлены кадры инструкторов по учету, проведены съезды, разработаны инструкции, созданы учетные комиссии.

Тверской губпродком, охраняя интересы бедноты, предупредил о недопустимости разверстки хлеба на все хозяйства¹²³. 21 августа в губернии закончились агитаторские курсы, подготовившие работников по реализации урожая, организации комбедов, чистке Советов. Среди агитаторов 65% были коммунистами. В губернии действовало 383 заградительно-реквизиционных отряда¹²⁴. Им пришлось провести нелегкую работу, создавая комбеды, переизбирая Советы, проверяя запасы хлеба. Как и везде, кулаки и среднеобеспеченные крестьяне сопротивлялись учету. В Омутской волости Вышневолоцкого уезда крестьянский сход принял резолюцию: провести учет, но излишки не отправлять в город, а продавать нуждающимся по 60 руб. за пуд¹²⁵. В Бубновской волости сход высказался за свободную торговлю, а в Никулихинской - постановил: лодырей к учету посевов не допускать и

хлеба им не давать¹²⁶. Инструктор отдела управления этого уезда И.С.Шикломанов, обследовав в конце октября семь волостей, нашел, что комбеды слабы, их состав не отвечает декрету, за правильность проведенного ими учета ручаться нельзя. Не получая содержания, комбеды облагали граждан контрибуцией для собственных потребностей. Некоторые комбеды пришлось реорганизовать¹²⁷. О том же сообщали члены Зубцовского уездного исполкома К.Воронцов и К.Павлов¹²⁸.

С большой ответственностью готовились к учету урожая в Калужской губернии, где во главе отделов были поставлены лица, имевшие опыт продовольственной работы и достаточный политический кругозор (большинство из них, как и губернский комиссар А.А.Соколов, имели высшее образование)¹²⁹. Все отделы четко знали свои функции. Население Калужской губернии потребляло в мирное время свыше 20 млн пудов хлеба в год. При средней урожайности сбор хлеба в губернии равнялся 10,5 млн пудов, около 10 млн пудов в губернию ввозилось¹³⁰. Из 11 уездов только четыре - Перемышльский, Мещовский, Лихвинский и Козельский - могли дать избытки хлеба. Тарусский и Боровский едва прокармливали свое население. Остальные 5 уездов должны были снабжаться привозным хлебом. Для семенного фонда и питания рабочих предназначался урожай с экономических полей. Но в Перемышльском, Мещовском и Козельском уездах при попустительстве уездных и волостных продкомов крестьяне захватили этот хлеб и обмолотили его, за что губпродком арестовал руководителей исполкомов Бурнашевской, Губинской, Дешевской и некоторых других волостей¹³¹. Мещовский уезд мог дать до 15 тыс. пудов экономического хлеба, только в Новосельской волости его было до 6 тыс. пудов, но волпродком препятствовал его обмолоту и вызову. В волость были направлены уполномоченные с вооруженным отрядом. Членов исполкома арестовали¹³².

Труднее оказалось учесть крестьянский хлеб, излишки которого предполагалось собрать через товарообмен с участием кооперации. На комбеды была возложена обязанность выдать владельцам хлеба наряды и побуждать крестьян к их выполнению. При выполнении плана сдачи хлеба беднота поощрялась: получала 10% от сданного хлеба и в кооперативе предметы первой

необходимости. Но сбор крестьянского хлеба был сопряжен с невероятными трудностями: недостаток подготовленных работников, сепаратизм хлебных уездов и др. Волостные продкомы, а их было свыше 200, шли на поводу у хлебодержателей, бессистемно расходовали народные деньги, неправильно распределяли продукты¹³³. Губпродком решил заменить волостные продкомы 52 районными и шире привлечь к распределению продуктов кооперацию, имевшую 465 раздаточных пунктов. О комбедах, организацией которых ведали Советы, к сентябрю имелись сведения лишь из трех уездов¹³⁴. Для помощи в учете хлеба калужане послали в продотряды 1325 человек. В 52 волостях у крестьян удалось выявить только 473 тыс. пудов излишков¹³⁵.

Подобным же было положение и в Костромской губернии, рабочие которой послали более 1400 человек в продотряды для добычи хлеба в Поволжье. В самой губернии хлеб был в основном в Ветлужском и Варнавинском уездах, где уже в августе и в первой половине сентября кипело восстание. После его подавления продотряды и комбеды провели переучет хлеба. Для стимулирования его ссыпки в уезды было направлено товаров на 726 315 руб. В обмен на них крестьяне дали 40 618 пудов, и предполагалось получить еще до 60 тыс. пудов хлеба. 5263 комбеда учли 925,5 тыс. пудов. Но населению требовалось более 5,5 млн пудов хлеба¹³⁶.

В ноябре в Словинской волости Макарьевского уезда крестьяне перебили членов учетно-реквизионного отряда. Как по команде восстали семь волостей, где в это время проводилась мобилизация крестьян в Красную Армию¹³⁷. В мятежную Нижне-Нейскую волость прибыл комиссар губчека с тремя красноармейцами. После разъяснения крестьянам положения Советской власти сход вынес решение о полной поддержке ее политики и решительно осудил выступление. А в Верхне-Нейской волости (самой зажиточной в уезде) комиссар Галкин и его помощники были арестованы крестьянами и приговорены к расстрелу. По дороге к месту казни комиссар обратился к крестьянам с разъяснением ошибочности их участия в восстании и предупредил о неминуемости его разгрома, чем внес раскол в их среду. Несмотря на угрозы главарей, вопрос о дальнейших действиях был поставлен на голосование. Большинство проголосовало за прекращение восстания и освобождение арестованных¹³⁸.

Доктринальные установки коммунистов были главной причиной восстаний крестьян промышленных и северо-западных губерний в конце 1918 г. Во всех уездах потребляющей полосы прослеживается та же тенденция, что и в производящих губерниях: с одной стороны, стремление уменьшить количество хлеба в волости, исходящее как от Советов, так и комбедов, с другой - стремление уездных продорганов и реквизиционных отрядов собрать побольше хлеба. С этой целью уездные работники сокращали нормы потребления, чем вызвали большое недовольство и возмущение крестьян. Так, в Тейковском уезде Иваново-Вознесенской губернии норма потребления была уменьшена до 7 пудов, а Крапивинский волостной комитет бедноты даже сократил ее до 5,5 пудов, что привело к взрыву возмущения крестьян. Представители уездного исполкома восстановили семипудовую норму, тем самым успокоили бедноту и средних крестьян. Но зажиточные деревни - Медведово, Трубино, Савино, Афанасовка отказались и по этой норме сдавать хлеб¹³⁹. Далеко не всем работникам волостных Советов и комбедов уезда хватало понимания, что перераспределением хлеба они спасают голодающих детей и рабочих. Во многих волостях приходилось проводить повторный учет с помощью дружинников и продотрядов¹⁴⁰.

Действия комбедов и Советов Тейковского уезда не были местной особенностью голодающего района. Они типичны для потребляющих губерний. Председатель Можайского уездного комбеда Макаров также самовольно снижал норму потребления с 9 до 7 и даже 5 пудов¹⁴¹. А в Верейском уезде комбед Богородской волости постановил потребительной нормой считать 12 пудов. Здесь излишки отбирались по спекулятивным ценам - по 100 руб. за пуд¹⁴².

Как и в производящих губерниях наибольших успехов комбеды добивались при согласованных действиях с Советами и партийными ячейками. В Глазовской волости Можайского уезда, например, сельские комбеды установили деловые контакты с волостным Советом. Если владельцы хлеба не отдавали излишки, комбед сообщал об этом Совету и с его помощью проводил реквизицию. Такая практика в октябре была одобрена уездным съездом комбедов и Советов. Чтобы избежать самоуправных действий, обыски и изъятие хлеба разрешалось проводить только по ордерам волостных Советов¹⁴³.

К учету хлеба в большинстве волостей потребляющих губерний приступили с большим опозданием - в октябре-ноябре. Учетная работа комбедов накалила обстановку в деревне. Советы и комбеды, посягавшие на крестьянский хлеб, часто разгонялись, на сходах происходили драки, членов комбедов избивали. Так в Тверской губернии 29 октября в Раевской волости Вышневолоцкого уезда были разогнаны Совет и комбед, разоружен реквизиционный отряд, избиты инструктор Ларигин и член комбеда Акимов. По селам началась антисоветская агитация. После подавления выступления в волости было арестовано 26 человек, наложена контрибуция в 200 тыс. руб.¹⁴⁴ В Субботинской волости Зубцовского уезда крестьянами с. Двоенки и Подберезовка были убиты три уездных работника, причем член уездного исполкома К.Павлов, энергично утверждавший власть бедноты, был зарыт в землю живым¹⁴⁵.

В потребляющих губерниях в большинстве уездов учет хлеба комбедами выявил мало излишков. В Корчевском уезде, по сообщению председателя исполкома Д.А.Булатова, учет хлеба был проведен блестяще, в общественные амбары ссыпано 12 тыс. пудов, но это не обеспечивало всех нуждающихся¹⁴⁶. Не хватало своего хлеба и в других уездах. Ввиду отсутствия больших излишков, хлеб реквизировался и в хозяйствах средних крестьян, что толкало их к совместным выступлениям с кулаками.

Ретроспективно оценивая комбеды, некоторые съезды Советов отмечали, что от их действий пострадало среднее крестьянство. На VII Осташковском съезде Советов (июль 1919 г.) делегаты из волостей говорили, что многие комбеды, не столько созидали, сколько разрушали, отталкивая своими действиями среднее крестьянство от Советской власти¹⁴⁷. Неправомерность действий комбедов и продотрядов в отношении средних крестьян признал V Тверской губернский съезд Советов. В его резолюции "О продовольственном вопросе" было записано: вместо учета хлеба и отчуждения его излишков продотряды производили незаконные реквизиции продуктов и вещей, не подлежащих учету, допускали бесчинства и произвол, чем во многих местах возманили население против Советской власти и довели дело до открытых выступлений. Также критически была оценена деятельность комбедов: они устранили среднее крестьянство от вла-

сти, занимались незаконными реквизициями и контрибуциями. И "вместо того, чтобы объединиться со средним крестьянством в борьбе с кулаками, восстановили его против власти Советов"¹⁴⁸.

Самоуправные действия комбедов, Советов, партийных ячеек, продотрядов, ЧК, сбор незаконных контрибуций, бессистемные реквизиции вызывали возмущение крестьян, создавая взрывоопасные ситуации. В с.Панове Лукояновского уезда после подавления выступления крестьян 26 августа продотряд собрал контрибуцию в 17 тыс. руб. Из них 10 530 руб. были отданы комбеду, остальные разделены между членами отряда, Совета, военкомата и коммунистами¹⁴⁹. В Чернухинской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии члены партийной ячейки и Совета незаконно отбирали у крестьян д. Мельниково продукты. Их бесчинства сопровождалось пьянством. При голоде в деревне представители власти имели запасы продуктов. Для себя они установили паек в 18 фунтов хлеба в месяц против 13 всем остальным. Негодование крестьян вылилось в "побоище между гражданами и коммунистами". В этом же уезде председатель Терюшевского волостного комбеда Маштаков и агент губпродкома по закупке скота Озерович вымогали взятки продуктами¹⁵⁰.

В начале сентября при конфискации хлеба произошло выступление крестьян в 10 деревнях Шалдежской волости Семеновского уезда Нижегородской губернии. Четверо руководителей выступления были расстреляны. С имущих участников восстания была собрана контрибуция в 57 тыс. руб.¹⁵¹ Семеновский уезд был потребляющим и уездные власти следили за тщательностью учета хлеба, проводя повторный учет, когда действие комбедов вызывали сомнения. Так было в богатом с. Линево Ямновской волости. 23 декабря в село прибыл член уездного комбеда Мельников в сопровождении 10 коммунистов Мало-Сукинской организации Завражской волости, трое из которых имели оружие. Крестьяне с. Линево, издавна враждовавшие с жителями этой волости, воспротивились переучету, избив Мельникова. 25 декабря ночью в село прибыл отряд уездной ЧК в составе 30 человек. Крестьянин Буслаев не допустил учетчиков к хлебу, а 75-летняя М.Буслаева ударила в набат, созывая сельчан. С дубинами и колыями собрались они у дома священника, где разместился отряд.

Милиция задержала толпу и коммунисты сумели выбраться из дома, но все же один был пойман и избит. Активные участники выступления скрылись, но троих крестьян расстреляли, а четверых подвергли аресту¹⁵². В марийском с. Емангаши Васильсурского уезда против отряда коммунистов, прибывшего для изъятия излишков хлеба, поднялось все население. Зажиточные крестьяне, сообщила комиссия, выяснявшая обстоятельства восстания, пользовались большим влиянием в селе. Среднее крестьянство действовало с ними в контакте, часть бедноты была задавлена, а часть шла на поводу у кулаков¹⁵³. Созванный сельским писарем Сарановым сход разослал гонцов по волости, подбивая население воспротивиться учету хлеба и идти на помощь в Емангаши. Собравшаяся у ссыпного пункта толпа убила председателя уездного комбеда Зубова и члена уездного комитета партии Гузанова. Выступление было подавлено отрядом Егорьевских коммунистов: 20 человек расстреляли, 26 - посадили в тюрьму и затем также приговорили к расстрелу¹⁵⁴.

От беззаконий комбедов, партячек и Советов больше всего страдало среднее крестьянство. Начальник милиции Нижегородского уезда в отчете, представленном 14 января 1919 г. в губернское управление милиции, отмечал: со стороны среднего крестьянства наблюдается недовольство и открытый ропот против отдельных представителей Советской власти, как избранных, так и командированных губпродкомом и чрезвычайной комиссией. Из местных органов особое недовольство вызывали отдельные члены комбедов, которые брали на себя несвойственные им функции, совершали несправедливые действия. Возмущение крестьян вызывали и некоторые отряды, которые запугивали жителей бесцельной стрельбой и требовали с середняков неположенное¹⁵⁵. Недовольством средних крестьян воспользовались правые эсеры, пытавшиеся восстановить свои организации в Сергачском, Княгининском, Арзамасском уездах¹⁵⁶ и поднять крестьян против диктатуры коммунистов. V Нижегородская губернская конференция РКП(б) признала "шкурничество комбедов" распространенным явлением в губернии¹⁵⁷.

Комбеды Смоленской губернии проводили учет бессистемно. Многие комбеды были пассивны, в них сидело немало кулаков и "темных" элементов. В Сычевском и Гжатском уездах действия

комбедов вызвали недоверие и резко критическое отношение среднего крестьянства¹⁵⁸, что послужило основанием для их участия в ноябрьских восстаниях. Комбеды Смоленской губернии, имевшей высокий процент среднего крестьянства, по оценке А.В.Луначарского, представившего доклад в Наркомпрод после одной из поездок в губернию в составе агитпоезда "Октябрьская революция", часто хозяйничали чрезвычайно неряшливо, диктатура бедноты тяжело сказалась на среднем крестьянстве¹⁵⁹.

О притеснении комбедами средних крестьян поступали сведения из многих уездов. В декабре 1918 г. коммунист Платов писал во ВЦИК, что крестьяне некоторых волостей Рыбинского и Пошехонского уездов Ярославской губернии (Арефинской, Панфиловской, Николо-Троицкой, Егорьевской) прежде сочувственно относившиеся к коммунистической партии, из-за произвола комбедов, взяточничества, безнаказанности их действий, необоснованных контрибуций, натуральных повинностей изменили отношение к коммунистам. Подобные действия комбедов, заключал Платов, наносят бóльший вред, чем любой злейший враг¹⁶⁰.

Много нареканий поступало на противозаконные действия партийных ячеек. Крестьяне с. Цыбино Михайловской волости Бронницкого уезда Московской губернии в постановлении своего схода, адресованном центральной власти, писали, что со дня революции их селение, состоящее преимущественно из беднейших крестьян, поддерживало Советскую власть. Положение резко изменилось с появлением партийных ячеек. В них вошли "неответственные (так в документе - Т. О.) люди, которые даже не знают, что такое коммунист". Они "идут против народа и этим поднимают народ против Советской власти", отбирают все продукты. На просьбы дать разъяснение, наставляют револьвер и отправляют в тюрьму, принудительно заставляют работать, не считаясь с тем, что перед ними беднота. Сельский сход делегировал к Ленину, как вождю революции, В.Подкопаева, Ф.Тяпкина и П.Кашева за разъяснениями. Их полномочия удостоверились подписями и печатью сельского Совета¹⁶¹.

Уездные Советы боролись с "засоренностью" комбедов и нарушениями ими законности. В октябре были арестованы председатель Карачаровского волостного комбеда и член Можайского уездного комбеда, возглавлявший реквизиционный отряд, дейст-

вия которых вызвали недовольство населения¹⁶². В декабре за злоупотребления было арестовано большинство членов Спасского волысполкома Васильсурского уезда¹⁶³. В феврале 1919 г. была обследована деятельность Любимского и Даниловского уездных и волостных исполкомов. Волостные Советы, проводившие репрессии в отношении бедноты и середняков, были переизбраны, виновные привлечены к ответственности¹⁶⁴.

В Северных губерниях, особенно остро ощущавших продовольственный кризис, за март-октябрь 1918 г. на почве голода произошло 198 волнений, в 71 селении беспорядки были ликвидированы с применением оружия¹⁶⁵. Деятельность комбедов здесь не была результативной. Лишь с приездом 400 рабочих-учетчиков был проведен повсеместный и строгий контроль и перераспределение хлеба. Но ни один уезд восьми губерний этого района не имел годового запаса хлеба.

Для ослабления голода среди рабочих Москвы и Петрограда правительство пошло на временное нарушение хлебной монополии, разрешив им по удостоверениям предприятий закупку по вольным ценам и провоз полутора пудов хлеба частным путем в течение пяти недель - с 24 августа по 1 октября. Разрешением на провоз полутора пудов воспользовалось 70% населения Петрограда, закупив или обменяв на вещи 1 043 500 пудов хлеба. Всего одиночками в разрешенный срок было вывезено 2 651 302 пуда. За это же время продотряды вывезли лишь 1 890 858 пудов. Даже не имея вагонов, "полуторапудники" доставили значительно больше хлеба, чем государственные органы¹⁶⁶.

Временное разрешение на закупку хлеба по вольным ценам сорвало его централизованную заготовку в производящих губерниях. Оно лишало смысла запретительные акции комбедов и заградительно-реквизиционных отрядов, легализуя спекуляцию и поощряя рвачество хлебовладельцев. После пяти недель относительно свободной продажи хлеба поставить под контроль хлебодержателей, спекулянтов, навести порядок на транспорте оказалось чрезвычайно трудно. Пришлось применять силу для реквизиции и конфискации хлеба, что привело к росту конфликтов и созданию к началу ноября новой взрывоопасной ситуации в деревне.

Несмотря на запретительные меры, население потребляющих губерний частным порядком вывезло из производящих районов более половины объема централизованных заготовок - 68,4 млн пудов против 53 млн пудов, собранных Наркомпродом¹⁶⁷. Столь незначительное количество заготовленного хлеба не дает основания для положительной оценки продовольственной деятельности комбедов и продотрядов. В лучшем случае они содействовали изъятию хлеба, внося озлобление и дезорганизуя хозяйственную жизнь деревни.

Ленин крайне негативно относился к мелкому производителю хлеба. Всякий крестьянин, считал он, по склонности является спекулянтом¹⁶⁸. А крестьянам было чем спекулировать. К ноябрю 1918 г. в их руках оставалось более 85% товарного хлеба, к февралю 1919 г. они удерживали до 70% излишков, которые так или иначе поступали на рынок.

Комбедам и продотрядам не удалось ни подчинить мелко-товарного производителя учету и контролю, ни тем более изменить саму психологию крестьянина.

Опыт продовольственной работы комбедов и продотрядов был предметом обсуждения II Всероссийского совещания продовольственных работников, собравшегося в канун нового 1919 г. Совещание признало продовольственное положение тяжелым. Комбеды и их методы работы не получили поддержки съезда. Решая вопрос о способах заготовок хлеба, совещание высказалось за введение разверстки, как дававшей наибольшие практические результаты. Но вводилась она не на договорной основе, а на обязательно-принудительной поставке крестьянами определенного Наркомпродом количества хлеба. На 1919 г. в 12 хлебопроизводящих губерниях разверстывалось 260 млн пудов хлеба, т. е. его среднестатистический избыток. Теоретически от поставки хлеба освобождалось 60% деревенского населения - беднота и маломощные средние крестьяне, имеющие посев в 3-4 дес. на семью в 6 человек. Хлеб должны были дать кулаки и зажиточные крестьяне. Но они не имели такого объема товарного хлеба. Тем более, что 1919 г. был засушливым. К тому же суровая действительность гражданской войны вносила свои коррективы, опрокидывая самые благие намерения правительства.

4.3. Итоги аграрных преобразований

Во второй половине 1918 г., в период деятельности комбедов, Советы подводили итоги ликвидации частного землевладения. Окончательно определялась судьба имений, собиралось расхищенное имущество помещиков, их скот и инвентарь. Уточнялись нормы наделов пашни, сенокосов, владения скотом. Одновременно с этим велось уравнивание крестьянских земель и перераспределение их излишков, инвентаря и скота.

Комбеды помогали земельным отделам Советов в учетно-контрольной работе. С их помощью в Орловской губернии почти в 11 раз увеличилось число выделенных для коллективных хозяйств имений - 400 против 37 в начале года¹⁶⁹. Землепользование многопосевных крестьян уменьшилось в 4 раза¹⁷⁰. В Воронежской губернии у этой категории крестьян было отобрано свыше 530 тыс. дес. земли, число их хозяйств сократилось с 10,8% до 1%. Землю получили 25 тыс. безземельных и 176 тыс. малоземельных крестьян губернии. Бедняки и средние крестьяне увеличили свое землепользование на 2 082 663 дес.¹⁷¹ В Тверской губернии ликвидация помещичьего землевладения завершилась к концу года. Крестьяне получили 283 720 дес., или 76% земель помещиков. Здесь частные собственники из крестьян имели земли больше, чем помещики. У них было отобрано 698 783 дес. удобной земли. Летом и осенью беднота и середняки увеличили свое землепользование на 982 513 дес., или на 56%. Безземельные получили 88 088 дес., в среднем по 4,5 дес. Удвоились земельные участки крестьян, имевших ранее до 5 дес., на 73% увеличились владения крестьян, имевших от 5 до 8 дес.¹⁷²

Голодной весной 1918 г. за кусок хлеба и горсть семян беднота, солдатки, вдовы и сироты отдавали кулакам полученную от Советской власти землю. Некоторые комитеты бедноты заставили кулаков вернуть земли, взятые у бедноты. Для зажиточных крестьян комбеды вводили трудовую повинность по обработке земель бедноты и красноармейских семей. Этот вопрос был предметом специального рассмотрения Моршанского уездного съезда комбедов Тамбовской губернии, состоявшегося в начале августа 1918 г. Восстанавливая права бедноты на землю, съезд постановил: "1) Всю засеянную площадь исполу или другими

способами убрать тем гражданам, которым причиталась земля...; 2) убрать им, т. е. беднякам, хлеб со своей земли бесплатно, ни в коем случае не идти на соглашение с кулаками и спекулянтами¹⁷³. В Рыбинской волости Моршанского уезда одним из первых постановлений комбеда было изъятие у кулаков 300 дес. посева и распределения их среди бедноты¹⁷⁴. В Ржаксинской и Булгаковской волостях Кирсановского уезда комбеды заставили кулаков вспахать землю бедноты и убрать урожай ржи¹⁷⁵. В конце года в губернии была распределена вся земля - частновладельческая, монастырская, казенная и прочая, всего 2 184 585 дес. Из 3097 частновладельческих хозяйств в 76 были созданы совхозы, появились 63 коммун, земледельческие и подсобные артели. В их пользовании было 22 995 дес. земли¹⁷⁶.

В Нижегородской губернии к 14 июня на учет было взято 971 частновладельческое имение¹⁷⁷. По данным III губернского съезда Советов (октябрь 1918 г.) в губернии ликвидировались хозяйства не только дворян, но и "столыпинских помещиков", т. е. хуторян. Крестьяне проводили передел земель хуторян и отрубников, разрушали их сельскохозяйственные постройки, инвентарь, изгоняли их "в 24 часа". Земельные отделы приняли меры к охране законных интересов хуторян, но волну гонений на них удалось сбить лишь к октябрю 1918 г.¹⁷⁸ По данным на конец года, в 11 уездах было реквизировано 1292 сельскохозяйственных владения площадью 1 493 470 дес.¹⁷⁹ На их базе было создано 53 коллективных хозяйства, из них 27 коммун, 20 артелей, 3 товарищества и 3 совхоза¹⁸⁰. Остальная земля была передана крестьянам, увеличившим надель пахоты почти в два раза.

Эта картина типична для всех губерний. В Бельском уезде Смоленской губернии в период комбедов на учет было взято 175 хозяйств площадью 50 274 дес. В 17 из них были организованы совхозы, имевшие 1990 дес., но ими была засеяна лишь пятая часть площади. В 29 имениях обработка земли велась артелями, в 5 - коммунами. Из 15 630 дес. пахотной земли коллективами из-за отсутствия семян было засеяно лишь 251,7 дес., т. е. 1,6%. Остальная земля была разделена¹⁸¹.

В начале года в Московской губернии учет земель был проведен формально. Помещики до июля проживали в своих имениях. Только комбеды окончательно определили судьбу имений, вы-

слали помещиков¹⁸². На 20 сентября на учет было принято 104 имения площадью в 10 тыс. дес.¹⁸³ В имениях помещиков было создано 30 коллективных хозяйств, объединивших 2300 человек. Они пользовались 2536 дес. земли, из них пашни - 1836 дес. Колхозы не смогли освоить всю землю и большая ее часть осталась незасеянной¹⁸⁴, что вызывало недовольство крестьян. Беднота обращалась в губземотдел с просьбами передать им эту землю под озимые. С 20 августа по 18 сентября в отделе побывало 170 ходоков, было рассмотрено 160 дел о покосах¹⁸⁵. Крестьяне требовали раздела земель крупных владельцев, отрицательно относясь к коммунам¹⁸⁶.

Московский губземотдел, с лета руководимый коммунистами, стоял на левацких позициях, не допуская раздела крупных имений, и признавал право пользования ими только за коммунами, артелями или совхозами. Дробление их между крестьянами он считал политической ошибкой¹⁸⁷. Однако проект губземотдела о неделимости крупных частновладельческих участков был отклонен Наркомземом¹⁸⁸.

Ликвидация помещичьего землевладения и развернувшееся наступление на земельную собственность кулаков привели к концу года, по данным 10% выборочной сельскохозяйственной переписи 1919 г., к сокращению беспосевных хозяйств на 38%. Наибольший процент наделения беспосевных земель - 60,7 - дал Центрально-Земледельческий район, на втором месте - 59,5% - Средне-Волжский. На 44,1% сократилась численность беспосевных в Северном районе, на 42,2% - в Промышленном, на 40,8% - в Северо-Западном. В 25 губерниях почти исчезли хозяйства крупных посевищиков. Эта категория крестьян была ликвидирована в Приозерном районе, на 95,5% сократились кулацкие посева (свыше 13 дес.) в промышленном районе, на 91,8 - в Центрально-Земледельческом, на 91,4 - в Средне-Волжском, на 90,8 - Северо-Западном. В Нижне-Волжском и Приуральском районах нивелировка шла менее активно, прежде всего из-за военных действий. Здесь число беспосевных крестьян уменьшилось соответственно на 16,3 и 19,8%, а число крупнопосевных хозяйств - на 68,6 и 63,3%¹⁸⁹.

К началу 1919 г. в Европейской России было распределено приблизительно 17 215 926 дес. земли, из которых 95,3% перешли

крестьянам, 0,8% - коммунам и артелям, 3,9% - совхозам, фабрично-заводским коллективам, больницам, школам и пр. Землю получили миллион бесхозяйственных крестьян¹⁹⁰. Число мелких посевищиков (до 2 дес.) возросло с 6 до 8-9 млн, составив 43%. Группа средних посевищиков (от 2 до 4 дес.) увеличилась на 10%, а число дворов, сеющих свыше 4 дес., уменьшилось. Хозяйства, засевавшие свыше 10 дес., исчезли в Костромской, Ярославской, Московской, Тверской, Вологодской губерниях. Во Владимирской губернии их осталось 0,1%, в Пермской - 0,6, а в хлебопроизводящих губерниях их численность упала с 7 до 3%¹⁹¹. Таким образом, произошло увеличение числа мелких и средних хозяйств, уменьшение и исчезновение крупных и сокращение хозяйств выше среднего уровня. Нивелировка деревни сгладила социальные полюсы, увеличив удельный вес среднего крестьянства.

Процесс земельного уравнивания не был закончен в 1918 г. За три года революции, по данным специальной анкеты ЦСУ, охватившей опросом 1103 селения, переделы земли произошли в 66% селений, в 34% их не было. Наиболее интенсивно переделы происходили в районах острой нехватки земли: в 94 % селений Центрально-Земледельческого района (данные по 193 селениям), в 82% селений Средне-Волжского района (данные по 182 селениям), в Приуральском - в 69% (данные по 127 селениям), Северном - в 63% (данные по 136 селениям), в Промышленном - в 53 % (данные по 239 селениям), в Северо-Западном (Приозерном) районе - 43% и Нижне-Волжском - 48%¹⁹².

Как видим, переделы даже за три года не ликвидировали кулака. Не везде даже ставился вопрос об уравнивании их землепользования. 30 октября 1918 г. ВЦИК в декрете "Об обложении сельских хозяев натуральным налогом" отмечал, что уравнительное распределение земли проведено еще не везде. Более состоятельные и богатые крестьяне в таких местах по-старому владеют большими по размеру и лучшими по плодородию участками земли¹⁹³. Одна из главных причин этого - отсутствие сельскохозяйственных орудий и семян у бедноты.

Крестьянское хозяйство России всегда испытывало острую потребность в инвентаре и машинах. За годы мировой войны сельское хозяйство оказалось в состоянии острого кризиса из-за

того, что промышленностью не восполнялась даже естественная убыль инвентаря и машин. В 1918 г. их производство составляло лишь 15% к довоенному уровню. Государственное производство и импорт удовлетворяли лишь 9,6% потребностей крестьянских хозяйств в машинах и орудиях¹⁹⁴. В этот год деревня получила 32 049 плугов, 10 253 бороны, 104 016 кос, 70 360 серпов, 1138 молотилок, 1657 зерноочистительных машин¹⁹⁵. Но это было лишь 10,2% от поставок 1913 г.¹⁹⁶, т. е. крайне мало для удовлетворения потребностей крестьян, впервые получивших землю. Земельные отделы с помощью комбедов проводили сбор, перераспределение и общественное использование помещичьего и кулацкого инвентаря и скота.

Собрания бедноты определяли нормы владения скотом. Все сверхнормативные излишки подлежали сдаче комбедам, которые распределяли их между коммунами и нуждающимися бесплатно или по доступной цене. Волостной комитет бедноты и Совет Игнатовской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии ввиду распродажи кулаками своего скота и инвентаря постановили: "отобрать у местных деревенских кулаков и капиталистов излишний скот и все *излишнее имущество* (подчеркнуто мною - Т.О.), и передать местным сельским коммунам, где такие организованы, где нет - беднейшему населению" по средней стоимости. Тогда же были определены нормы владения скотом. Семья, состоявшая из 8-15 человек, могла владеть 2 лошадьми, 2 коровами, теленком и одной нерабочей лошадей. Семья из 18-25 человек могла иметь 3 лошади, 3 коровы, 2 жеребенка и 2 теленка¹⁹⁷. Нормы владения инвентарем, имуществом и вещами также определялись комбедом и Советом. К осуществлению этого постановления решено было приступить через две недели. Это типичный пример грубого, вульгарного коммунизма, основанного на уравнилельности, нивелировке, проводимой в комбедовский период.

В некоторых волостях центрально-черноземных губерний у кулаков было отобрано около 70% лошадей и 20-30% рогатого скота¹⁹⁸. В губерниях создавались племенные рассадники и прокатные пункты инвентаря и машин. В первую очередь они удовлетворяли потребности коллективных хозяйств, затем бедноты. В Нижегородский уездный земельный отдел поступило 120 заяв-

лений от крестьян и 74 - от коллективных хозяйств об отпуске им инвентаря и скота из принятых на учет имений. Просьбы коллективов были удовлетворены на 70%, крестьян - на 60%¹⁹⁹.

В результате перераспределения скота к концу 1918 г. в 25 губерниях число безлошадных и многолошадных хозяйств уменьшилось при значительном росте однолошадных дворов. Так, в трех уездах Курской губернии число безлошадных хозяйств сократилось на 10,7%, а дворов с одной лошастью увеличилось на 33,4%. Процент хозяйств с двумя лошадьми уменьшился на 7,4, с тремя - на 1,7, с четырьмя - на 1,7, с пятью - на 1,7. В пяти уездах Тамбовской губернии изменения выразились в следующих показателях: процент безлошадных сократился на 9,4, с 1 лошастью увеличился на 22,3, с двумя - уменьшился на 8,8, с тремя - на 3, с четырьмя - на 0,7, с пятью - на 0,4²⁰⁰. В Смоленской губернии количество безлошадных крестьян уменьшилось на 1,4%, число хозяйств с одной лошастью увеличилось на 11%. Почти на 50% сократилось количество хозяйств с 3-5 лошадьми²⁰¹. В промышленных губерниях - Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Ярославской, количество безлошадных сократилось на 14-17%, а бескоровных более чем на 50%²⁰². По 25 губерниям число хозяйств, имевших четыре и более лошадей, уменьшилось на 60%²⁰³. Представляет интерес заключение Тульского губкома РКП(б), сделанное по итогам 1918 г.: "Деревенская беднота, входившая в комбеды, во многих уездах превратилась в середняков-крестьян, обзавелась постройками, скотом, которые поступили в ее распоряжение"²⁰⁴.

Таким образом, за год коммунистической диктатуры был экспроприрован класс помещиков. На основе закона о социализации земли, предусматривавшего уравнительный раздел всех земель, резко сократилось крупное землевладение крестьян. Кулак превращался в середняка, и это сохраняло за ним моральное влияние на крестьян-собственников, сочувствие которых было на его стороне. Слой средних крестьян стал основным в деревне.

Перераспределение средств производства, как и нормирование потребления, не углубляло социальную дифференциацию, а сокращало полярные группы крестьянства, уравнивая их под середняка. Эта тенденция была отмечена Лениным в марте 1921 г. на X съезде РКП(б): "Крестьянство стало гораздо более средним,

чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительное, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован - в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше. Но в общем и целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка”²⁰⁵.

В условиях сохранения товарного производства нивелирующая тенденция не могла быть продолжительной. Она могла удерживаться только в искусственно созданных условиях ограничения воздействия законов рынка, не признающих никакого уравниения, дифференцирующих крестьянство. С помощью комбедов Советская власть вводила протекционизм в отношении бедноты, по существу делая ее государственным иждивенцем, освобожденным от уплаты налогов. Бедноте предоставлялась в первую очередь материальная, техническая и социальная помощь. Комбеды должны были обеспечить шадящий режим для среднего крестьянства и жесткое принуждение к зажиточно-кулацким хозяйствам. Эта политика закреплялась в законе о введении натурального подоходного налога (октябрь 1918 г.). Но протекционистская политика в отношении крестьянского большинства была нарушена гражданской войной, вынуждавшей прибегать к принудительным мобилизациям, трудовой повинности для всех крестьян, реквизициям хлеба и прочим мерам “военного коммунизма”.

Уравнительный раздел земли привел к понижению производительности сельского хозяйства, падению его товарности, росту внутридеревенского потребления хлеба. Мелкое хозяйство консервировало старые приемы земледелия, нерационально использовало скот, инвентарь. С экономической точки зрения уравнительный раздел был нецелесообразен, на что обращали внимание ученые еще в 20-х годах (Л.Крицман и др.). Общим итогом практики “военного коммунизма” было разрушение сельскохозяйственного производства.

Ленин оценивал итоги аграрных преобразований прежде всего с политических позиций. Ради успеха революции, писал он, “пролетариат не вправе останавливаться перед временным пони-

жением производства... Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата. А устойчивости пролетарской власти быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства"²⁰⁶. Достичь этого можно лишь удовлетворением их потребностей за счет крупного землевладения. Иначе большевикам власти не удержать"²⁰⁷.

В 1918 г. партия коммунистов через советские органы сделала первые практические шаги к осуществлению своего программного требования - организации социалистического производства в сельском хозяйстве. В историко-экономической литературе весьма обстоятельно представлена теория вопроса и позитивная сторона создания общественных хозяйств, несмотря на незначительные практические результаты их организации. Гораздо слабее раскрыты ошибки и искажения в отношении среднего крестьянства, роль комбедов в насильственном насаждении общественных форм производства, усиливших недоверие крестьян к коммунистам, протесты, восстания.

Приняв Крестьянский наказ за основу первого аграрного закона, Советская власть тем самым отступила от программного требования РСДРП(б) об организации в каждом имении общественного производства, но не отказалась от перспективы социалистического преобразования сельского хозяйства. Это входило и в отдаленные планы левых эсеров. По общему согласию советских партий власть поощряла создание земледельческих коллективов. Левые эсеры, руководившие земельными отделами до лета 1918 г., были инициаторами создания коммун. В июле-августе для их организации правительством было выделено 60 млн руб.²⁰⁸ В ноябре для улучшения сельского хозяйства и преобразования его на общественных началах был создан миллиардный фонд²⁰⁹. Организация сельскохозяйственных коллективов стала первой задачей ячеек РКП(б) и комбедов. Однако на октябрь, по оценке Свердлова, данной на заседании межведомственной комиссии по комбедам, они мало сделали для развития коммун. В конце 1918 г. насчитывалось 3812 коллективных хозяйств²¹⁰. Основная их масса была создана рабочими, они же составляли большинство их членов²¹¹.

Идея о создании общественного производства слабо проби- валась в сознание крестьян. Беднота, получившая землю, стре- милась выбиться “в люди” через укрепление своего хозяйства. Острейшая потребность в инвентаре подталкивала их к созда- нию артелей, товариществ по совместной обработке земли. Так, беднота с. Елизарово Павловского уезда Нижегородской губер- нии 23 декабря, обсудив вопрос о невозможности в предстоящий сев обработать землю ввиду неимения лошадей и инвентаря, по- становила создать артель и назвать ее “Общий труд”. Необходи- мые артели машины - молотилку, сеялку, веялку, жнейку - реше- но было взять у хуторянина Соплякова, а у Беклемишева - веял- ку, привод к молотилке и косилку. Поскольку имеющиеся у кре- стьян лошади не могли работать из-за отсутствия корма, соб- рание бедноты просило выделить им трактор и 1100 пудов семян, овса и пр. В артель записалось 39 бедняков²².

Коллективные хозяйства, создаваемые за счет имущества ху- торян, отрубников, кулаков, на землях общин были ненавистны крепкому крестьянину. Коммуны, артели, совхозы были первы- ми объектами нападения при восстаниях.

Созданные из-за нужды и голода коллективные хозяйства бедноты не могли стать производителями товарной продукции, большинство из них имело потребительский характер, но Совет- ская власть не отказывалась от их поддержки, видя за ними бу- дущее.

В период комбедов расширилась пропаганда общественного производства. Организации РКП(б) считали своей первой зада- чей агитацию за создание сельскохозяйственных коммун, что- бы “отбить у крестьянина инстинкт собственности”, внушить ему идеи коммунизма, как это записано в решении расширен- ного заседания Усманского уездного комитета партии от 18 декаб- ря 1918 г., на котором присутствовали представители волостных организаций РКП(б)²³.

Осенью партийные конференции и съезды Советов Воронеж- ской, Калужской, Московской, Петроградской, Тверской, Ива- ново-Вознесенской губерний высказались против раздела поме- щичьих земель, за передачу их в коллективное пользование²⁴. Среди коммунистов немало было и леваков. Стремление поско- рее решить проблему социалистической перестройки сельского

хозяйства не останавливало некоторых местных руководителей и перед применением насилия. 7 октября 1918 г. на заседании Кимрского уездного исполкома Тверской губернии его председатель, некто Звирздынь, допускал возможность организации сельскохозяйственных коммун силой²¹⁵. Энергичные меры к организации коммуны из двух волостей принимались в Калязинском уезде этой же губернии. Земельный съезд Ярославского уезда в ноябре принял резолюцию, объявлявшую уезд коммунистическим, в виде одной сельскохозяйственной коммуны²¹⁶. Но крестьяне без энтузиазма встречали такие решения коммунистов. В одной из волостей Пошехонского уезда крестьяне убили председателя исполкома за насильственное введение коммуны²¹⁷.

Идея насильственной перестройки сельского хозяйства, распространенная среди части партийных и советских работников, получила отражение в работе I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун (11-20 декабря 1918 г.), где левые требовали декретирования общественной запашки, форсированного создания коммун. На съезде Ленин дал теоретическое осмысление практического опыта аграрных преобразований, сформулировал основные положения социалистической переделки сельского хозяйства. Первое из них гласило: "...переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу"²¹⁸. Этот шаг в жизни крестьян Ленин приравнивал к величайшему перевороту, который осуществим "лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделывать свою жизнь"²¹⁹. Второе: "...в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней"²²⁰. Третье: "...перевод на общественную обработку земли возможен лишь путем примера, лучшей организацией труда, ее высшей производительностью". Четвертое: "...продвижение по пути социалистического строительства возможно лишь в меру пробуждения сознания трудящейся части крестьянства и ее самостоятельной организации"²²¹.

Определив общие закономерности социалистического преобразования сельского хозяйства, Ленин в данном выступлении, как и многие делегаты съезда, переоценил степень готовности

крестьянства к восприятию идей социалистического преобразования сельского хозяйства и роль комбедов в создании условий для этого. Образование комбедов и данный съезд, говорил Ленин, показывают, что "...сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства проснулось, и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве, в большинстве трудящегося крестьянства"²²². Здесь будет уместно напомнить, что к концу 1918 г. лишь 0,15% крестьян были объединены в различные сельскохозяйственные коллективы, владевшие 0,8% земельной площади. Но, выразив уверенность в стремлении большинства крестьян к социалистическому преобразованию сельского хозяйства, Ленин не настаивал на его немедленной реализации. Наоборот, он повторил ранее высказанную мысль о том, что "к этому величайшему из преобразований мы должны подходить с постепенностью. Немедленно ничего нельзя здесь сделать..."²²³.

Однако многие делегаты полагали, что переходный период от капитализма к коммунизму будет кратковременным и трех лет будет достаточно для перевода крестьянских хозяйств на путь общественного производства. Эти настроения делегатов съезда получили отпор со стороны наркома земледелия С.П.Середы. Признавая распыление земли в результате аграрной революции и возникшей теперь проблемы ее собирания и общественной обработки, он, тем не менее, подчеркивал, что Советская власть не выдвигает задачи непосредственного перехода к социализму в деревне, мысль об экспроприации мелких крестьян не может прийти в голову сознательному коммунисту²²⁴.

Однако, в принятом съездом большинством голосов "Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию" главной задачей земельной политики считалось "последовательное и неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли"²²⁵. Местные земельные органы призывались к энергичному переустройству земледелия на коммунистических началах. Но в опубликованном 14 февраля 1919 г. постановлении ВЦИК "О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию" не было речи об ускорении или прину-

дительно введении общественных форм хозяйства. Отдавая предпочтение коллективному земледелию, постановление подчеркивало, что переход к нему является добровольным делом единоличных хозяйств. Отмечая их отживающий характер (тоже дань крайне левым настроениям), оно указывало на постепенность обобществления единоличного землепользования²²⁶.

14 марта в газете "Голос трудового крестьянства" был опубликован циркуляр Наркомзема о недопустимости принуждения в создании коллективных хозяйств. Никакие решения партийных конференций, писал член коллегии Наркомзема В.В.Кураев, подписавший циркуляр, не могут служить основанием для этого. Общественные формы хозяйствования могли вводиться только постановлениями самих крестьян.

Тем не менее практика принуждения к общественной обработке земли и вступлению в коммуны получила распространение. Форсирование коммунистами социалистического землеустройства приводило к тяжелым последствиям. Уполномоченный ЦК РКП(б) Д.А.Павлов с явным одобрением сообщал в конце декабря 1918 г. из Елецкого уезда Орловской губернии, что земельный отдел, возглавляемый Кенаревским - рабочим из местных крестьян, осуществляет план создания единой трудовой коммуны. За зиму через организацию коммунистов предполагалось подготовить крестьян к принятию этой идеи и с весны провести по всему уезду общественную обработку полей, обобществить инвентарь и пр. Возражения некоторых товарищей о том, что план в отношении 360 тыс. крестьян трудно выполним, утопичен, не были приняты во внимание уездными властями, приступившими к его реализации. Письмо заканчивалось восторженно: "Вот как мы шагаем, товарищи! (В следующий раз я Вам подробнее опишу это начинание и опишу те конкретные меры, которые мы предпримем сейчас же...)"²²⁷. Административная переориентация социально-экономического развития уезда привела в марте 1919 г. к восстанию крестьян. Председателю уездной коммуны пришлось бежать в г. Лебедянь (Тамбовская губерния), где он был убит преследовавшими его елецкими и присоединившимися к ним лебедянскими крестьянами. В Лебедянском уезде земельный отдел также стремился к насаждению коммуны, а нежелающих он был намерен принудить "силой диктатуры"²²⁸. Это

привело к усилению в уезде антикоммунистических настроений. Партийные ячейки в волостях распались, коммунисты, пытавшиеся повлиять на движение, поплатились жизнью²²⁹. Восстание удалось прекратить лишь в середине апреля, когда стали осуществляться решения VIII съезда РКП(б) о недопустимости насильственного перевода крестьян к коллективному землепользованию и претворяться в жизнь декреты о льготах середнякам.

Революционный романтизм на практике трансформировался в уродливые формы насильственной перестройки крестьянской жизни. Характерные образцы административно-приказной перерождения социально-экономической жизни деревни дала Нижегородская губерния. Левацкую торопливость проявили коммунисты Княгининского уезда, где партийная конференция, съезд Советов, а за ними и съезд земельных отделов приняли постановления об обязательном для всех селений переходе к общественной обработке земли²³⁰. Постановление вызвало протесты крестьян, посылавших жалобы и ходоков в губернский Совет, Наркомзем и к Ленину. Крестьяне второго Зольянского общества с.Ичалки телеграфировали Ленину: "Княгининский уездный съезд партии принял решение о принудительной общественной обработке земли. Беднота и середняки против принудительной обработки, согласны на добровольные коллективы, коммуны. Большинство желает работать единолично. Уезд грозит репрессиями, ожидается прибытие отряда. Это подорвет доверие к Советской власти. Просят приостановить осуществление незаконного постановления"²³¹.

Принуждением крестьян к введению коммун грешили и коммунисты Алексинского уезда Тульской губернии. По сообщению в НКВД Асманова и Белугина в Алексашенской волости коммуна вводилась "под плетью". Но как только поступило указание сверху прекратить эксперимент, она тут же распалась²³².

В Московской губернии партийные конференции принимали решения об усилении пропаганды преимуществ коллективного хозяйства и ставили в качестве практической задачи перевоспитание психологии крестьянина²³³. Коммунисты Симбирской губернии не только вели агитацию в пользу коммуны, но и осуществляли идею обобщения имущества крестьян²³⁴, что привело к широкому восстанию в марте 1919 г.

Вмешательство органов коммунистической власти в хозяйственную деятельность состоятельных и средних крестьян накаляло обстановку в деревне. В некоторых уездах комбеды по существу запретили хозяйственную деятельность, разрушили торговлю, разорили кооперативы. Типичный образец такой деятельности - Сергаческий уезд Нижегородской губернии. Как о большой победе сообщали в губком РКП(б) председатель уездного комитета партии М.И.Санаев и секретарь В.Шувалов о подчинении всей жизни уезда комбедам. Они сосредоточили в своих руках все производство, потребление, учет, распределение, при них организованы боевые дружины. Кулаки лишены права участвовать в выборах, комбеды отобрали у них излишки скота и инвентаря. Без их ведома никто ничего не может продать или купить. Комбеды "обобществляют жизнь села, готовят ее к коммунизму", докладывали в октябре партийные руководители уезда. Как особую заслугу они отмечали подчинение кооперативов комбедам²³⁵. В сентябре 1918 г. М.И.Санаев был на приеме у Ленина. После разговора с ним Ленин направил в "Правду" записку, в которой просил работников газеты записать со слов Санаева и напечатать "очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты"²³⁶.

Сейчас трудно восстановить, о чем шла речь в беседе, но очевидно, что в августе-сентябре "обобществление жизни села" и "подготовка ее к коммунизму" еще не проводилось. Но в октябре и позднее в уезде практиковался насильственный перевод крестьян к общественной обработке земли, что не отвечало их потребностям и не было принято ими. В результате в уезде произошло восстание крестьян. При расследовании его причин было признано, что оно лишь отчасти носило кулацкий характер. Во многих случаях восстание было вызвано "перегибами" отдельных представителей Советской власти. При его ликвидации, в свою очередь, были допущены действия "в высшей степени не тактичные"²³⁷.

Вмешательство комбедов в деятельность кооперативов по существу разрушало их. Так было не только в Сергачском, но и Васильсурском, Лукьяновском и других уездах²³⁸. 27 ноября 1918 г. отдел управления Нижегородского губисполкома в циркулярном письме уездным Советам указал на недопустимость вмеша-

тельства Советов, и тем более комбедов, в деятельность кооперативных организаций, как наносящих вред²³⁹.

В 1918 г. в стране было 54 тыс. кооперативов, из них 24 тыс. потребительных обществ, 16,5 тыс. кредитных товариществ, 2400 сельскохозяйственных кооперативов. Они объединяли несколько десятков миллионов сельских жителей²⁴⁰. Новая власть декларировала большое значение кооперации в организации экономических связей города и деревни. Но коммунисты считали, что на дела кооперации немалое влияние оказывают кулаки. Поэтому комбеды, борясь с кулаками, реквизировали кооперативы, их наличные средства, товары, склады, лавки. Во многих губерниях (Владимирской, Вологодской, Нижегородской, Московской, Саратовской, Тамбовской) кооперация разрушалась. В 1918 г. кооперация по существу была отстранена от заготовки хлеба, продорганы использовали лишь ее склады и зернохранилища и в некоторых губерниях она допускалась к распределению товаров. Тем не менее, в 14 губерниях союз "Кооперативное зерно", объединявший 30 местных кооперативов, поставил государству 25,6 млн пудов хлебопродуктов²⁴¹.

21 ноября 1918 г. был принят декрет "Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства", гарантировавший неприкосновенность складов и лавок кооперации. Однако наступление на кооперативы в деревне продолжалось. 25 декабря Ленин направил телеграмму Совету коммун, губпродкомам, совнархозам и кооперации Северной области, а затем и Урала, где указывал на незаконность закрытия кооперативов, реквизиции их товаров и других акций, как нарушающих дело снабжения и расстраивающих организацию тыла Советской республики. Он требовал прекратить преследование кооперативов, возратить им товары, включить их в распределительную сеть наравне с советскими лавками²⁴². Поскольку в конце 1918 г. кооперативы включались в систему Наркомпрода, Цюрупа издал циркуляр продовольственным комитетам, категорически запрещающий ломать их аппараты, устранять правления и принимать другие меры, разрушающие их. Губпродкомам предписывалось немедленно отменить все действия против кооперации²⁴³.

Основным итогом аграрных преобразований первого года коммунистической диктатуры была ликвидация капиталистичес-

кого землевладения, его парцелляция. Более миллиона бедняков получили возможность вновь стать хозяевами, несколько миллионов увеличили свои наделы. Но крестьянство не пошло навстречу программному постулату коммунистов о создании общественных хозяйств. Не оставили ощутимого следа в социалистическом преобразовании сельского хозяйства и комитеты бедноты: крестьянство не приняло открытых форм насилия над своим образом жизни, упорно отстаивая свое право на землю и производимый на ней продукт. Оно непримиримо относилось к социальным экспериментам коммунистов, не принимало командных методов руководства деревней, вполне определенно выражая свое отношение к ним участием в восстаниях.

4.4. Чрезвычайный налог - революционная контрибуция

В мае 1918 г. финансовое положение страны было критическим²⁴⁴. Основным методом получения денежных средств были контрибуции. Еще в апреле в "Очередных задачах Советской власти" Ленин высказал свое отношение к ним, считая их принципиально приемлемыми и заслуживающими пролетарского одобрения²⁴⁵. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г., основную цель финансовой политики определяла как экспроприацию буржуазии. Она не ограничивала возможности власти вторгаться в право частной собственности²⁴⁶.

До комбедов деревня по существу не платила налогов государству. Но и государство не субсидировало работу волостных и сельских Советов и комбедов. И они изыскивали средства на месте. Члены партийных ячеек также полагали, что их труд должен быть вознагражден. Для обеспечения своего существования Советы, комбеды, партячейки широко практиковали контрибуции и штрафы с населения. Получаемые ими средства не пополняли казну государства, а использовались для местных (часто для личных или групповых) нужд. Будучи бессистемными, они наносили ущерб всем крестьянам, имеющим хоть какой-то достаток. В апреле Наркомфин запретил местным Советам взимать контрибуции по своему усмотрению, как расстраивающие всю финансовую систему²⁴⁷. Однако ВЦИК отменил этот циркуляр НКФ, пока не была выработана общая система обложения налогами. Об этом оповестила 21 апреля "Правда". НКВД разрешал губер-

ским и уездным Советам устанавливать налоги по своему усмотрению, но волостные и сельские Советы не должны были проявлять инициативу в этом деле. Однако с запрещением вышестоящей власти в деревне мало считались.

Массовое распространение штрафы и контрибуции получили в период комбедов. По данным 252 уездов, вопрос о взимании налогов, штрафов, контрибуций 1048 раз стоял в повестке дня объединенных заседаний комбедов и Советов²⁴⁸. В общем балансе рассмотренных ими вопросов он составлял 8,4%. Объединенные заседания Советов и комбедов стремились к системности экспроприации средств сельской буржуазии, но в большинстве случаев достичь этого не удавалось. Деньги, хлеб, скот, личное имущество конфисковывалось у крестьян за участие в выступлениях против Советов, комбедов, продотрядов, партичек, за отказ выполнять те или иные распоряжения. Так, в с.Сазыкино Елецкого уезда партийная ячейка во главе с председателем Котелкиным (он же председатель волостного Совета) и комбед "учили", как пишет уездная газета, спекулянтов "уму-разуму" штрафами. По решению партичейки, одного спекулянта оштрафовали на 1 тыс. руб., конфисковали 69 пудов хлеба и 2,5 пуда сала за продажу хлеба без ведома бедноты. Полученные с него деньги пошли на нужды ячейки РКП(б), хлеб и сало были распределены между бедными²⁴⁹. На зажиточных граждан с.Долгуши Калачевской волости Землянского уезда в октябре была наложена контрибуция в 500 тыс. руб. за хищническую порубку народного леса²⁵⁰. В Солдатской волости Нижнедевицкого уезда два кулака с.Рындино за укрывательство оружия были оштрафованы уездной ЧК на 6 тыс. руб.²⁵¹ Общее собрание граждан с.Елизарьева Ардатовского уезда Нижегородской губернии 8 сентября постановило устранить от должности председателя волостного Совета Кудашева и наложить на него штраф в 1 тыс. руб. за приобретение 10 пудов хлеба сверх положенной нормы без разрешения местного комитета бедноты²⁵². В с.Острцово Нерехтского уезда Костромской губернии образовавшаяся ячейка коммунистов обложила буржуазию налогом в 40 тыс. руб.²⁵³ В с.Пичеурах Ардатовского уезда Симбирской губернии комбед арестовал самогонщиков и оштрафовал их на 6 тыс. руб. На кулаков волости была наложена контрибуция в 57 тыс. руб. Эта ак-

ция вызвала выступление против комбеда²⁵⁴. 17 октября Алешинский волисполком Бежецкого уезда Тверской губернии постановил: за неисполнение распоряжений волостного комбеда (отказ выдать излишки хлеба) наложить на И. Яковлева, гражданина д. Лаврово, контрибуцию в 3 тыс. руб.²⁵⁵ На крестьян Вазерской волости Мокшанского уезда Пензенской губернии волисполком наложил контрибуцию в 66 464 руб. за разграбленные хутора и 25 тыс. за самовольные порубки леса²⁵⁶.

Возмущение у крестьян с.Каликина Лебедянского уезда вызвала конфискация имущества у крестьянина В.И.Кучина, совершенная по указанию председателя уездного комбеда Сафонова. Местная партийная ячейка постановила распределить конфискованное имущество между коммунистами и членами комбеда. Испугавшись такого произвола, крестьяне стали прятать личное имущество²⁵⁷.

Штрафы и контрибуции, по понятиям коммунистов, были одним из средств упрочения власти пролетариата. В то же время использование полученных таким путем средств для нужд бедноты и самих коммунистов свидетельствовало о вульгарном понимании ими принципов равенства, ничего общего не имеющем с социализмом. Право штрафовать кулаков за антисоветские выступления и другие нарушения революционных законов часто использовали уездные ЧК. Определить, сколько средств было изъято у крестьян-собственников через штрафы, не представляется возможным. По сведениям ВЧК, в 1918 г. было наложено 4705 штрафов на сумму 28 758 772 руб.²⁵⁸ Но есть основания думать, что эти сведения относятся лишь к городу. Выяснить количество штрафов, наложенных на сельских жителей, невозможно.

Другим широко практиковавшимся методом подавления и приемом имущественного поравнения сельских жителей являлись контрибуции. Это была карательная акция. Она налагалась военными властями и чрезвычайными комиссиями на село, волость, уезд за "контрреволюционные деяния". Суммы контрибуций не регламентировались. В начале августа буржуазия Лебедянского уезда была обложена контрибуцией в 200 тыс. и к 13 августа было собрано 150 тыс. руб.²⁵⁹ На кулаков с.Лесновка Бобровского уезда в сентябре за попытку сопротивления Советской власти была наложена контрибуция в 50 тыс. руб.²⁶⁰ За уча-

стие в мятеже Киселевская волость Старицкого уезда заплатила 1,5 млн руб.²⁶¹, Сберовская волость Вышневолоцкого уезда - 200 тыс.²⁶², а Лунгинская волость того же уезда - 100 тыс. руб. и 2 тыс. пудов хлеба²⁶³. Порой волостные власти увеличивали объем контрибуций для своих нужд. Так, в Поддубовской и Лубовской волостях того же уезда с кулаков было взыскано в 7 раз больше определенной карательными органами суммы - 350 тыс. вместо 50 тыс. руб.²⁶⁴ Для внесения контрибуции назначались жесткие сроки и собиралась она в присутствии карательного отряда. За невыполнение следовали арест, трибунал, расстрел.

В НКВД поступало много жалоб на непосильный размер контрибуций, грубые приемы их взыскания, несправедливые аресты. Так, крестьяне с. Акузова Сергачского уезда Нижегородской губернии жаловались на незаконные действия лиц, "именующих себя коммунистами". Составив подложный приговор сельского собрания, они самочинно переизбрали волостной Совет, введя в него своих людей. Главным стал Кильдюшев, которого весной общество лишило права голоса за изготовление и продажу самогона. Крестьяне также обращали внимание центральной власти на действия братьев Якушевых, один из которых служил в каком-то уездном учреждении. Пользуясь своим положением, он разъезжал по волости и самовольно облагал крестьян налогом, угрожая всем револьвером. Вышеназванные лица, вошедшие в Совет, облагали контрибуциями бедных крестьян и даже отцов красноармейцев по нескольку раз. Административный подотдел НКВД предложил Нижегородскому губисполкому провести тщательное расследование указанных злоупотреблений, виновных в том лиц предать суду, о результатах сообщить заявителям, копии следственного материала представить в НКВД²⁶⁵.

Ссылаясь на постановление ВЦИК и циркуляр Наркомата юстиции, НКВД разъяснял исполкомам, что арест как принудительная мера к уплате налога не должен применяться. Лица, не внесшие контрибуции, могут быть привлечены к общественным работам. Такие разъяснения в ответ на жалобы населения были даны Старицкому уездному исполкому Тверской губернии²⁶⁶, ряду вологодских Советов и др.

По данным журнала "Власть Советов" за год (ноябрь 1917-ноябрь 1918 г.) с деревни было собрано 17 947 379 руб. контри-

буции²⁶⁷. Наибольшие денежные взыскания были получены в деревнях Костромской губернии - 5295 тыс. руб. В остальных губерниях контрибуционные суммы не превышали 2 млн руб.: Московская - 1 849 500 руб., Псковская - 1 713 565, Орловская - 1 060 000 руб. В Тверской и Пензенской губерниях было собрано менее 1 млн руб.: в первой - 794 796, во второй - 753 521 руб. Более 300 тыс. руб. взыскано с крестьян Вятской, Владимирской, Пермской, Саратовской, Калужской, Вологодской губерний. От 100 тыс. до 300 тыс. рублей выплатили крестьяне Казанской (210 тыс.), Нижегородской (232 723 руб.), Самарской (226 тыс.), Смоленской (266 500), Тамбовской (116 567), Тульской (153 950 руб.). Менее 100 тыс. руб. было изъято из деревень Воронежской (65 080), Иваново-Вознесенской (50 тыс.), Новгородской (64 500 руб.), Череповецкой (45 500), Ярославской (33 тыс.), Рязанской (5 тыс.), Олонекской (500 руб.).

Установить какие-либо закономерности наложения контрибуций трудно. Правомерно предположить, что наивысшие суммы должны были бы заплатить губернии, где больше всего происходило восстаний и контрреволюционных выступлений. По массовости выступлений и числу охваченных восстаниями волостей летом на первом месте были губернии Поволжья и Урала. Однако собранные в них суммы нельзя признать высокими. По восстаниям осенью на первое место претендуют Рязанская (11 из 12 уездов), Тамбовская (7 из 12 уездов), Смоленская, Калужская, Московская губернии. Но суммы полученных с них контрибуций весьма скромные. По этому поводу можно высказать два предположения. Первое - во время ликвидации ноябрьских восстаний контрибуции не получили широкого распространения как карательная мера. Второе - сведения об этих сборах еще не поступили в НКВД. И то и другое предположения имеют основания.

Погубернские итоги сбора контрибуций наглядно показывают бессистемность их взыскания. Так, в Костромской губернии, давшей 5,2 млн руб. (больше всех), 4 млн были получены в одном Ветлужском уезде: 2 млн руб. как контрибуция за восстание, и на 2 млн было реквизировано золотых и серебряных вещей и монет²⁶⁸.

Штрафы и контрибуции в первую очередь должны были платить кулаки, богатые крестьяне, торговцы, спекулянты и прочие

лица, причислявшиеся к эксплуататорам. Средняки и беднота облагались лишь при их непосредственном участии в восстаниях. Но сельская буржуазия никогда не торопилась с внесением своей доли и нередко изыскивала возможности переложить тяжесть обложения на все население, используя распространенность уравнилельных настроений. Характерный случай имел место в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии. По предписанию Орловского окружного военкомата на уезд за контрреволюционное выступление была наложена контрибуция деньгами, зерном и скотом. Из-за бездеятельности комбедов кулаки переложили значительную долю выплаты на бедноту, но не прямо, а косвенно. В некоторых волостях в уплату контрибуции на собранные с населения деньги у кулаков купили зерно и скот по высоким ценам, так что в итоге кулаки ничуть не пострадали от обложения. В других волостях поступили иначе. Настроенные кулаками сходы постановили, что скот, полученный беднотой из помещичьих имений, является общим, поэтому его надо отобрать в уплату контрибуции. Комбеды и в этих волостях не защитили бедноту²⁶⁹.

Количество скота и хлеба, изъятого через контрибуции, установить невозможно. Денежная контрибуция в 17,9 млн. руб., собранная в течение года с крестьян 29 губерний, была относительно невелика, если учесть, что всего с города и деревни было собрано 826 471 840 руб. контрибуций. Но и последняя сумма не представляется большой на фоне денежного изобилия, имевшегося у населения. В стране циркулировало в это время приблизительно 60 млрд руб.²⁷⁰

С целью изъятия излишков денег у городской и сельской буржуазии 30 октября 1918 г. был введен единовременный чрезвычайный налог в 10 млрд руб. Он предназначался для организации Красной Армии, пополнения казны²⁷¹. К тому же предполагалось, что высокие ставки на кулацкие хозяйства заставят их продавать хлеб и другие продукты государству.

Обложению чрезвычайным налогом не подлежали лица, получавшие пенсию или зарплату менее 1500 руб. и не имевшие запасов. От него освобождалась беднота, а средние слои облагались небольшими ставками. Вся тяжесть налога должна была лечь на богатых крестьян и городскую буржуазию. Считалось,

что в городах будет обложено в среднем 6-8% жителей, в деревнях - 10-12%²⁷². Уплата налога обеспечивалась личной и имущественной ответственностью. В деревнях списки лиц, подлежащих обложению, должны были составлять налоговые комиссии из 2 членов волисполкома и 3 членов комбеда. Раскладку налога надо было закончить к 1 декабря, а взыскание провести не позднее 15 декабря²⁷³.

Чрезвычайный налог являлся грандиозной революционной контрибуцией. Но поспешное введение налога, непродуманность порядка обложения и способов взыскания, отсутствие толковых инструкций свидетельствовали об очередном революционном порыве правительства, одним ударом намеревавшегося покончить с финансовой состоятельностью буржуазии. Наркомфин не имел представления ни о действительных запасах денег у населения, ни об удельном весе социальных групп в губерниях. Сумма налога на губернию уравнилельно делилась по уездам, а там "на глазок" по волостям и селениям. Местные органы в свою очередь увеличивали обложение на десятки миллионов рублей для собственных нужд. Тамбовский губисполком, например, рассматривая чрезвычайный налог как форму контрибуции, накладывал повышенные ставки на те волости, где были мятежи или развита спекуляция²⁷⁴.

Много недоразумений происходило от того, что не было критериев для определения состоятельности крестьянских хозяйств. Выяснилось, что деревня "не умеет выделить среднего рядового крестьянина, обязанного известным достатком труду собственных мозолистых рук и который, следовательно, должен быть свободен от налога"²⁷⁵, - писал В.Н. Селицкий, заведующий отделом печати НКВД, обобщая газетные сообщения о практике распределения чрезвычайного налога. В некоторых местах в основу определения зажиточности крестьян были положены квитанции за сданный хлеб. Но такая практика вызывала много нареканий и законное недовольство средних крестьян и бедноты²⁷⁶.

Декрет допускал проявление инициативы бедноты в способах реализации налога. Когда в комиссии попадали бедняки, они, осуществляя свое понимание социальной справедливости, раскладывали налог на зажиточно-кулацкие семьи, вызывая их гнев и часто расплачиваясь за это своей жизнью и имуществом. Пред-

ставительство средних крестьян в комиссиях приводило к уравнительности в его раскладке - подушной, подворной, подесятинной. Этот способ, облегчавший ношу кулака, часто поддерживался и беднотой, не преодолевшей общинных традиций уравнивания. Такая практика отмечалась в Казанской, Пензенской, Иваново-Вознесенской, Тамбовской и Рязанской губерниях²⁷⁷. В интересах кулака был сбор налога и на основе круговой поруки, как это имело место в Костромском уезде²⁷⁸. Когда в налоговые комиссии попадали кулаки, а это было далеко не редким явлением, они находили способы переложить налог с себя на средних крестьян и бедноту.

Бывало и так, что сумма налога оказывалась непосильной для волости. Например, на Таузаковскую волость Мокшанского уезда был определен налог в 420 тыс. руб. Комиссия, обсудив вопрос, нашла, что с обществ можно собрать только 95 275 руб.²⁷⁹ Непосильным оказался налог в 380 тыс. и для Вазерской волости, с которой только перед этим была взыскана контрибуция в 80,5 тыс. руб.²⁸⁰ Борисовский волостной Совет Пензенского уезда 30 декабря, рассмотрев вопрос об уплате чрезвычайного налога (82 138 руб.), решил ходатайствовать перед Наркоматом финансов о сложении его ввиду несостоятельности крестьян²⁸¹. Если в этой волости от внесения налога отказывались ввиду бедности, то в Чернцовской вносить налог отказались кулаки, заявив о непризнании решений комбеда и Совета²⁸².

Для многих уездов Казанской, Смоленской губерний налог оказался непосилен из-за разорения деревень гражданской войной и восстаниями²⁸³. Из Вологодской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Ярославской губерний во ВЦИК и НКВД поступали многочисленные жалобы на то, что налог всей тяжестью лег на бедняцко-средняцкие хозяйства²⁸⁴. В Смоленской губернии крестьяне среднего достатка были обложены высокими ставками, за неуплату продавалось имущество, в счет погашения налога засчитывались деньги за мобилизованных лошадей²⁸⁵.

При взимании налога применялись репрессии - аресты, распродажа имущества, избияния, купание в ледяной проруби. И тем не менее налог поступал слабо. В Даниловском уезде Ярославской губернии в феврале было собрано лишь 6,8% от назначенной суммы, в Любимском уезде - 2,8%²⁸⁶. В Рязанской губер-

нии из 155 млн руб. налога было взыскано 39,417 млн, т. е. около 26%. Здесь в наиболее богатых уездах - Данковском и Раненбургском - в налоговых комиссиях засели кулаки. Чуть ли не каждые две недели по их настоянию происходили перевыборы Советов. В конце концов, они добились своего: переложили свою долю налога на середняков и даже бедноту. За преступления по сбору налога весной 1919 г. в уезде было арестовано 22 члена комиссий²⁸⁷. В Данковском, Спасском, Егорьевском и Рязанском уездах на почве сбора чрезвычайного налога отмечалось нарастающее возмущение населения²⁸⁸.

Из 250 млн руб., причитавшихся с Орловской губернии, на 22 декабря было собрано лишь 1,348 млн (0,5%). Много жалоб поступало на раскладку и методы сбора налога. Председатель губисполкома Б.Волин писал, что НКФ и НКВД дают противоречивые указания и инструкции к взысканию чрезвычайного налога. Наркомат финансов в лице Н.Крестинского настаивал на применении репрессивных мер вплоть до ареста и конфискации имущества. Но Нарком внутренних дел Г.И.Петровский требовал, чтобы репрессия определялась только судом. На местах широко применяются репрессии, сообщал Волин Петровскому: в волостях на этой почве идет брожение, а в Дмитровском уезде произошло серьезное восстание нескольких волостей²⁸⁹. В Брянском уезде сбор налога также привел к восстанию. Здесь применялась одна мера взыскания - арест. Это породило враждебность крестьян к власти²⁹⁰. В Ливенском уезде беднота и средние крестьяне, желая пойти навстречу Советской власти и ради укрепления Красной Армии, жертвовали, чем могли²⁹¹. Уездный исполком, видя, что налог поступает с трудом, выдал уполномоченным по проведению чрезвычайного налога мандаты на право ареста и расстрела лиц, мешающих его сбору. В Вышне-Ольшанской волости 15 декабря со всех плательщиков налога взяли подпisku о его уплате в 48 часов²⁹². В Воловской волости было собрано 189 тыс. руб., но многие деревни отказались платить налог. Уездный уполномоченный Д. И. Хализов в течение трех дней - 18-20 декабря - проводил митинги в наиболее зажиточных деревнях - Липовец, Казаковка, Натальевка и Ивановка. 23 декабря уполномоченный с трудом (под страхом расстрела) созвал съезд волостных налоговых комиссий. Явились представители 14

сельских комиссий, на следующий день - еще 5, а 19 сельских комбедов и Советов уклонились от создания налоговых комиссий и явки на съезд. Хализов для наведения порядка считал необходимым расстрелять человек 60, в первую очередь членов этих комбедов и Советов, как якобы кулацких подголосков. Для сбора налога уполномоченный намеревался послать в Воловскую волость отряд с пулеметом²⁹³. Военно-приказная практика таких ретивых уполномоченных приводила к восстаниям крестьян. За незаконные действия многие члены налоговых комиссий Ливенского уезда были преданы суду, из них 8 человек осуждены на 10 лет²⁹⁴.

В Елецком уезде на применении репрессий при сборе чрезвычайного налога настаивал секретарь укома РКП(б) К.Гроднер²⁹⁵. 16, 23, 30 января и 20 февраля 1919 г. общие собрания коммунистов городской организации, на которых присутствовали представители волостей, обсуждали вопрос о ходе реализации налога²⁹⁶. Повторялось типичное для всей страны отношение крестьян к налогу: середняк вносит свою долю, а кулаки уклоняются от его уплаты. Входя в налоговые комиссии, они перекладывают свои обложения на середняков и бедноту. Только там, где сельские коммунисты проявили активность, удалось заставить кулаков внести кое-что. Но без репрессий кулаки налог не платили. В наиболее богатой волости, Краснополянской, на 23 января из 3170 тыс. обложения было собрано только 410,71 руб.²⁹⁷. В волости были неоднократные вооруженные выступления крестьян. Из Стегаловской, Никольской и других волостей неплательщиков доставляли в уездную ЧК. Их имущество конфисковывалось и распродалось²⁹⁸.

За месяц (18 декабря - 18 января) в Орловской губернии на почве чрезвычайного налога произошли три восстания - в Болоховском, Кромском уездах и Брянском районе²⁹⁹. В Курской губернии чрезвычайный налог вызвал восстание в Тимском и Новооскольском уездах. Агитация против него велась в Фатежском уезде. В Курском уезде многие комбеды считали, что обложению подлежат все, и требовали от финансового отдела разъяснить понятие "среднее крестьянство"³⁰⁰.

Ни в одном уезде к назначенному декретом сроку (15 декабря) не было собрано даже 5% налога. Но за два месяца - с 13 но-

ября по 18 января - его распределение и попытки сбора вызвали 26 восстаний в 13 губерниях: Вологодская, Пензенская, Орловская, Псковская, Костромская - по 3, Тульская, Калужская, Вятская, Московская - по 2, Смоленская и Курская - по 1³⁰¹.

Комиссия ВЦИК, работавшая в Вятской губернии в мае-июне 1919 г., выяснила, что чрезвычайный налог и мобилизации подорвали доверие крестьян к коммунистам и Советской власти. Подводя итоги обследования, председатель комиссии Ю. Стеклов отмечал, что выявленные недостатки и состояние деревни являются общими для всей страны. Комиссия признала ошибочность проведения некоторых мероприятий. "Когда мы раздеваем кулаков, - говорил Стеклов, - мы делаем неправильно", потребительский коммунизм ни к чему не привел. Он призвал отказаться от "раздевания кулаков и кустарей"³⁰².

НКВД располагал сведениями о трех восстаниях в Вологодской губернии, имевших место с 13 ноября 1918 по 18 января 1919 г. Но случаев выступлений против налога, убийств коммунистов и советских работников за два этих месяца было значительно больше. Только за декабрь в пяти уездах Вологодской губернии произошло 14 беспорядков и вооруженных выступлений. 3 декабря в Братковской волости был разоружен и арестован отряд чрезвычайной комиссии и члены исполкома, которые пытались собрать налог. В тот же день в Харинской волости недовольство обложением чрезвычайным налогом привело к аресту председателя волисполкома. Сход решил налог не платить, а исполком переизбрать. Сбор налога в волости приостановился. Крестьяне не дали произвести аресты неплательщиков, избили сотрудника чрезвычайной комиссии³⁰³. 6 декабря в Тотемском уезде произошло выступление мобилизованных, недовольных обложением их семей налогом. 10 декабря из-за налога был совершен самосуд над четырьмя служащими Заозерского волисполкома, а в Куракинской волости были убиты военный комиссар, член чрезвычайной следственной комиссии, и четыре члена комбеда, за что вскоре было расстреляно 10 крестьян³⁰⁴. В этом же уезде, в Косиковской волости, три дня происходили беспорядки и велась агитация за убийство военкома и коммунистов. В те же дни в Верхкокшенгской волости крестьяне, недовольные учетом хлеба и налогом, убили 16 продотрядовцев³⁰⁵.

Вологодский губернский Совет, не желая обострять обстановку, пошел навстречу крестьянству. Состоявшийся в конце декабря II губернский съезд Советов постановил, что средние крестьяне, имеющие 2 коровы на 6 человек и хлеба на весь год, обложению чрезвычайным налогом не подлежат³⁰⁶. Это означало, что большая часть крестьян Вологодской губернии освобождалась от непосильного бремени. Совет прекратил разорение крестьян. Решение съезда успокоило деревню. Вологодский губернский Совет был единственным в стране, понявшим вред репрессивных методов сбора чрезвычайного налога.

Пензенская губерния, как и Вологодская, была бедняцко-средняцкой, хотя она относилась к другому экономическому району - Поволжскому. Здесь налоговые комиссии, стремясь выполнить директиву центра, беспощадно выколачивали налог не только с середняков, но и с бедноты, продавая последнюю лошадь, единственную избу, разоряя крестьян. Во многих местах налог взыскивался с применением вооруженной силы. В Голицинской и Долгоруковской волостях Н. Ломовского уезда с 22 по 28 декабря налог собирал уездный отряд в 30 человек и специально мобилизованные для этого коммунисты. 25 декабря ими были арестованы 25 крестьян в селе Голицино и один в селе Долгоруково, как неплательщики и зачинщики беспорядков. Крестьяне этих сел сговорились не платить налог и перебить уездный отряд. Но неожиданно появившийся мокшанский отряд ЧК нарушил их планы. 26 декабря толпа долгоруковских крестьян поднялась с кольями на членов мокшанского отряда, выявлявших зачинщиков беспорядков. Выстрелы разогнали крестьян. Налог в этих (и других) селах был собран с помощью отрядов³⁰⁷.

Как уже говорилось, инструкции Наркомфина допускали применение репрессий в отношении "классовых врагов". Но круг этих врагов искусственно расширялся. Необоснованность налоговых сумм и сроков сбора приводили к разорению крестьян, к необходимости взимать налог силой, злоупотреблению приказами и принуждением.

Интересно письмо Г.И.Петровскому, присланное из Саранского уезда, типичного для Пензенской губернии. Его автор, А.Ивенин, вел революционную работу в уезде еще в 1900-1904 гг., а в начале 1919 г. оказался здесь по болезни. Обращаясь к нарко-

му внутренних дел, Ивенин писал: "Пользуюсь Вашим разрешением писать Вам лично о положении на местах... Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота. Повинны в этом всецело местные уездные власти, произвол которых в управлении не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик "расстреляю" раздается гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик „запорю". В некоторых деревнях так называемые коммунистические ячейки облагают отдельные дома обедами и потом берут с хозяев контрибуцию, за недостаточно вкусно изготовленный обед. Никакие возражения со стороны граждан не допускаются, и в особенности не любят здесь ссылок на декреты. Наскоро испеченные коммунисты совершенно неспособны разбираться в вопросах государственной политики, зачастую ведут, и при том вполне добросовестно, агитацию, безусловно вредную для дела действительного осуществления социализма. Раскладка налогов, производство реквизиций и конфискации совершаются вне каких бы то ни было соображений целесообразности с точки зрения осуществляемых центральной властью социальных идеалов. Производят же все это люди, до революции известные местному населению с самых дурных сторон, люди зачастую с уголовным прошлым. О полном отсутствии гарантии личной неприкосновенности и говорить не приходится: сами действия уездных властей вопиют об этом... Недовольство народа местными властями все увеличивается и весной может вылиться в бурные формы"³⁰⁸. Выход автор письма видел в усилении "самой суровой диктатуры социалистического центра над безусловно несоциалистическими властями... путем немедленного устранения лиц, неспособных по складу своего мышления понять смысл и значение, внутренний характер и главную этическую ценность социалистической политики"³⁰⁹.

Объективность анализа положения в деревнях Саранского уезда, данного в письме Ивенина, подтверждается материалами III Пензенской губернской конференции РКП(б), состоявшейся в середине декабря 1918 г. В докладе секретаря Саранского укома партии Герцовской отмечалась слабость организации (два меся-

ца назад уездная организация была распущена) и неблагополучие в советских учреждениях. Но и у самих руководителей уездной организации не было четкого понимания предназначения чрезвычайного налога и методов его сбора³¹⁰.

Вологодская, Орловская, Вятская, Пензенская губернии не были исключениями. Подобные методы практиковались и в деревнях Центрально-Промышленного района. На этой почве в Московской губернии в ноябре-декабре было зафиксировано два восстания, причем в Можайском уезде в мятеже участвовала и деревенская беднота³¹¹. На 20 февраля 1919 г. из Волоколамского уезда в губернский исполком поступило 1355 жалоб на раскладку налога. Поступление налога в уезде было крайне слабое - около 2 тыс. руб.³¹²

Одной из характерных особенностей сбора чрезвычайного налога было лучшее его поступление из бедных и средних по зажиточности волостей и уездов. С наибольшей полнотой это можно проследить по материалам Нижегородской губернии. Здесь губернская печать регулярно информировала население о мероприятиях по сбору налога и результатах по уездам. По итогам на 26 января, 15 марта и 25 июля 1919 г. наибольшие сборы дали - Павловский и Семеновский уезды³¹³. Здесь выступлений против налога не было, хотя агитация против него в декабре велась³¹⁴. Из других уездов поступала масса жалоб на неправильность обложения. К неплательщикам применялись меры принуждения: их отправляли на общественные работы, описывали имущество. Из каждых 10 неплательщиков одного предписывалось арестовать³¹⁵. Для выявления причин слабого поступления налога 16 апреля 1919 г. было проведено объединенное заседание губисполкома, губкома РКП(б), совета профсоюзов и представителей районных комитетов. В докладе губернского отдела финансов отмечалось неверное понимание декрета и особенно неправильные меры по его взысканию, что на почве общего недовольства могло способствовать контрреволюционному движению, объединению бедноты и кулаков³¹⁶.

Много жалоб на неправильное обложение и непосильные ставки поступало от крестьян Симбирской губернии. Здесь во многих волостях не соблюдался классовый принцип раскладки. К тому же местные власти к 100 млн руб., разверстаных Народ-

ным комиссариатом финансов, добавили еще 30 млн на свои нужды. Сбор налога по уездам шел неравномерно, давая от 6 до 40% плана³¹⁷. В Сенгилеевском уезде из 17,5 млн руб. было собрано 2,4 млн³¹⁸. В Свияжском уезде, разоренном войной, население подало 15 544 жалоб и заявлений на невозможность уплаты налога³¹⁹. В Симбирском уезде из 170 тыс. жителей обложению подлежало лишь 8892 человека (5,2%). К 15 млн руб. по плану уездные власти добавили еще 15 млн. Из них 20% легло на среднее крестьянство, которое внесло налог почти без репрессий. Как везде, кулаки уклонялись от уплаты. По уезду было произведено 25 арестов, 33 продажи имущества в зачет налога. Злоупотребления отмечены в одном случае, за что виновный комиссар был отдан под суд. По поводу налога поступило 175 жалоб, из них удовлетворено 4, отказано 68, 94 оставлены на рассмотрение волостей. Жалобы подавались в основном бедняками, ошибочно обложенными налогом. Но удалось собрать лишь 1,2 млн руб., т.е. всего 6%. Взыскание было прекращено в связи с развитием восстания в соседних уездах. Представитель Наркомфина Порш, обследовавший уезд, докладывал председателю ВЦИК М.И.Калинину, что полного расслоения населения налогом не получилось³²⁰.

Поскольку с мест в правительственный аппарат шли тысячи жалоб от трудящихся на разорение их хозяйств непосильным обложением, 10 января 1919 г. Наркомфин опубликовал циркуляр о недопустимости разорения хозяйств среднего достатка. За невыплату налога запрещалось продавать семена, скот, орудия труда, необходимые в хозяйстве, а также хлеб, овощи, топливо, обычную одежду и домашнюю утварь³²¹.

12 марта 1919 г. на заседании Петроградского Совета в речи и ответах на записки Ленин акцентировал внимание на отношении правительства к крестьянину-средняку, осуждая насилия по отношению к нему: "Мы против насилия над средними крестьянами, мы за соглашение с ними, за уступки"³²². Отвечая на записку о том, что чрезвычайный налог ложится на середняка, Ленин признал, что поступает очень много жалоб по этому поводу. Им было дано задание ЦСУ провести пробное обследование нескольких волостей для выяснения, как крестьяне распределили этот налог³²³. По данным председателя ЦСУ Попова, налог в

большинстве случаев крестьяне распределяли справедливо. Ленин напомнил о классовом характере налога, но признал, что трудно точно определить состоятельность каждого крестьянина и возможны ошибки³²⁴.

Практика, как было показано выше, порождала большее количество "ошибок" в реализации чрезвычайного налога, чем это смогло выявить обследование нескольких волостей. Не считаясь с этим Советское правительство не могло, и 9 апреля 1919 г. декретом ВЦИК были введены льготы средним крестьянам по уплате налога. Декрет констатировал, что большинство середняков добровольно внесло свою долю. Это давало основание считать, что не уплатившее меньшинство было обложено ошибочно. Невнесенные небольшие суммы обложения кассировались. Освобождались от налога и хозяйства, обложенные 1-3 тыс. руб. Ряду категорий крестьян налог значительно уменьшался. Хозяйства, обложенные свыше 15 тыс. руб., должны были внести деньги в две недели, в противном случае они предавались суду "за неподчинение Советской власти"³²⁵.

Финансовые итоги сбора 10-миллиардного чрезвычайного налога были более чем скромными. К концу 1920 г. поступило 1,6 млрд руб.³²⁶ Максимальные показатели дали Вятская, Казанская и Симбирская губернии - 51-84%. Чрезвычайный налог, разоряя средних крестьян, нивелировал их с беднотой, усиливая обнищание деревни и рост недовольства.

Конец 1918 г. ознаменовался нарастанием протеста крестьян против беззаконий и злоупотреблений революционных властей, против грубого диктата и насилий нарождающейся военно-коммунистической системы. Копившееся недовольство крестьян в ноябре-декабре вылилось в массовые восстания.

4.5. Новая волна крестьянских восстаний. Ликвидация комбедов.

2 сентября 1918 г. ВЦИК Советов принял постановление о превращении страны в военный лагерь. Он призвал трудящихся отдать все силы священному делу вооруженной борьбы против врагов социализма. 11 сентября Революционный Военный Совет республики объявил о повсеместной мобилизации в Красную Армию бывших офицеров, унтер-офицеров, военных чиновни-

ков, чиновников, медицинского персонала и молодежи 1898 г. рождения. Призыв новобранцев должен был проводиться в течение месяца - с 15 октября по 15 ноября³²⁷. 22 сентября последовал приказ о призыве в Красную Армию рабочих и крестьян пяти возрастов (1897-1893 гг. рождения). Его проведение было отложено до конца октября - начала ноября с тем, чтобы крестьяне закончили полевые работы. Это был первый массовой призыв крестьян в армию в губерниях Центральной части страны.

Мобилизационные резервы крестьянства центральной России были огромными. К 1 ноября в Московском военном округе (Московская, Смоленская, Витебская, Калужская, Рязанская, Тамбовская губернии) они были использованы лишь на 15%³²⁸, прежде всего за счет рабочих, унтер-офицеров, солдат специальных служб, добровольцев. Массовые призывы крестьян не проводились и в других округах этой части страны.

Осенью 1918 г., как полагало руководство, в стране создались благоприятные условия для вовлечения крестьян в Красную Армию. Считалось, что позиции диктатуры пролетариата в деревне упрочились, обозначились успехи в партийном строительстве на селе, создании волостного военного аппарата, стал налаживаться учет военнообязанных, началось обучение военному делу трудящихся крестьян. Комбеды активизировали бедноту. Информация военных органов, исполкомов Советов и съездов комбедов говорила о том, что к октябрю население большинства волостей относилось к Советской власти положительно³²⁹.

Одним из показателей позитивных сдвигов в настроении крестьянства было усиление притока в армию добровольцев из деревни. Только Самарская губерния в сентябре-октябре дала 10 тыс. добровольцев³³⁰. Осенью крестьяне Поволжья определенно поддерживали хлебную монополию и Красную Армию. За две недели октября в Московском военном округе число добровольцев увеличилось более чем вдвое: с 55 978 до 127 125 человек³³¹. Усиление притока добровольцев в период объявленной массовой мобилизации в некоторой степени объясняется корыстными мотивами: семьи добровольцев получали льготы. Заключительным аккордом добровольческого формирования Красной Армии было создание полков из комбедовского актива.

Формирование частей из добровольцев комбедов продолжалось шесть месяцев, до апреля 1919 г. К этому времени из актива бедноты было создано 11 полков, несколько отдельных батальонов, рот и отрядов. Общая их численность достигла 40 тыс. человек³³², т. е. 8% от полумиллионного актива, если считать среднюю численность комбедов по 3-4 члена. К концу же года полки деревенской бедноты насчитывали лишь 10,5 тыс., т. е. 2% комбедовского актива. Из многих губерний Центральной России сведений об этих формированиях не поступало.

В историографии создание полков деревенской бедноты подается обычно, как убедительное проявление роста классовой сознательности и героизма трудящегося крестьянства. Однако незначительность их общей численности не дает достаточных оснований для такой оценки. Выделение наиболее сознательной части пролетарского актива в особые части имело больше отрицательных, чем положительных последствий, проявившихся во время массовой мобилизации крестьян. Без актива бедноты социальный состав большинства новых формирований был представлен в основном средними крестьянами, что делало полки политически неустойчивыми.

Мобилизации начались с Петроградского военного округа. 30 августа был объявлен призыв рабочих и крестьян 1896-1897 гг. рождения и бывших унтер-офицеров 1893-1895 гг. рождения по Петроградской губернии, а 17 октября он был распространен на весь округ. Призыв рабочих прошел без осложнений. Крестьяне же не понимали, зачем их отрывают от семьи и хозяйства, с кем и ради чего ведется война. Восстания призывников произошли в 13 уездах: Выборгском, Вышегорском, Каргопольском, Лужском, Новолодожском, Новоржевском, Опочецком, Петергофском, Порховском, Псковском, Торопецком, Холмском, Ямбургском. Был убит заведующий агитационно-вербовочным отделом Ямбургского уезда Липпо. Комиссар Красногородской волости Опочецкого уезда Егоров после пыток был повешен, облит бензином и сожжен³³³.

Для ведения разъяснительно-агитационной работы Псковский губком послал в уезды 75 руководителей. Коммунисты волостных ячеек первыми отправлялись на фронт³³⁴. Мобилизация в губернии прошла с наибольшим успехом. Нельзя, конечно, не

учитывать, что крестьяне Псковской губернии уже имели возможность понять, что значит для них утрата Советской власти и возвращение помещиков. Поэтому на октябрьский призыв откликнулось вдвое больше крестьян, чем предполагалось: вместо 6168 явилось 12 845, из них в армию было принято 9622 человека. По пяти мобилизациям, проводившимся в ноябре - декабре, вместо 2905 призывников явились 9911, из них было принято 7675 человек³³⁵. Всего в Петроградском округе за октябрь - декабрь в армию пошли 99 891 рабочих и крестьян³³⁶.

Результативной была осенняя мобилизация в Уральском военном округе. Из многих уездов - Кунгурского, Красноуфимского, Глазовского, Слободского, Котельнического, Яранского - в сентябре сообщали о сознательном отношении к призыву трудящегося крестьянства и революционном настроении новобранцев³³⁷. Здесь крестьяне уже приобрели практический опыт участия в гражданской войне. На 15 ноября в округе были призваны 64 662 человек, в основном из Вятской губернии³³⁸.

Но ошибки при проведении призыва, особенно несоблюдение классового подхода, вскоре дали о себе знать. 24 сентября из III армии сообщали, что контрреволюционные элементы заражают своей агитацией крестьянские части, ухудшая настроение и превращая их в ненадежные³³⁹. В ряде формирующихся частей имели место мятежи. Общекрестьянские полки, разлагаемые антисоветскими агитаторами, не проявляли стойкости в боях. 21 рота и весь состав I-го советского полка перешли на сторону противника³⁴⁰.

В губерниях Центральной России в сентябре-октябре спокойно и результативно прошла мобилизация 20-летних, а также ранее служивших на флоте. Но слабым был второй призыв бывших унтер-офицеров и фельдфебелей. В Пензе, в уездах Тамбовской, Тульской, Тверской, Костромской, Курской, Псковской, Новгородской губерний имели место их выступления³⁴¹. Орловский военный округ в докладе РВСР и Совету Обороны признал эту мобилизацию унтер-офицеров неудовлетворительной³⁴². В их среде всегда оказывалась небольшая, но активная антибольшевистская прослойка. Волнения и бунты прекращались разъяснительной работой, арестом агитаторов, обеспечением призванных пищей и обмундированием.

Казалось, ничто не предвещало массовых выступлений мобилизованных крестьян. Резолюции партийных конференций, съездов Советов и комбедов говорили об успехах в борьбе с классовыми врагами. Но Высшая Военная инспекция, проводившая обследование округов накануне массового призыва крестьян, отмечала в докладе, представленном РВСР и Совету Обороны 5 ноября 1918 г., что в Московском военном округе массовая мобилизация не вызывает революционного энтузиазма, а порождает довольно сильную струю недовольства. Одну из причин этого она видела в слабости партийной работы. "Как общее правило, - писал Н.И.Подвойский, - в деревне нет еще организованных групп, проникнутых коммунистическим миропониманием и способных руководить общественным мнением в каждый данный момент. Те немногочисленные партийные ячейки, о которых читаем в отчетах губкомпарт и укомпарт, являют собой пока что только эмбрионы будущих влиятельных партийных объединений. Влияние их во многих случаях пока недостаточно. Поэтому политическое настроение деревни носит неустойчивый, изменчивый, легко всколыхивающийся характер. Сегодня целая волость собирается под красные знамена для торжественного празднования Октябрьской годовщины, а завтра эта же волость под влиянием случайного кулака-агитатора идет громить Советы и комбеды"³⁴³.

Очень остро стоял вопрос обеспечения армии обмундированием, продовольствием, оружием, жильем. Из-за их отсутствия в ряде мест приходилось распускать мобилизованных по домам. Голод побуждал новобранцев к самовольным отлучкам.

Многие тыловые губернские и уездные ЧК, взяв сотни заложников, тем не менее не ведали об активизации контрреволюционного подполья и о том, что к ноябрю во многих уездах белогвардейцы создали подпольные штабы, организовали диверсионные группы для разрушения железнодорожных путей и мостов, нарушения телеграфной и телефонной связи, что в деревнях распространялись антисоветские воззвания и контрреволюция готовилась восстаниями крестьян отметить годовщину пролетарской революции.

В ноябре-декабре в 138 уездах Европейской части России произошли восстания с участием мобилизованных крестьян³⁴⁴. С 1 по

25 ноября восстания имели место более чем в 80 уездах. Мобилизованные крестьяне были вовлечены в движение в 11 из 12 уездов Рязанской губернии, в 7 из 12 Тамбовской, в 9 Смоленской. По шесть уездов было охвачено восстаниями в Калужской, Костромской губерниях, по четыре - во Владимирской, Московской, Тульской, Череповецкой и т. д.

В Рязанской губернии восстания начались 1 ноября с Михайловского, Касимовского, Спасского, Сапожковского, Пронского, Раненбургского уездов, захватив вскоре и остальные, кроме Егорьевского. Это было неожиданностью для губернских и уездных властей. Еще недавно рязанский губвоенком доносил в Москву о широкой разъяснительной работе в уездах, успешной подготовке к мобилизации, удовлетворительном учете и военном обучении населения. Состоявшийся в октябре съезд Советов рапортовал о благополучии на местах, хотя в ВЦИК и ЦК РКП(б) поступали тревожные сигналы из уездов.

Одновременность выступлений, единые методы борьбы и лозунги свидетельствовали, по мнению властей, о координации выступлений из одного центра, наличии опытного военного руководства. Главными организаторами восстания в Рязанской губернии были признаны миллионер Прохоров и офицеры, многие из которых служили в военных комиссариатах и милиции³⁴⁵. Вскоре выяснилось, что руководители движения стремятся не только к срыву мобилизации, т. е. лишению Красной Армии резервов, но и к разрушению ее тыла, коммуникаций, по которым идет снабжение Южного фронта и доставляется продовольствие Москве и потребляющим губерниям.

1 ноября в г. Михайлове мобилизованные и проходившие военное обучение крестьяне, захватив оружие, разошлись по уезду, громя Советы и комбеды, отказывающиеся присоединиться к ним. Арестованных советских работников восставшие собрали в школе на станции Виленки и готовили над ними расправу³⁴⁶. Советы Михайловского уезда присоединились к восставшим. Средние крестьяне и беднота во многих местах поддержали выступления мобилизованных³⁴⁷. В Плахинской волости возглавил штаб восстания председатель волсовета Туманов, а его помощниками были матрос-дезертир из Кронштадта Никитин и местный дьякон. В селах Ижевском, Новом и Старом Киструссе штабами мя-

тежников руководили местные военруки Мельников, Любомиров, инструктор всеобуча Тарасов, учитель Ракчеев, левые эсеры Гутков и Макшин, бывшие офицеры Чельцов, Николаев, Алексеев³⁴⁸. Общее руководство осуществлял штабс-капитан Голубкин. На 12 ноября в восстание было втянуто 20 волостей уезда³⁴⁹. Отряд уездного Совета был разбит повстанцами в первые же дни. Город Михайлов был окружен многотысячными толпами крестьян, вооруженных вилами и топорами.

Во всех уездах повстанцы собирались вокруг уездных городов, но захвачен ими был только Касимов. 1 ноября собранные здесь новобранцы стали требовать вооружения и обмундирования, одновременно заявляя о нежелании идти на войну. Часть из них удалось посадить на пароход и отправить в Рязань. Но подбиваемые провокаторами мобилизованные высадились в Туме, вооружились, разогнали местный Совет и направились в Касимов. Оставшиеся в Касимове мобилизованные также вооружились и вместе с прибывавшими новобранцами из Тумы осадили уездный исполком. Ими был убит уездный военный комиссар Плюхин. Разойдясь по уезду, повстанцы стали разгонять Советы и убивать неугодных им членов. Угрозами расстрела и поджога домов восставшие принуждали крестьян идти к городу. Всюду распространялся слух о падении Советской власти в Москве, Петрограде, где якобы уже другая "народная власть". Вместо Советов создавались волостные и сельские управления из кулаков, солдат и офицеров. За неделю восстание охватило 10 волостей, т. е. половину уезда. Центром стало село Занины-Починки.

2 ноября солдатским собранием Занинской волости было создано управление, первым постановлением которого было: мобилизовать всех 20-35-летних и создать из них партизанский отряд. Было предписано задерживать всех сочувствующих коммунистам. Разрешалась свободная торговля. По селам был разослан приказ, предписывавший немедленно отобрать у бывших комбедов документы и передать их новой власти. Чтобы старая власть не вернулась, всем гражданам 18 - 40 лет приказывалось вооружиться и с двухнедельным запасом провизии явиться на сборный пункт в с.Занины-Починки. За неявку приказ грозил жестокой расправой³⁵⁰. Восстание было ликвидировано к 14 ноября, но из этого уезда оно перекинулось в Спасский и

Елатьмский уезды Тамбовской губернии и Меленковский уезд Владимирской губернии³⁵¹.

Наибольшей жестокостью отличалось восстание в Сапожковском уезде, где охватило 8 волостей. Здесь к 6 ноября было убито 40 коммунистов, членов Советов и комбедов. Особенностью восстания было участие в нем комбедов. Повстанцы захватили оружие из военкоматов и обоз с 300 винтовками. Выступление было ликвидировано к 18 ноября³⁵².

В Спасском уезде восстание, как в Касимове и Михайлове, началось с отказа идти на фронт и самовольного ухода мобилизованных из города. В движение была втянута и беднота 7 волостей. Штабы повстанцев здесь, по данным советских источников, состояли из левых эсеров и офицеров. Восстание началось во время уездного съезда, на котором было представлено 80 коммунистов и 75 левых эсеров³⁵³. Секретарь уездного комитета РКП(б) В.Новиков в своем докладе о событиях в уезде приукрасил состояние политического просвещения крестьянства, руководство Советами и комбедами. Об истинных настроениях крестьян уком партии не был осведомлен. Только когда на съезде выяснилось угрожающее положение, фракция коммунистов создала отряд для борьбы с восстанием³⁵⁴. На съезде фракция левых эсеров не спешила отмежеваться от восставших. Часть ее разошлась по волостям, став членами повстанческих штабов³⁵⁵. 14 ноября в с. Киструсь был взят уездный штаб мятежников, в состав которого входили левые эсеры из волостных военных руководителей и милиционеров³⁵⁶.

Активно участвовали в антикоммунистическом движении левые эсеры в Раненбургском уезде, где в восстание были втянуты почти все волости. Движение организовывалось на средства зажиточных крестьян³⁵⁷. Здесь в рядах уездной организации РКП(б) было много проходимцев. Воровство, взяточничество, пьянство, совершаемое работниками Советов - "коммунистами", привело к тому, что это слово среди крестьян стало ругательным. Почва для восстания была создана их злоупотреблениями. После подавления выступления лица, дискредитировавшие РКП(б), были преданы суду³⁵⁸.

В Пронском уезде восстание проходило по общему шаблону, но здесь главными руководителями, по данным официальных ис-

точников, были помещики: штабс-капитаны Слюз и Селезнев. Последний устроил штаб восстания в своем имении³⁵⁹.

12 ноября нарком внутренних дел Г.И.Петровский просил Рязанский губисполком объяснить причины восстаний и принять меры к их подавлению. Председатель губисполкома отвечал, что толчком к восстаниям послужила мобилизация: "Положение губернии серьезное. Волна восстаний прокатывается по Тамбовской губернии, всей Рязанской, носит характер крестьянских повстанческих движений. Меры подавления принимаются самые решительные... прибыла значительная помощь центра"³⁶⁰.

Губернским военным комиссарам Шуковскому и Гусарову, как и другим должностным лицам, была свойственна самоуспокоенность и недооценка серьезности происходящего в уездах. Получив тревожные сведения, Гусаров ограничился посылкой в некоторые уезды агитаторов и приказов о принятии решительных мер. В уезды посылались небольшие отряды, но связи с ними губвоенком не имел. Отряды были разбиты повстанцами. В Алексеевской волости Касимовского уезда отряд губвоенкома был взят в плен, в Михайловском уезде отряд ЧК из 20 человек уничтожен крестьянами³⁶¹. В Сапожковском уезде толпой был растерзан командир взвода ЧК Кузнецов³⁶² и т. д. Сил в губернии явно недоставало, но Гусаров отказался от помощи МВО, упустив время и возможность ликвидировать восстание на начальной стадии. Только 7 ноября в губернии было введено военное положение, в уездах созданы военно-революционные Советы и сформирован отряд в 1 тыс. человек³⁶³. Вскоре МВО пришлось значительно увеличить карательные отряды, доведя их численность до 100-650 человек на уезд³⁶⁴. Для снятия осады уездных городов, взятия укрепленных селений, где размещались штабы повстанцев, проводились настоящие военные операции. Командиры отрядов, посланных на ликвидацию восстаний, отмечали, что, как правило, толпа повстанцев "испарялась", как только издали слышала выстрелы; "крестьяне не выносят стрельбы, особенно пулеметной"³⁶⁵.

Советские органы проводили расследования обстоятельств крестьянских восстаний. Как общее явление следственные комиссии отмечали оторванность губисполкомов и губкомов РКП(б) от деревни, их неумелую работу. В докладе о причинах

восстания в Касимовском уезде одной из первых называлось не продуманное постановление уездного исполкома об упразднении волостных и сельских Советов и замене их комбедами. По указанию губернского исполкома оно было отменено. Но двойная реорганизация вредно отразилась на работе Советов и настроениях крестьян. Комиссия отмечала безнравственные действия некоторых советских работников, злоупотреблявших властью, неправильно толковавших декреты. Обращалось внимание на слабую политическую работу коммунистов, не проводивших борьбы с агитацией кулаков, белогвардейцев, эсеров, меньшевиков, монархистов и черносотенцев³⁶⁶.

Большое значение в ликвидации восстаний имела разъяснительная работа, помогавшая крестьянам понять, куда их тянула контрреволюция. Так, общее собрание представителей селений Бахмачеевской волости Михайловского уезда 14 ноября после доклада агитатора Перцова единогласно постановило: выдать всех подстрекателей и зачинщиков выступления, добровольно сдать оружие и указать, кто скрывает его. Собрание заявило, что оно признавало и признает Советскую власть. Было постановлено "возобновить праздник Великого Октября, во всем помогать Советской власти". Крестьяне решили провести учет 18-50-летнего населения и по первому призыву явиться на защиту рабоче-крестьянской власти. Общее собрание с.Плахина 13 ноября представило начальнику отряда Красной Армии, находившемуся в с.Бахмачеево, "мирное заявление", в котором сообщалось о ликвидации восстания и горячем приветствии Советской власти. Крестьяне клеймили позором авантюристов, "затуманивших их темные головы преступными призывами". Они просили прислать не карательный отряд, а агитаторов, "для направления наших мыслей по пути Советской политики"³⁶⁷.

На многотысячных собраниях крестьяне откровенно говорили о своих бедах и заботах. Много претензий высказывалось в адрес уездных Советов, о которых у крестьян создавалось представление как о скопище саботажников, игнорирующих волю крестьян, освобождающих явных контрреволюционеров, арестованных в деревне. Жители Токаревской волости заявили, что только из-за этого сошлись с кадетами и кулаками³⁶⁸.

В уездах была проведена проверка деятельности исполкомов. Выяснилось, что в Скопине председатель Совета расстрелял 11 заложников. В Касимове председатель Совета арестовал и расстрелял президиум съезда за то, что не был избран в его состав³⁶⁹. Лица, злоупотреблявшие властью, были преданы суду.

В соседней с Рязанской губернией - Тамбовской, выступления мобилизованных начались с конца октября на почве злоупотреблений и насилий при реквизиции хлеба. С 5 по 21 ноября восстания мобилизованных проходили в Кирсановском, Козловском, Лебедянском, Моршанском, Спасском, Тамбовском, Шацком уездах. Они начались, когда на фронте против Краснова развернулись ожесточенные бои.

О неблагополучии в организации Красной Армии в Тамбовской губерний правительству и Всероссийскому Главному штабу было известно как по результатам июньской мобилизации, так и по докладам инспекторов, обследовавших осенью деятельность губвоенкомата. К осенней мобилизации учет военнообязанных не был закончен, его данные не отличались точностью, призыв нетрудовых элементов в тыловое ополчение не дал практических результатов (510 человек), а в северных уездах лица этой категории населения не были даже взяты на учет³⁷⁰. Все объявленные в губернии мобилизации проходили крайне слабо и медленно, в октябре в Борисоглебске произошел мятеж унтер-офицеров³⁷¹. Докладывая о ноябрьских восстаниях, губвоенком называл причины. Они были общие для всех губерний: недовольство реквизициями и чрезвычайным налогом, возмущение деятельностью некоторых представителей Советской власти, непонимание декрета об отделении церкви от государства, нежелание идти в армию.

Наиболее массовыми восстания были в уездах, где экономическое положение населения было удовлетворительным или хорошим. Считалось, что отношение населения к Советской власти здесь, как и везде: рабочие и деревенская беднота за Советскую власть, средние крестьяне - нейтральны, зажиточные - по большей части враждебны³⁷². Но эти оценки были опровергнуты в первые же дни восстания. В Шацком уезде в нем участвовали не только средние крестьяне, но и часть бедноты. Движение в уезде шло под эсеровскими лозунгами и началось одновременно

с соседним Касимовским уездом. 30 октября, когда был объявлен сбор мобилизованных 1897 г. рождения, на призывные пункты явилось 200 человек вместо ожидаемых 800. В некоторых волостях мобилизованные были распущены волостными военкомками, остальные разошлись самовольно. На запрос уездного военного комиссара, что делать и как поступать с активными выступлениями, и можно ли применить оружие для сбора разбежавшихся мобилизованных и расстрелы на месте агитаторов против Советской власти и призыва в Красную армию, из Тамбова был получен одобряющий ответ губвоенкома. Он подтверждал право расстреливать на месте антисоветских агитаторов и активных противников мобилизации. В волости, отказывающиеся от призыва, предписывалось направлять карательные отряды³⁷³.

3 ноября председатель уездного исполкома Хлыстов сообщал губвоенкому, что проведение мобилизации осложнилось. Сопровождение переросло в восстание, охватившее несколько волостей. Высланные отряды отступают под давлением хорошо вооруженных повстанцев. Шацк окружен, имеющихся сил недостаточно. Губвоенком рекомендовал не останавливаться перед расстрелами и самым решительным образом карать восставших³⁷⁴. 4 ноября после длительного боя повстанцы были отогнаны от уездного города³⁷⁵. 7 ноября в Шацк прибыли отряды, направленные штабом Восточного фронта из Пензы (525 человек) и из Моршанска³⁷⁶, которые и подавили восстание.

В Моршанском уезде, по мнению властей, четко прослеживалась связь восставших призывников с армией Краснова. Восстание вспыхнуло одновременно во всех селах. Выдвигавшиеся требования Учредительного собрания ясно указывали на правоэсеровское руководство восставшими³⁷⁷. Самоуправства комбедов облегчали эсерам антисоветскую пропаганду.

Характерные особенности движения наглядно прослеживаются по материалам Краснополянской волости, ставшей одним из центров восстания в Моршанском уезде. 12 ноября в волости появился отряд братьев Меркуловых из с.Отьясы. Здесь они были поддержаны бывшими земскими начальниками Крымским и Васильевым и четырьмя офицерами - Сахаровым, Николаевым, Дмитриевым, Соколовым - сыновьями священников, которые объявили себя диктаторами и руководителями мятежа. Создан-

ные ими отряды врываются в села, набатом созывали крестьян, заявляя, что они из армии Краснова. Была восстановлена свободная торговля хлебом, скотом и всеми товарами, разрешена бесплатная и неограниченная рубка леса. После этого каждому обществу предлагалось составить протокол о присоединении к восстанию, в противном случае грозили сжечь селение. Священники благословляли повстанцев на борьбу с коммунистами. В движении приняло участие большое число крестьян, хотя многие шли под давлением и угрозами. Мятеж в уезде был хорошо организован. Каждый домохозяин обязывался поставить определенное количество продуктов и лошадей. Кузнецы ковали пики. Разрушались мосты и средства связи³⁷⁸. Однако ряд сел, где оказались крепкие ячейки РКП(б) и сплоченные Советы, не злоупотреблявшие властью, отказались присоединиться к восстанию. Для защиты Советской власти там создавались отряды. В селах Токаревка и Знаменка такие отряды насчитывали по 100 человек³⁷⁹.

Повстанцы собирались вокруг станции Верды-Ягодное. Из Калуги и Моршанска сюда были посланы советские отряды с двумя броневиками и пулеметами, но 9 ноября они были разбиты мятежниками у станции Фитингоф, что способствовало распространению восстания на весь уезд. Тысячные толпы, руководимые офицерами, двинулись к Моршанску, разрушая железнодорожный путь, занимая станции³⁸⁰. На 10 ноября только в северо-восточной части уезда собралось до 12 тыс. повстанцев с 6-7 орудиями и 10 пулеметами. Отряду Красной Армии пришлось отступить³⁸¹. 16 ноября губвоенком рекомендовал отрядам, направленным на подавление восстания в уезде, произвести публичные расстрелы арестованных и впредь расправляться с повстанцами самым решительным образом³⁸².

Восстание в Тамбовской губернии было ликвидировано частями Красной Армии и продовольственной дивизии. К 20 ноября большинство очагов было подавлено, за исключением района у границ Тамбовского, Моршанского и Кирсановского уезда, где штаб мятежников укрылся в с.Большое Гагарино. 21 ноября губвоенком Шидарев сообщил, что штаб и главные силы повстанцев окружены³⁸³. Партийные организации уездов потеряли много коммунистов, убитых и замученных повстанцами. Большой урон был нанесен комбедовскому и советскому активу.

Отдел управления губисполкома при участии члена ВЦИК Ж.А.Миллера создал комиссию, которая обследовала деятельность учреждений губернии и следующим образом представила причины восстания. Прежде всего был отмечен организованный характер выступлений, выявлена широкая связь штаба восстания с волостями через эсеров и попов. Обращалось внимание на то, что борьба велась с применением правил военного искусства. В центре внимания руководителей восстания была железная дорога, обеспечивавшая Южный фронт. Офицеры стремились создать из повстанцев "Народную армию" наподобие армии Кому-ча. Среди причин, вызвавших столь массовое движение, кроме подпольной агитации врагов Советской власти, была названа деятельность отдельных работников из советского и партийного аппарата, ЧК и комбедов. Эти компрометирующие власть работники "нередко, не уясняя себе точно своих прав и обязанностей, превышали свою власть", были грубы, нарушали интересы среднего крестьянства. Шквал реквизиций, контрибуций и штрафов, растраты народных денег, пьянки, кулачные расправы и пр. терроризировали бедноту и среднее крестьянство и в значительной степени явились причиной восстания³⁸⁴, признала комиссия.

Правительство придавало большое значение выяснению причин восстаний, социального состава участников, их организаторов. 12 ноября нарком внутренних дел в предписании губисполкомам отмечал, что "восстания, вспыхивающие за последнее время в городах, уездах, волостях и селениях различных губерний, имеют какую-то еще не вполне выясненную связь между собою, которая придает им характер как бы единого контрреволюционного фронта. Такой характер носят восстания в смежных губерниях: Владимирской, Рязанской, Тамбовской и др." Г.И.Петровский требовал выяснить, чем вызваны выступления: действиями и распоряжениями местной власти, ее отдельных представителей, продовольственным кризисом, хлебной монополией, мобилизацией или недовольством общей политикой Советской власти. Нарком интересовался партийностью и классовой принадлежностью контрреволюционных агитаторов, связью восставших с иностранными империалистами, источниками финансирования, целями и лозунгами движения, его организованностью, размахом, мерами ликвидации мятежей³⁸⁵.

Согласно документам, присланным в НКВД, ВЦИК и военные ведомства, организаторами восстаний были офицеры, помещики, кулаки; основную массу восставших составляли среднее крестьянство и частично беднота. Причины восстаний везде были одинаковы: недовольство действиями местной власти, ее злоупотреблениями, искажениями политики правительства. "Причину участия среднего и беднейшего крестьянства в восстаниях, - докладывал заведующий отделом печати НКВД В.Н.Селицкий, обобщая материалы прессы за ноябрь-декабрь, - нужно искать в действиях многих комбедов, в состав которых входит местное кулачество. Например, во многих деревнях Рязанской губернии комбеды ухитряются раскладывать налог (чрезвычайный - Т. О.) в обратной пропорциональности: чем беднее крестьянин, тем больше он платит"³⁸⁶.

Чем ближе губернии находились к линии фронта, тем сильнее была организованность антисоветского движения. Согласно обнаруженным следственными комиссиями документам в Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Тульской губерниях действовали агенты донской контрреволюции и Краснова. В Вятской, Пермской, Симбирской - действовали агенты Колчака, в Смоленской, Новгородской, Псковской - агенты Северной армии белых и Булак-Балаховича, изменившего Советской власти. Восстания мобилизованных крестьян представлялись как составная часть общего плана контрреволюции, предусматривавшего разрушение тыла Красной Армии, нарушение единства тыла и фронта, лишение армии резервов, разрушение транспортных магистралей и средств связи фронта и тыла.

Много надежд белогвардейцы возлагали на восстания в Западной области. Выступления здесь начались с уездов, где было сильным влияние левых эсеров: сначала в Духовщинском, Поречском, Велижском, затем в Витебске и Смоленске. Движение началось 4 ноября, а к 11 ноября почти вся губерния была охвачена восстанием. Западный облизполком и Смоленский губисполком, надеясь справиться своими силами, своевременно не информировали правительство о происходящих в области событиях.

В Духовщинском уезде восстание началось 8 ноября с Шилевичской волости, а 9 в него уже включилось четыре волости.

Пять тысяч повстанцев двинулись свергать власть в Духовщине. Город был захвачен, но уже 10 ноября мятежники были разогнаны. Широкий размах движение приняло в Поречском и Сычевском уездах, где были уничтожены все дела волостных военкоматов, разогнаны Советы. В Поречском уезде свирепствовала банда братьев Жигаловых, вырезавшая членов Советов и комбедов³⁸⁴.

Руководители восстания в Гжатском и Вяземском уездах рассчитывали нарушить сообщение с Москвой и изолировать Западную область от центра. Через Гжатск они держали связь с мятежниками Медынского и Боровского уездов Калужской губернии, Ржевского уезда Тверской, Верейского и Нарофоминского уездов Московской губернии, где недовольство крестьян также было вызвано диктаторством комбедов, которые ущемляли интересы средних крестьян при реквизиции лошадей и коров для армии. Под угрозой расстрела и поджога деревень штаб повстанцев провел мобилизацию 15-45-летних крестьян, приказав им идти к Гжатску. В восстание были вовлечены 19 волостей. Советы и комбеды в них были разогнаны. 18 ноября Гжатск был в руках восставших. К ним присоединился формировавшийся там 23-й полк³⁸⁸. Повстанцам удалось прервать железнодорожное сообщение между Вязьмой и Можайском. Это была крупная удача, сулившая соединение с повстанцами Можайского уезда. Но соединения не произошло благодаря своевременно принятым мерам. Восстание в уездах Московской губернии не получило большого распространения³⁸⁹.

Согласно выводам смоленской чрезвычайной следственной комиссии, это было не просто "восстание кулаков", а часть организованного во всероссийском масштабе заговора против "диктатуры пролетариата". Отмечалась высокая организованность восстания, хорошо налаженная связь с штабом Северной армии в Пскове, а также с Москвой и Петроградом³⁹⁰. Мобилизация крестьян в Западной области была отложена, а число лошадей, требуемых с волостей, уменьшено в 2 раза³⁹¹.

В непосредственной связи с восстаниями в уездах Смоленской губернии находились выступления в Калужской губернии, охватившие 6 уездов. Движение развертывалось под лозунгом - не давать солдат и лошадей Красной Армии, не платить налогов. На-

иболее серьезный характер движение приняло в Медынском уезде, охватив 17 из 22 волостей³⁹². Руководили им, по данным следствия, офицеры, военруки, инструкторы всеобщуча и левые эсеры. Ядро повстанцев составляли кулаки, а массовость движению придавало участие средних крестьян.

Еще за три недели до начала выступления по уезду распространялись прокламации и велась усиленная антисоветская агитация. Уже в октябре был создан военный совет и штаб во главе с бывшими офицерами царской армии Н.Золотовым и П.Коньковым. Они происходили из богатых крестьян Глуховской волости, ставшей организационным центром восстания. По уезду распространялось воззвание с конкретной программой борьбы с Советской властью. В деревнях создавались "десятки" под руководством двоек. Десятки сводились в сотни, и каждая волость должна была сформировать полк. Командный состав повстанцев состоял из кадровых офицеров, фельдфебелей, унтер-офицеров. По всем волостям были созданы "народные штабы" во главе с офицерами. Штаб губернской "народной армии" возглавил Андреев из Адуевской волости. Приказ о начале восстания поступил от военного совета и штаба "народной армии". Оно приурочивалось к первому дню празднования годовщины Октябрьской революции - 7 ноября. Конечной целью восставших была Москва. Путь к ней лежал через Медынь и Калугу.

13 ноября повстанцы окружили Медынь³⁹³. В их числе были 3 тыс. мобилизованных крестьян и рабочих писчебумажных Кондровской, Троицкой и Полотняно-Заводской фабрик. Повстанческий штаб этого района, руководимый штабс-капитаном Н.Морозовым (инструктор всеобщуча Троицкой волости), Е.Коноваловым и Н.Усачевым (крестьяне д.Маслово), Трибовым и Шематовым (рабочие Кондровской фабрики), остановил фабрики. Восставшие заняли станцию Говардово, прервав сообщение с Калугой. В восстании участвовало 7-8 тыс. крестьян. В Адуевской, Глуховской, Топоринской, Кременской волостях Медынского уезда и соседних волостях - Никольской, Серединской, Ильинской Боровского уезда были разогнаны Советы, в Адуевской волости расстрелян военком Буровиков³⁹⁴. Из рабочих Говардовского района к восстанию примкнули немногие.

В подавлении восстания приняли участие рабочие и молодежь из крестьян нескольких волостей. 19 ноября восстание было ликвидировано, но часть повстанцев отступила в Боровский уезд, а оттуда в Московскую и Смоленскую губернии³⁹⁵. Во время подавления этого восстания было убито и расстреляно 199 человек, среди них 60 заложников. Кроме того, по приговорам революционного трибунала и губчека часть активных участников была заключена на разные сроки в концентрационные лагеря³⁹⁶. Главные руководители восстания скрылись. Следственной комиссией среди материалов восставших в Медынском уезде был обнаружен список членов англо-франко-американского "Союза народов". По нему было арестовано и расстреляно 25 офицеров. Была установлена их связь с петроградским белогвардейским подпольем. В Боровском уезде офицеры принадлежали к партии Народной свободы³⁹⁷.

Сообщая в НКВД о ликвидации восстания, член Медынского уездного исполкома Капустин объяснял его как результат общего недовольства населения запрещением свободной торговли хлебом и скотом, действиями некоторых комбедов, пытавшихся занять привилегированное положение, неправильным толкованием декретов, недовольством мобилизацией лошадей, слабой работой коммунистов, отсутствием агитаторов, провокацией кулаков³⁹⁸.

В Московской губернии наибольший размах восстание получило в Верейском уезде, смежном с Калужской и Смоленской губерниями, где оно охватило 18 волостей. В движение были втянуты 10 тыс. крестьян³⁹⁹. 14 ноября военный комиссар губернии М.Ф.Думпис сообщал в округ, что все силы в губернии мобилизованы и приведены в боевую готовность, но их недостаточно, на подавление восстания приходится выделять воинские части от каждого уезда⁴⁰⁰.

Еще один крупный очаг восстания во время осенней мобилизации возник на стыке смежных северных губерний: Ярославской, Костромской, Череповецкой и Вологодской⁴⁰¹. Как и везде, по мнению следственных органов, восстание готовилось исподволь офицерами, проживавшими в деревнях под чужими фамилиями. Мобилизованные крестьяне громили волостные исполкомы и военные комиссариаты, убивали военкомов и членов Сове-

тов, забирали деньги, оружие и переходили в соседние волости⁴⁰². Население 7 волостей Череповецкого уезда не подчинилось распоряжению о мобилизации. Восставшие задержали направлявшихся на сборные пункты крестьян Кирилловского уезда. Поверив слухам, те вернулись в свои деревни. Местные кулаки воспользовались этим, организовав довольно сильное восстание в уезде⁴⁰³.

За участие в восстаниях в 1918 г., по данным ВЧК, было расстреляно 2431 человек, за призыв к восстанию - 396, в концентрационные лагеря заключено 1791, в тюрьмы посажено 21988, заложниками взято 3061 человек⁴⁰⁴. Определить, сколько было репрессировано за ноябрьско-декабрьские восстания, не представляется возможным.

22 ноября 1918 г. в циркулярной телеграмме НКВД низовым Советам и комбедам подводился итог пережитому. Среди причин восстаний особо отмечалась роль политической темноты и несознательности населения, равнодушие исполкомов к работе в деревне (в значительной степени оно было следствием вмешательства комбедов в деятельность Советов), склоки в исполкомах, злоупотребления властью. Нарком предписывал усилить внимание к деревне, членам Советов быть ближе к населению, избравшему их. Ответственные работники должны разъяснять населению вред восстаний, ведущих к реставрации старого порядка. Он предупреждал, что власть будет жестоко карать крестьян за нападения на местные органы власти и одновременно вести борьбу со злоупотреблениями. Расширением разъяснительной работы в массах Советы должны обеспечить успех мобилизации⁴⁰⁵.

К концу ноября с основными очагами восстаний было покончено. Но в декабре они стали вспыхивать вновь, хотя ноябрьского накала в движении не было. К ранее выявленным причинам добавилось недовольство насильственным насаждением коммун, отделением церкви от государства, неправильной раскладкой и сбором чрезвычайного налога. Мобилизованные требовали освобождения их семей от его уплаты.

Восстания нанесли немалый урон: сожженные деревни, разрушенные мосты, дороги, линии связи. Погибли многие партийные, советские, комбедовские работники, пролетарский актив деревни. Тысячи крестьян были репрессированы.

В декабре ВЦИКу был представлен доклад комиссии П.Г.Смидовича, созданной Президиумом для выяснения обстоятельств восстаний в Тульской и Рязанской губерниях. Ее выводы в полном объеме относятся ко всем губерниям⁴⁰⁶.

Комиссия, определяя причины крестьянских восстаний, пришла к выводу, что при всей тяжести материального положения, неналаженности производства и распределения продуктов выступления крестьян объясняются не этими причинами. В целом в 1918 г. положение крестьян не ухудшилось, а улучшилось. Недостаток продовольствия был причиной выступлений только в Крапивенском уезде Тульской губернии. Основная же причина беспорядков в деревне, с точки зрения комиссии, заключалась в несовершенстве государственного аппарата на местах, в его неспособности к планомерной работе и выполнению необыкновенно высоких требований, предъявляемых правительством к местным органам власти. Плохая работа местных руководителей вела к неосведомленности крестьянства в общих вопросах советского строительства, незнанию декретов. Слабо распространялась политическая литература. К тому же деревня не привыкла читать, живя слухами, отмечалось в докладе⁴⁰⁷.

Проанализировав работу волостных исполкомов - самого массового звена государственного аппарата, комиссия признала ее плохой. Особое внимание было обращено на произвол местных властей. Деревня, говорилось в докладе, чувствуя на себе произвол местных властей, ждет от них худшего и не доверяет завтрашнему дню⁴⁰⁸. К злоупотреблениям, своекорыстию, развалу работы на местах приводила власть 30-40 человек из беднейших крестьян, которым необходимо было обеспечить свое материальное положение⁴⁰⁹. Комиссия пришла к выводу, что численный состав волостной власти должен быть сведен до минимума, а ее материальное положение регламентировано. Был поставлен вопрос о курсах для подготовки работников волостного звена государственного аппарата и пополнения его "сознательными, честными лицами из центра, которые принесут избавление от местных диктаторов"⁴¹⁰. Комиссия ставила задачу усилить аппарат уездной власти, который в ряде уездов до сих пор по существу не был организован. В качестве примера приводился Каширский уезд Тульской губернии. Создание контрреволюционных гнезд в

уездах и недовольство средних слоев населения являлись результатом слабости уездной власти, заключила комиссия⁴¹¹.

Значительную долю вины за создавшуюся в деревне обстановку комиссия возлагала на политическую неграмотность крестьянства, слабость воспитательной работы, пассивность пролетарских элементов, неналаженность агитационно-пропагандистской деятельности, нехватку активных и подготовленных кадров, случайный состав партийных ячеек, слабость партийного контроля за работой советского аппарата, подмену партийным аппаратом Советской власти. Сельские коммунисты, не понимая своих задач и функций, противопоставляя себя деревне, дискредитировали власть. Они не только определяли состав исполкомов, но издавали распоряжения и постановления, вплоть до вынесения смертных приговоров⁴¹². Комиссия с неодобрением отнеслась к совмещению работы председателей исполкомов и партийных комитетов, как нарушающему Конституцию. Центральный Комитет партии, писалось в докладе, считает обязательными, наряду с мерами по чистке партии, соблюдение Конституции, Устава партии, восстановление независимости выборов и всей советской работы⁴¹³.

Недостаточная организационная и материальная подготовленность мобилизационных мероприятий была названа одной из причин беспорядков. Так, недостаток корма для лошадей приводил к гибели реквизированных животных, что вызывало возмущение крестьян. Для призванных не хватало продовольствия, одежды, помещений. Плохие условия содержания толкали людей на самовольные отлучки и возвращение домой. Оказавшись на нелегальном положении, дезертиры активно участвовали в крестьянских выступлениях⁴¹⁴. Некоторые волостные военные комиссары из местного населения, опасаясь за свои семьи и имущество, не только не противодействовали беспорядкам, но и сами участвовали в них.

Одной из главных причин восстаний комиссия называла усилия англо-американского империализма по срыву мобилизации, как составную часть их общей борьбы с диктатурой пролетариата⁴¹⁵. В докладе это положение не раскрывалось, поскольку не было выявлено каких-либо материалов, подтверждающих это. Но эта мысль стала одной из ведущих в коммунистической про-

паганде во все годы гражданской войны. С большим основанием белогвардейские армии определялись как организующие центры контрреволюции.

Серьезный упрек был сделан в адрес губернских и уездных чрезвычайных комиссий, не разглядевших реальной угрозы в скоплении офицеров в деревнях и не принявших своевременных мер.

Определив социальную базу восстаний - кулаки, дезертиры и втянутые обманом и угрозами средние крестьяне и часть бедноты, комиссия ВЦИК тем не менее сделала вывод о том, что внутри Советской России в настоящее время нет сил, которые "организованным выступлением могли бы угрожать Советской власти"⁴¹⁶.

Приведенный комиссией Смидовича перечень причин крестьянского повстанческого движения, был, разумеется, не полон. Главная из них - доктринальные основы большевистской политики - даже не упоминалась. Вместе с тем упорное сопротивление российской деревни коммунистическому диктату вынуждало революционную власть ставить задачи по улучшению работы советского аппарата. В циркуляре НКВД, "спущенном" по телеграфу 25 декабря, отмечалось, что наряду с происками контрреволюционеров повстанческое движение провоцируется неумелыми и нетактичными действиями советских работников, их склонностью подменять руководство деревней командными методами⁴¹⁷.

Вопрос о борьбе с контрреволюцией в деревне в конце ноября 1918 г. обсуждался второй Всероссийской конференцией чрезвычайных комиссий. 28 ноября в резолюции "О кулацких восстаниях" отмечалась необходимость усиления борьбы с контрреволюцией и обращалось особое внимание "на исходные пункты белогвардейцев"⁴¹⁸. 4 декабря 1918 г. президиум ВЧК издал приказ губернским чрезвычайным комиссиям об улучшении разъяснительной работы среди деревенской бедноты и усилении борьбы с контрреволюцией. Он предлагал местным комиссиям связаться с комбедами и сельскими партийными организациями и установить надзор за всеми крупными селами и волостями. Агитирующих против Советской власти арестовывать и препровождать в ЧК. Но делать это надо так, подчеркивалось в приказе, "чтобы

при этом не страдала и не озлоблялась деревенская беднота, которую арестовывать не надо". Бедноте необходимо разъяснить, что действия кулаков и белогвардейцев направлены на восстановление власти помещиков и капиталистов⁴¹⁹.

19 декабря был издан приказ об изменении и улучшении методов работы местных чрезвычайных комиссий, неправильные действия которых особенно озлобляли крестьян. В связи с новой политикой Советской власти в отношении мелкобуржуазной демократии, президиум ВЧК предписывал местным чрезвычайным комиссиям быть внимательнее к колеблющимся мелкобуржуазным массам, не применять террор к политически пассивным группам, дать им возможность работать под контролем Советской власти⁴²⁰. Практика ЧК, однако, давала примеры далекие от подобных рекомендаций.

Ввиду массовых жалоб, уездные ЧК в Центральной России были распущены в начале 1919 г.

Ноябрьско-декабрьские восстания 1918 г. в Центральной России были протестом крестьян против командно-административных методов руководства деревней, против складывающейся системы "военного коммунизма" и против коммунистической утопии в целом. В этой борьбе крестьяне-собственники выступали единым фронтом, поскольку практика комбедов и партизеек существенно задевала их общие интересы. Несмотря на массовость, одновременность и огромный территориальный размах крестьянских восстаний конца 1918 г., новый - *внутренний* - фронт гражданской войны еще не сложился.

Интересна оценка последних шести месяцев 1918 г., данная одним из лидеров эсеров Н.В.Святицким. К концу 1918 г. он пришел к очень серьезному выводу: "Даже если часть масс отходит от большевиков, это не значит, что она стремится под лозунги Учредительного собрания. Не надо преувеличивать размеры этого отхода, как это делают эсеры в Советской России"⁴²¹. Сочувствие, поддержка и активное участие масс не на стороне эсеров, писал Святицкий⁴²². Отход от большевизма еще не означает отхода масс от Советской власти, самые формы которой как нельзя более пришлись по сердцу самым широким слоям трудового населения России⁴²³. "Активно-творческие элементы трудовой массы оказались в рядах стойких защитников Советской

власти. Они не с нами, а против нас"⁴²⁴. Таков был вывод одного из защитников "народовластия".

Ленина искал причины колебаний средних крестьян Центральной России. В ноябре 1918 г. он говорил, что "у нас нет порядочного тыла"⁴²⁵, что к РКП(б) и Советам часто примазываются элементы совершенно ненадежные, жульнические, которые политически колеблются, продают и изменяют. Кроме того, говорил Ленин, "мы наблюдаем неумелое пользование властью. только как властью, когда люди говорят: я получил власть, я предписал, и ты должен слушаться"⁴²⁶. Ленин признавал, что к власти иногда примазываются худшие элементы и недобросовестные люди. И считал, что необходима беспощадная борьба с ними и суровый суд⁴²⁷.

Революция вытолкнула на поверхность огромный пласт маргинальных личностей, людскую накипь, активность которых в период гражданской войны чрезвычайно возросла. Многие из них пристраивались в советском аппарате, особенно на уездном уровне. Они легко усваивали все крайности партийной и классовой борьбы, попирая нормы общечеловеческой морали, гуманизма, дав простор разгулу низменных инстинктов, ничем не сдерживаемого насилия, часто переходившего в уголовные действия. К сожалению, находились теоретики, оправдывавшие это насилие и даже возводившие его в принцип коммунистического строительства, как это делал "любимец партии" Н.И.Бухарин.

Но можно ли было допустить свободную торговлю хлебом? Это основной вопрос, обостривший отношения крестьян с Советской властью. На него Ленин отвечал категорически: свободная торговля - поворот назад, к господству и всевластию капиталистов, власти денег, к свободе наживы. "Мы хотим идти вперед к социализму, к правильному распределению хлеба между всеми трудящимися. Все излишки хлеба должны быть по справедливой цене отданы Советскому государству, а государство должно распределить их между трудящимися поровну... Власть капиталистов, "свобода торговли" не возвратится"⁴²⁸.

Весной 1919г., исходя из своей установки о враждебности кулаков пролетарской (социалистической) революции, Ленин квалифицировал все крестьянские восстания против Советской власти как кулацкие по своим целям и движущим силам. 12 марта

1919 г. он признал, что “мы переживали ряд кулацких восстаний и переживаем”⁴²⁹. Но массовый характер восстаний он отрицал. “Чтобы в России были крестьянские восстания, которые охватывали бы значительное число крестьян, а не кулаков, это неверно. К кулакам присоединяется отдельное село, волость, но крестьянских восстаний, которые охватывали бы всех крестьян в России, при Советской власти не было. (Заметим, что таких восстаний никогда и нигде не было в истории вообще - Т.О.) Были кулацкие восстания и они будут при таком правительстве, которое настаивает, что всякий излишек хлеба должен быть передан по твердой цене голодным. Такие восстания неизбежны...”⁴³⁰.

Акцентируя внимание на кулацком характере восстаний, Ленин подчеркивал их контрреволюционность и признавал, что они стали одним из основных компонентов гражданской войны. Но Ленин признавал это лишь за летними восстаниями, имевшими место в восточных губерниях страны. Относительно характера ноябрьско-декабрьских восстаний он не дал четких определений. Попытка оторвать выступления кулаков от массовых восстаний крестьян, имевших место в конце 1918 г., была продолжением его идеи о совершившемся расколе крестьянства. Однако осенне-зимние восстания были не кулацкими, а общекрестьянскими. В них кулаки представляли интересы крестьян как класса мелких собственников, товаропроизводителей, интересы которых не совпадали с целями диктатуры коммунистов. Поскольку революционное государство не ставило задачи изменить систему отношений с крестьянством как классом товаропроизводителей, которому оно объявило беспощадную войну, не мог оправдаться и прогноз Ленина относительно сокращения количества “восстаний кулаков”. Более того, вскоре восстания приобретут уже форму крестьянской войны с диктатурой коммунистов.

После подавления ноябрьско-декабрьских восстаний по семи военным округам (Петроградский, Московский, Ярославский, Орловский, Приволжский, Уральский, Западный) на призывные пункты, по официальным данным, явилось 1 134 356 человек. В армию было направлено 790 429 человек. Из них: 128 168 унтер-офицеров, 22 315 бывших офицеров, 10 885 моряков, несколько тысяч медицинских работников, 599 608 рабочих и крестьян и 5799 представителей буржуазии и помещиков, направленных в

тыловое ополчение⁴³¹. Теперь армия на 83,4% состояла из мобилизованных, и лишь 16,6% являлись добровольцами. Ноябрьско-декабрьская мобилизация дала самое большое пополнение Красной Армии.

Но часть крестьян уклонилась от явки на призывные пункты. В годы мировой войны нормальной считалась неявка 10% призывников⁴³². Осенью 1918 г. от призыва уклонились 200 032 человека, что составляло 17,6% от числа явившихся⁴³³. Учитывая сложность обстановки, процент уклонившихся нельзя считать значительным. Дезертировало с призывных пунктов 48 928 человек, или 6,2% от числа принятых⁴³⁴, что также ненамного превышало средний показатель в годы империалистической войны (5,3%). По расчетам военных специалистов, нормальным считалось дезертирство, неявка (по уважительным причинам) и уклонение в пределах 25%⁴³⁵. В данном случае этот процент не был превышен, что дает основания считать осеннюю мобилизацию крестьян успешной.

Всего за 1918 г. была проведена мобилизация крестьян 7 возрастов. По данным мобилизационного отдела Всероссийского Главного штаба, составленным для доклада Совету Труда и Оборона, по этим призывным возрастам на учете состояло 1 911 821 рядовых и 196 838 бывших унтер-офицеров. На сборные пункты явилось 1 724 824 рядовых и 107 163 унтер-офицеров. Среди рядовых от призыва уклонилось 312 166 человек, или 16,3% от состоявших на учете и 17,9% от числа явившихся. Среди бывших унтер-офицеров уклонилось 89 675 человек, или 45,5% от состоявших на учете и 83,7% от числа явившихся⁴³⁶. Эти данные показательны. Наиболее активно выражали свое нежелание идти на фронт крестьяне, имевшие хозяйства достатка выше среднего - а это, в основном, бывшие унтер-офицеры. Часть унтер-офицеров сознательно не желала воевать на стороне Советской власти, сопротивлялась мобилизации. Попав в армию, они нередко переходили на сторону белых. Именно ими были организованы восстания в гарнизонах Брянска, Орла, Коростени, Рогачева, Гомеля, Вологды, Нижнего Новгорода, Твери, Сызрани, Самары, Царицына и др.

Призыв в Красную Армию каждый раз превращался в неофициальный референдум доверия Советской власти. В конце 1918 г.

после серьезных колебаний около 80% крестьян высказывалось за Советскую власть. Это была не только беднота, но и значительная часть среднего крестьянства.

Итоги первого года диктатуры пролетариата были подведены в начале ноября 1918 г. VI Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. Это был первый съезд, на котором не было политической оппозиции. 97,5% делегатов принадлежали к партии коммунистов или сочувствовали ей⁴³⁷. Съезд обсудил вопрос о создавшемся в деревне двоевластии (комбеды и Советы). Большинство состоявшихся накануне губернских съездов отмечало укрепление низовых органов власти, их способность самостоятельно, без дополнительных контрольно-учетных организаций проводить политику диктатуры пролетариата. Съезды подчеркивали революционную роль комбедов в упрочении Советов. Однако последовавшие вскоре восстания крестьян, опровергнув эти радужные выводы, подтвердили необходимость ликвидации комбедов, как "ударных органов" (выражение Л.Д.Троцкого) диктатуры пролетариата.

Вопрос о целесообразности существования комбедов был поставлен впервые в середине октября межведомственной комиссией из представителей ВЦИК, народных комиссариатов внутренних дел, земледелия, финансов, Наркомтруда, ВСНХ и Госконтроля. Располагая сведениями лишь об 11,5 тыс. комбедов, члены комиссии тем не менее имели представление о реальных тенденциях развития классовой борьбы в деревне, роли и месте в ней организаций бедноты. Объединяя революционный актив деревни, комбеды нередко выходили за пределы своей компетенции, сплошь и рядом превращаясь в универсальные органы Советской власти на местах⁴³⁸. Свердлов считал, что свою историческую роль, как орган классовой борьбы бедноты, комбеды прекрасно выполнили. теперь они мешают основной организационной работе⁴³⁹. Представитель ВСНХ Соловьев предложил слить комбеды и Советы так, чтобы доминирующая роль в волостных Советах осталась за пролетарскими элементами⁴⁴⁰.

Документы съездов местных Советов, состоявшихся в конце 1918 - начале 1919 г. (Тверской и Пензенский губернские, Юрьевецкий и Болховский уездные съезды и др.) отмечали, что комбеды не оправдали возлагавшихся на них надежд, оттолкнув от со-

ветской власти средних крестьян. "Если в прошлом году, - говорил В.В.Кураев на заседании аграрной секции VIII съезда РКП(б), - даже в лево-эсеровские дни, они (среднее крестьянство - Т.О.) ругали нас, то все же они верили нам, они не хотели никого взамен нас. Если вы пойдете теперь в деревню, вы увидите, что они всеми силами нас ненавидят, этого отрицать нельзя. Если сейчас ничего серьезного из этого факта не проистекает, то только потому, что нет силы, которая организовала бы их"⁴¹.

Поскольку на VI Всероссийском съезде Советов не было политической оппозиции, итоговая оценка комбедов была исключительно позитивной. Высоко оценив их роль в развитии революции в деревне, съезд постановил ликвидировать создавшееся там двоевластие путем слияния комбедов и Советов. Только при этом условии беднейшее и среднее крестьянство получит полную возможность окончательно закрепить за собой завоевания социалистической революции⁴², было записано в резолюции съезда. Съезд Советов принял решение о широкой амнистии политических заключенных. Освобождению из тюрем подлежали и крестьяне, "по несознательности участвовавшие в восстаниях" (речь шла о летних восстаниях - Т.О.), а также заложники⁴³.

4 декабря 1918 г. была опубликована Инструкция ВЦИК о порядке перевыборов волостных и сельских Советов. ВЦИК предлагал в кратчайший срок провести перевыборы всех волостных и сельских Советов, а там, где они были ликвидированы комбедами, избрать их вновь. Губернские и уездные исполкомы должны были создать избирательные комиссии, которые должны были руководить проведением выборов в деревне. ВЦИК обращал особое внимание комиссий на соблюдение установленных Советской Конституцией норм избирательного права. Избирать и быть избранными в Советы могли 18-летние граждане РСФСР обоего пола независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., не эксплуатирующие чужой труд. Лишались права участвовать в выборах помещики, кулаки, торговцы и другие лица, живущие на нетрудовые доходы или лишенные собственности в процессе революции, а также бывшие агенты полиции, жандармерии, стражники, служители религиозных культов, монахи и пр. "Вчерашние эксплуататоры не могут принимать участия в выборах Советов, - подчеркивалось в инструкции

ВЦИК. - Перевыборы будут иметь революционный смысл только тогда, если Советы будут избраны деревенской беднотой и средним трудовым крестьянством”⁴⁴⁴.

Лишение эксплуататоров избирательных прав было одним из теоретических положений программы государственного строительства коммунистов. Они провозгласили его еще в “Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа”. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г., подтверждала это. Она же юридически закрепляла прямые выборы только в сельские Советы. Депутаты в них избирались из расчета: 1 на 100 жителей, но не менее 3 и не более 50 депутатов на селение. Срок полномочий сельских Советов, как и ранее, устанавливался в 3 месяца⁴⁴⁵. После избрания сельских Советов в течение пяти дней должны были проводиться съезды Советов для переизбрания волостных исполкомов. На них делегаты посылались из расчета один от десяти членов сельских Советов (если членов меньше, то один от Совета). Исполнительный комитет, избранный съездом, становился органом Советской власти в волости. В течение трех дней после перевыборов волостные и сельские комбеды должны были сдать все дела и средства новым Советам и прекратить свою деятельность⁴⁴⁶.

Слияние комбедов с Советами проходило в декабре 1918 - марте 1919 г. Это была первая всероссийская избирательная кампания, которой руководила коммунистическая партия. Она должна была подвести итоги социального эксперимента по ускоренному расколу крестьянства. Выборы проходили после ликвидации восстаний, со всей неотложностью показавших необходимость улучшения деятельности низовых Советов. Особенно большое внимание уделялось уездам, где были восстания.

В ряде губерний эсеры пытались использовать выборную кампанию для распространения своей литературы и закрепления в Советах. В Нижегородском уезде попытки левых эсеров использовать выборы для восстановления своего влияния на деревню⁴⁴⁷ были пресечены коммунистами, так же, как и в Рязанской губернии, где эсеры в восьми уездах распространяли листовки с призывами к восстанию против коммунистов⁴⁴⁸. Политотдел Южного фронта в помощь коммунистам губернии командировал 11 агитаторов и два отряда⁴⁴⁹. Часть выявленных групп эсе-

ров была арестована. 6 февраля 1919 г. Рязанский губисполком подвел итоги перевыборов. Ответственные за их проведение отмечали сложность обстановки в деревне. Член обкома партии, продовольственный комиссар губернии А.С.Сыромятников говорил, что в Рязском уезде население враждебно относилось к прежнему составу Советов, работа которых была поставлена плохо. Военные комиссариаты не знали, кого надо мобилизовывать. Некоторые военкомы вводили военное положение на близлежащих улицах возле военкомата. Работа отделов хаотична, процветает пьянство, самодурство, вражда между сотрудниками⁴⁵⁰. В ряде деревень крестьяне отказывались голосовать за коммунистов и “целых списков коммунистов провести нигде не удалось, по большей части списки были комбинированными”. Но на волостных съездах при выборе исполкомов списки коммунистов и бедноты проходили полностью⁴⁵¹. Аналогичным было положение и в других уездах. В ходе перевыборов состав Советов губернии был обновлен, в них вошло 45-50% коммунистов и 20-25% сочувствующих⁴⁵². Согласно мнению Рязанского губисполкома, население было удовлетворено новым составом Советов⁴⁵³.

В Тамбовской губернии кулаки и эсеры Усманского, Кирсановского, Козловского уездов вели кампанию против Советов и в то же время добивались права участвовать в выборах. В Андреевской волости Борисоглебского уезда кулаки уничтожили избирательные списки, убили одного и ранили двух членов избирательной комиссии⁴⁵⁴. Но коммунисты держали выборы под своим контролем. Итогом их деятельности было избрание в Советы от 27% (Елатомский уезд) до 62,8% (Кирсановский уезд) коммунистов, 55,4-83,5% сочувствующих им, 3,3-15,7% беспартийных и 0,5-1,9% левых эсеров⁴⁵⁵.

В Смоленской губернии в условиях острой борьбы проходила выборная кампания в Духовщинском, Сычевском, Гжатском, Бельском уездах. Для коммунистов выборы прошли удовлетворительно, закрепив за ними и им сочувствующими большинство мест в волисполкомах⁴⁵⁶. В тех случаях, когда в состав Советов проходили кулаки и спекулянты, избирательные комиссии назначали повторные выборы. Так 14 января Смоленская уездная избирательная комиссия по требованию коммунистов Богородицкой волости произвела перевыборы, изменив состав волис-

полкома⁴⁵⁷. Повторные выборы состоялись в Озерищенской и Волочковской волостях, где вследствие “малосознательности” населения и пассивности партийных ячеек “контрреволюционным” агитаторам удалось вызвать недовольство Советской властью и ввести в исполкомы в большинстве кулаков. В этих волостях были созданы ревкомы и приняты энергичные меры по политической обработке населения⁴⁵⁸. Позже выяснилось, что среди сочувствующих, прошедших в волисполкомы, было много элементов “колеблющихся, неустойчивых, примазавшихся к Советской власти”⁴⁵⁹.

Сельские партийные ячейки, комбеды и избирательные комиссии тщательно готовили списки избирателей, не допуская в них лиц, лишенных избирательных прав по Конституции, а также участников восстаний. Они же намечали кандидатов в Советы. В Курмышском уезде Симбирской губернии в Языковской волости не были допущены к выборам 102 человека (6,8%). Кроме того, 540 “кулаков” были высланы из волости⁴⁶⁰. В Подольском уезде Московской губернии в 12 волостях права голоса было лишено 819 человек⁴⁶¹. В Краснохолмском уезде Тверской губернии “кулаки” не были допущены к выборам в 16 селениях Рачевской волости, в 43 из 46 деревень Делединской волости и в 14 из 15 селений Могочской волости⁴⁶². Таким образом перевыборы Советов обеспечивали в органах власти политическую монополию коммунистов и бедноты.

Активность крестьян на выборах была различной. Она зависела от многих причин: доверия населения к коммунистам, близости фронта, обеспеченности продовольствием, удовлетворенности крестьян деятельностью прежнего состава Советов и комбедов, силы общинных традиций, наличия мужчин. В период выборов многие мужчины выполняли трудовую повинность - заготавливали дрова, очищали дороги от снежных заносов и т. д. Сказывалась и психологическая подавленность среднего крестьянства, участвовавшего в восстаниях, что отражалось на его отношении к выборам.

Непривычное к демократическим принципам выборов крестьянство не могло сразу отказаться от традиционного представительного принципа общины: 1 голосующий от 5-10 дворов. Такой порядок прослеживается и в большинстве протоколов и

сельских анкет о выборах. Так, в выборах Тружинского сельского Совета Ивонской волости Задонского уезда Воронежской губернии имели право участвовать 1650 избирателей. Однако голосовало лишь 302 человека, т. е. один представитель от 5 избирателей, или 18,3% от имеющих право голоса. И выбирали Совет только мужчины⁴⁶³. В селе Ясековичи Вышневолоцкого уезда Тверской губернии из 3130 избирателей в выборах Совета участвовали лишь 35 мужчин, т. е. один от 9-10 избирателей, или 1,1% от имеющих право голоса⁴⁶⁴. Стоит отметить, что в новых условиях "десятидворцы" представляли интересы не зажиточных крестьян, как это было прежде, а бедноты и середняков.

Иными были выборы в Московской губернии. В 600 селениях Подольского уезда Московской губернии в голосовании участвовало 60 % избирателей⁴⁶⁵. В ряде волостей - Белутовская, Заборьевская и др., избирательные комиссии отметили 100-процентное участие крестьян. В 27 селениях Домодедовской волости из 3834 избирателей голосовало 3550 (92,5%), а 126 человек (3,2%) не были допущены к выборам. Из намеченных кандидатов 21 были отклонены волостной избирательной комиссией. В с. Новдинском в выборах участвовало 155 из 170 жителей, имевших право голоса, а 15 человек не голосовали, так как в это время уехали за хлебом. При выборах Колычевского сельсовета комиссия отстранила 30 человек. В Добрятинской волости из 8479 избирателей явилось 3064 (36,1%). Здесь не были допущены к выборам 50 человек (0,6%). Больше всего было лишено права голоса при выборах 11 сельских Советов в Островской волости (327 человек) и в Вороновской волости (180 человек)⁴⁶⁶. Всего по уезду к голосованию не было допущено 713 человек. В Подольском уезде в 144 сельских Совета было избрано 518 членов, из них 14 коммунистов (2,7%), 274 сочувствующих (52,8%). Беспартийные получили 230 мест (44,5%)⁴⁶⁷. В уездах, где были восстания, крестьяне не голосовали за коммунистов. Так, в Верейском уезде в 148 сельских Советах коммунистов среди избранных было 3%, сочувствующих - 23%, беспартийных - 73%, левых эсеров и анархистов по 0,3%⁴⁶⁸. В Можайском уезде из 186 сельских Советов коммунисты были представлены лишь в 82. В 104 Совета были избраны только беспартийные⁴⁶⁹. В Московской губернии только из Клинского уезда поступили сообщения о вялом ходе избира-

тельной кампании, незначительной явке, враждебном отношении населения к выборам. Основной причиной политической апатии был голод⁴⁷⁰.

По данным пяти губерний - Казанской, Московской, Нижегородской, Тверской и Тульской, в 763 сельских Совета было избрано 30 276 членов⁴⁷¹. Абсолютное большинство их было беспартийными, стоящими на платформе Советской власти. В Советах Тульского уезда все 1770 членов были беспартийными⁴⁷². В сельских и волостных Советах Нижегородской губернии коммунистов было 15%, сочувствующих - 36%, беспартийных - 49%⁴⁷³. Причем наивысший процент коммунистов (35) дали выборы в 230 сельских Советов Княгининского уезда⁴⁷⁴. Этому уезду коммунисты губернской парторганизации уделяли особое внимание, поскольку крестьянство здесь активно сопротивлялось всем мероприятиям Советской власти.

Основная масса новоизбранных членов сельских Советов была из бедноты и средних крестьян, причем представительство бедноты колебалось от 31% (Вяземский уезд Смоленской губернии) до 70% (Царевококшайский уезд Казанской губернии). Средняков было от 29% (Дмитриевский уезд Курской губернии) до 70% (Тетюшский уезд Казанской губернии). Наиболее равномерным представительство бедноты и середняков было в Нижегородской губернии - по 47,8%, в Вышневолоцком уезде Тверской губернии - по 50%. В Северной области беднота имела некоторое преимущество: 54 против 40% средних крестьян.

Но и кулакам удавалось пройти в Советы. Они получили 0,7% мест в Нижегородской губернии, 5% в Вяземском уезде, 7,3% в Старорусском, 9% в Новгородском, 14,9% в Вятской губернии. В Можайском уезде, в сельских Советах которого большинство состояло из беспартийных, отчетные документы отмечали наличие во многих Советах кулаков, выдававших себя за беспартийных середняков. Их наличие в сельских Советах после перевыборов отмечалось и в других местах. Избирательные комиссии и волисполкомы в последующем выявляли и удаляли из органов власти кулаков и лиц, не оправдавших доверия бедноты.

Рабочие в сельских Советах были представлены неравномерно. Их было больше в промышленных волостях, в селах с отхожими промыслами и пригородных селениях больших городов, и

меньше в аграрных губерниях. Около 50% членов вновь избранных сельских Советов составлял комбедовский актив. Комбедовцы обычно становились их председателями.

В сельских Советах исполнительным лицом являлся председатель. Работоспособность сельской власти зависела, прежде всего, от авторитета председателя Совета у односельчан. Бедняк и коммунист авторитетом у крестьян-собственников не пользовались. Они удерживали власть давлением сверху и силой оружия. И, как показали ближайšie же месяцы нового года, прочность такой власти была иллюзорна. Самое массовое звено государственного аппарата - сельские Советы - еще долго (до 1925-1926 гг.) оставались наиболее слабым звеном в системе коммунистической диктатуры.

В течение недели после избрания сельских Советов созывались съезды для формирования волостной власти - исполкомов. Их выборы показали, что коммунистическая партия стала единственной политической силой в деревне.

Ни в одной волости правые эсеры не выступали на выборах под своими лозунгами. Они получили ничтожно мало мест в сельских и волостных Советах. В ряде случаев им удавалось попасть в Советы в качестве беспартийных. Так же редко проходили в Советы, открыто защищая свою платформу, левые эсеры. Например, в Мценской волости Новгородской губернии левые эсеры на тайном сходе предложили не избирать в Совет коммунистов. И им удалось провести в его состав беспартийных. Однако Совет был вскоре переизбран⁴⁷⁵. Единично в некоторых волостях в Советах были представлены революционные коммунисты.

В нашем распоряжении имеются данные о партийном составе 1423 волостных исполкомов 96 уездов 16 губерний Центра, Поволжья и Урала. В их состав было избрано 8955 членов. Из них коммунистов было 3681 (41,1%), сочувствующих РКП(б) - 2872 (32%), беспартийных - 1797 (23,6%), прочих 3,4%⁴⁷⁶. Коммунисты и сочувствующие РКП(б) вместе имели в волостных исполкомах 73,1%. Высокое представительство коммунистов в Советах нередко отражало левацкое стремление превратить партию из руководящей силы в правящую. Это был упрощенный метод руководства народными массами и прямой путь к командно-административной системе.

Из 23,6% беспартийных членов волостных исполкомов большинство определяли свою позицию как стоящие на платформе Советской власти, поддерживающие ее, сочувствующие ей. Но среди них наряду с искренними сторонниками Советской власти были и те, которых называли "примазавшиеся", хотя немало их было и среди коммунистов.

Наиболее полные данные о партийности и социальном составе волостных Советов удалось собрать по четырем промышленным губерниям - Владимирской, Московской, Нижегородской, Смоленской и трем аграрным губерниям - Курской, Тамбовской, Рязанской.

В Московской губернии, по сведениям 7 уездов (Богородский, Верейский, Дмитровский, Звенигородский, Можайский, Московский, Серпуховский), в волостные исполкомы было избрано коммунистов 51,7%, сочувствующих - 18%, беспартийных - 31%. Более всего коммунистов было представлено в волисполкомах Богородского (91,7%) и Верейского (89%) уездов. Наименьший процент коммунистов был в волисполкомах Подольского уезда - 13,3. Здесь же было больше всего беспартийных - 50%. В этом уезде в волостные Советы прошли 1 левый эсер, 2 сочувствующих им, 1 анархист. 33% членов были сочувствующие РКП(б). На втором месте по числу беспартийных был Звенигородский уезд, в 16 волостных Советах которого было 49% беспартийных⁴⁷⁷.

В Нижегородской губернии, по данным 266 волостей 11 уездов, в волостные исполкомы были избраны 1801 человек. Из них 742 (41%) были коммунисты, 486 (20,6%) сочувствующие им, 558 (31%) - беспартийные, 6 (0,3%) - левые эсеры и сочувствующие, 8 (0,4%) - анархисты и представители других партий⁴⁷⁸.

Упрочение позиций коммунистов в низовых Советах в ходе их перевыборов и слияния с комбедами имело место во всех губерниях. В аграрных губерниях, где еще в сентябре-октябре 1918 г. было заметно влияние левых эсеров, выборы дали значительное увеличение числа коммунистов в Советах. Так, в 18 волостных исполкомах Львовского уезда в октябре коммунистов и сочувствующих было 43,7%, а левых эсеров - 51,8%. В декабре коммунистов стало 57%, сочувствующих 9,5%, революционных коммунистов - 16%, беспартийных - 17,5%. В 16 волостях Курского уезда

из 191 членов Советов коммунистов стало 131 (68,6%), кандидатов партии и сочувствующих - 36 (18,8%), остальные места принадлежали беспартийным. Таким образом почти 88% мест заняли коммунисты и сочувствующие⁴⁷⁹.

В Задонском уезде, как сообщала 5 февраля 1919 г. "Правда", перевыборы "очистили Советы". В них вошли 54,5% коммунистов, 40,9% сочувствующих, 7,6% - беспартийных. В числе избранных было 45,4% бедняков и 54,5% середняков⁴⁸⁰. Однако, это был результат левацкой установки на "диктатуру партии". В некоторых местах избирательные комиссии предписывали проводить в волостные исполкомы и сельские Советы только коммунистов и сочувствующих. Так из-за беспартийности членов волысполкома не был утвержден Бородинский Совет Можайского уезда⁴⁸¹ и др.

В результате слияния комбедов и Советов беднота имела в органах власти от 30 до 70% (в среднем 48%), середняки столько же, рабочие от 0,5 до 28% (в среднем 3%). Представительство прочих социальных прослоек было незначительным (в среднем менее 3%). Большинство мест в волостных исполкомах имели крестьяне: более 80% в Тверской, Тульской, Курской, Орловской, Тамбовской, Владимирской губерниях. В Рязанской губернии - около 75%. В Нижегородской губернии крестьяне в волысполкомах составляли 54,4% (808 членов из 1485), причем беднота и средние крестьяне в губернии были представлены на равных. 287 членов были рабочими (19,3%), 25 (1,7%) кустарями, 364 (24,5%) - прочими (в основном секретари исполкомов, но были и учителя, фельдшеры, художники).

Рабочие в волостных Советах Тульской губернии составляли в среднем 22,2%, во Владимирской - 18,3, в Рязанской 25,4, в трех уездах Тверской губернии - в среднем 18,3% (в Новоторожском - 28%, Старицком - 21%, Зубцовском - 6%). В аграрных губерниях рабочие в волостных Советах были представлены весьма неравномерно - от 0 до 25%. В основном это были рабочие, вернувшиеся из городов, отходники и члены продотрядов. Они занимали должности председателей Советов, заведующих отделами. Введение в Советы рабочих и вообще лиц со стороны облегчало коммунистам руководство деревней, но оно приводило к отрыву власти от крестьянства.

Советская Конституция впервые уравнивала женщин в политических правах с мужчинами. Но участие женщин в выборах сельских и волостных Советов было крайне редким явлением.

Общие итоги выборов низовых Советов коммунисты считали удовлетворительными. И они были лучшими из всех выборов, проходивших в 1918-1920 гг. Слияние комбедов с Советами закрепило в деревне политическую монополию РКП(б). Бедняцко-средняцкий состав Советов не изменился и в последующие пере-выборы. Но удельный вес коммунистов в связи с многочисленными мобилизациями в Красную Армию и падением их политического и морального авторитета в сельских Советах понизился затем до 2,8% (вместе с сочувствующими - до 5,2%), в волостных исполкомах - до 32%⁴⁸².

Устранение политических противников от участия в выборах, лишение избирательных прав части населения, равно как и предшествовавшие этому жестокие способы подавления взрывов народного недовольства, были прямым следствием установления в стране однопартийной системы власти. О ненормальности такого положения заявляли ближайшие и менее удачливые полутчики коммунистов в революционной борьбе - левые эсеры. "Вы отупели до того, - обращаясь к руководителям РКП(б), говорила в ноябре 1918 г. лидер эсеров М.А.Спиридонова, - что всякие волнения в массах объясняются только агитацией или подстрекательством. Вы перестали быть социалистами в анализе явлений, совершенно уподобляясь царскому правительству, которое тоже повсюду искало агитаторов и их деятельностью объясняло все волнения"⁴⁸³. Обращение "в конце концов, к господству, к обману масс, к насилию", - таков был подмеченный лидером левых эсеров вектор эволюции утверждавшейся в России однопартийной власти большевиков⁴⁸⁴.

Глава 5. Крестьянский фронт гражданской войны.

5.1. Мятежный 1919-й год

В советской историографии 1919 год проходит под знаком мобилизации всех сил страны на выполнение установок VIII съезда РКП(б) о союзе со средним крестьянством и анализа деятельности РКП(б) и Советов по организации разгрома Колчака и Деникина, как год блестящих побед Красной Армии. Ни у одного автора мы не находим ни слова об обострении борьбы внутри “осажденной крепости”, о крестьянской войне, развернувшейся в деревнях Центральной России. О крестьянстве вспоминают главным образом при освещении партизанского движения против Колчака в Сибири, “атаманщины” и “кулацкого бандитизма” на Украине. Вспоминают, когда речь заходит об экономической политике советской власти, чтобы подчеркнуть, как крестьянство давало хлеб в “ссуду” государству бесплатно, что помогло стране Советов выиграть великую классовую битву. И только для 1920 г. отмечается разрушительное влияние продрозверстки на крестьянское хозяйство.

Историография второго года гражданской войны значительно фальсифицирована. В предельно идеологизированных работах преувеличены социально-политическое единство трудящихся и роль РКП(б) в деревне. Многие авторы утверждают, что идеология и политика РКП(б) обеспечили прочный тыл Красной Армии. Самым действенным средством укрепления союза с середняком считалось “форсированное строительство в деревне коммунистических ячеек. Их особая роль определялась тем, что они вели работу по идейному воспитанию и организационному сплочению крестьян постоянно, повседневно, с глубоким знанием их условий жизни и социальной психологии, соприкасаясь с самой широкой деревенской массой”¹. Насколько далеко это утверждение от действительности, видно из анализа крестьянских восстаний 1918 г. Ячейки РКП(б), часто состоявшие из пришлых и чуждых деревне людей, заменяли Советы и комбеды, становясь военизированными органами, осуществлявшими коммунистическую диктатуру. Именно их действия нередко были причиной крестьянских выступлений. Весной 1919 г. многие сельские ячей-

ки РКП(б) распались: часть коммунистов ушла на фронт, другие, боясь партийной мобилизации и мести односельчан, вышли из РКП(б).

Крестьянство в гражданской войне защищало свои интересы, отличные от намерений коммунистов насильем построить социалистический рай. В монографии М.С.Френкина, изданной в 1987 г. в Иерусалиме, "Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918 - 1921 гг.", впервые в историографии крестьянские восстания в условиях советской власти поставлены как самостоятельная проблема. Автор дает негативные характеристики всей внутренней политике коммунистов, возлагая на Ленина вину за возникновение гражданской войны. "Трагедией крестьянских восстаний, - считает Френкин, - были стихийный, неорганизованный характер и отсутствие должного политического руководства этим мощным движением. Особенно роковыми для восстаний оказались непростительные ошибки эсеровской партии, которая в условиях гражданской войны заблаговременно не создала свою вооруженную силу в противовес большевикам"². Отмечая масштабность крестьянского движения в 1919 г., автор полагает, что его бедой было то, что оно носило оборонительный характер и не встало на путь инициативной, самостоятельной борьбы³. Вместе с тем он отмечает, что 1919 год внес в крестьянское сопротивление новую, специфическую форму борьбы - "зеленое" движение. Это движение Френкин рассматривает на материалах Северного Кавказа, района Сочи. В тот год в крестьянском движении, по мнению автора, появились элементы организованности. Оценивая в целом крестьянское сопротивление, Френкин полагает, что "отчаянная борьба с большевистским произволом носила безусловно прогрессивный характер", хотя "в восстании были и некоторые реакционные черты, так как они все даже необходимые государственные мероприятия рассматривали как покушение на свободу и вообще отказывались от всяких государственных повинностей"⁴. Стремление крестьян к нейтральности автор считает нереальным. Ограниченный круг источников, на которых создан труд Френкина, не позволил ему рассмотреть проблему дезертирства, как форму борьбы крестьянства против коммунистической диктатуры, и шире проанализировать социальную базу повстанческо-партизанского движения в Центральной России.

Более категорично оценивает сопротивление крестьян политике коммунистов М.Бернштам. В работе, изданной в 1979 г. в Париже, он считает повстанчество перманентным - с первых дней 1918 г. и "последующие 5 лет насквозь. Соответственно - и это принципиально важно - сопротивление было направлено не против отдельных особенных временных мероприятий коммунистического режима, а против всех социалистических преобразований как таковых"⁵. Народное сопротивление 1917 - 1922 гг., заключает автор, являлось силой антикоммунистической и антиреволюционной. "И в этом глубокое историческое единородство повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением"⁶. С такой оценкой крестьянского движения в первые годы советской власти едва ли можно согласиться. "Единородства" его с белым движением не было. Против белых крестьянство боролось не менее решительно, чем против красных, хотя летом 1919 г. крестьянские восстания способствовали продвижению армии Деникина к Москве. Но возвращение помещиков и жестокости белого движения привели к поддержке крестьянством советской власти в самый критический момент ее истории.

1919 год начался победами Красной Армии на фронтах. "Демократическая контрреволюция" потерпела идейное и военное поражение в Поволжье и на Урале. Часть правых эсеров и меньшевики поняли, что они своей борьбой с властью Советов облегчают консолидацию сил реставрации. Ликвидация Брестского мира подтолкнула некоторых противников советской власти из демократического лагеря к пересмотру своих позиций. Левое крыло меньшевиков (Мартов) и центр (Дан, Церетели) отказались от лозунга Учредительного собрания, так как "он мог быть использован как знамя и прикрытие прямой контрреволюции". Советский строй меньшевики признали "как факт действительности, а не принцип". Они заявили о разрыве союза с буржуазией и отказе поддерживать интервентов, рассчитывая изменить политику советской власти "изнутри"⁷.

Разгром в ноябре 1918 г. Комуца Красной Армией и эсеровской Уфимской Директории Колчаком привели к расколу и среди правых эсеров. В феврале 1919 г. коиференция правых эсеров высказалась против вооруженной борьбы с советской властью и блокирования с буржуазией⁸. Тем группам эсеров, которые под-

держали этот курс, Советская власть разрешила, как и меньшевикам, работать в Советах и вести легальную деятельность, хотя они не отказывались от идейной борьбы с коммунистами, надеясь на постепенное совершенствование форм народовластия. Другая часть партии эсеров, представленная центристом В.М.Черновым и не согласная с решениями съезда, ориентировала остатки партии на борьбу на два фронта, пытаясь олицетворять "третью силу"⁹. И наконец третья, крайне правая фракция этой партии, сгруппировавшаяся вокруг высланных Колчаком за рубежи России Авксентьева и Зензинова, по-прежнему отставала коалицию с буржуазией, усиление интервенции и непримиримость к власти Советов. К июню 1919 г. ЧК ликвидировала 15 правоэсерских организаций, выступавших против советской власти¹⁰.

Левые эсеры, ушедшие в подполье, взяли курс на "динамитную борьбу": террористические акты против ЧК, коммунистов и ликвидацию диктатуры пролетариата. В январе - феврале 1919 г. они участвовали в перевыборах волостных Советов в Рязанской, Воронежской и других губерниях, но крестьяне боялись голосовать за них, так как выборы проходили под контролем коммунистов. Поскольку распространяемая левыми эсерами литература и листовки содержали антикоммунистические призывы, органы ЧК провели массовые аресты левых эсеров, в том числе и руководства партии. К лету было ликвидировано 45 левоэсерских организаций¹¹. Влияние левых эсеров больше всего прослеживается в повстанческо-партизанском движении на Украине, в организации выступлений в воинских частях и движении дезертиров ("зеленых"), принявшем массовый характер летом 1919 г. в центральных губерниях.

В конце 1918 г. казаки Дона, потерпев ряд серьезных неудач на фронте, отказались продолжать борьбу с советской властью, заявив о нейтралитете, и целыми полками сдаваясь в плен. Украину покидали войска Германии и Австрии, подталкиваемые крестьянскими повстанцами.

Зимой 1918-1919 гг. фронты откатились от центра, раздвинувшись на 2 тысячи верст. Но военная опасность не миновала. На Урале и в Сибири крестьяне поддержали адмирала Колчака, что позволило ему создать армию в 400 тысяч человек. Тыл Колчака

подпирали 150 тысяч войск интервентов. В марте 1919 г. Колчак приближался к Волге.

Мобилизации в армию, трудовые повинности и сдача хлеба государству оставались в это время главными в жизни деревни.

В январе 1919 г. была введена продовольственная разверстка. Народный комиссариат продовольствия определял губерниям размеры и сроки обязательных поставок хлеба, исходя из имеющихся данных о посевных площадях и средней урожайности. Им же были определены предельно допустимые нормы потребления: 12 пудов зерна и 1 пуд крупы на человека в год. (Определенные Наркомпродом нормы потребления были ниже физиологических на 6 пудов). Устанавливались также нормы потребления зерна и фуража для скота. Все остальное считалось излишками и подлежало сдаче государству по твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. По закону бедняцкие и середняцкие дворы, т. е. с посевом в 3-4 дес. на семью в 6 человек (а таких крестьян было около 60%) от продразверстки освобождались. С 16 губерний Европейской России предполагалось собрать 296,45 млн пудов хлеба. К 1 марта крестьяне должны были сдать 70% разверстки, к 15 июня - остальные 30%. У тех, кто не сдал добровольно, хлеб отбирался бесплатно. Местным продорганами разрешалось увеличивать объем разверстки для своих нужд. Размеры разверстки были непосильны для крестьян. Поэтому крестьяне саботировали сбор сведений об урожайности полей, предоставляли ложные данные о размерах посевных площадей и результатах пробных обмолотов. Вскоре монополия государства распространилась на все продукты сельского хозяйства. Властные структуры ужесточали методы борьбы по реализации разверстки. Увеличился объем натуральных повинностей - трудовой, гужевой, дровяной, по расчистке железных дорог от снега и др. Возросло налоговое обложение. Натуральные повинности и налоги превышали их объем времен крепостного права. Кроме того, одна за другой следовали мобилизации в армию мужчин, лошадей, коров. Тяжелым бременем для крестьян были обязательные поставки для армии транспортных средств - лошадей, конной упряжи, подвод.

По военно-конской переписи 1912 г. в стране числилось 17 682 698 лошадей рабочего возраста. За годы мировой войны

(1914-1917 гг.) из деревни для армии было взято 6% всех коней и 28% лошадей - всего 1 650 999 голов. Кроме того, деревня поставила армии 1 118 779 повозок (около 10%)¹². В период демобилизации армии конские запасы были розданы крестьянам. Создание новой армии требовало их возвращения и мобилизации новых лошадей.

26 июля 1918 г. в стране была введена военно-конская повинность. Общее поголовье лошадей, годных для службы в армии, уменьшилось. Ликвидация помещичьих имений, разгром культурного коневодства нанесли большой ущерб делу. Конских запасов для кавалерии и формирующейся армии не было. Мобилизация лошадей у населения проводилась с учетом имущественного состояния их владельцев. Все лошади изымались у лиц, для которых они являлись предметом роскоши, а также у кулаков, лавочников. У крестьян, имевших более двух лошадей, мобилизовывалась 3-я и 4-я лошадь. У однолошадного хозяина лошадь не должна была изыматься, но могла быть заменена негодной для службы в войсках.

Мобилизация лошадей начиналась с их учета. Крестьяне противились этому запутыванием учета, массовым убоем лошадей, подстрекательством к неподчинению, организацией антисоветских выступлений. Такие выступления имели место во многих уездах - в Глазовском и Нолинском уездах Вятской губернии¹³, в Лебедянском уезде Тамбовской губернии¹⁴, в Калачевском и Бобровском уездах Воронежской губернии¹⁵, в Старицком уезде Тверской губернии¹⁶, Богородицком уезде Тульской губернии, Верейском, Рузском, Подольском Московской¹⁷ и др.

В Воронежской губернии в октябре 1918 г. в Иващенковской волости Алексеевского уезда крестьяне скрывали лошадей при содействии Советов и комбедов. В адрес волостного военного комиссариата постоянно раздавались угрозы расправы, если он будет проводить мобилизацию. В Иловской волости сельские Советы отказывались приводить лошадей на сдаточные пункты. В Копанской волости крестьяне продавали принятых на учет лошадей. Съезд волостных военных комиссаров решил принять энергичные меры¹⁸. Против крестьян был выслан бронепоезд с 60 красноармейцами и отряд в 50 человек. В деревне Рудня Курской волости Калачевского уезда той же губернии реквизиционный

отряд, прибывший за лошадьми, был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем. Для подавления сопротивления сюда также был послан бронепоезд с командой в 60 человек и отряд в 50 человек. Когда волость "сдалась", было арестовано 25 человек¹⁹.

За вторую половину 1918 г. было проведено пять мобилизаций лошадей. Они вызвали недовольство крестьян как из-за низких цен (к тому же деньги не выплачивались месяцами), так и из-за того, что изъятие лошадей вело к упадку хозяйств. К февралю 1919 г. Красная Армия получила 233 151 лошадь²⁰. Из деревень центральной России было изъято наибольшее количество лошадей. Курская губерния к марту 1919 г. поставила их около 22 тысяч, Тамбовская - около 19 тысяч, Рязанская - более 14 тысяч, Тульская - около 12 тысяч²¹. Больше всех дал Московский военный округ - 53 966 лошадей, меньше Уральский - 41 051, Орловский - 40 238, Приволжский - 37 348 лошадей²².

Массовые мобилизации лошадей вели к падению производительных сил в сельском хозяйстве. На 100 крестьянских хозяйств в Тульской губернии приходилось 80,3 лошадей, или одна лошадь на 9,04 десятины пахоты, в Рязанской губернии - одна лошадь на 10-11 десятин, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии - на 15,5 десятин²³. Местные Советы просили прекратить набор лошадей, так как в деревнях остались лишь истощенные, больные и непригодные для армии лошади. Из имевшихся в Рязанской губернии 143 274 лошадей считались пригодными для армии только 7785²⁴.

В феврале-марте 1919 г. была проведена последняя массовая и повсеместная конская мобилизация. По четырем военным округам - Московскому, Петроградскому, Орловскому и Ярославскому - она была реализована лишь на 31%²⁵. Лошадей приходилось брать даже у однолошадных хозяев без замены. Губернские военные комиссары доносили, что дальнейшее изъятие конского поголовья из деревень невозможно, ибо грозит срывом весенних полевых работ и может вызвать нежелательные эксцессы²⁶.

В апреле 1919 г. от принудительного набора лошадей отказались и перешли к закупке их по рыночным ценам. Изъятие скота у крестьян для нужд армии неоднократно было поводом для выступлений против местных властей и расправы с коммунистами.

Это тоже был фронт гражданской войны. Реквизиции скота, особенно лошадей и коров, нанесли ощутимый урон середняцкому хозяйству. В 1919 г. убыль лошадей составила 54%, овец - 21,5, свиней - 44,1%²⁷.

С января 1919 г. мобилизации крестьян в армию следовали одна за другой. В январе 1919 г. был объявлен призыв двух возрастов: 1892 и 1891 года рождения. В марте в связи с приближением армии Колчака к Волге была объявлена мобилизация лиц 1890 года рождения. 11 апреля были призваны рабочие и крестьяне пяти возрастов (1886-1890 г. р.) в девяти неземледельческих губерниях. Однако более 45% крестьян уклонились от явки на призывные пункты. 25 апреля ВЦИК принял декрет "О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией". По этому декрету каждая волость должна была выделить 10-20 добровольцев, стойких защитников Советской власти, по возможности из бывших солдат, имевших военный опыт. Предписывалось их одеть, обуть, снабдить и вооружить, но "ни в коем случае, однако, не обременяя крестьян-середняков и бедняков"²⁸.

Призыв этих "добровольцев" сопровождался широкой агитационно-разъяснительной кампанией, организованной посланными в 28 губерний уполномоченными ЦК РКП(б), ВЦИК и Совнаркома. Однако мобилизация "волостников", как отмечал ЦК РКП(б), не дала ожидаемых результатов²⁹. Вместо 140 тысяч добровольцев деревня с трудом выделила 24 661 человека³⁰. В основном это были старики, инвалиды, подростки, т. е. лица, не пригодные для сельскохозяйственных работ. Военные комиссары всех губерний и уполномоченные ЦК РКП(б) доносили, что, несмотря на принятые меры, мобилизация середняков проходит вяло, с большими затруднениями³¹. Принцип добровольности, вполне оправдавший себя среди коммунистов и членов профсоюзов, не был поддержан средними крестьянами, предпочитавшими мобилизацию по годам. Так, из 173 волостей Пензенской губернии 35 отказались выставлять добровольцев³². В Новохоперском и Бирюченском уездах Воронежской губернии ни одна волость не дала людей³³. В Рязанской губернии вместо 3000 человек деревня выделила лишь 300³⁴. Когда среди жителей деревни, волости не находилось добровольцев, то сельские сходы, Советы и волисполкомы должны были сами определить 10-20 крестьян,

подлежащих отправке на фронт. Но, не имея четких критериев для определения таких лиц, Советы часто отказывались от проведения этой мобилизации, чтобы не вызвать "неудовольствия одних другими"³⁵. В ряде волостей "добровольцев" определяли по жребью.

Наибольшее число добровольцев из середняков дали Поволжские губернии, где крестьяне раньше других поняли опасность реставрации старой власти. В мае-июне здесь была сформирована Первая Приволжская татарская стрелковая бригада численностью в 11,5 тысяч человек, в основном из крестьян-добровольцев³⁶. Успешно шло формирование и других национальных частей.

За первую половину 1919 г. в армию было призвано 14 возрастов, давших более 523 тысяч человек. Мобилизации изъяли почти всех трудоспособных рабочих и крестьян. Кроме ранее объявленных призывов в армию, 15 мая был опубликован декрет о мобилизации солдат старой армии, вернувшихся из плена и о десятипроцентной мобилизации членов профсоюза. 22 мая был объявлен всеобщий призыв 19-летних - последний плановый призыв 1919 г., проходивший в период летних полевых работ и также не давший практических результатов.

Массовое вовлечение крестьян в армию привело к росту уклонений от призывов и дезертирству из ее рядов. Дезертирство возникло с переходом от добровольчества к формированию армии на основе мобилизации. Массовым оно стало весной 1919 г., превратившись в острейшую социально-политическую проблему. Среди дезертиров 75% составляли уклонившиеся от призывов, 18-20% уходили с призывных пунктов и из эшелонов, следовавших на фронт, и 5-7% - дезертировали с фронта³⁷. Деревня оказалась во власти дезертиров. Сельские Советы скрывали их, боясь мести.

Массовые мобилизации выкачали из деревни комбедовский актив. Сельские ячейки РКП(б) распались. Советы перестали функционировать. "Осередняченное" крестьянство возвращалось к традиционному общинному управлению - мирской сход, староста. Центральная власть теряла контроль над деревней. В уездах и волостях все чаще исполкомы заменялись назначенными ВРК. Приказ, заложники, расстрелы, контрибуции, штрафы,

конфискации - методы управления деревней в 1919 г. Крестьянство отвечало на это саботажем распоряжений центральной власти. По мере возрастания репрессий деревня переходила от пассивного сопротивления к методам крестьянской войны: террору против коммунистов и советских работников, разгрому колхозов и совхозов, насаждаемых центром, партизанским приемам борьбы.

Немалое влияние на настроения крестьян имела общая обстановка на фронтах. Неудачи Красной Армии, вызывая усиление враждебной деятельности белогвардейских агентов и кулаков, увеличивали дезертирство и сопротивление власти. Нужны были огромные усилия партийного, советского и военного аппаратов, чтобы убедить крестьянина в необходимости идти на фронт. ЦК РКП(б), анализируя причины дезертирства, отмечал, что кроме глубоких социально-политических истоков, оно нередко питается и усиливается враждебной агитацией, дефектами мобилизации и формирования частей³⁹. Рост дезертирства в весенне-летний период объяснялся и тем, что мобилизации проходили в пору полевых работ, а деревне катастрофически не хватало рабочих рук. Из деревни в армию шли письма с жалобами, что некому сеять, косить, починить избу, что кулаки притесняют, не дают покоса, что задерживается выдача пособий и пр. Среди причин дезертирства заместитель председателя Высшей военной инспекции И.А. Данилов в мае 1919 г. называл самодурство, взяточничество, хулиганство и насилия, чинимые советскими работниками и коммунистами. "Получаемые с родины сведения о бесчинствах представителей Советской власти разлагающим образом влияют на фронт" - писал он. Беспокорство за необеспеченность семей и их притеснения являлись одной из причин побегов из армии³⁹.

Распространению дезертирства способствовала также безнаказанность ранее уклонившихся и убежавших из частей. Во многих письмах в армию сообщалось, что дезертиры свободно проживают в деревнях и борьба с ними не ведется⁴⁰. Ранее уклонившиеся и дезертировавшие держали в страхе сельские власти, разлагающе действуя на новых призывников. В Александровском уезде Владимирской губернии левые эсеры снабжали дезертиров оружием. Они объединились с несколькими тысячами "зеленых"

из Московского уезда. Посланные против них небольшие отряды красноармейцев были разбиты, часть была расстреляна, а часть живыми сожжена⁴¹. В Макарьевском уезде, где было много дезертиров и уклонившихся, при проведении мобилизации призывников 1899 г. рождения в 10 из 12 волостей крестьяне отказались явиться на сборные пункты⁴². В деревнях Костромской губернии за 2,5 месяца выявлено 10 494 дезертира, сообщал 13 мая во Всероссийский Главный штаб уполномоченный СНК А.В. Луначарский. Причина уклонений, писал он, не только в том, что крестьяне не хотят отпускать последних работников и тем губить свое хозяйство, но и в том, что "никакая новая мобилизация не будет проходить сколько-нибудь удовлетворительно, пока все кругом кишит уклонившимися". Крестьяне дезертируют "вовсе не из-за ненависти к Советской власти, а потому что плохо кормят и совсем не обувают"⁴³. 30 мая 1919 г. пленум Владимирского губисполкома Совета, обсудив вопрос об угрожающих размерах дезертирства и уклонений, постановил ходатайствовать перед ВЦИК о приостановке новых мобилизаций до ликвидации в пределах губернии дезертирства⁴⁴. Поскольку и другие губернии Ярославского военного округа были переполнены дезертирами, мобилизации в нем были временно прекращены⁴⁵. Проведение новых призывов без решительной борьбы с уклонениями и дезертирством теряло смысл.

Дезертирство и уклонения от призывов не только ослабляли Красную Армию, но и разрушали тыл. Сотни тысяч людей, практически оторванных от производительного труда, скрывающиеся в лесах (отсюда их название "зеленые"), стали находкой для контрреволюции. В прифронтовых губерниях банды дезертиров через белогвардейских офицеров устанавливали связи со штабами белых армий и выполняли их задания по разрушению тыла Красной Армии. Они терроризировали население, отбирали продукты, скот, уничтожали документы волостных исполкомов и военных комиссариатов, убивали коммунистов, сжигали их дома. Работники сельских Советов, боясь мести, не представляли списки призывников, не доводили до сведения населения распоряжения правительства, становясь невольными, а иногда и сознательными, сообщниками и укрывателями дезертиров. Деревня жила в страхе.

Вооруженные выступления крестьян с участием дезертиров в 1919 г. имели место во всех губерниях. Некоторые из них были настолько масштабны, что приходилось объявлять военное или осадное положение, привлекать войска. По подсчетам автора за январь-июль 1919 г. восстания произошли в 124 уездах Европейской России. В январе - феврале 1919 г. восстания произошли в отдельных волостях многих губерний, но больше всего их отмечено в Тверской губернии (в 16 волостях).

Наивысший подъем сопротивления крестьян весной дал март. В этом месяце крестьяне должны были сдать 30% годовой разверстки хлеба. На почве изъятия хлеба восстания произошли в Симбирской, Пензенской, Уральской, Оренбургской и части Казанской губернии. Это движение известно как "чапанная война" (чапан - верхняя одежда крестьян). Из поволжских деревень продотряды жестоко выколачивали хлеб, хотя, изъятый из амбаров и тайников, он погибал под дождем и снегом на станциях железных дорог из-за невозможности вывоза. По заключению Чрезвычайной ревизии Совета обороны, проводившей обследование продовольственной работы зимой-весной 1919 г. в Саратовской губернии, продкомы "не всегда понимали тонкости проводимой им политики", в каждом крестьянине видели "кулака" и "применяли зачастую крутые меры воздействия там, где не нужно было их применять, и даже там, где вредно было их применять"⁴⁶. Много безобразий продработники и коммунисты из уездных ЧК и исполкомов творили в Симбирской губернии. Здесь с крестьянами обращались как в худшие времена крепостного права. Так, председатель Сенгилеевского уездного комитета РКП(б) произвольно арестовывал крестьян, сажал их в "холодную", бил и издевался, участвовал в дележе конфискованных вещей. ЧК действовала в уезде как высшая политическая власть⁴⁷. Члены продотряда пьянствовали, дебоширили, бесцельно стреляли на улицах. Наибольшие притеснения и разорения испытывали состоятельные крестьяне, которые стали инициаторами восстания в крупном селе на Волге (с. Новодевичье). 4 марта по набатному звону крестьяне разоружили продотряд, арестовали председателя Сенгилеевской уездной ЧК и после истязаний утопили в проруби. В этом уезде в восстании приняло участие 25 тыс. крестьян⁴⁸. Они были поддержаны 176 пехотным полком, 2-й запасной батареей

г.Сызрани и жителями многих уездов Поволжья и Приуралья. Чтобы не дать перебросить карательные части, крестьяне разобрали часть железнодорожного пути Инза - Симбирск.

По настоянию Троцкого в Поволжье была направлена Особая комиссия во главе с П.Г.Смидовичем для выяснения обстоятельств восстания. Находясь в марте в расположении 1-й армии на станции Рузаевка Пензенской губернии, Троцкий видел масштабы крестьянского движения, о чем информировал Москву. Он настаивал на действенных мерах успокоения деревни, в том числе на "необходимости перемены хозяйственной политики", недостаточности лозунга "не смей командовать!"⁴⁹, провозглашенного Лениным на VIII съезде РКП(б). Но партия не видела необходимости перемены экономического курса: съезд внес коррективы лишь в политическую стратегию в отношении деревни, которая не сразу была осознана на местах, да и не осуществлялась на практике.

Почва для восстания, отмечала комиссия Смидовича, как и всюду, была создана мобилизациями, реквизициями скота, чрезвычайным налогом, продразверсткой, отделением церкви от государства. Комиссия установила многочисленные факты разрушения хозяйств середняков при сборе продразверстки и чрезвычайного налога, отмечала частые превышения власти советскими и партийными работниками, моральное разложение в среде коммунистов. Об этом же сообщал во ВЦИК М.С.Ольминский, собравший обширные сведения о восстании во время поездки агитпоезда "Октябрьская революция" по Симбирской губернии. Так, в Мелекесском уезде, где движением было захвачено 12-13 волостей, крестьяне включились в борьбу против бесчинствовавших и пьянствовавших комиссаров. Один из них, например, бил нагайкой служащих и предлагал за молчание 200 руб. В Мамадышском уезде председатель уездной ЧК Кузнецов, ее сотрудник Синков и начальник милиции Ведерников производили незаконные обыски, середняков и бедняков "подводили под кулаков", оскорбляли чувства верующих, жестоко расправлялись с крестьянами, а всякое проявление недовольства выдавали за бунты. Крестьяне Нижнесанчелевской волости объясняли, что они "вынуждены были восстать не против советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим,

которые грабили и разоряли крестьянское население и не входили в положение трудового крестьянства”⁵⁰.

Комиссия Смидовича, отметив слабую работу советской власти, признала распространенным явлением неправильное проведение декретов, произвол, насилия, угрозы, избиения, использование служебного положения в корыстных целях. Не умея и не желая понять крестьянских нужд, коммунисты в уездах “часто действовали приказом”⁵¹.

Восстание в Поволжье шло под лозунгами “Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции!”, “Долой коммунистов и коммуны! Долой жидов!”. В ходе восстания, отмечалось в докладе Смидовича, крестьяне фактически склонялись к позиции левых эсеров, влияние которых было заметно на каждом шагу, но заставить их за “контрреволюционной” работой удалось только в с. Слободском Бугурусланского уезда⁵².

М.В.Фрунзе, руководивший подавлением восстания, докладывал Троцкому и Ленину, что движение носило массовый и организованный характер и имело целью овладеть Самарой, Сызранью, Ставрополем (он был взят повстанцами). Опасность восстания он видел в его связях с наступлением Колчака в районе Уфа - Бирск. Касаясь причин восстания, Фрунзе отмечал, что “движение выросло на почве недовольства экономическими тяготами и мероприятиями. А в силу несознательности населения было направлено и использовано должным образом” агентами Колчака⁵³. В движении участвовало до 180 тыс. крестьян. Повстанцы уничтожили до 200 коммунистов и советских работников. В селе Усинском они истребили отряд в 170 человек⁵⁴. В то же время при подавлении восстания было расстреляно, по сведениям Фрунзе, свыше 600 “главарей” и “кулаков”⁵⁵. Но расстреливали, как свидетельствовали телеграммы с мест, не только “главарей”. Так, в Сызрани было взято в плен 400 повстанцев. Политический комиссар дивизии, действовавший в этом районе, Хасис, сообщал, что поступил “приказ всех расстрелять”⁵⁶. Кроме того, не менее 1000 человек при подавлении восстания было убито⁵⁷.

Одновременно с “чапанной войной” началось верхнедонское восстание, охватившее территорию в 10 тыс. км² и поднявшее тысячи казаков Вешенской, Еланской, Казанской, Мигулинской,

Слащевской, Усть-Медведицкой станиц⁵⁸. Оно было ответом на политику "расказачивания" и массового террора, проводимую Донбюро РКП(б) и РВС Южного фронта на основе преступного циркуляра Организационного бюро ЦК РКП(б). Оргбюро требовало поголовного истребления верхов казачества и богатых казаков, проведения беспощадного террора по отношению ко всем казакам, прямо или косвенно участвовавшим в борьбе с советской властью, полного разоружения и расстрела каждого, не сдавшего оружия. В результате террор проводился в массовом масштабе и без разбора.

Член Донского ревкома В.А.Трифонов 10 июня 1919 г., обращаясь к Ленину, писал, что обвинение всех казаков в контрреволюционности и необходимость их уничтожения - "плод незрелого размышления". Он считал, что Донбюро и Гражданупр Южного фронта не потрудились разобраться в жизни края, где они "налаживают советскую власть". В результате развязанного секретарем Донбюро РКП(б) Сырцовым террора только в Вешенском районе было расстреляно 600 человек. Не отставали и другие ревкомы. Ошибочным считал Трифонов и переселение крестьян из Центральной России на земли казаков. (По декрету Совнаркома от 24 апреля на Дон переселялась беднота северных губерний: Петроградской, Олонечкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской. Первые сотни переселенцев из Петроградской губернии прибыли в мае. Предполагалось их расселение в Котельниковском и Усть-Медведицком районах. См. ГАРФ., ф.130, оп.3, д.313, л.49). Переселенцы были вырезаны казаками. Циркулярная инструкция (имеется в виду директива Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г. - Т.О.) парторганизациям и телеграмма Колегаева (член РВС и председатель Особой продовольственной комиссии Южного фронта, бывший член ЦК партии левых эсеров, нарком земледелия - Т.О.) о необходимости террора по отношению к казакам и беспощадном их уничтожении распространялись казаками в качестве агитационного звания. Трифонов отмечал, что лучшего материала против коммунистов трудно придумать⁵⁹.

Этим восстанием казаки защищали свое право на жизнь. Для подавления восстания казаков были направлены войска в составе 39 800 штыков, 5570 шашек, 62 орудий, 341 пулемета. Крестья-

янские полки отказывались выполнять роль карателей, переходя на сторону повстанцев в полном составе, как сделал Сердобский полк, сформированный из крестьян Саратовской губернии⁶⁰. Сломить казаков Красной Армии не удалось. Восстание донских казаков помогло Деникину собрать силы (в его армии влилось до 30 тыс. казаков) и перейти в наступление, создав угрозу Москве. Тогда же весной восстали уральские и оренбургские казаки.

Весной 1919 г. начались восстания крестьян и дезертиров из Красной Армии в Астраханской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Тверской и других губерниях Центральной России и массовое антикоммунистическое движение крестьян Украины. Летом крестьянское сопротивление превратилось в настоящую войну с коммунистической властью.

Материалы Орловского военного округа, куда входили аграрные губернии центра страны, отмечают типичные явления среди крестьян. По данным на 26 мая, в Курской губернии на призыв в Красную армию явилась лишь одна пятая часть призывников, из них дезертировало более 40%⁶¹. В Орловской губернии дезертирство доходило до 75%⁶². В Елецком уезде на почве реквизиции хлеба произошло восстание 15-20 тыс. крестьян и дезертиров. Ими был схвачен и расстрелян комендант Елецкого укрепрайона Комаров⁶³. Воронежская губерния была переполнена дезертирами, число которых, несмотря на принимаемые меры, неуклонно росло. 21 марта военный комиссар Орловского округа Макаров сообщал в Центр, что в десяти южных уездах решено объявить военное положение. По его же сообщению от 30 марта, вся Воронежская губерния объявлена на военном положении, а некоторые уезды - на осадном⁶⁴. В конце мая - начале июня скопление дезертиров и нежелание крестьян идти на мобилизацию привели к восстаниям в Богучарском, Бирюченском, Валуйском, Задонском, Землянском, Калачевском, Новохоперском, Павловском уездах⁶⁵. Для их ликвидации требовались большие силы. То же происходило в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Курском, Путивльском, Старооскольском, Суджанском, Фатежском уездах Курской губернии, где дезертирство в конце мая достигло 50-70%⁶⁶. В Путивльском уезде (по данным на 13 июня) мобилизации вообще не давали результатов: дезертирство было поголовное⁶⁷. Для подавления восстаний кур-

ских крестьян, кроме местных сил, были использованы войска, отступавшие с Украины.

Причины восстаний крестьян в первой половине 1919 г. были те же, что и в конце 1918 г. Но к ним прибавилось левацкое стремление коммунистов ускоренными темпами перевести крестьян на общественную обработку земли. Съезд сельских исполкомов Рышковской волости Курского уезда в апреле 1919 г. постановил разогнать все созданные коллективные хозяйства, а имения разобрать, чтобы в них не были организованы коммуны. Крестьяне выполнили решение волостного съезда и, кроме того, потребовали от власти "снять с себя название коммунистической"⁶⁸. В Путивльском и других уездах мобилизованные требовали возвращения собранного с них чрезвычайного налога⁶⁹. Это требование широко выдвигалось и мобилизованными крестьянами в северных, северо-западных и промышленных губерниях.

В 20-е годы Д.Я.Кин проанализировал информационные материалы Политуправления РККА о крестьянских восстаниях, имевших место в первой половине 1919 г. в трех губерниях аграрного центра (Воронежская, Курская, Орловская). Из 238 выявленных им восстаний, 72 произошли на продовольственной почве (30,25%), 51 - на почве мобилизации (21,43%), 35 - восстания дезертиров (14,7%), 34 - из-за реквизиций (14,29%), 17 - из-за аграрных споров (7,14%) и 6 - на политической почве среди красноармейских частей (2,52%), остальные - по другим причинам⁷⁰.

Стоит обратить внимание на положение дел в Тамбовской губернии летом 1919 г., ибо без этого трудно будет понять истоки ожесточенности крестьянской войны в 1920-1921 гг. Летом здесь из 14 785 человек, подлежащих мобилизации, на призывные пункты явилось лишь 3108 (21%)⁷¹. На 20 июля в губернии числилось 48 572 дезертира, а к концу года уже 120 тыс.⁷² В районе станции Соседка Моршанского уезда дезертиры взяли в плен 60 коммунистов и убили 6 красноармейцев⁷³. В этом же уезде вооруженную борьбу 7 тыс. дезертиров против отрядов ВОХР поддержало население Алгасовской, Матчерской, Соновской, Пичаевской волостей. В Тамбовском уезде вооруженные выступления дезертиров были в четырех волостях, в Кирсановском - в районе Инжавино, ставшем центром крестьянской войны в губернии⁷⁴.

В конце 1918 г. с тамбовских крестьян взыскали огромную контрибуцию хлебом за участие в ноябрьских восстаниях. В 1919 г. в губернии была установлена продразверстка в 27 млн пудов. Но год выдался неурожайным и крестьяне прятали скудные остатки прошлогоднего хлеба. В июне стало ясно, что добровольной сдачи хлеба не будет⁷⁵. 20 июня Тамбовский губисполком констатировал полное прекращение сдачи хлеба крестьянами⁷⁶. 3 июля в восьми уездах было введено военное положение⁷⁷, чтобы сломить сопротивление крестьян. На фоне массового дезертирства применение вооруженной силы продотрядов для сбора хлеба лишь обострило положение. 26 июля Кирсановский уездный ВРК признал бессилие власти в борьбе с дезертирами, заложниками которых стали коммунисты и работники деревенских Советов. ВРК приказал волостным исполкомам, военным комиссарам и ячейкам РКП(б) взять заложников из кулаков, укрывателей дезертиров, самогонщиков и других, чтобы они отвечали головой за каждого убитого коммуниста и любое сопротивление крестьян⁷⁸.

В сводке о деятельности центральной и местных комиссий по борьбе с дезертирством за 16-30 июня 1919 г. отмечалось, что неудачи на фронтах, с одной стороны, и энергичная борьба комиссий по борьбе с дезертирами, не дающая им безнаказанно скрываться, с другой стороны, привели к восстаниям в большинстве губерний, достигшим наибольшей силы в тылу Южного фронта - в Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерниях. Там, соединившись с казаками, восставшие создали угрозу фронту⁷⁹. Восстания крестьян в аграрных губерниях Центра способствовали прорыву конницей генерала Мамонтова Южного фронта и его развалу. Крестьяне занятых казаками мест поощрялись к разгромам и грабежам складов, ссыпных пунктов, разрушению советского аппарата. Рейд Мамонтова по тылам Красной Армии сорвал возможность получения продовольственной дани с этих губерний.

В Самарской губернии дезертиры объединялись с казаками; для борьбы с ними использовались части 4-й армии⁸⁰. В Саратовской губернии дезертиров насчитывались десятки тысяч. Они дезорганизовали власть Советов в Пугачевском и Балашовском уездах; южная часть последнего стала центром сосредоточения "зеленых". В уезде были разграблены все советские хозяйства; на

митингах повстанцы призывали к соединению с Колчаком и Деникиным. В июне в Балашовский уезд вошли войска Деникина, которых крестьяне встретили как освободителей. Но и режим белой армии не принес облегчения крестьянам.

В начале 1919 г. Ленин в двух телеграммах потребовал от саратовских коммунистов беспощадного искоренения белогвардейщины, рекомендуя "обработку" особыми отрядами каждой волости прифронтовой полосы, подавления "зеленых", возвращения дезертиров⁸¹. По рекомендациям Ленина коммунисты Балашовского, Аткарского, Сердобского и Петровского уездов сформировали специальные отряды для борьбы с восставшими. "В это время, - писал в своих воспоминаниях председатель Саратовского губисполкома В.А.Радус-Зенькович, - кулаки Балашовского уезда, славшие делегацию за делегацией к Деникину и в большинстве волостей не сдавшие государству ни одного зерна из урожая 1918 г., получили должное возмездие за свои контрреволюционные действия"⁸². О том, с какой жестокостью расправлялись коммунистические отряды с восставшими крестьянами и дезертирами, можно видеть на примере действий отряда Черемухина, руководившего карательными акциями в губернии. Только в селе Малиновское его отряд, вступив в бой и разбив "зеленых" и восставших крестьян, сжег 283 двора. В четырех уездах за два месяца (с 18 июля по 22 сентября) отрядом было расстреляно 139 человек⁸³. Усмирены были и другие уезды. Отряды "зеленых" ушли в армию Деникина.

Как видим, летом 1919 г. крестьянство аграрного центра и Поволжья своей борьбой против политики советской власти, уклонениями от призывов и дезертирством из Красной Армии способствовало успехам Деникина. Однако неправомерно видеть в этом, как делает М.Бернштам, "историческое единородство повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением". Крестьянское сопротивление носило, вне всяких сомнений, антисоциалистический характер. Но оно не поддержало и режим белых.

Дезертирство и уклонение от призывов в армию крестьян Центрально-Промышленного района также приняли широкие масштабы, превратившись и здесь во внутренний фронт. В конце мая во Владимирской губернии 90% призывников уклонились

от мобилизации⁸⁴. В июле восстания произошли во Владимирском и Юрьев-Польском уездах⁸⁵. В оперативной сводке управления Нижегородского сектора войск внутренней охраны (ВОХР) сообщалось, что на почве мобилизации, взыскания чрезвычайного налога, учета и переучета хлеба, недовольства местными ячейками РКП(б) происходят убийства коммунистов, нападения дезертиров на Советы. В Семеновском, Лукояновском, Нижегородском, Павловском уездах Нижегородской губернии происходили восстания⁸⁶.

В Тверской губернии на сборные пункты не являлось до 80-85% призывников. С февраля по июль в губернии произошло 43 выступления дезертиров. В июле во всех 14 уездах губернии начались восстания. В Вышневолоцком и Корчевском уездах в них участвовало по семь волостей, в Бежецком и Зубцовском - по три, в Кашинском - две и т. д.⁸⁷ 1 июля губерния была объявлена на военном положении⁸⁸. В результате военных действий против 5 тыс. "зеленых" в Вышневолоцком уезде было убито и ранено 36 человек (из них 30 повстанцев), захвачено в плен с оружием в руках 700 человек, преимущественно дезертиров⁸⁹.

В июне - июле массовые выступления дезертиров и крестьян, переросшие в восстания, имели место в Московской, Вологодской, Костромской и Ярославской губерниях. Летом 1919 г. из десятков тысяч вооруженных дезертиров здесь организовались целые армии "зеленых"⁹⁰. В с. Красном (Костромская губерния), окруженном лесами, 600 дезертиров вступили в бой с отрядом Ярославского губчека под командой А.В.Френкеля, отличавшегося особой жестокостью при проведении карательных акций. Дезертиры были поддержаны 1500 крестьянами окрестных селений, вооруженными кольями и вилами. В итоге шестичасового боя было убито 50 крестьян, а всего в результате подавления восстания погибло 300 человек, расстреляно 60 руководителей, взяты заложники, на село наложена контрибуция в 500 тыс. руб. За два дня боев (14 и 15 июля) было сожжено пять селений⁹¹. В с. Саметь, подоженном отрядом Френкеля, сгорели 170 домов и завод. Сожжено было и село Никольское, хотя дезертиров здесь не было. В селах Лисково и Жарки отряды ЧК отобрали у крестьян все имущество⁹². 30 июля Френкель доносил из Ярославля, что им при подавлении восстания в Петропавловской волости убито

и расстреляно около 200 мятежников⁹³. Жертвами этого отряда нередко становились лица, непричастные к восстаниям и дезертирству. Костромской губвоенком Филатов отмечал крайнее озлобление крестьян действиями карателей. Об этом же во ВЦИК поступали сообщения из Ярославской губернии.

Крупным очагом дезертирского движения стал тыл VI армии Северного фронта. Движение началось одновременно на смежных границах Вологодской, Костромской и Ярославской губерний. В Ярославской губернии восстание распространилось на три района. В первом, охватившем Угличский, Мышкинский и Мологский уезды, руководили восставшими местный помещик офицер князь Гагарин, поручик Виноградов и офицеры Пашков, братья Озеровы и др. Второй район охватил весь север губернии - Пошехонский уезд, часть Рыбинского и Тутаевского уездов и прилегающие уезды Вологодской губернии. Здесь командовали "зелеными" граф Мейер, князь Голицын, прапорщик Максимов. Третий очаг - Любимский уезд, часть Даниловского и западная часть Костромской губернии⁹⁴.

20 мая в Угличском, Мышкинском и Мологском уездах восставшими были разогнаны волостные Советы, многие советские и партийные работники убиты. Два отряда дезертиров направились к Угличу и Мологе. В начале июня дезертирские отряды в этом районе были разбиты. Князь Гагарин и два его помощника офицера были убиты. 5 июня в районе Мологи был разбит и почти тысячный отряд Голицына. Крестьяне были отпущены по домам⁹⁵. Вскоре около г. Мышкина был разбит отряд поручика Виноградова⁹⁶.

Сложнее было в районе Пошехонья-Данилова и Любима, где создалась реальная угроза VI армии Северного фронта. 5 тысяч организованных и вооруженных дезертиров подошли к Пошехонью, разгромив по пути Советы, коммуны, взяв заложников из семей красноармейцев и коммунистов. 5 июля 1919 г. Реввоенсовет армии в районе восстания ввел осадное положение. Только 10 июля, сконцентрировав отряды из Вологды, Рыбинска, Ярославля, Грязовца, удалось разбить повстанцев⁹⁷. После этого за несколько дней в военкоматы явилось около 3000 дезертиров⁹⁸.

В Любимском и Даниловском уездах офицеры Пашков и Озеров привлекли значительную часть уклонившихся и призывни-

ков, организовав их в 12 отрядов по типу царской армии. Они называли себя "Народной армией", вели политическую работу, агитируя за Учредительное собрание. Восставшие громили Советы, разрушали мосты, железнодорожные пути, разграбили эшелон с оружием. К концу июля "зеленые" были рассеяны, но окончательно они были ликвидированы лишь в 1920 г. До пяти тысяч дезертиров укрывались в Уреньском крае Костромской губернии, где борьба с ними затянулась до 1921 г.⁹⁹, чему способствовали особенности этого лесистого отдаленного района.

Массовое уклонение от призыва и дезертирство из армии создавали еще один фронт гражданской войны, проходивший через каждую деревню. Это был крестьянский фронт борьбы. Зимой и весной 1919 г. колебания крестьян Сибири, Урала и Поволжья использовал Колчак. Летом 1919 г. на сопротивление крестьян продразверстке, на движение дезертиров в Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской, Тульской и других губерниях центра страны и Украины делал ставку Деникин, рассчитывая не только уничтожить Красную Армию на фронте, но и взорвать Советскую власть в тылу. И это ему в определенной мере удалось. В результате в начале июля "наступил один из самых критических, по всей своей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции", - признавал Ленин в письме "Все на борьбу с Деникиным!"

Движение дезертиров в Центральной России не получило освещения в советской исторической литературе. Поэтому даже такие исследователи, как О.Рэдки, М.Левин, М.Бернштам и М.Френкин, свободно ориентирующиеся в проблемах народного сопротивления в годы гражданской войны, считали, что оно существовало лишь в Черноморье (о чем имеется документальная работа Н.Вороновича) и отчасти на Украине. "В Средней России, на юге России и в Сибири, - пишет Бернштам, - зеленого движения не было, если не называть зеленым, как это часто ошибочно делается, просто политически разложившиеся отряды из матросов, из дезертиров Белой и Красной Армии или отряды грабителей, бандитов. Таковых было немало во все смутные времена во всех странах, при историческом анализе они выпадают в осадок"¹⁰⁰. Не зная о масштабах развития этого движения в Центральной России, Бернштам делает явно поспешный и необосно-

важный вывод: "Зеленое движение и третья сила (к ней он относит демократические и социалистические партии и массу российской интеллигенции - Т.О.) в историческом смысле оказались в значительной степени силой прокоммунистической, как и все левые движения, массовые и политические. Они сражались против белых и против национальной России, лишь отчасти и прерывно против красных"¹⁰¹. Стоит напомнить, что борьба украинских крестьян под руководством Н.Махно носила открытый политический антикоммунистический характер. В Поволжье и Центре страны дезертирско-зеленое движение также имело четко выраженную антикоммунистическую направленность. В июле 1919 г. дезертиров в европейской части России было 266 тыс., в августе - 284 тыс., а за все месяцы второго полугодия 1919 г. - 1545 тыс. человек.¹⁰²

В центре страны не оказалось политической партии, способной возглавить разрозненную и стихийную борьбу крестьян. Эсеры, программа которых была наиболее близка патриархальному крестьянству, находились в состоянии глубокого кризиса, не имея ни единого руководящего центра, ни низовых организаций, разгромленных коммунистами. Крестьянские восстания возникали стихийно, но их массовость создавала внутренний фронт, отвлекавший с боевых фронтов значительную часть сил Красной Армии. Для борьбы с повстанцами были созданы специальные части внутренней охраны (ВОХР, ЧОН), увеличена численность отрядов ВЧК и др.

В период борьбы с Колчаком и Деникиным одной из актуальных проблем борьбы с контрреволюцией в тылу стало возвращение дезертиров в армию. Ее неотложность диктовалась и тем обстоятельством, что к лету 1919 г. все призывные контингенты были исчерпаны. Пока мобилизационные ресурсы имелись, борьбе с дезертирством и уклонениями не уделялось большого внимания. Созданные на основе постановления Совета обороны от 25 декабря 1918 г. комиссии по борьбе с дезертирством не имели реальных сил и средств для работы. Объявленный тогда же "двухнедельник" добровольной явки дезертиров не дал результатов. Страна представляла из себя "кипящий котел"¹⁰³. В апреле-мае 1919 г. в период борьбы с Колчаком Совет обороны и Реввоенсовет борьбу с дезертирством и уклонениями выдвину-

ли как самую неотложную задачу. В апреле председатель Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, заместитель председателя Высшей Военной инспекции И.А. Данилов направил в ЦК РКП(б) письмо, в котором изложил план усиления деятельности комиссии. На первое место Данилов ставил политическую работу среди трудящихся и особенно в красноармейских частях. Но поскольку дезертирство “превратилось в запущенную болезнь”, с ним необходимо бороться и методами принуждения¹⁰⁴. Перед Реввоенсоветом республики он настаивал на принятии решительных мер как к дезертирам, так и к уклонившимся, поскольку их безнаказанность развращает население и разлагает армию¹⁰⁵. 23 апреля Политбюро ЦК РКП(б) постановило “развить самую широкую агитацию против дезертирства” через печать¹⁰⁶.

3 июня 1919 г. Совет Обороны принял постановление о мерах по искоренению дезертирства. Всем уклонившимся от мобилизаций и дезертировавшим из армии предоставлялась возможность загладить свое преступление добровольной явкой в ближайший военный комиссариат. Те, кто явится в течение недели со дня опубликования постановления, освобождались от суда и наказания. Неявившиеся объявлялись врагами и предателями трудящегося народа и подлежали строгому наказанию, вплоть до расстрела¹⁰⁷. Комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялось право среди прочих мер наказания применять конфискацию имущества или части его, лишение земельного надела или части его и передачу их во временное пользование семьям красноармейцев. Такие же меры могли быть применены и к укрывателям дезертиров¹⁰⁸. Совет Обороны обязывал военных комиссаров широко оповестить население о данном постановлении, расклеить его на железнодорожных станциях, во всех общественных местах, распространить в городах и деревнях.

Меры по искоренению дезертирства подразделялись на предупредительные и карательные. Решающее значение придавалось предупредительным, направленным на развитие и углубление политической сознательности и общего культурного уровня населения, особенно красноармейцев и призывников, расширению агитационно-пропагандистской кампании о вреде дезертирства, разъяснению массам того, что дезертиры не могут скрыть-

ся. В числе предупредительных мер не последнее место занимали разъяснения о карах злостным дезертирам и информация об осужденных приговорах. Постановление Совета Оборона значительно расширяло права комиссий по борьбе с дезертирством. Им предоставлялось право квалификации дезертиров, выявления среди них злостных, совершивших несколько побегов из частей, унесших оружие, создававших банды и пр. В качестве карательных мер комиссии могли проводить облавы в местах скопления дезертиров, проверку документов, правильность полученных отсрочек и т.д.

5 июня Центром дезертир издал инструкцию по проведению кампании добровольной явки дезертиров. Рекомендую проведение широкой разъяснительной работы в деревне, инструкция подчеркивала необходимость осторожного применения репрессивных мер, чтобы не вызвать осложнений. Так лишение земельного надела могло производиться лишь временно, до явки дезертира¹⁰⁹. Тогда же местные органы госконтроля получили циркулярное письмо за подписью И.А.Данилова, в котором предлагалось упорядочить работу органов социального обеспечения, т. к. беспокойство за небезопасность семей являлось одной из причин дезертирства. Пособия семьям красноармейцев, указывалось в письме, должны были выдаваться не позднее месяца со дня призыва¹¹⁰. Наркомзем распорядился создать в уездах и волостях комиссии из представителей военкоматов, земотделов и семей красноармейцев для выяснения нужд служащих в Красной Армии и добиваться удовлетворения их в первую очередь, не допуская волокиты, канцелярщины и халатности. Комиссии по борьбе с дезертирством должны были контролировать собесы и земотделы¹¹¹. За халатность и бездействие губком-дезертир мог привлечь органы собеса к суду¹¹². В качестве агитаторов рекомендовалось привлекать рабочих и крестьянок, особенно жен красноармейцев. Разъяснительная работа и преследование дезертиров в деревне развернулись в невиданных ранее масштабах.

Одновременно с расширением политической работы были усилены репрессивные меры. Сопrotивление крестьян мобилизации стало квалифицироваться центральной властью как бандитизм и уголовщина. 20 июня 1919 г. ВЧК и комиссиям по борьбе с дезертирством было предоставлено право расстрела за бандитизм и пособничество бандитам.

При каждом отряде губкомдеза находилась выездная сессия революционного трибунала для открытого суда над дезертирами и бандитами. Эти сессии, писал С.Оликов, работавший в комиссии по борьбе с дезертирами Орловского военного округа, были своеобразными “митингами-летучками”, преследовавшими пропагандистские и агитационные цели. Они проводили опрос дезертиров, свидетелей, затем выступали обвинители и защитники, выслушивались высказывания и возражения населения. Часто суды превращались в митинги, где выяснялся основной вопрос: “Зачем воевать?” Это были суды не столько над личностями дезертиров, сколько над контрреволюционными настроениями и над причинами, вызвавшими дезертирство, а также над темнотой и “слабостью воли” дезертиров. Приговоры обыкновенно носили условный характер, с предложением идти на фронт искупать вину¹³.

Вот типичный пример работы комдеза летом 1919 г. в одной из зажиточных волостей Ливенского уезда Орловской губернии, переполненной дезертирами. Прибыв в волость, комдез призвал их к добровольной явке. Но деревни словно вымерли - люди спрятались, скот угнали, на избах замки, говорить было не с кем. Председатель волисполкома подтвердил, что дезертиров много, но население твердо решило не выдавать их. Начальник отряда расклеил извещения, что если через 4 часа дезертиры не явятся, приступят к описи имущества и отправке его в уезд. Население стало возвращаться, но без дезертиров. Отряд в переговоры не вступал. По истечении срока приступили к описи и погрузке имущества. Через час после этого население потребовало начальника отряда на сход. После короткой беседы постановили: “Всем дезертирам идти на фронт”. Имущество было возвращено. Дезертиры с песнями пошли в Ливны. По дороге к ним присоединялись толпы дезертиров из соседних сел. Через день 7 тысяч дезертиров вернулись в Ливны¹⁴. В Рязанской губернии около 11 тысяч дезертиров добровольно явились в армию¹⁵. Крестьяне Краснококшайского, Демянского, Холмского, Кирсановского, Калужского и других уездов обязались сами развернуть беспощадную борьбу с дезертирством и привлечь уклонившихся от призыва к строжайшей ответственности¹⁶. В июне было задержано 44 тысячи дезертиров, а добровольно явилось 156 тысяч. Из

них злостными (т.е. уклонившимися от призыва или дезертировавшими более двух раз, уносившими оружие, снаряжение, враждебно относившимися к Советской власти) были признаны 8 тысяч, дезертирами по слабости воли - 192 тысячи¹¹⁷. Срок добровольной явки дезертиров продлевался несколько раз. По данным семи военных округов на 26 июля 1919 г. добровольно явилось и было задержано 380 597 дезертиров. Из них добровольно явилось 47%¹¹⁸.

Вернуть полтора миллиона дезертиров в армию и погасить пожар крестьянской войны не удалось ни репрессиями, ни массивной идеологической обработкой населения, ни мерами экономической помощи семьям красноармейцев и льготами средним крестьянам по налоговому обложению, ни помощью кустарям, ни амнистией крестьянам, по "несознательности" участвовавшим в восстаниях. Перелом наступил лишь тогда, когда Деникин стал приближаться к Москве. Реальная угроза возвращения помещиков на некоторое время ослабила волну крестьянской войны. Пошли на убыль восстания. Сельские сходы Новохоперского, Воронежского и других уездов стали выносить постановления о добровольной выдаче дезертиров, улучшилась явка мобилизованных. В Курской губернии дезертирство сократилось до 2-5%¹¹⁹, в Тамбовской - до 20%¹²⁰. В Тамбов, Тулу, Рязань и другие города дезертиры возвращались тысячами, требуя оружия и отправки на фронт¹²¹.

В эти месяцы в армию вернулось 975 тысяч дезертиров, из них 95,7% добровольно. Из 100 тысяч злостных дезертиров 55 тысяч были направлены в штрафные части, 5934 приговорены к тюремному заключению (в большей части условно), 4112 к условному расстрелу, 612 - к расстрелу (главари и активные участники банд). Основная масса вернувшихся дезертиров была направлена в запасные части и только 286 тысяч отправлены на фронт¹²².

Крестьяне дезертировали не только из Красной армии. В тылу Колчака и Деникина из крестьян - дезертиров и уклонившихся от мобилизации создавались партизанские отряды. В ноябре 1919 г. в тылу Деникина действовало более 100 тысяч партизан, на Южном фронте свыше 25 тысяч вооруженных крестьян присоединились к Красной армии¹²³. Г.К.Орджоникидзе 19 ноября 1919 г. в письме Ленину, обобщая опыт крестьян Украины, Орловской и

Курской губерний, писал: "Безусловно, что крестьяне не прочь были попробовать, что им даст Деникин, поэтому к нам при нашем отступлении относились если не враждебно, но в лучшем случае безразлично. Не то теперь. К нам идут добровольцы, возвращаются дезертиры и просятся на фронт. Крестьяне "просят принять все меры, чтобы не пустить больше деникинцев". В сознании населения, разоренного белой армией, совершился переворот - "крестьянство повернуло в нашу сторону". Теперь крестьяне не говорят "красные и белые", а просто - "наши" и "Деникин"¹²⁴.

Однако разгром Колчака и Деникина не облегчил положения крестьян. Более того, государственный гнет усилился. В конце 1919 г. вновь начались многотысячные восстания. Повстанцы Красноуфимского и Осинского уездов Пермской губернии в середине декабря угрожали городам Вятской губернии: Сарапулу, Воткинску и Ижевску¹²⁵. Крестьяне Новохоперского уезда Воронежской губернии отказались снабжать воинские части продовольствием, фуражом, подводами¹²⁶. На военном положении находились смежные уезды Костромской и Нижегородской губерний: Ветлужский, Варнавинский, Воскресенский, Семеновский¹²⁷. Два уезда Ярославской губернии, Даниловский и Любимский, были на осадном положении¹²⁸. В марте 1920 г. восстаниями были охвачены Богородицкий, Чернский, Крапивенский, Лихвинский, Ряжский уезды. Самыми "ненадежными" губерниями вновь стали поволжские и приуральские, где катилась мощная волна "вилочного восстания", предворяя девятый вал крестьянского негодования.

Ленин, как уже говорилось, отрицал массовый характер крестьянских выступлений¹²⁹. Не находя вины коммунистов в провоцировании крестьянской войны, он все формы сопротивления деревни называл бандитизмом. Лишь после восстания моряков Кронштадта в ноябре 1921 г., ретроспективно обзоревав пройденный страной путь, Ленин наконец признал, что и до 1921 г. "крестьянские восстания... представляли общее явление для России"¹³⁰.

В 1919 г. Советская власть сумела одержать убедительные победы над силами реставрации. Однако в силу антикрестьянской направленности экономической политики и отношения к крестья-

янтву лишь как к объекту, подлежащему революционному (т.е. с применением насилия) перевоспитанию, ей не удалось одержать убедительных побед в борьбе с крестьянством. Летом 1919 г. наступление армии Деникина и крестьянские восстания поставили коммунистический режим на грань катастрофы. Но белым генералам еще более не было дано понять крестьянство, признать его демократические права, безвозмездно отдать ему землю, остановить грабежи и насилия. Колеблясь, крестьянство из двух зол выбрало меньшее, т.е. советскую власть, дав шанс правительству добиться взаимопонимания с деревней. Но осознать необходимость изменения отношений с крестьянством, ослабить в этот год государственный нажим на деревню партия коммунистов оказалась неспособной.

Крестьянское сопротивление расширяющейся системе “военного коммунизма” в 1919 г. превратилось в постоянный фактор гражданской войны.

5.2. Девятый вал крестьянского сопротивления

1920 год... На территории Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири уже нет интервентов и белых армий. Но в 36 губерниях сохраняется военное положение¹³¹: по-прежнему идет борьба с крестьянством. Крестьянство не хочет мириться с “военным коммунизмом” как системой отношений города и деревни. В 1920 г., по признанию опытного карателя и выдающегося военачальника М.Н.Тухачевского, Красной Армии приходилось подавлять уже не отдельные “кулацкие” выступления, а вести борьбу с народом.

Одним из первых необходимость отказа от “военного коммунизма” осознал Троцкий. Под влиянием настроений армии и знакомства с состоянием хозяйственной жизни Урала он пришел к выводу, что “методы военного коммунизма, навязанные нам всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя и что для подъема сельского хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок”¹³². 4 февраля 1920 г. в докладной записке в ЦК РКП(б) он писал: “Нынешняя политика уравнилельной реквизиции по продовольственным нормам,

круговой поруке при ссыпке и уравнильного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны". Продовольственные ресурсы, говорилось в записке, грозят иссякнуть и никакое усовершенствование реквизиционного аппарата не сможет помочь. В связи с этим он предлагал заменить изъятие излишков (продразверстку) процентным отчислением, своего рода подоходно-прогрессивным налогом, который создал бы материальную заинтересованность в расширении запашки и лучшей обработке земли¹³³.

Однако Троцкий не получил поддержки: за его предложение голосовали 4 члена ЦК, против - 11¹³⁴. Ленин был категорически против отмены продразверстки. 6 марта 1920 г. на заседании Московского Совета он еще раз подчеркнул, что по отношению к "мелкобуржуазным собственникам, к мелким спекулянтам, число которых миллион... наше отношение к ним есть отношение войны. Это мы заявляем прямо, и это лежит в основе диктатуры пролетариата"¹³⁵. Ленина поддерживало большинство партии. Н.Осинский, например, резко высказывался против замены продразверстки налогом даже в ноябре 1920 г. Пробуждение у крестьянина стимула к развитию хозяйства он считал курсом на кулака, а восстановление свободной торговли - срывом государственных (принудительных) заготовок. Он предлагал не ослаблять принуждение, а наоборот, усилить государственное вмешательство в частное сельскохозяйственное производство крестьян¹³⁶.

Политика ЦК РКП(б) и Совнаркома дорого обошлась народу. Только через год Ленин понял: продразверстка была основной причиной глубокого экономического и политического кризиса¹³⁷. Но и тогда он считал, что "большие массы не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас"¹³⁸.

Кризис доверия крестьянства к советской власти Ленин относил лишь к весне 1921 г. Но уже в 1919 г. гражданская война между "красными" и "белыми" шла параллельно с войной крестьянства против политики "военного коммунизма", а в 1920 г. она стала "девятым валом" народного возмущения.

В январе - марте 1920 г. в уездах Казанской, Уфимской, Самарской губерний катилась волна "вилочного восстания" (дру-

гое его название - восстание "Черного орла и земледельца"). Предыдущий год, как и 1920-й, был в этих губерниях неурожайным. Однако власти с этим не хотели считаться, хлеб выгребался "под метлу". Продовольственное совещание Мензелинского уезда потребовало выполнения разверстки в 10 дней, "не останавливаясь перед арестами и применением вооруженной силы"¹³⁹. Действуя в соответствии с этим, уполномоченный уездного продкома Пудов 20 января за отказ сдать 100% разверстки в с. Новая Елань Троицкой волости арестовал 20 человек, в том числе женщин, и посадил их в холодный амбар. Не добившись мирного освобождения арестованных, крестьяне решили перебить продотряд (35 человек). Пудов с частью отряда сбежал, а крестьяне разослали гонцов в соседние села, поднимая их на восстание. Пламя восстания распространилось с невероятной быстротой. К середине февраля оно охватило почти 90 волостей шести уездов: Мензелинского, Уфимского, Белебеевского, Бирского, Чистопольского, Бугульминского¹⁴⁰. В Мензелинском уезде в 14 восставших волостях в движении участвовало 40 тысяч человек. Руководил ими штабс-капитан Шумановский¹⁴¹. В Бирском, Уфимском, Белебеевском уездах в восстании участвовало 15 тысяч, из них 1500 человек конных¹⁴². Крестьяне намеревались захватить Мамадыш, Елабугу, Кукумор, Вятские Поляны, где находились ссыпные пункты, чтобы не допустить вывоза хлеба из губернии¹⁴³. Общая численность восставших по донесениям ЧК достигала 400 тыс. человек.¹⁴⁴ Восстание подавили части регулярной армии в составе 10 тыс. штыков и сабель, усиленных артиллерией и бронепоездами. В ходе восстания были убиты сотни коммунистов и советских работников: в Мензелинском уезде - до 300 человек, Белебеевском - 200 коммунистов, Бугульминском - более 100 человек¹⁴⁵ и т.д. Потери повстанцев в Мензелинском уезде: убито 544 человека, ранено 465, взято в плен 224¹⁴⁶. Всего повстанцы потеряли 637 человек убитыми и 3235 было взято в плен¹⁴⁷, но эти данные далеко не полные.

Сообщения о нарастающем вооруженном сопротивлении крестьян поступали в Москву со всех сторон - из Витебской, Вятской, Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Смоленской, Тульской и других губерний. На первом месте по активности борьбы были крестьяне Уфимской, Вятской, Перм-

ской, Екатеринбургской губерний, где хлеб также выбирался “под метлу”.

В 1920 г. в связи с Польской кампанией вновь поднялась волна дезертирства, давшая за январь-июнь 1093 тыс. человек¹⁴⁸, а добровольная явка дезертиров уменьшилась в два раза¹⁴⁹. Армия дала деревне талантливых организаторов и руководителей повстанческо-партизанской войны крестьянства на Украине, в европейской части России и Сибири. Одна социальная среда и сходные политико-экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с органами власти. Повстанцев поддерживали широкие массы крестьянства.

Как уже отмечалось, в официальных документах все формы борьбы крестьян против государственного гнета именовались контрреволюцией и бандитизмом. 19 февраля 1920 г. Совнарком принял еще одно постановление, подписанное Лениным: “О мерах борьбы с бандитизмом”. В целях решительной борьбы с усилившимся бандитизмом СНК предоставил ВЧК и Ревтрибуналу Республики право создавать военно-революционные трибуналы в местностях, лежащих вне фронтовой полосы. Их суду подлежали лица, обвиняемые в вооруженных грабежах, разбойных нападениях, налетах. (Заметим, что все это и были типичные приемы крестьянской войны.) “Приговоры ревтрибуналов, - говорилось в постановлении СНК, - безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат”¹⁵⁰. Возглавил Центральную комиссию по борьбе с бандитизмом заместитель председателя РВСР Э.М.Склянский. Для подавления крестьянской войны предназначались крупные силы РККА, ВОХР, ЧОН.

Причины и истоки развития “бандитизма”, а по существу крестьянского повстанчества, Ленин пытался объяснить в докладе на X съезде РКП(б). В переломный момент перехода от войны к миру он назвал демобилизацию армии и связанные с ней трудности одной “из главных причин той суммы ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем”¹⁵¹. В демобилизации он видел “источники целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического”¹⁵². Она, по убеждению Ленина, вызвала “что-то среднее между войной и миром”¹⁵³. Демобилизованные, вернувшись домой, застают в деревнях невероятные

трудности, "не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее как на единственное ремесло, - мы оказались втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, который можно объединить одним словом: бандитизм"¹⁵⁴. Демобилизованная армия давала повстанческий элемент в невероятном количестве, подчеркивал он.

Все это бесспорно, но демобилизация армии началась значительно позже крестьянской борьбы против "военно-коммунистической" системы. Только в октябре 1921 г. Ленин признал: "...наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов... Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 г."¹⁵⁵ Тогда же он признал, что отступление от прежней политики "нельзя назвать ничем иным, как сильнейшим поражением"¹⁵⁶. Крестьяне всеми доступными средствами боролись с коммунистической политикой в деревне, широко, хотя и разрозненно, применяя методы крестьянской войны.

Особенностью крестьянских выступлений 1920 г. стало втягивание в борьбу с коммунистическим государством армии, на 77% состоявшей из крестьян. Крестьянское недовольство передавалось армии, выливаясь в дезертирство, восстания, отказы выполнять карательные акции. Одно из крупных армейских восстаний произошло в Заволжско-Уральском районе летом 1920 г. Оно известно в истории как "сапожковщина". Оценку как восстания в целом, так и личности его руководителя советская историография давала в соответствии с идеологическими стереотипами того времени.

В отличие от многих восстаний, где организаторами и руководителями выступали белогвардейские офицеры, это восстание возглавил командир Красной Армии А.С.Сапожков, герой борьбы с колчаковцами, дутовцами, толстовцами, награжденный орденом Красного Знамени. А.С.Сапожков происходил из крестьян Новоузенского уезда Самарской губернии, левый эсер. В 1918 г. он был председателем уездного Совета, в 1920 г. командовал 9-й

кавалерийской (2-й Туркестанской) дивизией. Ее состав пополнялся крестьянами Новоузенского, Пугачевского и Самарского уездов, недовольными продрозверсткой, трудовыми повинностями и прочими тяготами “военного коммунизма”. Немало их, как и семей рядового и командного состава дивизии, пострадало от действий продотрядов. Настроение крестьян отражали некоторые близкие Сапожкову командиры: Ф.Зубарев, Ф.Долматов, Дворецкий, Осипов, Плеханов, Усов, В.Серов, братья Мосляковы и другие¹⁵⁷. Некоторые из них в 1918 г. были левыми эсерами. Видя нарастание брожения в дивизии, командующий Заволжским военным округом отдал приказ о снятии Сапожкова с командования дивизией и отправке на учебу. Приказ был воспринят как политическое недоверие и послужил толчком к заговору. 14 июля 1920 г. заговорщики арестовали в частях коммунистов и всех, кто пытался воспрепятствовать их замыслу¹⁵⁸. В воззвании “Ко всем трудящимся и красноармейцам” Сапожков писал, что в Советской России “власти тружеников-крестьян давно уже не существует”, с их мнением “считаться не хотят” и они “нужны только для того, чтобы с них брать все необходимое и на это взятое держать свою власть”¹⁵⁹. Захватив Бузулук, Сапожков реорганизовал свои силы в “1-ю Красную Армию Правды”. 15 июля в ней насчитывалось около 3 тыс. человек. Основу этой армии составили 49-й, 50-й кавалерийские полки 2-й Туркестанской дивизии и формировавшаяся батарея 1-й кавдивизии. А.С.Сапожков рассчитывал привлечь к восстанию других популярных командиров Красной Армии, в частности Е.Н.Почиталина и И.М.Плясункова, но они не поддержали его. Восстание распространилось на хлебные районы Заволжья: Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую и Оренбургскую губернии. Маневрируя в хорошо знакомом ему районе, Сапожков удерживал значительные силы Красной Армии. Против него действовали четыре батальона особого назначения, отряд курсантов пехотной школы, ряд подразделений ВОХР и др. - всего: 12362 штыка, 1654 сабли, 89 пулеметов, 46 орудий, т.е. все наличные силы округа и 156-й кавалерийский батальон из Москвы¹⁶⁰.

Ленин, требуя скорого и решительного подавления движения, настаивал на его изоляции от населения. Он рекомендовал “пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содей-

ствия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных, главарей; от селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия"¹⁶¹.

Основные силы повстанцев были разгромлены в сентябре. К суду было привлечено 150 активных участников (сам Сапожков был убит в бою), из которых 52, в том числе 18 бывших командиров Красной Армии, приговорены к расстрелу¹⁶². Но еще и весной 1921 г. в смежных уездах Уральской, Самарской и Саратовской губерний борьбу вели десятки крупных партизанских отрядов крестьян. Части повстанцев, которыми командовал В.Серов (левый эсер), были ликвидированы лишь в апреле 1922 г.

Третий год борьбы с коммунистическим государством внес в крестьянское движение качественные изменения: вместе с расширением территориального охвата оно становится осознаннее, организованнее. Появляются авторитетные руководители - крестьянские вожди, создающие военные формирования; широко применяются партизанские методы борьбы. Движение выдвигает политические лозунги, отвергающие диктатуру одной партии, восстанавливающие демократичность выборов в органы власти. Крестьянство с оружием в руках выступает против социальных экспериментов коммунистов, ликвидируя колхозы и совхозы; протестуя против концентрации земли государством, требует отмены продовольственных, натуральных и других видов повинностей, разрушающих хозяйства. Это была борьба против политики и методов коммунистического руководства деревней. 1920 год - решающий год крестьянской революции.

Наращение борьбы крестьян пытались использовать эсеры, вернувшиеся к мысли о насильственной ликвидации пролетарской диктатуры. Готовясь возглавить народную войну, ЦК партии эсеров 13 мая 1920 г. дал директиву создать на местах новые организации - союзы трудового крестьянства (СТК), поставив их задачей организацию восстаний и ликвидацию Советов. Тогда же полковник Махин разработал тактику подготовки и развития повстанческого движения, положив в основу накопленный опыт повстанческо-партизанских действий черноморских и украинских крестьян¹⁶³. Он указал стратегические направления действий

повстанцев - важные железнодорожные узлы, переправы через большие реки и др. "Стратегия властно диктует начинать народное движение на возможно большей территории, а лучше повсеместно. Сила одновременного и повсеместного выступления громадна, - писал он. - Никакая власть не в состоянии справиться с ним. Моральное воздействие такого выступления на войска, защищающие власть, огромно. Армия, составляющая кость от кости и плоть от плоти народа, невольно воспримет общее настроение и пойдет рука об руку с народной массой"¹⁶⁴.

В сентябре 1920 г. в Москве состоялась нелегальная конференция представителей ЦК правых эсеров и эсеровских организаций Сибири, Кубани, Поволжья и других мест. На ней был поставлен вопрос об изменении тактики в борьбе с коммунистической диктатурой. На сомнения некоторых - как бы не повторить 1918 г. и не расчистить борьбой с коммунистами путь реакции, конференция голосами непримиримых звала на союз с кем угодно, лишь бы свергнуть коммунистов¹⁶⁵. Усилиями правых эсеров СТК были созданы в Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Самарской губерниях. В Сибири СТК заменил "Крестьянский союз", руководимый эсерами и народными социалистами.

К апрелю 1921 г. в стране действовало, по официальным неполным данным, 165 крупных крестьянских отрядов. Примерно в 140 из них насчитывалось более 118 тыс. сторонников эсеров¹⁶⁶. Эсерами были организованы восстания в Северном Казахстане. В одном только районе Славгород - Павлодар - Семипалатинск участвовало до 16 тыс. повстанцев. В Алтайской, Екатеринбургской, Омской и Тюменской губерниях недовольство "военным коммунизмом" вылилось в мощное политическое восстание 100 тыс. крестьян¹⁶⁷. Главные лозунги крестьянских восстаний во всех районах были одни: Советы без коммунистов и отмена монополии на хлеб. Руководили восстаниями бывшие командиры партизан.

В Центральной России синонимом крестьянской войны против политики "военного коммунизма" и образцом применения повстанческо-партизанской тактики стало восстание в Тамбовской губернии, во главе которого стоял независимый эсер А.С. Антонов. Оно не является "белым пятном" в истории гражданской войны. Но в литературе до 90-х годов были раскрыты

лишь методы борьбы государства, его карательных органов с восстанием. Оставались неосвещенными история движения, его организация и др. В последнее десятилетие проблематика исследований значительно расширилась, но многое в его истории еще нуждается в уточнении. Современные авторы относят начало движения к 19 августа 1920 г., когда эсер Г.Н.Плужников на собрании крестьян с.Каменка Кирсановского уезда "официально" объявил начало восстания и огласил программу Союза трудового крестьянства. Коммунисты-участники борьбы с "антоновщиной" отодвигают его начало даже на конец 1920 г. Однако изучение материалов фонда Тамбовского губисполкома позволяет считать началом движения более ранние месяцы.

Уже в ноябре 1919 г. в Кирсановском уезде был создан уездный ревком и формировались силы для борьбы с Антоновым¹⁶⁸. В январе 1920 г. уезд был объявлен на военном положении¹⁶⁹. В Козловском уезде в 1919 г. везде были разгромлены совхозы и волостные исполкомы, за исключением нескольких волостей его юго-западной части. 15-20 февраля 1920 г. началось движение крупных сил антоновцев с двух сторон уезда - с северо-востока и юго-востока. С 18 по 23 февраля крестьянскими отрядами ликвидируются волостные Советы в десяти волостях, граничащих с Тамбовским и Моршанским уездами, где сельские Советы сами прекратили свою деятельность. В марте были сожжены здания Советов, строения совхозов, ссыпные пункты и пр. еще в пяти волостях. В апреле, отступая из Тамбовского уезда, антоновцы еще раз пронесли по Козловскому уезду, сжигая дома, убивая председателей Советов. На этот раз было уничтожено семь волостных Советов в северо-западной части уезда, сожжены лесопильные заводы, совхозы, захвачены станции Хоботово, Бригадирское, Кочетовка. В мае были вторично произведены погромы в Васильевской волости, в третий раз - в Глазковской и др. У крестьян было взято 50% лошадей¹⁷⁰. В середине мая 1920 г. в девяти волостях уезда создано полное безвластие, в 17 работа была "ниже нормальной"¹⁷¹. В январе - феврале движение повстанцев развивается в Инжавинском районе Кирсановского уезда¹⁷², где все мужчины ушли в армию Антонова¹⁷³. Сельские сходки создавали новые органы власти - Союзы трудового крестьянства.

В мае 1920 г. VI губернский съезд Советов отмечал “бандитизм” в губернии, еще не видя и не понимая истоков и глубины движения¹⁷⁴. Руководство губернии долго не могло вникнуть в сущность “бандитизма”, убаюкивая себя и Центр радужными отчетами. Так, в конце декабря 1919 г. зав. губернским отделом управления Н.М.Немцов докладывал в НКВД: “В настоящее время общее положение во всех отношениях можно считать вполне устойчивым и удовлетворительным. С политической стороны губерния... должна быть отнесена к числу губерний, где советская власть прочно укрепилась и преимущества этой власти трудящихся перед другими формами государственного управления вполне осознаны населением”¹⁷⁵. А в феврале 1920 г. он уже признавал, что волостные и сельские Советы “до сих пор не очищены от кулацкого элемента”¹⁷⁶. Руководство губернии еще долго все трудности сводило только к неопределенному влиянию кулаков и эсеров, признавая тем самым слабое коммунистическое влияние на деревню, отрыв власти от крестьянских масс.

Но причины массового крестьянского сопротивления коренились в разрушительных свойствах продовольственной разверстки, ее непомерности и ничем не ограниченном, поощряемом сверху насилии при ее взимании, в крупных и мелких злоупотреблениях продработников.

К 20 октября 1919 г. в губернии было заготовлено всего 100 тыс. пудов хлеба¹⁷⁷. Вместо того, чтобы вникнуть в суть дела, нарком продовольствия А.Д.Цюрупа потребовал не только собрать разверстку, но и вернуть хлеб, разграбленный во время набега Мамонтова¹⁷⁸. 16 октября он предупреждает, что за несдачу 15 ноября 1919 г. 30% нормы “придется приступить [к] карательной реквизиции всех ста процентов разверстки, чего как [по] политическим причинам, так [и за] недостаточностью сил желательно избежать”¹⁷⁹. Опытный продработник, член коллегии Наркомпрода Д.Е.Гольман, хорошо знавший ресурсы губернии и находившийся там в это время, полагал, что получить можно не более 3,5-5 млн пудов хлеба¹⁸⁰. Товарообмен результатов не дал. Оставался один способ извлечения хлеба - реквизиция. Гольман предупреждал, что крестьяне мирятся только с теми реквизициями, которые проводятся согласно декретам, а не носят форму грабежа¹⁸¹.

Однако для нового губернского комиссара по продовольствию молодого коммуниста Я.Г.Гольдина, недавно присланного из Москвы, взыскать 27 млн пудов разверстки казалось легким делом. Все надежды он возлагал на применение силы. Продовольственный вопрос, говорил он на V губернском съезде Советов 17 ноября 1919 г., есть исключительно вопрос силы¹⁸². "Без силы мы ничего не возьмем. Но этого мало. Перед нами вопрос, как применять силу и как действовать"¹⁸³. Гольдин был готов ко всему. "Взять хлеб силой и железом" - стало его девизом¹⁸⁴.

Из всех уездов посыпались жалобы. Вот несколько документальных свидетельств. В селе Б.Липовица Тамбовского уезда уполномоченный по продразверстке Тарасов и начальник продотряда Халунцев ради забавы зарыли по шею в землю 75-летнего старика Ерохина. Губпродкомиссар Гольдин встал на их защиту¹⁸⁵. В том же селе уполномоченный губпродкома, он же член продовольственной коллегии губернии (фамилия не названа. - Т. О.), 5 марта с продотрядом в 15 человек остановился в доме крестьянина Моссова, которого они без оснований заподозрили в укрытельстве сына, якобы дезертира (он был уволен из армии "по чистой"). За это пересекли плеткой всю семью: жену, трех сыновей, дочь и зятя Булатова, которого били прикладами, не позволяя кричать под угрозой расстрела. Три дня бесплатно питались, заставляя семью работать на отряд. У Моссовых, кроме продовольствия, были забраны личные, хозяйственные и другие вещи¹⁸⁶. В селе Новая Слобода Чернявской волости того же уезда агент упродкома Попов, производя самовольные реквизиции, добился выполнения разверстки, а при оформлении акта уменьшал количество и вес взятых продуктов¹⁸⁷. В Туголуковской и Кабано-Никольской волостях Борисоглебского уезда продотряды не составляли акты на конфискованные вещи, население избивалось плетками, насильовались женщины. В деревне Протасовка агент Сунис подвергал пыткам не выполнивших разверстку¹⁸⁸. В Демшинской волости Усманского уезда комендант отряда Светлов сек женщин плетками, бил и членов Совета. На вопрос председателя Совета Шишкина "имеете ли вы право сесть?" - был дан ответ: "Декрета о запрещении бить плетками нет"¹⁸⁹. В этом же селе крестьянин И.Н.Чернышев, боясь лишиться имущества за не сдачу картофеля, которого у него не было, вырыл из

земли уже посаженный резаный картофель¹⁹⁰. При реквизиции хлеба в Павловской волости были избиты и подвергнуты издевательствам 40 человек, изнасилованы жены красноармейцев, совершены грабежи, у семей красноармейцев отобран весь хлеб¹⁹¹.

На армейской партконференции, состоявшейся 29 июля 1921 г. в Тамбове, А.С.Казаков (один из руководителей борьбы с крестьянским "бандитизмом") рассказывал следующее. "Крестьян, с целью выполнить всю разверстку, подвергали пыткам и пыткам ужасным: наливали в сапоги воды и оставляли на морозе, опускали в колодцы, подпаливали бороды, стреляли из револьверов мимо уха и т.д. и т.п. Нередко эти пытки применяли к тем, кто выполнили всю продразверстку, однако от этих требовали новых взносов. В губпродком летели тысячи жалоб о незаконных действиях продотрядов и агентов на местах, однако, эти заявления не рассматривались, не давалось соответствующего хода делу". А.С.Казаков, как и всякий коммунистический деятель тех лет, объяснял "незаконные действия" продорганов тем, что посылаемые ими в деревни продотряды в значительной части состояли из дезертиров, а продагенты - из эсеров, кооператоров, сознательно дискредитировавших Советскую власть в деревне¹⁹². Однако Тамбовский уездный комиссар по продовольствию Волк-Карачевский докладывал уездному исполкому 11 июня 1920 г.: хлеба и картофеля у крестьян нет, вместо них готовы сдать скот. На ультимативные требования предлагают арестовать себя: всюду плач вдов, жен красноармейцев. В селах Панзарской волости с нескольких сот жителей собрали только 25 пудов. "Но их взяли так, - признавался комиссар, - что не оставили ни одного фунта на семью. Как быть, что предпринять? Хлеба в действительности нет"¹⁹³. В Москву поступало много сообщений о настоящем голоде в губернии. Но с этим коммунистическая власть не считалась.

11 июня Гольдин издал распоряжение о немедленном выполнении разверстки, в противном случае крестьянам угрожали полная конфискация имущества, арест всего села, отправление жителей в Тамбов. "Предупреждаю, - указывал он продотрядам и агентам, - никаких колебаний, действуйте массой и конфискуйте только в массовом масштабе"¹⁹⁴. Председатель губисполкома А.Г.Шлихтер приостановил выполнение этого распоряжения.

“Находясь в здравом уме и твердой памяти, - писал он, - такого приказа подписать не могу и вам не позволю. Такой приказ является преступным нарушением прямого требования, изложенного в телеграмме тов. Ленина. Копию вашего приказа и мой отказ его подписать сообщаю Наркомпроду”¹⁹⁵. Гольдину был объявлен выговор, а затем он был отозван из губернии, послан на продрабл в Сибирь, где был убит крестьянами.

15 августа 1920 г. Наркомпрод установил для губернии пониженную квоту разверстки в 11,5 млн пудов¹⁹⁶, но и ее получить было невозможно: хлеба в губернии не было. В августе в пяти уездах началось восстание.

8 сентября 1920 г. член коллегии Наркомпрода А.И.Свидерский, предгубисполкома А.Г.Шлихтер, предгубкома В.Н.Мещеряков и зампредвоенсовета Н.Я.Райвид сообщали Ленину об огромных размерах повстанческого движения в Борисоглебском, Кирсановском и Тамбовском уездах. За три недели восставшими было убито 150 коммунистов и продработников. Губернские руководители просили немедленной и эффективной помощи¹⁹⁷. На 20 октября в 41 волости губернии было перебито около 250 партийно-советских работников¹⁹⁸. А всего было уничтожено около 1500 коммунистов и советских работников¹⁹⁹. Реакция Ленина на сообщения из губернии была однозначной: 15 октября он приказал Склянскому дать РВСР “точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации” восстания в Тамбовской губернии²⁰⁰. 19 октября на сообщение Шлихтера об усилении восстания Ленин пишет находившемуся в губернии командующему внутренними войсками республики В.С.Корневу: “Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима”²⁰¹.

Активная поддержка крестьянства делала руководителя восстания Антонова, применявшего тактику партизанской войны, неуловимым для регулярной армии. Победить восставшую деревню только силой оружия было уже невозможно - в армии росли недовольство и сочувствие восставшим крестьянам. Части ВОХР и местных советов, состоявшие из крестьян-дезертиров, переходили на сторону восставших.

Крестьянская война в Тамбовской губернии, Сибири и на Украине вынудила РКП(б) коренным образом изменить систему отношений с деревней. 8 февраля 1921 г. с Тамбовской губернии

была снята разверстка. Но до крестьян известие дошло не сразу. Все пути проникновения в деревню советской информации были блокированы повстанцами. В то же время губернские власти ужесточили репрессивную политику. В сентябре 1920 и в марте 1921 г. председатель губисполкома А.С.Лавров и командующий войсками в губернии А.В.Павлов приказали расстреливать на месте каждого отказавшегося сложить оружие²⁰². Села, сопротивлявшиеся войскам, должны были немедленно сжигаться. При повторных вспышках восстания аресту и заключению в концентрационные лагеря подлежало все мужское население от 17 до 50 лет. Репрессии были распространены на семьи повстанцев и их укрывателей. На села накладывалась огромная контрибуция, за невыполнение которой отбирались земля и все имущество²⁰³. За неисполнение приказа были сожжены села Верхоценье, Серединовка, Б.Спасское, Коптево²⁰⁴.

Эффект от подобных действий был прямо противоположен задуманному: устроить деревню не удалось. В губернии и смежных с ней уездах - Балашовском Саратовской губернии и Новохоперском Воронежской губернии, повстанцы создали 300 комитетов СТК, заменивших Советы. Это были беспартийные органы власти крестьян, обеспечивавшие материальную поддержку партизанской армии и регулировавшие военно-политические и социально-экономические проблемы жизни деревни. Половина всех решений волостных и сельских комитетов СТК относилась к мероприятиям военного характера: формирования из добровольцев партизанских отрядов, помощь им, борьба с советскими шпионами и др. 5% мероприятий СТК можно отнести к политическим, 39% - к социально-экономическим (помощь семьям партизан, осеменение полей, возвращение крестьянам инвентаря, отобранного за неуплату разверстки, открытие базаров и т.д.). В программе СТК содержались призывы к свободной экономике, но конкретные условия войны, разрухи, нехватки ресурсов заставляли их, как и коммунистов, идти на жесткие меры регулирования, во многом сходные с "военным коммунизмом"²⁰⁵.

Но, как подчеркивают С.А.Есиков и В.В.Канищев, авторы статьи "Антоновский нэп. (Организация и деятельность „Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии. 1920 - 1921 гг.)", СТК "всех уровней, какими бы благими намерениями они ни ру-

ководствовались, оставались, прежде всего, органами восстания. Хотя в программе СТК намечалось скорейшее окончание гражданской войны, в документах и практической деятельности организации "Союза" абсолютно отсутствовали конкретные шаги к достижению гражданского мира. Как и советская власть, зачаточные органы самостоятельной крестьянской власти Тамбовской губернии были нацелены на беспощадную борьбу со своими политическими противниками"²⁰⁶. Авторы считают, что СТК стали не массовой народной организацией, а "только чрезвычайными органами руководства повстанческим движением"²⁰⁷. В условиях гражданской войны, заключают исследователи, идея представительных органов народного самоуправления была в принципе нереализуема. Анализируя практическую деятельность СТК, проводивших социалистические лозунги эсеров и коммунистических Советов, авторы приходят к выводу, что "реально в России разорительного военного времени мог появиться только примитивно-распределительный социализм, основанный на многовековой традиции общинного выживания в лихую годину"²⁰⁸.

М. Бернштам в крестьянском повстанчестве не видит социалистических мотивов, считая его "последовательно антисоциалистическим, независимо от тех или иных узких тактических лозунгов". Лозунг "Советы без коммунистов!" он отказывается рассматривать как нечто демократическое: "это все, что угодно, некие новые или старые муниципальные институты, восстановление земства, любые формы порядка на местах, но меньше всего та или иная форма так называемой "трудовой демократии", означающей политическое вмешательство политических сил в экономическую жизнь трудового народа". Это, заключает автор, тактика, направленная "не только против Октябрьской революции, но и против Февральской, против всей левой демократии, против всего 1917 г., начиная с Февраля, направленность глубоко консервативная". Сопротивление крестьян, подчеркивает автор, и с ним нельзя не согласиться, "было направлено не против отдельных, особенно временных мероприятий коммунистического режима, а против всех социалистических преобразований как таковых"²⁰⁹.

В антикоммунистическом движении Тамбовской губернии участвовало все взрослое мужское население; в него было вовле-

чено до 50 тыс. крестьян. Против тамбовских крестьян правительство направило 100-тысячное войско²¹⁰. Руководство карательными акциями осуществляли боевые командиры Красной Армии, отличившиеся в борьбе с Колчаком, Деникиным, Врангелем и мятежным Кронштадтом.

М.Н.Тухачевский оставил небезынересный труд, обобщавший опыт борьбы Красной Армии с крестьянскими восстаниями. Автор видел истоки крестьянской борьбы, оценивая "тамбовский бандитизм" как крестьянское восстание, вызванное продовольственной политикой²¹¹. В руководителе движения, А.С.Антонове, он признавал одаренного организатора и командира, ставя его и движение, носящее его имя, в один ряд с Махно и "махновщиной"²¹². Борьбу приходилось вести "в основном не с бандитами, а со всем местным населением", и это были "не бои и операции, а, пожалуй, целая война"²¹³. Тухачевский понимал, что справиться с народным движением, всемерно помогающим своим партизанским отрядам и недоброжелательно относящимся к Красной Армии, можно было не уничтожением "банд", а восстановлением доверия народа, новой советизацией деревни²¹⁴ и изменением экономической политики. "Без фактического осуществления нами на месте новой экономической политики, без привлечения крестьянства на сторону советской власти нам никогда не удалось бы полностью ликвидировать восстания. Это является основой борьбы",²¹⁵ - признавал он. Крестьянское повстанческое движение "не может быть в корне ликвидировано, если рабочий класс не сумеет с крестьянством договориться, не сумеет крестьянство направить так, чтобы интересы крестьянства не нарушались социалистическим строительством государства"²¹⁶.

Правильное понимание причин и характера борьбы крестьян не остановило Тухачевского, как истинного коммуниста, перед применением средств военного подавления и других "искусных мероприятий" против восставшего народа. Им была разработана инструкция по ведению войны против восставших. Кроме разгрома вооруженных формирований, в ней предусматривались оккупация районов распространения восстания и применение мер изоляции повстанцев. Система разработанных мер должна проводиться "с непогрешимой методичностью... последовательностью и жестокой настойчивостью"²¹⁷. Инструкция предписыва-

ла: "1) никогда не делать невыполнимых угроз, 2) раз сделанные угрозы неуклонно, до жестокости, проводить в жизнь до конца, 3) переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов, 4) имущество этих семей конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами - это внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться советская власть". Эти же меры можно использовать для разведки, что создаст непреодолимую грань между крестьянами и "бандитами". Инструкция легла в основу знаменитого приказа № 130 от 12 мая 1921 г., подписанного Тухачевским и Н.Е.Какуриным, начальником оперативного штаба.

В губернии были созданы концентрационные лагеря, быстро наполненные семьями повстанцев. Была введена круговая порука, т. е. ответственность всего села за неявку "бандитов". "В некоторых случаях, - писал Тухачевский, обобщая опыт своей карательной деятельности, - в наиболее злостных бандитских волостях для достижения перелома в настроениях и выдачи крестьянами бандитов приходилось прибегать к суровым расстрелам"²¹⁸. "Чистка" волостей сопровождалась боевыми действиями против повстанцев.

В конце мая 1921 г. в районе Инжавино армии Антонова был нанесен первый серьезный удар. Часть ее во главе с Богуславским, избежав разгрома, ушла за Дон, а затем в Воронежскую губернию. Лишь 20 июля недалеко от Урюпинска она была разбита²¹⁹.

Об итогах борьбы с семьями повстанцев можно судить по еженедельным оперативным сводкам.

За 4 дня (19-22 июня) в Тамбовском уезде в результате оккупации 4 сел (Беломестная Криуша, Козьмо-Демьяновская Криуша, Незнановская Двойня и Беломестная Двойня) было расстреляно 154 "бандита" и заложника, из 227 семей "бандитов" изъято 1000 человек, сожжено 17 домов, растащено 24 дома, 22 дома со всем имуществом переданы беднякам²²⁰.

С 19 по 25 июня в 15 волостях явилось 4335 дезертиров и "бандитов" и 136 задержано. Арестовано 1847 человек и 308 семей. Конфисковано 68 хозяйств, условно конфисковано 62 хозяйства. 21 "бандит" явился после взятия в качестве заложников их семей. Сожжено 6 домов "бандитов"²²¹.

На 21 июня в разных местах заключения находилось: “бандитов” - 1094 (из них 46 расстреляно, 83 приговорены к расстрелу), взято заложниками 634²²² и т.д.

На 20 июня в местах заключения находилось 1275 человек (взяты в 14 волостях и 33 селах), в качестве заложников взята 931 семья, расстреляно 183 человека. Конфисковано 48 хозяйств, сожжено и разрушено 79 домов²²³ и т.д.

С 1 по 19 июля операция “чистки” производилась в 66 волостях. Ее результаты: явилось 2743 дезертира и “бандита”. Из них расстреляно 120, освобождено 137, в концлагерь направлено 2543 человека. Арестовано 920 человек (одинок) и 209 семей. Для конфискации взято на учет 174 хозяйства, конфисковано 41 хозяйство и один склад²²⁴.

На 1 августа в концлагерях содержалось 1155 детей от 3 до 5 лет (сведения не полные)²²⁵.

Каратели партиями расстреливали заложников. Только в Паревской волости за июнь-июль было убито 3 тыс. крестьян. В с. Никольском, где проживало 8 тыс., в русско-японскую войну погиб один солдат, в первую мировую войну - 50, а за 1920-1921 гг. - 500 крестьян²²⁶.

К 1 августа было изъято: “бандитов” - 5953, дезертиров - 5666, семей бандитов - 1064 (3 тыс. человек)²²⁷. С 1 по 22 июня в Моршанском и Борисоглебском уездах изъято 11 тыс. “бандитов”²²⁸. В губернии было создано 7 концентрационных лагерей вместимостью 13500 человек²²⁹.

После разгрома армии повстанцев движение пошло на убыль. Общее число повстанцев, сдавшихся на милость победителя, составило: до мая - 7 тыс., с мая по август - около 15 тыс.²³⁰ Но по данным на 5 октября 1921 г. в губернии еще действовали 15 партизанских групп численностью в 363 человека²³¹.

Сам Антонов был выслежен и убит на хуторе Н.Шибряй в июне 1922 г. Годом раньше чекисты обнаружили вблизи с.Каменка губернский комитет СТК, захватили 80 руководителей и активистов движения²³². В июле 1921 г. в Лутохинском лесу были пойманы председатель эсеровского губкома учитель Плужников с четырнадцатилетним сыном и командир Верхоценского полка Вислобоков. Все они были расстреляны, как и другие руководители движения. Губерния была усмирена.

Восстание тамбовских крестьян нашло поддержку в Саратовской и Воронежской губерниях. На соединение с ними пытался прорваться с Украины Махно. Однако пути были блокированы, объединение не состоялось и повстанцы были разбиты поодиночке. Но не сразу успокоилась крестьянская стихия. Ее умиротворила не столько армия, сколько голод и изменение системы отношений государства с деревней.

Ленин вынужден был признать, что крестьянская война со всей очевидностью показала, что продолжение мер "военного коммунизма" "означало бы, наверняка, крах Советской власти и диктатуры пролетариата"²³³. К осознанию этого Ленин пришел только под грохот орудий Кронштадта. Восстание моряков Кронштадта стало для него молнией, осветившей действительность ярче, чем что бы то ни было²³⁴. Но Кронштадтское восстание было не более как одно из проявлений (и не самым массовым) народного протеста против коммунистического режима. Ни по социальному составу участников, ни по лозунгам оно не было уникальным явлением гражданской войны. Не было новизны и в методах его ликвидации - пушки против народа. Но поскольку оно произошло в бастионе революции при активном сочувствии и содействии рабочих Петрограда и солдат, посланных на подавление восстания, оно вызвало страх и истерическую реакцию коммунистического руководства, понявшего, наконец, что терпению народа пришел конец.

Кронштадтское восстание не было последним аккордом гражданской войны. Леса Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири, Украины еще как минимум год были наполнены "бандитами".

* * *

За неприятие социальных утопий и государственного радикализма коммунистов крестьянство России заплатило дорогую цену.

В советской историографии не было предпринято попыток из общих потерь гражданской войны вычленить потери крестьянского повстанчества. Но такие расчеты сделаны Бернштамом. Автор определяет общие потери за три года революции (без эми-

грации и естественной убыли) в 10,5 млн человек, из них мирного населения - 8,2 млн человек. Потери Красной Армии, продармии, ВЧК и ВОХР на фронтах, при подавлении восстаний и от болезней - 900 тыс. Убито повстанцами и "зелеными" сторонников советской власти и советских служащих (невоенных) - 100 тыс., а повстанцев и "зеленых" - 1 млн человек. Расстреляно органами советской власти, умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате массового уничтожения мирного населения в зонах подавления народного сопротивления - 5 млн человек. Голод и эпидемии унесли еще 2,5 млн человеческих жизней²³⁵.

По данным переписи населения, состоявшейся в августе 1920 г., мужского населения в селах в возрасте 20-29 лет было 6,4% (в 1897 г. - 14%), в возрасте 30-39 лет - 9,7% (в 1897 г. - 12%)²³⁶.

Крестьянская война, ставшая составной частью гражданской войны, по существу была продолжением крестьянской революции, имевшей и антикапиталистическую и антисоциалистическую направленность. Она поставила коммунистическую диктатуру на грань катастрофы. И только это заставило власть коммунистов на время смягчить командные и карательные методы руководства крестьянством.

Заключение

С порога XXI века видна особая значимость революции и гражданской войны для судеб крестьянства и всей России.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. стал определяющим фактором, изменившим исторический путь развития страны. Временное правительство оказалось неспособным вывести измученную страну из огня мировой войны и дать крестьянам землю. Восстанием против демократического правительства крестьянство способствовало переходу власти к крайним радикалам - большевикам и левым эсерам. Прогрессивное развитие России представлялось им на пути социалистического строительства в его весьма смутных очертаниях. Но в стране не было условий для реализации социалистических утопий. Курс коммунистов на переход к социализму через форсирование раскола общины не был принят крестьянством. Созданные по инициативе и под нажимом центральной власти комитеты бедноты и продотряды стали катализаторами гражданской войны в деревне. Они пресекли возможность демократического развития, став основой командно-карательных методов управления сельским миром. Неограниченное насилие, бесконтрольность, разгул низменных инстинктов маргинальной части деревни, получившей права революционного преобразования общинного социума, встречали упорное сопротивление крестьян. Ни на одном этапе революции и гражданской войны крестьянство не мирилось с отношением к нему как объекту преобразований. Наиболее острой формой крестьянской критики складывавшейся системы отношений были восстания, ставшие с середины 1918 г. имманентной частью гражданской войны.

Характерной чертой поведения основной массы крестьянства в эти годы было нежелание участвовать в гражданской войне и борьбе партий за власть. При усилении нажима властных и военных структур на деревню стремление остаться в стороне от разраставшейся братоубийственной бойни перерастало в социальную оппозицию и вооруженное сопротивление крестьян.

1919 - 1920 гг. дали невиданный ранее в российской истории размах крестьянского сопротивления государственной политике. Восстания сотен тысяч крестьян, два с половиной миллиона

дезертиров за два года, массовый бандитизм были ответом крестьян на неприемлемую для них политику "военного коммунизма", основанную на насилии, грабежах, командно-карательных методах руководства деревней.

Все это говорит о наличии двух фронтов гражданской войны в России. Крестьянство вместе с рабочим классом боролось против реставрации власти помещиков и буржуазии. В это же время шла борьба советского государства с крестьянством, его колебаниями, непониманием им социалистических задач. Одновременно это была и борьба с государством крестьянства, ни на одном этапе не принявшем навязываемую ему коммунистическую доктрину и насильственные методы ее осуществления. Крестьянство создало внутри "осажденной крепости" фронт, проходивший через каждую деревню. Он не всегда имел четкие очертания, но был наиболее длительным по времени и многообразным по формам борьбы - от саботажа правительственных распоряжений, до террора против коммунистов, вооруженного сопротивления, партизанских методов, требовавших значительных сил специальных формирований и регулярной армии для их ликвидации.

Крестьянская борьба, став частью гражданской войны, поставила диктатуру пролетариата на грань катастрофы. И только это заставило советскую власть отказаться от социальных экспериментов в деревне и вернуться к товарному пути развития крестьянской экономики.

Революция и гражданская война сломали представление о российском крестьянстве как инертной массе. На это обратил внимание еще в 1920 г. лидер кадетов П.Н.Милюков. "Обозревая теперь весь процесс в его разных фазисах, - писал он, - мы начинаем приходить к выводу, что терпение масс все же не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов. Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забитых, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разруше-

на промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле”¹.

В гражданской войне крестьянство по-своему победило “белых” и “красных”. Но оно недолго пользовалось плодами своей горькой победы, которой умело воспользовались коммунисты. В конечном итоге крестьянство оказалось обманутым классом, потерпевшим поражение в борьбе с коммунистическим государством.

К середине 80-х годов XX века раскрестьянивание в России завершилось. Но аграрная проблема вновь требует своего решения и возвращения крестьянина к земле.

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Вып. I. Т. 1. С. 6 - 7.

Примечания к главе 1

- 1 Подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям. СПб., 1907
- 2 Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. I, с.95.
- 3 Известия Главного земельного комитета. 1917. №7, с.25.
- 4 Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1905, с.15, 16, 41, 46; Огановский Н.П. Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. М., 1914, с.51, 52.
- 5 Огановский Н.П. Прошлое и настоящее земельного вопроса (Доклад Всероссийскому совету крестьянских депутатов). 1917, с.21.
- 6 Чернышев Н.В. Земельный вопрос перед Учредительным собранием [Б.м.]. 1917. с.11.
- 7 Подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года; Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. // Труды ЦСУ. т. VI. Вып.3. М., 1922, с.12; Центрально-промышленная область. Сб.статистич. сведений. 1913-1923. М., 1925. Таблица 81; Лященко П.И. Экономические предпосылки 1917 года // Аграрная революция, М., 1928. Т.2, с.47.
- 8 Статистика долгосрочного кредита в России. Вып.1. Пг., 1917, с.12-14.
- 9 Рихтер Д.И. Государственные земельные банки в России и их дальнейшая судьба. Пг., 1917, с.13.
- 10 Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948, с.237, 239.
- 11 Подсчитано по: Статистика долгосрочного кредита в России. Вып.1, с.12-14.
- 12 Там же.
- 13 Революционное движение России накануне свержения самодержавия в России. Док. и матер. М., 1957, с.431.
- 14 Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Док. и матер. Часть третья. Сельское хозяйство и крестьянство. Л., 1967. с.209.
- 15 Русские ведомости. 1917. 12 марта
- 16 Народный социалист. 1917, №1. с.10.
- 17 Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть 1. Политические партии России. Гомель, 1993, с.89.
- 18 Дело народа. 1917. 15 марта
- 19 Дело народа. 1917. 14 апреля
- 20 Там же.
- 21 Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.31, с.426-427.
- 22 Там же, с.428.
- 23 Там же, с.419.
- 24 Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. Март-октябрь. М., 1981, с.381-383.

- 25 Право. 1917. №15.
- 26 ГАРФ. Ф.1779. Оп.2. Д.417. Л.1.
- 27 Там же. Ф.1791. Оп.6. Д.72. Л.29.
- 28 Голос Крестьянского союза. 1917. 7 июня
- 29 Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. с.444.
- 30 Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., Наука, 1974.
- 31 Красный архив. 1926. №2 (15). с.46.
- 32 Экономическое положение России... Ч.III, с.401.
- 33 Буржуазия и помещики в 1917 году. М.-Л., 1932, с.149.
- 34 Экономическое положение России... Ч.III. С.220-221.
- 35 Земля и воля. 1917. 18 мая
- 36 Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т.1. Ч.1, с.304-305.
- 37 Экономическое положение России... Ч.III, с.336-337.
- 38 ГАРФ. Ф.6978. Оп.1. Д.650. Л.83.
- 39 Там же. Л.5.
- 40 Там же. Л.75.
- 41 Осипова Т.В. Указ.соч., с.75.
- 42 Земля и воля. 1917. 25 марта, 11 и 28 апреля; Власть народа. 1917. 30 апреля.
- 43 Осипова Т.В. Указ. соч., с. 77-80.
- 44 Там же, с.79-82.
- 45 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 24 мая.
- 46 Быховский Н.Я. Указ. соч., с.66.
- 47 Там же, с.55.
- 48 Там же, с.92.
- 49 Огановский Н.П. Прошлое и настоящее земельного вопроса. Пг., 1917, с.94, 95.
- 50 Там же, с.23.
- 51 Маслов С.Л. О пользовании землей до Учредительного собрания. Пг., 1917, с.5-10.
- 52 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 27 мая.
- 53 Быховский Н.Я. Указ.соч., с.107.
- 54 Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959, с.154-156.
- 55 Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т.1. ч.1, с.143-144.
- 56 Аграрная революция. Т.2. М., 1928, с.196.
- 57 Осипова Т.В. Указ.соч., с.120.
- 58 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 10 августа.
- 59 Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания

- 1-2 июля 1917 г. Пг., 1917, с.73, 74.
60 Там же, с.114.
61 Власть народа. 1917. 1 июня.
62 Советы крестьянских депутатов... Т.1, с.105; Приволжская правда. 1917. 8 июня.
63 Осипова Т.В. Указ. соч., с.125-127.
64 Там же, с.128.
65 Там же, с.128-130.
66 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 10 августа.
67 ГАРФ. Ф.393. Оп.2. Д.123. Л.73-75.
68 Там же. Ф.3. Оп.1. Д.302. Л.142.
69 Там же. Ф.398. Оп.2. Д.123. Л.83-84.
70 Крестьянское движение в 1917 г., с.111.
71 Власть народа. 1917. 4 сентября.
72 ГАРФ. Ф.930. Оп.1. Д.92. Л.71,3,11.
73 Экономическое положение России... Ч.III, с.301.
74 Цит. по кн. Думова Н.Г. Кадетская партия в первый период мировой войны и Февральской революции. М., 1988, с.186.
75 Экономическое положение России... Ч.III, с.235.
76 Там же, с.301.
77 Там же, с.242.
78 Революционное движение в России в июле 1917. Июльский кризис, с.311-313.
79 Там же, с.316-318.
80 Экономическое положение России... Ч.III, с.250, 251.
81 Осипова Т.В. Указ.соч., с.138.
82 Экономическое положение России... Ч.III, с.401.
83 Там же, с.406.
84 Осипова Т.В. Всероссийский союз земельных собственников // История СССР. 1976. №3, с.119 - 120.
85 Там же, с.119.
86 Известия Главного земельного комитета. 1917. №1, с.14.
87 ГАРФ. Ф.3. Оп.1. Д.302. Л. 77, 119, 122, 133, 140, 147, 149, 151, 153, 154, 171, 175 и др.; Ф.930. Оп.1. Д.102. Л.50, 57, 58.
88 Там же. Ф.930. Оп.1. Д.48. Л.1-15.
89 Земля и воля. 1917. 18 мая.
90 Советы крестьянских депутатов... Т.1. Ч.2, с.155.
91 Там же, с.120.
92 Рязанская жизнь. 1917. 27 июля.
93 Земля и воля. 1917. 19 июля.
94 Там же. 25 июля.
95 Там же. 19 июля.
96 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 7 июля; Земля и воля. 1917. 15 и 19 июня; Народная газета (Чернозем). 1917. 18 августа; Советы крестьянских депутатов и другие крестьян-

- ские организации. М., 1928. Т.1. Ч.2, с.14, 42, 172, 206, 207 и др.
- 97 Народное слово. 1917. 19 июня.
- 98 Земля и воля. 1917. 31 мая.
- 99 ГАРФ. Ф.6978. Д.650. Л.48,83 и др.
- 100 Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1-2 июля 1917 г. Пг., 1917, с.44.
- 101 ГАРФ. Ф.3. Оп.1. Д.49. Л.4.
- 102 ОР РГБ. Ф.114. Карт.2. Д.2. Л.9-13.
- 103 Там же. Л.13; Всероссийский союз земельных собственников. 1917. N1.
- 104 Всероссийский союз земельных собственников. 1917. N1.
- 105 Сторожев В. Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М., 1954, с.111.
- 106 Солдатское слово (Пг.). 1917. 4 августа.
- 107 Дело народа. 1917. 9 августа.
- 108 Солдатское слово. 1917. 5 и 13 августа.
- 109 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 25 августа.
- 110 ГАРФ. Ф.930. Оп.1. Д.110. Л.33.
- 111 Там же. Ф.6. Оп.1. Д.1109. Л.1.
- 112 Государственное совещание. 12-15 августа 1917 г. Стенограф. отчет. М.-Л., 1930, с.309, 249.
- 113 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 25 августа.
- 114 ГАРФ. Ф.930. Оп.1. Д.11. Л.34, 36, 78, 79, 93, 105, 111, 121, 122.
- 115 Там же, л.80.
- 116 Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М., 1917. Вып.1, с.40.
- 117 Там же, с.49, 51.
- 118 Там же, с.83.
- 119 Там же, с. 83, 89, 96.
- 120 Там же, с.96-97
- 121 Там же, с.24.
- 122 Там же, с.15, 23
- 123 Там же, с.79
- 124 Там же, с.78
- 125 Там же, с.96-97
- 126 Першин П.Н. Аграрная революция в России. Книга 1. От реформы к революции. М., 1966, с.295.
- 127 Главный земельный комитет. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. 1. О крупном землевладении, Пг., 1917, с.11.
- 128 Там же, с.19.
- 129 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 4 августа.
- 130 Главный земельный комитет. Труды комиссии по подготовке зе-

- мельной реформы. Вып. III. О крупнокрестьянских хозяйствах. Пг., 1917, с.69-70.
- 131 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 3 августа.
- 132 Солдатское слово. 1917. 12 августа.
- 133 Голос Крестьянского союза. 1917. 12 августа.
- 134 Солдатское слово. 1917. 5 и 13 августа; Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 25 августа; Биржевые ведомости. 1917. 24 августа.
- 135 Экономическое положение России... Ч.3, с.493.
- 136 Известия Главного земельного комитета. 1917. №7-8, с.4.
- 137 Осипова Т.В. Указ. соч., с.227-243.
- 138 Революционное движение в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис, с.499-500.
- 139 Там же, с.501-502.
- 140 Осипова Т.В. Указ. соч., с.231.
- 141 Там же, с.233.
- 142 ГАРФ. Ф.401. Оп.2. Д.164. Л.19.
- 143 ОР ГПБ. Ф.114. Карт.2. Д.25. Л.1.
- 144 Там же. Д.27. Л.1.
- 145 Революционное движение в России в сентябре 1917 года... С.245.
- 146 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания, с.201-203.
- 147 Там же, с.202-203; 213-204.
- 148 Там же, с.503.
- 149 Там же, с.230-231.
- 150 Шестаков А.В. Большевики и крестьянство в революции 1917 года. М., 1927, с.17.
- 151 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания, с.431.
- 152 Там же, с.459.
- 153 Экономическое положение России... Ч. III, с.263-273.
- 154 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35, с.2.
- 155 Там же, с.285-286.
- 156 Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 октября.
- 157 Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М., Л., 1926, с. 131.

Примечания к главе 2

- 1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 172.
- 2 Там же. Т. 37. С. 209 - 210.
- 3 Там же. Т.41. С. 174.
- 4 Там же. Т. 39. С.263.
- 5 Там же. Т. 35. С. 102.
- 6 Борьба за установление и упрочение Советской власти: Хроника событий, 26 октября 1917-10 января 1918 г. М., 1962. 192-195, 317-319.
- 7 Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974. С.257, 258.
- 8 Там же. С.261.
- 9 Там же. С.273.
- 10 Триумфальное шествие Советской власти: Документы и материалы. М., 1963. Ч.2. С.371.
- 11 Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.323; Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Ноябрь 1917-февраль 1918 г.: Сб. документов. М., 1957. Т.2. С.157,188,197,204,207,208.
- 12 Установление Советской власти в Новгородской губернии, 1917-1918: Сб. документов и материалов. Новгород, 1957. С.82.
- 13 Известия Пензенского Совета. 1918. 5 января.
- 14 Макарова С.Л. Опросные листы Народного комиссариата земледелия и Московского областного исполнительного комитета как источник по истории аграрной революции, Ноябрь 1917 - июнь 1918 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С.106.
- 15 "Искра" [орган Воткинского комитета партии эсеров]. 1918. 2 февраля.
- 16 Петровичева Е.М. Деревенские Советы Верхнего Поволжья в докомбедовский период. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С.98, 101, 102.
- 17 Губарева В.М. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. ЛГУ, 1982. С.40.
- 18 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.2836. Л,5.
- 19 Котов Г. Партийная и советская работа в Уфе в 1921 г.: Воспоминания // Пролет. революция. 1928. №6 (77) - 7 (78). С.296.
- 20 Макарова С.Л. Указ. соч. С.159.
- 21 Вест. Обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Сев. обл. Пг., 1919. №5. С.476-507.
- 22 Суслов Ю.П. Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями за осуществление ленинской аграрной программы // Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России, 1910-1920. М., 1969. С.135.

- 23 Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии: Сб. документов. Смоленск, 1957. С.193; Установление и упрочение Советской власти в Костроме и Костромской губернии, март 1917 - сентябрь 1918 г.: Сб. документов. Кострома, 1957. С.245, 246; Установление Советской власти в Калужской губернии, март 1917 - июнь 1918 г.: Документы и материалы. Калуга, 1957. С.318 и др.; Письма трудящихся к В.И. Ленину, 1917 - 1924. М., 1960. С.35.
- 24 Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии, 1917 - 1918: Сб. документов. Владимир, 1957. С.290-292.
- 25 Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии: Сб. документов. Горький, 1957. С.448.
- 26 Доклад о деятельности Крестьянского отдела ВЦИК. М., 1918. С.7-10.
- 27 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. Т.1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917-1927. М., 1986. С.34,51.
- 28 Осипова Т.В. Указ. соч. С.263,264.
- 29 Вестник статистики. 1923. Кн. XII. С.138.
- 30 Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стеногр. отчет. М., 1920. С.54.
- 31 Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.110-111.
- 32 Там же. С.384-385.
- 33 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.321, 327.
- 34 Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. №5. С.1.
- 35 Юрков Н.А. Экономическая политика в деревне, 1917-1920. М., 1980. С.103.
- 36 ГАРФ. Ф.1235. Оп.93. Д.152, 153. Л.135, 152; РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Д. 326, 327, 328, 330, 332; Кубанин М. Предпосылки комбедов // На аграрном фронте. 1934. №11. С.77; Гришаев В.В. Создание волостных Советов крестьянских депутатов, ноябрь 1917 - май 1918 г. // Вест. МГУ. 1957. № 4. Ист.-фил. сер. С.49.
- 37 Известия наркомпрода. 1918. № 4/5. С.11.
- 38 ГАРФ. Ф.393. Оп.2. Д.24. Л.1.
- 39 Там же. Ф.1235. Оп.92. Д.5. Л.18-19.
- 40 Там же. Ф.393. Оп.2. Д.24. Л.1.
- 41 Кубанин М. Указ. соч. С.77; ГАРФ. Ф.1235. Оп.93. Д.133. Л.152.
- 42 Продовольственное дело. 1918. №1. С.13, 25, 26; №14. С.15-17.
- 43 Там же. №3. С.1.
- 44 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.430-431.
- 45 Продовольственное дело. Москва. 1918. № 14. С.16.
- 46 Там же. №2. С.9.
- 47 Там же. №7. С.1.
- 48 Там же. №14. С.15.
- 49 Там же. С.15-17.
- 50 Петровичева Е.М. Указ. соч. С.145; Семьянинов В.П. Анкетные источники о волостных Советах Тверской губернии, 1918-1919. //

- Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: Межвуз. сб. 1987. С.157; Титков Е.П. Продовольственный вопрос и волостные Советы Нижегородской губернии в докомбедовский период // Великий Октябрь и социалистические преобразования в советской деревне: Межвуз. сб. Горький, 1983. С.62, 63.
- 51 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.230. Л.165; Д.236. Л.54.
- 52 Там же. Ф.1235. Оп.77. Д.8. Л.25.
- 53 Семьянинов В.П. Указ. соч. С.157.
- 54 Там же; Титков Е.П. Указ. соч. С.62,63.
- 55 Петровичева Е.М. Указ. соч. С.145.
- 56 Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии, 1917-1918. С.168.
- 57 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) - РКП (б) с местными партийными организациями, март-июнь 1919 г., М., 1967. Т.3. С.176-177, 216-217.
- 58 Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С.479-480.
- 59 Документы Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С.471, 483.
- 60 Там же; ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.235. Л.1; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С.468-469.
- 61 Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С.468-469.
- 62 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, Август - октябрь 1918 г. М., 1969. Т.4. С.447.
- 63 Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С.471, 483.
- 64 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.230. Л.165; Д.236. Л.54.
- 65 Титков Е.П. Указ. ст. С.62.
- 66 Там же. С.63; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов и материалов. С.505-506; Продовольственное дело. М., 1918. №14. С.15.
- 67 Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября: По материалам Поволжья. Саратов, 1980. С.200.
- 68 Там же. С.183.
- 69 Продовольственное дело. 1918. №2. С.12.
- 70 Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. Саратов, 1957. С.251.
- 71 Государственный архив Горьковской области (ГАГО). Ф.5. Оп.4. Д.4. Л.13 об.
- 72 Максимов В. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.) // Историк-марксист. 1932. Т.4/5. (26/27). С.130.
- 73 Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Указ. соч. С.200.
- 74 Продовольственное дело. Москва. 1918. №5. С.15.

- 75 Титков Е.П. Указ.соч. С.62.
76 Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 28 апреля.
77 ГАРФ. Ф.393. Оп.2. Д.47. Л.169-170.
78 РГАЭ. Ф.1943. Оп.3. Д.2. Л.192.
79 Там же. Оп.1. Д.246. Л.54.
80 Там же. Д.182. Л.72.
81 Известия Наркомпрода. 1918. №9. С.2.
82 В.И. Ленин и трудящиеся Иваново-Вознесенского края. Ярославль, 1969. С.160.
83 РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.3. Л.8.
84 Там же. Л.66, 70, 76, 83, 90, 92, 94, 103, 105, 120, 126, 148, 152, 159, 177.
85 Там же. Л.66.
86 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) - РКП (б) с местными партийными организациями. Т.3. С.189.
87 Знамя труда. 1918. 9 апреля.
88 Там же. 24 апреля.
89 Знамя борьбы. 1918. 26 июля.
90 РГВА. Ф.2. Оп.1. Д.71. Л.4-6, 8-21, 118-134.
91 Там же. Ф.11. Оп.8. Д.164. Л.32; Ф.8. Оп.1. Д.204. Л.40. Саратовская партийная организация в годы гражданской войны, 1918-1920: Документы и материалы. Саратов, 1958. С.21-25, 39; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов, 1974. С.57; Кутяков И.С. Василий Иванович Чапаев. М., 1958. С.21. Л.40.
92 Саратовская партийная организация в годы гражданской войны... С.21-25, 39; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов, 1974. С.57; Кутяков И.С. Василий Иванович Чапаев. М., 1958. С.21.
93 Декреты Советской власти. М., 1959. Т.2. С.63-65.
94 Там же. С.151-153.
95 РГВА. Ф.2. Оп.1. Д.11. Л.15.
96 Там же. Ф.8. Оп.1. Д.95. Л.45, 52; Ф.1. Оп.1. Д.226; Л.92.
97 Там же. Ф.1. Оп.1. Д.226. Л.51.
98 Там же. Л.21, 36, 51, 81, 82, 85 и др.; Д.236. Л.3; ГАРФ. Ф.393. Оп.30. Д.183. Л.18; Д.200. Л.1.
99 Кляцкин С.М. На защите Октября: организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике, 1917-1920. М., 1965. С.170.
100 РГВА. Ф.8. Оп.1. Д.407. Л.3.
101 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.249. Л.146.
102 Там же. Л.85.
103 Там же; РГВА. Ф.8. Оп.1. Д.300. Л.67, 68
104 Декреты Советской власти. Т.2. С.403.
105 Земля и воля. 1918. 12 апреля.

- 106 Капцугович И.С. Крах партии эсеров на Урале, 1901-1920: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1975. С.42.
- 107 Социалист-революционер. Июнь 1918. Сб. III. С.20, 34, 45.
- 108 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.219. Л.85.
- 109 Там же. Д.227. Л.18.
- 110 ЦГАМО. Ф.680. Оп.3. Д.112. Л.3.
- 111 Там же. Л.7, 8.
- 112 Там же. Л.9, 11.
- 113 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.220. Л.1.
- 114 Там же. Д.236. Л.10.
- 115 Год пролетарской диктатуры: Юбил. сб. Н. Новгород, 1918. С.7.
- 116 Титков Е.П. Указ. соч. С.64-66.
- 117 Там же. С.75; РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.1. Л.124.
- 118 Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. С.301.
- 119 Там же. С.309-310.
- 120 Там же. С.298-299; ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.24. Л.98.
- 121 Крестьянская газета. Кологрив, 1918. 2 июля.
- 122 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.24. Л.36, 58.
- 123 Варнавинская Сов. газ. 1918. 26 апр., 3 мая.
- 124 Северный рабочий, Кострома. 1918. 23 мая.
- 125 Установление и упрочение Советской власти в Костроме и Костромской губернии. С.166.
- 126 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.242. Л.231-236.
- 127 Установление Советской власти в Новгородской губернии. Новгород, 1957.
- 128 Установление Советской власти в Калужской губернии. С.331.
- 129 Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Тула, 1961. С.105, 109, 114, 115, 412, 413 и др.
- 130 В. И. Ленин и ВЧК, 1917-1922: Сб. документов. М., 1975. С.66; Оськин Д.П. Записки военкома. М., 1931. С.23.
- 131 Осипова Т.В. Указ. соч. С.317.
- 132 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.404.
- 133 Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Орла и Орлов. губ. 1918. 17, 19, 27 апреля.
- 134 Советская газета. Елец, 1918. 19 июня.
- 135 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.31. Л.104, 137.
- 136 Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России, октябрь 1917-1918. Воронеж, 1976. С.82.
- 137 Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. С.41.
- 138 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) - РКП (б) с местными партийными организациями. Т.3. С.188.
- 139 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.31. Л.171; РЦХДНИ. Ф.564. Оп.1. Д.3. Л.112.
- 140 РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.1. Л.76; Д.3. Л.112.

- 141 Капцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С.144.
- 142 Котов Г. Партийная и советская работа в Уфе: Воспоминания // Пролет. революция. 1928. №6 (77) - 7 (78). С.294, 297.
- 143 Капцугович И.С. Указ. соч. С.43.
- 144 Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии, 1917-1918: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С.321-322.
- 145 Рябухин Е.И. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959. С.40.
- 146 Котов Г. Указ. соч. // Пролет. революция. 1928. №6/7. С.299; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии, Февраль 1917 - июль 1918 г.: Сб. документов и материалов. Уфа, 1957. С.424, 470, 471.
- 147 Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Указ. соч. С.169.
- 148 Набат, ежедневная газета Пензенского комитета партии левых эсеров. 1918. 25 июля.
- 149 Изв. Советов рабочих, солд. и крестьян. депутатов г. Орла и Орловской губ. 1918. 14 июля.
- 150 Ионова О.А. Процесс осознания крестьянскими массами классовой сущности Советской власти в первый год диктатуры пролетариата: По материалам центр. губ. Евр. России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С.145, 146.
- 151 ГАРФ. Ф.1235. Оп.93. Д.97. Л.128.
- 152 Там же.
- 153 РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.3. Л.76, 94, 108, 111, 210, 250, 268.
- 154 Спирын Л.М. Классы и партии в гражданской войне. М., 1968. С.165.
- 155 Продовольственное дело. 1918. №9. С.16.
- 156 Там же. С.17.
- 157 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.298, 300.
- 158 Знамя труда. 1918. 21, 23 апр.
- 159 Там же. 21 апр.
- 160 Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции во ВЦИК. М., 1973. С.180, 181; Курская жизнь. 1918. 8 апр.
- 161 Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. С.78.
- 162 Там же. С.244; ГАРФ. Ф.1235. Оп.34. Д.19. Л.29, 30.
- 163 Изв. Наркомпрода. 1918. № 4/5. С.11.
- 164 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.316.
- 165 Там же. С.316, 318.
- 166 См.: Ленинский сб. Т.28. С.81.
- 167 См.: Там же.
- 168 Продовольственное дело. 1918. №15. С.2.
- 169 Там же. С.3.
- 170 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.326.
- 171 Там же. С.374-375.
- 172 История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. С.561, 564.

173 Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т.2. С.213-215.

174 Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. С.301.

175 Там же. С.299.

176 Там же. С.310, 403, 404, 412.

177 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.412 - 413.

178 Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Тверь, 1918. 4 июля; Воронежский Красный листок. 1918. 4 июля. В журнале "Вестник Народного комиссариата внутренних дел" телеграмма опубликована 25 июля // Вестн. НКВД. 1918. №18/19. С.2.

179 См.: Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т.1. С.69-71, 83, 88.

180 РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.4. Л.32; Д.3. Л.8, 248, 254, 275.

181 Там же. Д.11. Л.16.

182 Там же. Л.18.

183 Там же. Д.4. Л.29-31.

184 Цит. по: Владимирова В. Левые эсеры в 1917-1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С.113.

185 Красная книга ВЧК. 2-е изд., уточ. М., 1989. Т.1. С.185.

186 Там же. С.186.

187 Цит. по: Велидов А. Шестое июля // Переписка на исторические темы. М., 1989. С.219.

188 Цит. по: Спирин Л. Крах одной авантюры (Мятеж левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 г.). М., 1917. С.81.

Примечания к главе 3

- 1 Социалист-революционер. М. [Б.г.]. Сб.3. С.34, 35.
- 2 Красный архив. 1927. №1/10. С. 153.
- 3 Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С.373.
- 4 Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков (Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири). Нью-Йорк, 1919. С. 13-17.
- 5 Святицкий Н. О судьбах народовластия в России // К прекращению войны внутри демократии. М., 1919. С. 59.
- 6 Цит. по: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918-1921: Хрестоматия. М., 1925..С.59.
- 7-8 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. д. 29. л. 69-72.
- 9 Там же. Оп. 79. Д. 7. Л. 29.
- 10 Там же. Д. 393; Оп. 1. Д. 66. Л. 81.
- 11 Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны 1918-1920 гг.: Сб. документов и материалов. Пенза, 1960. С. 85-86; Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Документы и материалы. Саранск, 1953. С. 66; Корсаков И. М., Романов М. И. Из истории Мордовии в годы гражданской войны. Саранск, 1958. С. 18-19; Захаркина А. Е., Фарсов И. И. Мордовия в годы трех народных революций. Саранск, 1957. С. 305.
- 12 Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии: Уфа, 1966. С. 259-260, 264.
- 13 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 334.
- 14 РГАСПИ. Ф. 564. Он. 1. Д. II. Л. 17.
- 15 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 428-429.
- 16 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д.10. Л.6.
- 17 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 428.
- 18 В боях и походах: Сб. воспоминаний. Свердловск, 1959. С. 41.
- 19 История Урала. Пермь, 1977. Т. 2. С. 79.
- 20 Аминев З. А. Указ. соч. С. 266, 335.
- 21 Там же. С. 336.
- 22 Там же. С. 271.
- 23 Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. В., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 82.
- 24 Правда. 1918. 13 ноября.
- 25 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244. Л. 13.
- 26 Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. С. 39.

- 27 Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 131, 133, 134, 135.
- 28 Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниленбург Я. В., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Указ. соч. С. 100.
- 29 Пермская область. Природа, История. Экономика. Культура. Пермь, 1959. С. 259.
- 30 ГАРФ. Ф. 393. оп. 3. д. 2836. л. 5, 6.
- 31 Там же. Л. 264-267.
- 32 Там же. Л. 298-300.
- 33 Там же; Розенберг Н. А. Партийные организации Пермской губернии во главе борьбы трудящихся с кулацкими мятежами в 1918 года // Из истории партийных организаций Урала. Пермь. 1970. С. 45, 46; Васьковский О. А. и др. Указ. соч. С. 169.
- 34 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 293. Л. 298-300.
- 35 История Урала. Т. 2: Период социализма. Пермь, 1965. С. 91-92, Розенберг Н. А. Указ. соч. С. 50-52.
- 36 Капцугович И. С. Указ. соч. С. 26-27.
- 37 Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. М., 1918. № 2. С. 10.
- 38 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 11
- 39 Васьковский О. А. и др. Указ. соч. С. 82, 168.
- 40 Корсаков И. М., Романов М. И. Из истории Мордовии в годы гражданской войны. Саранск, 1958. С. 19.
- 41 Васьковский О. А. и др. Указ. соч. С. 82, 168.
- 42 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 303. Л. 191; Ф. II. Оп. 1. Д. 61. Л. 32.
- 43 Медведев Е. И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 г. Куйбышев, 1959. С. 130.
- 44 Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 - первой половине 1918 г. Саратов, 1974. С. 294, 296, 297.
- 45 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 428; Т. 3. С. 102.
- 46 Саратовский Совет рабочих депутатов, 1917-1918: Сб. документов. М.; Л., 1931. С. 547, 551.
- 47 Изв. Воронеж. губисполкома Совета рабочих и крестьян, депутатов. 1919. 20 февр.
- 48 Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. М., 1918. № 1. С. 24.
- 49 Саратовский Совет рабочих депутатов, 1917-1918. С. 598.
- 50 Шапошник В. Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов н./Д., 1980. С. 117.
- 51 Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917-1918. С. 598, 599.
- 52 Соколов В. Обзор кулацких восстаний Саратовской губернии;

- Молдавский Б. Обзор военных событий (от 11 декабря 1917 года до 15 декабря 1918 г.) // Годовщина социальной революции. Саратов, 1918. С. 55-56, 59-60; Соколов С.А. Революция и хлеб. Саратов, 1967. С. 57-60; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 424; Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С.42.
- 53 Ежедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 23.
- 54 РГВА. Ф. 11. Оп. 8. д. 61. Л. 32.
- 55 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 99.
- 56 Медведев Е. И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 г. Куйбышев, 1959. С. 97-98.
- 57 Калнин О. Борьба на Восточном фронте // Годовщина 1-й революционной армии. М., 1920. С. 73; Муравьевщина // К четвертой годовщине РККА, 1918-1922: Сб. воспоминаний. М., 1922. С. 9.
- 58 Медведев Е. И. Гражданская война на Средней Волге, 1918-1919. Саратов, 1974. С. 159.
- 59 Исторический архив. 1958. № 4. С. 93; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. Л. 491, 492, 497, 498. „499.
- 60 Абрамов В. К. Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1982. С. 75.
- 61 Корсаков И. М., Романов М. И. Указ. соч. С. 35.
- 62 РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 239. Л. 16.
- 63 Упрочение Советской власти в Татарии, Октябрь 1917-июль 1918 г.: Сб. документов и материалов. Казань, 1964. С. 4, 16, 17.
- 64 Литвин А. Л., Мухарямов М. К. Решающий рубеж. Казань, 1978. С. 36, 40; Упрочение Советской власти в Татарии, Октябрь 1917—июль 1918 г. С. 600.
- 65 Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 456-459.
- 66 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 325. Л. 2, 3.
- 67 Терехин Ф. Красная Армия в Казани с момента ее формирования до налета чехов // Борьба за Казань: Сб. материалов о чехословацкой интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1. С. 28.
- 68 Там же.
- 69 Пашуков В. Ф. Марийский край в годы гражданской войны, 1918-1920. Йошкар-Ола, 1965. 3.30, 31.
- 70 Якубова Л.М. Ликвидация контрреволюционных сил в Среднем Поволжье, 1918-1922: На материалах Казан., Самар. и Симб. губ.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1982. С. 8.
- 71 Краснознаменный Приволжский: История войск Краснознаменного Приволжского военного округа. М., 1964. С.42.
- 72 Медведев Е. И. Гражданская война и военная интервенция на

Средней Волге в 1918 г. С.114-115.

73 Набат, Орган Пензенского комитета партии левых эсеров. 1918. 24 июля; ГАРФ. Ф.393. Оп.1. Д.122. Л.29-30.

74 ГАРФ. Ф. 393. Оп.1. Д.122. Л.31.

75 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 3.

76 Шмелев И. А. Состояние народной армии к моменту Уфимских переговоров // К прекращению войны внутри демократии. М., 1919. С. 29-30.

77 Спирин Д. М. Классы и партии в гражданской войне в России, 1917-1920. М., 1968. С. 257.

78 Цит. по: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918-1921. С. 215.

79 Гражданская война в Поволжье. С. 54; ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 33. Л. 4, 78; Ф. 683. Оп. 1. Д. 15. Л. 122; и др.

80 РГВА. Ф. 157. Оп. 7. Д. 38. Л. 31.

81 Шмелев И. А. Указ. соч. С. 32.

82 Там же.

83 Дорогойченков А. Крестьянство и Учредительное собрание // Четыре месяца учредиловищины: Ист.-лит. сб. Самара, 1919. С. 31.

84 Троцкий В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2 (1918 г.). С. 137, 138.

85 Там же. С. 40; Гражданская война в Поволжье. С. 55.

86 Троцкий В. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Самара, 1930. С. 140.

87 Троцкий В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Т. 2. С. 140.

88 Дорогойченков А. Указ. соч. С. 32, 34.

89 Спирин Л.М. Указ. соч. С. 260- 261.

90 Правда. 1919. 22 января.

91 Самарская губерния в годы гражданской войны, 1918-1920: Документы и материалы. Куйбышев, 1958. С. 33-35.

92 Соловейчик А. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов н/Д., 1919. С. 16.

93 Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 199.

94 Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940. Т. 1. С. 340.

95 Гражданская война в Поволжье, 1918-1920. Казань 1974. С. 57, 59.

96 Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С. 167.

97 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 105. Л. 44, 45.

98 Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции

- и гражданской войны. Август 1918 -декабрь 1920: Сб. документов и материалов. Казань, 1961. С. 26-29.
- 99 В. И. Ленин: Биогр. хроника. М., 1974. Т. 5. С. 528, 536, 592.
- 100 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 616.
- 101 Абрамов В. К. Указ. соч. С. 75.
- 102 Там же.
- 103 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 138. Л. 28.
- 104 Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19. Т. 2. Л. 445; Д. 35. Л. 21, 24, 25; ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 32; Ф. 10. Оп. 3. Д. 6. Л. 2-4; Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 201.
- 105 Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии, 1917-1918: Сб. документов. Тамбов, 1957. С.208-209.
- 106 Там же. С. 244.
- 107 РГВА. Ф.10. Оп.1. Д. 32. Л. 7, 9; Ф.8. Оп.1. Д.30. Л.318.
- 108 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.36. С.443-444.
- 109 Там же. С.482.
- 110 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.
- 111 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 29. Л. 138; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 72. Л. 40, 41.
- 112 Воронежский красный листок. 1918. 23 июня.
- 113 Михалева В. М. Создание и деятельность местных органов военного управления, Весна 1918-весна 1919 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 16.
- 114 Михалева В. М. Указ. соч. С. 16.
- 115 Там же.
- 116 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
- 117 Там же. Л. 38; Непролетарские партии России: Уроки истории. М., 1984. С. 389.
- 118 Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии, 1917-1918: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1957. С. 300.
- 119 Изв. Твер. Совета, 1918. 21 июля.
- 120 Воронежский красный листок. 1918. 17, 25 июля.
- 121 Там же. 17 июля.
- 122 Там же. 10, 25 июля.
- 123 Там же. 26 июля; РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 9.
- 124 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 184. Л. 52.
- 125 Там же. Д. 157. Л. 724-726.
- 126 Воронежский красный листок. 1918. 25 июля.
- 127 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 128. Л. 109.

- 128 Там же. Л. 110.
- 129 Переверзев А. Я. Организаторская помощь промышленных рабочих деревне в 1918 году: по материалам Центр.-Черноз. губ. // Из истории Воронежского края: Тр. Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1969. Вып. 3. С. 39.
- 130 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л.12-13.
- 131 Воронежский красный листок. 1918. 6 авг.
- 132 Известия Орловского Совета. 1918. 14, 17 июля.
- 133 Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917-1918 гг.: Сб. документов. Орел, 1957. С. 201.
- 134 ГАЛО. Ф. Р-292. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.
- 135 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.260. Л.66.
- 136 Там же. Л. 3, 4.
- 137 Изв. Орлов. Совета. 1918. 14 июля, 1 авг.
- 138 Там же. 1 сентября.
- 139 Там же.
- 140 Известия Наркомпрода. 1918. № 16/17. С. 42, 113.
- 141 Туляков В. В. Организация, состав и деятельность комбедов Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986. С. 15.
- 142 Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Год 1918. Тула, 1961. С.
- 143 Там же. С. 22.
- 144 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.446. Л.9,10.
- 145 Упрочение Советской власти в Тульской губернии. С. 412, 413, 415; ГАРФ СССР. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 9. Л. 36.
- 146 РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.239. Л.10.
- 147 Упрочение Советской власти в Тульской губернии. С. 151, 153.
- 148 Там же. С. 152.
- 149 Там же. С.226.
- 150 Туляков В.В. Указ. соч. С.11,15.
- 151 РГАЭ. Ф.1943. Оп. 1: Д.22. Л. 86.
- 152 Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. С. 81, 82.
- 153 Бош Е. Б. Встречи и беседы с Лениным // Пролет. революция. 1924, № 3. С. 169.
- 154 Пензенская организация КПСС в годы гражданском войны, 1918-1920: Сб. документов и материалов. Пенза, 1969.
- 155 Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. Т. 2. С. 74.
- 156 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 9. Л. 34.
- 157 Очерки истории Мордовской АССР. Т. 2. С. 74.

- 158 Сумерин П. Г. Роль комбедов в борьбе за хлеб: По материалам Пензен. губ. // Вопросы истории Среднего Поволжья. Саратов, 1965. С. 86.
- 159 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 430-432. Телеграмма была послана А. Е. Минкину, а не делегатам съезда, как сказано в примечании к документу. См.: Там же. С. 622, 719.
- 160 Очерки истории Пензенской организации КПСС. Пенза, 1974. С. 115-116.
- 161 Известия Пензенского Совета. 1918. 29 июня, 5 июля.
- 162 Бухарин Л. А. Борьба Коммунистической партии с буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюцией в первые годы Советской власти, Октябрь 1917-1920 гг.: По материалам Ярослав. губ.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1985. С. 114-116; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 576. Л. 31-32.
- 163 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 576. Л. 25, 26, 28, 29, 31, 33, 34, 37, 38.
- 164 Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) - РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 3. С. 317-318.
- 165 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 576а. Л. 33-34.
- 166 Там же. Л. 37.
- 167 Там же. Л. 38.
- 168 Там же. Л. 31.
- 169 Бухарин Л. А. Указ. соч. С. 115.
- 170 Известия Советов рабочих, крестьян, и солдат, депутатов. Ярославль. 1918. 3, 4 июля.
- 171 Там же. 4 июля; Бухарин Л. А. Указ. соч. С. 116.
- 172 Аникеев В. В. Деятельность ЦК РКП (б) в 1918-1919 гг.: Хроника событий. М., 1974. С. 327.
- 173 Изв. Ярослав. губ. ВРК. 1918. 7 авг.
- 174 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 571. Л. 1, 3, 7.
- 175 Советы в первый год пролетарской диктатуры: С. 311.
- 176 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- 177 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 329. Л. 1а.
- 178 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. М., 1969. Т. 4. С. 144-150.
- 179 Известия Советов рабочих, солдат. и крестьян, депутатов. Тверь. 1918. 20 июня.
- 180 Там же. 4, 7 июля; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 303. Л. 8.
- 181 Известия Советов рабочих, солдат. и крестьян. депутатов, Тверь. 1918. 4, 7 июля.
- 182 Там же. 7 июля.
- 183 Там же. По данным, представленным в НКВД, на съезде было:

- 29 большевиков, 19 левых эсеров, 1 правый эсер, 1 анархист и 48 беспартийных. См.: ГАРФ. Ф.939. Оп. 3. Д. 428. Л. 44.
- 184 Изв. Советов рабочих, солдат. и крестьян. депутатов. Тверь, 1918. 7 июля.
- 185 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 428. Л. 5, 9.
- 186 Известия Советов рабочих, солдат. и крестьян. депутатов. Тверь, 1918. 7 июля.
- 187 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 428. Л. 44.
- 188 Там же. Д.219. Л.8.
- 189 Там же. Оп. 4. Д. 16. Л. 224.
- 190 Осипова Т. В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 62, 63.
- 191 Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 209-210.
- 192 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 10. Л. 233; Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 244.
- 193 Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1918. С.248-250 (подсчеты автора).
- 194 Там же. С. 230-244 (подсчеты автора).
- 195 Там же. С. 236-248 (подсчеты автора).
- 196 Там же. С. 236-250 (подсчеты автора).
- 197 Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 166-170 (подсчеты автора).
- 198 Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 54-55, 58, 59.
- 199 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 506.
- 200 Там же. С. 507.
- 201 Там же. С. 509.
- 202 Там же. С. 37, 315.
- 203 Там же. С. 316.
- 204 Там же. С. 310.
- 205 Пятый Всероссийский съезд Советов., с. 98, 207.
- 206 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 6. Л. 60 (с. 8). Типографский экземпляр письма М. А. Спиридоновой съезду партии левых эсеров от 4 октября 1918 г. Б/м, б/г. С.8.
- 207 Там же. Л. 61 (С. 9).
- 208 Пятый Всероссийский съезд Советов ... С. 115-117.
- 209 Спирин Л. М. Крах одной авантюры: мятеж левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 г. М., 1971. С. 54.

- 210 Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 123, 210, 230.
211 Там же.
212 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 518, 519, 525, 526.
213 Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 283, 284, 288.
214 Северный рабочий. Кострома. 1918. 12 июля.
215 Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 222-230.
216 Там же. С. 197.
217 Там же. С. 200.
218 Вести. Народного Комиссариата Внутренних Дел. 1918. № 18/19. С. 2; Изв. ВЦИК. 1918. 10 июля.
219 Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967. С. 334.
220 Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 87. Л. 215.
221 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 36-37.
222 РГВА. Ф.8. Оп.1.Д. 407. Л. 3; Ф.33987. Оп. 2. Д. 26. Л.54-57.
223 Там же. Д.317. Л-28.
224 Там же. Л.46.
225 Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 36. Л. 54-57.
226 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, Т.4. С.133.
227 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 317. Л. 59.
228 Там же. Л. 58.
229 Там же. Л. 31; Д. 407. Л. 39.
230 Там же. Д. 317. Л. 16, 21, 50.
231 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 369.
232 Сокольников О. Ф. Большевики Северной области в борьбе за политическое руководство Советами в 1918 году // Борьба Коммунистической партии за защиту социалистической революции и построение социализма в СССР: Сб. научн. работ. Л., 1976. Вып. 4. С. 47.
233 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 344; Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 149-150, 154.
234 Иванов С. А. Красный Октябрь на Псковщине. Л., 1967. С. 186.
235 Очерки истории Калужской организации КПСС. Тула, 1967. С. 98-99.
236 Набат. Пенза, 1918. 25, 28 июля.
237 Там же. 28 июля.
238 Там же. 30 июля.
239 Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 121.

- 240 Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Сб. документов. Саранск, 1959. С. 14-15.
- 241 Изв. Пензен. Совета. 1918. авг., 18 сент.
- 242 Там же. 18, 21 сент.
- 243 Там же, 24, 26, 30 окт.; Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. С. 13-14.
- 244 Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 120.
- 245 Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. С. 87-88; Изв. Пензен. Совета. 1918. 3, 8 сент.
- 246 Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 120-121.
- 247 Изв. Пензен. Совета. 1918. 18 сент.
- 248 Изв. Орла и Орлов. Совета. 1918. 24 авг., 1, 8, 19 сент.; Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 3. С. 25.
- 249 Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. №3. С. 21.
- 250 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.191. Л.194.
- 251 Там же. Л. 183.
- 252 РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 26.
- 253 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- 254 Там же. Д. 192. Л. 86-95.
- 255 Переверзев А. Я. Организаторская помощь промышленных рабочих деревне в 1918 году: по материалам Центр.-Черноз. губ. // Из истории Воронеж, края. Тр. Воронеж, гос. ун-та. Вып. 3. Воронеж, 1969. Т. 87. С. 46-47; Кононов Н. К. Указ. соч. С. 82.
- 256 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.190. Л.154-157.
- 257 Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Воронеж, 1927. С. 71, 76-77; Борьба за Воронеж. Воронеж, 1939. С. 64, 65; Воронежский красный листок. 1918. 23, 25 авг.
- 258 Инструктор Воронежского губисполкома Н. И. Зимин, командированный на съезд, сообщал, что левых эсеров было 146, коммунистов - 96 и беспартийных - 8. Левые эсеры (из них двое приехали из Воронежа и трое местных) были арестованы на время съезда по его предложению, "дабы пресечь провокацию". Кулаки ближайшего с. Тишевка на сходе постановили освободить лидеров левых эсеров. Собрав более 300 человек, они подошли к тюрьме, где были разогнаны выстрелами в воздух. См.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 103. Л. 69.
- 259 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. С. 152-153.
- 260 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.103. Л.69.
- 261 Кононов Н.К. Указ. соч. С.81.

- 262 ГАРФ. Ф.1235. Оп.93. Д.169. Л.87.
263 РГВА. Ф. 1. Оп.1. Д. 239. Л. 64.
264 Там же. Л.45.
265 Изв. исполкома Советов Западной обл. и Смоленского Совета. 1918. 27, 30 авг.
266 Островская Р. И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ельнинском уезде. Март 1917-декабрь 1920 г. Смоленск, 1959. С. 42, 45.
267 Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии в 1917-1918 гг.: Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 28.
268 Непролетарские партии России; Урок истории. М., 1984. С. 390.
269 Цит. по: Сагрядян М. О. Из истории возникновения однопартийной системы в Советской республике // История партийных организаций Поволжья: Межвуз. научн. сб. Саратов. 1973. Вып. 1. С. 117.
270 Шестаков Ю. РКП (б) и партия "революционного коммунизма" // Вопр. истории КПСС. 1972. №2. С. 21.
271 Ополчение бедноты. Пенза, 1918. 3 окт.
272 Там же. 31 окт.
273 Шестаков Ю. Указ. соч. С. 21; РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.201. Л.5; Оп. 6. Д. 209. Л. 39, 80, 88; Д. 9. Л. 216; Д. 215. Л. 90; Д. 403. Л. 55; Оп. 11. Д. 19. Л. 56.
274 Шестаков Ю. Указ. соч. С. 10; Кононов Н. К. Тактика большевиков в отношении левых эсеров в местных Советах, Лето-осень 1918 г. // Вопр. истории КПСС. 1974. № 6. С. 83; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 201. Л. 4; Оп. 6. Д. 38. Л. 5; Д. 231. Л.20; Д. 405. Л. 77.
275 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.72. Л.136; Д. 188. Л. 96; Д. 219. Л. 19; РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.3. Л.63; Д. 234. Л.20; Ф. 564. Оп.1. Д.6. Л.98
276 Сокольников О. Ф. Указ. соч. С. 52.
277 Изв. ВЦИК. 1918. 20 нояб.
278 Непролетарские партии России: Урок истории. С. 389.
279 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-5, 8-11, 18, 20-24, 27, 33, 34, 40, 41, 46, 63, 67, 182, 300; Д. 6. Л. 68, 74, 47, 82, 87, 89, 96, 95-103, 106, 107, 109, 114-118, 121-126.
280 Пять лет власти Советов. М., 1922. С. 89.
281 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 348.
282 Сокольников О. Ф. Указ. соч. С. 50, 51.
283 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 348.
284 Васильев А. Н. "Левый блок" на Урале в 1917-1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1984. С. 15.
285 Власть Советов. 1918. № 24. С. 2.

- 286 Там же. № 25. С. 8.
287 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. Л. 158.
288 Там же. Д. 14. Л. 215-216.
289 Там же. Д. 13. Л. 27-28, 179.
290 Там же. Д. 10. Л. 12; Изв. Смолен. Совета. 1918. 20 июля.
291 Там же. Д. 13. Л. 140.
292 Там же. Д. 10. Л. 38.
293 Степанов П. С. Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии в 1917-1920 гг. Смоленск, 1957. С. 61.
294 ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. Л. 140.
295 Изв. Смолен. Совета. 1918. 6 сент.
296 Там же. 8 сент.
297 ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. Л. 215-216; Д. 10. Л. 223; Изв. Смолен. Совета. 1918. 20 июля.
298 Установление Советской власти в Новгородской губернии, 1917-1918: Сб. документов и материалов. Новгород, 1957. С. 114-115.
299 Петров М. Н. Хранить вечно. Л., 1987. С. 52.
300 Установление Советской власти в Новгородской губернии. С. 110-111.
301 Труды пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии в Петербурге 21-23 марта 1918 г. Пг., 1918. С. 4-6.
302 РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 24. Л. 70.
303 Труды пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии. С. 6 - 7, 113.
304 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 409; Половников Н. В. Как мы били степановскую банду // За власть Советов: Сб. воспоминаний. Киров, 1957. С. 185.
305 Сапожников Н. Ижевско-Воткинское восстание. Август - ноябрь 1918 г. // Пролет. революция. 1924. № 8/9 (31/32). С. 19; Сомницын А. Из истории гражданской войны в губернии // Октябрь и гражданская война в Вятской губернии: Сб. статей и материалов. Вятка, 1927. С. 39-42.
306 Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 19.
307 Красный террор, Казань. 1918. № 1. С. 20-22.
308 Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск, 1982. С. 43-44.
309 Нижегородская организация ГКП (б) в 1918-1920 гг.: Сб. доку-

- ментов и материалов. Горький, 1957. С. 72, 88-89.
- 310 Очерки истории Горьковской организации КПСС. Горький, 1966. 4.2. С. 19. В октябре организаторы этого выступления были арестованы в Курмышском уезде Симбирской губернии. См.: Нижегородская организация РКП (б) в 1918-1920 гг. С.71.
- 311 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 113. Л. 70.
- 312 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 142-143, 155.
- 313 Шульпин П. Под знаменем Октября. Горький, 1957. С. 143.
- 314 ГАОУ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 1715. Л. 1, 6, 10, 14, 20, 25, 31, 39, 45, 51, 57, 60.
- 315 Нижегородская организация РКП (б) в 1918-1920 гг. С. 11.
- 316 Во имя победы революции: Костромская губерния в годы гражданской войны. Ярославль, 1984. С. 67-68.
- 317 Там же. С. 68-69.
- 318 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 9. Л. 87; Д.11. Л.34 об.
- 319 Там же. Ф. 393. Оп. 3. Д. 179. Л. 246; Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 2. С. 20; Конокотин А. Очерки по истории гражданской войны в Костромской губернии. Кострома, 1927. С. 31-32.
- 320 Соловьев С. Роль Ветлужской организации РКП (б) в борьбе за власть Советов // Октябрь в Н. Новгороде и губернии: Сб. воспоминаний. Горький, 1957. С.241
- 321 Во имя победы революции... С. 70.
- 322 В годы гражданской войны. Иваново-Вознесенские большевики в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сб. документов и материалов. Иваново, 1958. С.34-36.
- 323 ГАРФ. Ф.393. Оп.1. Д.103. Л.40.
- 324 Во имя победы революции... С. 6-7; Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 319, 350-351.
- 325 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 193. Л. 64, 67.
- 326 ГАРФ. Ф. 393. Оп.1. Д. 72. Л. 400, 401.
- 327 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 193. Л. 66.
- 328 Там же. Л. 63.
- 329 Там же Л. 64.
- 330 ГАРФ. Ф. 393. Оп.1. Д. 120. Л. 34.
- 331 Изв. Льгов. уездного Совета рабочих и крестьян. депутатов. 1918. 24 окт.
- 332 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 193. Л. 65.
- 333 Там же Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 63; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 193. Л. 65, 66.

- 334 ГАРФ. Ф. 393. Оп.1. Д. 120. Л. 34.
- 335 Селитренников Д. П. Мятёж в Ливнах: Из истории становления Советской власти и большевистской организации в Орловском крае. Тула, 1989. С. 27.
- 336 Там же. С.28-29.
- 337 РГВА. Ф. 1. Оп.1. Д.239. Л. 63.
- 338 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 261. Л. 77, 82; Изв. Советов рабочих, солдат. и крестьян. депутатов Орла и Орлов. губ. 1918. 21, 22, 23 авг.
- 339 За власть Советов: Сб. воспоминаний. Орел, 1957. С. 134.
- 340 Селитренников Д. П. Указ. соч. С. 30-31.
- 341 Изв. ВЦИК. 1918. 27 авг., 3 сент.
- 342 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 154, 160.
- 343 Селитренников Д. П. Указ. соч. С. 34.
- 344 Там же. С.35.
- 345 Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 7; Изв. Наркомпрода. 1918. № 24/25. С. 36; Власть Советов. 1918. №24/25. С. 8.
- 346 Изв. Наркомпрода. 1918. № 20/21. С. 39.
- 347 Герасимюк В. Р. Комбеды Российской Федерации в цифрах // История СССР. 1960. № 4. С. 122 (подсчеты автора. - Т. О.).
- 348 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 31. По августовским продовольственным декретам заготовительные цены на хлеб нового урожая были повышены в три раза.
- 349 Там же. С. 32. Введение натурального налога было одним из положений продовольственной программы левых эсеров. Но практических результатов налог не дал.
- 350 Второй год борьбы с голодом, М., 1919. С. 7.
- 351 Переверзев А. Я. Великий Октябрь и преобразование деревни. Воронеж, 1987. С. 61. В книге, очевидно, допущена опечатка - общая численность определена в 27925 рабочих.
- 352 Дорожкин М. Д. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С. 262-263; Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 297.
- 353-354 Изв. ВЦИК. 1918. 15 декабря.
- 355 Сев. рабочий, Кострома. 1918. 10/11, 12 дек.; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 151. Л. 17; Д. 180. Л. 2, 26, 28; Д. 188. Л. 88; Ф. 1235. Оп. 98. Д. 378. Л.16.
- 356 РГВА. Ф. 1. Оп.1. Д. 214. Л. 30, 36, 37.
- 357 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. д. 31. Л. 446.
- 358 Там же. Д. 37. Л. 219.
- 359 Вестн. обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Сев.

- обл. 1918. № 5. С. 581.
- 360 Комитеты бедноты Коми края: Сб. документов. Сыктывкар. 1958. С. 37.
- 361 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С: 502, 507, 508; Т. 37. С.31, 36, 37, 41, 42.
- 362 Декреты Советской власти. Т. 3. С: 222-223.
- 363 Комитеты бедноты Северной области. Л., 1947. С. 56.
- 364 Северная коммуна. Пг. 1918. 22, 23 авг.
- 365 Подсчитано по: Вестн. обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Сев. обл. 1918. № 3. С. 306.
- 366 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 11. Л. 32.
- 367 Туляков В.В. Указ. соч. С. 10, 13; Ополчение бедноты, Пенза. 1918. 4 окт.
- 368 Нижегородская организация РКП (б) в 1918-1920 гг. С. 120; Органы советской государственной власти на территории Нижегородской губернии, 1917-1920. С. 14, 71.
- 369 Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 1581. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 16.
- 370 Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 585. Оп. 1. Д. 495. Л. 31; Оп. 2. Д. 81. Л. 35, 31, 39, 40.
- 371 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 84. Л. 34.
- 372 Крестьянская правда, орган Демянского уездного Совета. 1918. 29 дек.
- 373 Вестн. обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной обл. 1918. №3.
- 374 Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 64.
- 375 Туляков В. В. Указ. соч. С. 14.
- 376 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Рязанской губернии, 1917-1920. Рязань. 1957. С. 218-234.
- 377 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С. 117.
- 378-380 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.36а. Л. 190.
- 381 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Рязанской губернии. С.221.
- 382 Изв. Мцен. уезд. исполкома Советов рабочих, красноарм. и крестьян. депутатов. 1918. 30 авг.
- 383 Там же.
- 384 Там же.
- 385 Там же. 4 сент.
- 386 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 170. Л. 154-157.
- 387 Там же. Д. 120. Л. 89; Изв. Льгов. Совета. 1918. 19, 21 нояб.

- 388 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, 1918-1920: Сб. документов. Воронеж, 1968. С. 59.
- 389 Изв. Льгов. Совета. 1918. 19, 21 ноября.
- 390 Изв. Твер. Совета. 1918. 12 сент.
- 391 Там же. 30 авг.
- 392 Комбеды РСФСР. С.242; Изв. Твер. Совета. 1919. 12 сент.; Переписка Секретариата ЦКРКП(б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 117-119, 145.
- 393 Изв. Твер. Совета. 1918. 121, 13 сент.; Изв. Краснохолм. Совета. 1918. 29 дек. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 423. Л. 81, 85 об.; Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 148.
- 394 Изв. Твер. Совета. 1918.13 сент.
- 395 Там же; Комбеды РСФСР. С. 143, 244.
- 396 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С. 154-155.
- 397 Волоколам. изв. 1918. 7 нояб.
- 398 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д.31. Л. 212; Д. 219. Л. 20.
- 399 Вестн. обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной обл. 1918. №1. С. 34.
- 400 Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 302.
- 401 Там же.
- 402 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 247. Л. 6.
- 403 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 403. Л. 8, 9.
- 404 Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сб. документов. Казань, 1961. С. 63-65, 70.
- 405 Литвин А. Л. Комбеды Среднего Поволжья: К историограф. изучению // Очерки истории Поволжья и приуралья: Сб. статей. Казань, 1969. Вып. 2-3. С. 259.
- 406 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С.44.
- 407 Советы в эпоху военного коммунизма. Ч. 2. С. 419.
- 408 Туляков В. В. Указ. соч. С. 13; Кизрин А. Г. К истории комбедов. Воронеж, 1932. С. 17; Комитеты бедноты. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 185-187.
- 409 Комитеты бедноты. Т. 1. С. 179-183. Эти данные введены в научный оборот в 30-е годы. С тех пор новых материалов, поддающихся статистической обработке, не выявлено.
- 410 Павлюченков С.А. Крестьянский Брест... С. 164.

- 411 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 10, 20, 21 „,43, 305-306.
412 Там же. Л. 305.
413 Там же. Л. 138.
414 Там же. Л. 312, 318.
415 Там же. Д. 6. Л. 122.
416 Там же. Д. 5. Л. 414.
417 Там же. Л. 316.
418 Изв. Воронеж. Совета. 1919. 20 февр.
419 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8, 80, 103, 124.
420 Там же. Д.6. Л.60 и др.
421 Там же.
422 Там же.

Примечания к главе 4

- 1 Комбеды РСФСР: Сб. декретов и документов. М., 1933. С. 236; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 113. Л. 10, 15, 24; Оп. 3. Д. 440. Л. 57.
- 2 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 220. Л. 75.
- 3 Изв. Моск. губерн. Совета. 1918. 18авг.
- 4 Осипова Т.В. Развитие социалистической революции в деревне // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 73.
- 5 Власть Советов, 1918. №25. С. 6.
- 6 Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии, 1917-1919: Сб. документов. Тамбов, 1957. С. 207.
- 7 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, Ноябрь-декабрь 1918 г.: Сб. документов, М., 1970. Т. 5. С. 106.
- 8 ЦХДНИ Липецкой области (ЦХДНИЛО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- 9 Там же. Л. 8.
- 10 Власть Советов. 1918. №25. С. 6. Советы в эпоху военного коммунизма: Сб. документов. М., 1929. Ч. 2. С. 434; Комитеты бедноты: Сб. материалов. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 243; Комбеды РСФСР. С. 21; Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, 1918-1920: Сб. документов. Воронеж, 1968. С. 63; Изв. Орлов. Совета. 1918. 1 авг.
- 11 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 133. Л. 208.
- 12 Там же. Д. 236. Л. 13.
- 13 Установление Советской власти в Новгородской губернии, 1917-1918: Сб. документов и материалов. Новгород, 1957. С. 210.
- 14 РГВА. Ф. 1. Д. 2. Л. 75.
- 15 Трудовая коммуна. Орган Ардатовского уездного Совета. 1918. 17-27 окт., 22нояб.
- 16 Курская губерния в годы иностранной интервенции и гражданской войны, 1918-1920: Сб. документов, Воронеж, 1968. С. 63.
- 17 Комбеды РСФСР. С. 114.
- 18 Вестн. Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 24. С. 5.
- 19 Хроника революционных событий в Тамбовской губернии / П. Крошицкий, И. С. Соколов. Тамбов, 1927. С. 61.
- 20 Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1960. Т. 3. С. 42.
- 21 Власть Советов. 1918. №25. С. 6.
- 22 Советы в эпоху "военного коммунизма". 4.1. С. 413.
- 23 Там же.
- 24 ЦХДНИЛО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 74. Л. 22, 23.

- 25 Там же. Л. 22-24.
- 26 Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7.
- 27 Партия с.-р. в Тамбовском восстании, 1920-1921 гг. [М., 1922]. С. 5.
- 28 Вопр. истории КПСС. 1961. № 1. С. 128.
- 29 Правда. 1919. 7 марта.
- 30 Там же.
- 31 Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России, Октябрь 1917-1918 гг. С. 159, 160. Воронеж, 1976; Он же. Великий Октябрь и преобразование деревни. Воронеж, 1987. С. 64.
- 32 Очерки истории Московской организации КПСС, Ноябрь 1917-1940. М., 1983. Кн. 2. С. 98-99.
- 33 Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967. С. 360; Правда, 1918. 18 дек.; Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917-1918 гг.: Сб. документов. Орел, 1957. С. 274-294; Витковский В. А. Деятельность тверских большевиков по созданию и организационно-политическому укреплению партийных ячеек в деревне, 1918 - март 1919 гг. // Вопр. идеологической работы КПСС. Калинин, 1973. с. 100, 105; Переверзев А. Я. Великий Октябрь и преобразование деревни. С. 64.
- 34 Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Документы и материалы. Саранск, 1959. С. 168.
- 35 1917 год в Саратовской губернии: Сб. документов. Февраль 1917-декабрь 1918 г. С. 560.
- 36 Нижегородская коммуна. 1919. 5, 15 янв., 25 февр.; Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. С. 377-378; Нижегородская организация РКП (б) в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, 1918-1920: Сб. документов и материалов. Горький, 1957. С. 121-124.
- 37 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 63. Л. 47.
- 38 ЦХДНИЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2.
- 39 ГАЛО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 74. Л. 21, 22, 23.
- 40 Там же. Л. 24об - 25.
- 41 ЦХДНИЛО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 2.
- 42 Там же. Л. 3.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 403. Л. 26, 27; ГАЛО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 74. Л. 21-24.
- 44 ЦХДНИЛО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 407. Л. 78, 79, 81, 82.
- 46 Там же. Оп. 5. Д. 211. Л. 4; Оп. 6. Д. 401. Л. 168, 169.

- 47 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С. 173.
- 48 Там же. Т. 4. 383.
- 49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 407. Л. 16.
- 50 Там же. Д. 406. Л. 15.
- 51 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 259. Л. 12.
- 52 Курск в революции: Сб. материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск, 1927. С.111.
- 53 РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.200. Л.2.
- 54 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) - ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Март-июль 1918 г.: Сб. документов. М., 1967. Т. 3. С. 186.
- 55 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.103. Л.57, 58, 60, 61. 12 декабря П. И. Абрамов был убит в с. Воронежская Лазовка. См.: там же. Л.66.
- 56 СУ. 1918. № 62. С. 683.
- 57 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 4. Д. 489. Л. 3.
- 58 Декреты Советской власти. М., 1964. Т.3. С.81-82.
- 59 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 369.
- 60 РГАЭ. Ф. 1943. Оп.3. Д. 171. Л. 7-8.
- 61 Экономическая жизнь. 1919. 19 янв. В газете ошибочно указано, что полк действовал в губернии по 20 декабря. Приказом РВСР 17 ноября полк был отправлен на Воронежский фронт. См.: РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1758. Л. 76.
- 62 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 180. Л. 207.
- 63 Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне, 1917-1920. М., 1980. С. 47.
- 64 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 145.
- 65 Там же. С. 144, 145, 160, 175; Ленинский сб. Т. 18. С. 182, 203.
- 66 Орлов И. А. Система продовольственных заготовок: К оценке работ заготовительной экспедиции А. Г. Шлихтера. Тамбов, 1920. С. 30-32.
- 67 Там же. С. 33-34.
- 68 ЦХДНИЛО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 24. Л. 20.
- 69 Там же. Д. 24. Л. 20; ГАЛО. Ф. 1559. Оп. 1. Д. 53. Л. 18.
- 70 ЦХДНИЛО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 71 Там же. Д. 2. Л. 4; Д. 33. Л. 6.
- 72 Орлов Н. Указ. соч. С. 36, 41, 46, 47.
- 73 Там же. С. 41.
- 74 Там же. С. 63, 67.
- 75 Там же. С. 47, 48.
- 76 Стрижков Ю. К. Из истории введения продовольственной раз-

- верстки // Ист. зап. 1961. Т. 71. С. 37.
77 Изв. Наркомпрода. 1918. № 22/23. С. 62.
78 Там же. С. 52, 53.
79 Комитеты деревенской бедноты Московской области: Сб. материалов и документов. М., 1938. С. 235, 236, 246.
80 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 440. Л. 68.
81 Народное хозяйство. 1919. №7. С. 94.
82 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 124. Л. 464 об.
83 Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. М., 1980. С.34.
84 ГАРФ. Ф.393. Оп.1. Д. 123. Л.23-24.
85 Бюллетень Пензен. губ. прод. коллегии. 1918. № 28/30. С. 6-7; № 34/35. С. 8.
86 Там же. №28/30. С.7.
87 Изв. Нижне-Ломовского Совета. 1918. 1, 12 окт.
88 Красная армия (Орган военно-агитационного отдела Пензенского губернского комиссариата по военным делам и прифронтовой полосы), 1918. 13 окт.
89 История советского крестьянства Мордовии, 1917-1937. Саранск, 1987. Ч. 1. С.39.
90 Ополчение бедноты. 1918. 21 авг.
91 История советского крестьянства Мордовии. С. 40, 41.
92 Изв. Пензен. Совета. 1918. 24 окт.
93 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 65. Л. 307; РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 214. Л. 52; Жиганов М. Ф. Посланцы Ленина в Мордовии. Саранск, 1978. С. 182.
94 Красн. арх. 1939. № 6 (97). С. 33.
95 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сб. документов. Воронеж, 1967. С. 53.
96 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1957. С. 421, 423, 424, 433, 436, 437.
97 Изв. Наркомпрода. 1918. № 22/23. С. 43, 57.
98 Экономическая жизнь. 1919. 19 янв.; Красн. арх. 1939. № 6 (97). С. 33.
99 Красн. арх. 1939. № 6 (97). С. 33.
100 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 29. Л. 230-232.
101 Свердлов Я. М. Избр. произведения. Т. 3. С. 42.
102 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 21. Л. 48.
103 Переписка Секретариата ЦК РКП (б)... Т.4. С.390.
104 ЦХДНИЛО. Ф.19. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; ГАРФ. Ф.393. Оп. 2. Д. 127. Л.45.

- 105 Красн. арх. 1939. № 6 (97). С. 33.
- 106 Протоколы IV съезда Советов Тамбовской губернии, 26 февраля - 1 марта 1919 г. Тамбов. 1919. С. 11.
- 107 Там же. С.21.
- 108 ГАРФ. Ф. 1943. Оп.3. Д. 450. Л. 1-7.
- 109 Там же.
- 110 Гражданская война в Поволжье, 1918-1920. Казань, 1974. С. 476.
- 111 Деятельность продовольственной организации: По данным Чрезвычайной ревизии Совета Оборона. М., 1919. С. 34.
- 112 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 63. Л. 510.
- 113 Восьмой съезд РКП (б). С. 269.
- 114 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 327. Л. 255.
- 115 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 153.
- 116 Германов Л. (М. Фрумкин). Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы: Статьи и отчетные материалы. М., 1922. С. 68.
- 117 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 62.
- 118 Второй год борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1918-1919 гг. М., 1919. С. 36.
- 119 Аграрная политика Советской власти. М., 1954. С. 32.
- 120 Свицерский. А. Из истории продовольственного дела (справка) // Четыре года продовольственной работы: Статьи и отчетные материалы. С. 18.
- 121 Протоколы IV съезда Советов Тамбовской губернии... С. 35.
- 122 Декреты Советской власти. Т.3. С.256.
- 123 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 4. Д. 350. Л. 277.
- 124 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.415. Л.282-283.
- 125 Изв. Твер. Совета. 1918. 29 авг.
- 126 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 91. Л. 323-324.
- 127 Изв. Твер. Совета. 1918. 24 авг.
- 128 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 420. Л. 172.
- 129 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 171. Л. 7.
- 130 Там же.
- 131 Там же.
- 132 Там же. Л. 8.
- 133 Там же. Л. 8-10.
- 134 Там же. Л. 11, 12.
- 135 Изв. Наркомпрода. 1918. № 24/25. С. 59-60.
- 136 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 9. Д. 64. Л. 307.
- 137 Там же. Ф. 393. Оп. 4. Д.83. Л. 10; Д. 185. Л. 135.

- 138 Там же; Конокотин А. Очерки по истории гражданской войны в Костромской губернии Кострома, 1927. С. 26, 27.
- 139 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 154. Л. 248-250.
- 140 Там же.
- 141 Там же. Д. 219. Л. 20.
- 142 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 118. Л. 38.
- 143 ГАРФ. Ф.393. Оп.2. Д.219. Л.13.
- 144 Там же. Оп. 3. Д. 415. Л. 298, Оп. 2. Д. 91. Л. 323-324; РГВА. Ф. 72. Оп. 1. Д. 214. Л. 42.
- 145 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 106. Л. 77; Ф. 393. Оп. 3. Д. 91. Л. 323-324.
- 146 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С. 222.
- 147 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 428. Л. 14.
- 148 Там же. Д. 415. Л. 341.
- 149 Там же. Д. 237. Л. 152.
- 150 ГАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 236. Л. 103.
- 151 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 360. Л. 181; Д. 240. Л. 82.
- 152 ГАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 236. Л. 102; Нижегородская коммуна. 1919. 5 янв. В газете события в селе изложены в интерпретации Мельникова как контрреволюционное вооруженное выступление всей волости.
- 153 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 234. Л. 5.
- 154 ГАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 236. Л. 102 об.; Д. 46. Л. 1-3; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 234. Л. 5, 7.
- 155 ГАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 236. Л. 13-14.
- 156 РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 33, 34.
- 157 Нижегородская организация РКП (б) в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 109.
- 158 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 268. Оп. 1. Д. 84. Л. 5 об., 6-8, 67-69; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 7. Л. 110, 111.
- 159 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 13. Л. 78.
- 160 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 63. Л. 27.
- 161 Там же. Д. 111. Л. 30.
- 162 Там же. Оп. 3. Д. 219. Л. 20, 197 об.
- 163 Там же. Д. 234. Л. 9.
- 164 Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 63. Л. 28, 29.
- 165 Вестн. Обл. комиссариата внутренних дел Союза коммун Сев. обл. 1918. № 3. С. 262.
- 166 Изв. Наркомпрода. 1918. № 24/25. С. 22.

- 167 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.275.
168 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 416.
169 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 255. Л. 234, 236.
170 История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 78.
171 Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне, 1917-1967. Воронеж, 1967. С. 20.
172 Крайнов В. А. Комитеты бедноты и осуществление ленинского "Декрета о земле" в Тверской губернии // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. 1957. С. 85, 88, 89.
173 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 398. Л. 222.
174 Там же. Л. 216.
175 Там же. Д. 387. Л. 2.
176 Протоколы IV съезда Советов Тамбовской губернии... С. 45-48.
177 Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927. С. 23-24.
178 Нижегород. коммуна. 1918. 2 нояб. В сборнике документов и материалов "Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии" (с. 268-269) площадь всей земли, принятой на учет в 1918 г., определена в 4 369 451,3 дес., из них частновладельческой (так называлась помещичья земля.- Т. О.) - 564 451,57 дес.; пашня в общем объеме составляла 1 908 941,8 дес.: из них на долю частных владений приходилось 110267,3 дес.
179 Подсчитано: Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С.10-14.
180 Там же. По данным газеты "Нижегородская коммуна" от 5 января 1919 г. в губернии насчитывалось 144 колхоза, по материалам сб. "Колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927" (С. 270) их было 60.
181 ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 4.
182 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 26. Л. 3; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 31. Л. 212; Д. 223. Л. 127; Д. 224. Л. 185; Д. 221. Л. 17, 18; Д. 227. Л. 72, 75.
183 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 26. Л. 41.
184 Там же. Д. 8. Л. 42, 50.
185 Там же. Л. 30.
186 Там же. Д. 112. Л. 42, 43; и др.
187 Там же. Д. 8. Л. 29.
188 Там же. Л. 50.
189 Труды ЦСУ. Вып. 3. Т. 6. Отд. с.-х. переписей: Экон. расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Т. I. М., 1922. С. 10. Это данные выборочной сельскохозяйственной переписи 1919 г., охватившей 10%

- крестьянских хозяйств 25 губерний Европейской части России.
190 Там же. С. 12.
191 Там же.
192 Бляхер Я. В. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ, 1922 // Вестн. статистики. 1923. №13. С. 141.
193 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 470.
194 Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне, 1917-1920. М., 1980. С. 15, 16.
195 Аграрная политика Советской власти, 1917-1918: Документы и материалы. М., 1954. С. 517.
196 Юрков И. А. Указ. соч. С. 17.
197 Там же. С. 195-196.
198 Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 166, 167.
199 Нижегородская коммуна. 1919. 5 янв. (проценты подсчитаны автором).
200 Переверзев А.Я. Указ. соч. С. 166, 167.
201 Труды ЦСУ. Вып. 3. Т. 4. Отд. с.-х. переписей: Экон. расслоение крестьян в 1917 и 1919 гг. С.18.
202 Ильин Ю.А. Крестьянское хозяйство губерний Верхнего Поволжья в годы гражданской войны и интервенции, 1918-1920: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1987. С. 22.
203 Труды ЦСУ. Вып.3. Т. 4. С. 18.
204 Цит. по: Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 291.
205 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 59-60.
206 Там же. Т. 41. С. 177-178.
207 Там же. С.252.
208 Аграрная политика Советской власти. С. 403.
209 СУ. 1918. № 81. С. 856.
210 Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 128.
211 История советского крестьянства. Т. 1. С. 84.
212 Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927. С. 35-36.
213 ЦХДНИЛО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
214 Кабанов В.В. Указ. соч. С. 25, 243.
215 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 426. Л. 23.
216 Там же. Д. 151. Л. 17 об.
217 Литературное наследство. Т. 80. С. 414.
218 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 356.
219 Там же. С. 357.
220 Там же. С. 356.

- 221 Там же.
222 Там же. С. 359.
223 Там же.
224 Цит. по: Юрков И. А. Указ. соч. С. 46.
225 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 609.
226 СУ. 1919. № 4. С. 44.
227 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 5. С. 301.
228 ЦХДНИЛО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.
229 Там же. Д. 36. Л. 6.
230 Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927. С. 42.
231 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 175. Л. 17.
232 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 98. Л. 452.
233 Правда. 1919. 7 марта.
234 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 2. Л. 19.
235 Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927. С. 27-28.
236 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 181.
237 Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С. 9, 10.
238 Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917-1927. С. 28-31.
239 Там же. С. 30-31.
240 Экономическая жизнь. 1919. 4 янв.
241 Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация, 1917 - март 1919. М., 1973. С. 169.
242 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 201, 202, 230-233, 409.
243 Морозов Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1968. С. 127, 131.
244 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 350.
245 Там же. С.183.
246 Съезды Советов в документах, 1917-1936. М., 1959. Т.:1. С. 83.
247 Изв. ВЦИК. 1918. 16 апр.
248 Герасимюк В.Р. Статистические данные о деятельности комбедов // История СССР. 1960. №2. С.156, 157.
249 Советская газета. Елец, 1918. 4 сент.
250 Изв. Нижнедевицкого Совета. 1918, 20 окт.
251 Там же. 3 нояб.
252 ГАРФ. Ф. 393. Оп.3. Д. 230. Л. 56.
253 Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 118.
254 Симбирская губерния в годы гражданской войны: Сб. докумен-

- тов. Ульяновск, 1958. С. 349-350.
255 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.417. Л.126.
256 Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 500.
257 ЦХДНИЛО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
258 Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 76.
259 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 42. Л. 24.
260 Там же.
261 Там же. Оп. 1. Д. 141. Л. 152.
262 Там же. Оп. 3. Д. 36а. Л. 253.
263 Комбеды РСФСР. С. 242.
264 Там же.
265 ГАНО. Ф.56. Оп.1. Д.49. Л.62.
266 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 69. Л. 102.
267 Власть Советов. 1919. № 2. С. 6.
268 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 181. Л.127.
269 Изв.Нижедевицкого Совета. 1918. 9 окт.
270 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 17.
271 Власть Советов. 1919. № 3/4. С. 110.
272 Там же.
273 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 465-467.
274 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 64. Л. 54.
275 Там же. Л. 55.
276 Там же.
277 Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 506; Экон. жизнь. 1919. 1 янв.
278 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 189. Л. 57.
279 Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 500.
280 Там же.
281 Там же. Л. 506 об.
282 Там же. Л. 501 об.
283 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 2. Л. 151; Экон. жизнь. 1919. 17 янв.
284 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 7. Л. 57, 108, 111; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 189. Л. 41, 46; Экон. жизнь. 1919. 1, 17 янв.
285 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 7. Л. 108, 111.
286 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 63. Л. 28, 29.
287 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 2. Л. 133, 133 об.
288 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 64. Л. 56.
289 Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 33 об.
290 Там же. Л. 4.
291 Там же. Оп. 3. Д. 261. Л. 77.
292 Там же.

- 293 Там же.
294 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 197. Л. 109.
295 ЦХДНИЛО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.
296 Там же. Л. 1, 3, 7, 8.
297 Там же. Я. 3.
298 Там же. Л. 4, 7, 8.
299 ГАРФ. Ф.393. Оп.4. Д.64. Л.47-48.
300 Там же. Оп. 3. Д. 192. Л. 271.
301 Там же. Оп. 4. Д. 54. Л. 1, 47-48, 53, 54.
302 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 22. Д. 4.
303 ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.80а. Л. 15.
304 Там же. Л. 116; Оп. 2. Д.64. Л.51; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 298. Л. 146.
305 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 80а. Л.116.
306 Там же. Оп. 3. Д. 88. Л. 263.
307 Там же. Оп. 2. Д. 67. Л. 403.
308 Там же. Д. 129. Л. 43 об., 44.
309 Там же.
310 Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Документы и материалы. Саранск, 1957. С. 170-172.
311 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. д. 64. л. 51, 53-54.
312 ЦГАМО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
313 Нижегород. коммуна. 1919. 26 янв.; Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С. 9, № 5/6. С. 18; ГАНО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 224. Л. 6.
314 ГАРФ. Ф. 393. Оп.1. Д. 113. Л. 90.
315 Нижегород. коммуна. 1919. 12 янв.
316 ГАНО. Ф. 56. Оп. 5. Д. 178. Л. 26.
317 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 2. Л. 13 об.
318 Там же. Л. 143.
319 Там же. Л. 149 об.
320 Там же. Л. 140.
321 Экон. жизнь. 1919. 10 янв.
322 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 480; Т. 38. С. 15.
323 Там же. С. 16.
324 Там же. С. 17.
325 Декреты Советской власти. М., 1971. Т.5. С.51-52.
326 Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, 1917-1925. М., 1947. Ч. 1. С. 150.
327 РГВА. Ф. II. Оп. 5. Д. 217. Л. 1.
328 Бритов В. В. Рождение Красной Армии. М., 1961. С. 231.

- 329 Молодцыгин М. А. Рабоче-крестьянский союз, 1918-1920. М., 1987. С. 39, 40; Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 285, 286.
- 330 Правда. 1919. 22 янв.
- 331 Кляцкин С. М. На защите Октября. С. 223.
- 332 Андреев В. М. Под знаменем пролетариата. С. 160, 161, 164.
- 333 Путырский Е. П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной Армии в 1918 г. // Ист. зап. М., 1957. Т. 61. С. 303.
- 334 Вершинин Л. А. Деятельность коммунистов псковщины по мобилизации трудящихся на разгром интервентов и белогвардейцев, 1918-1920 // Учен. зап. Псков, гос. пед. ин-та им. С. М.Кирова. Псков, 1964. Вып. 19. Обществ. и ист. науки. С.179.
- 335 РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 75. Л. 130.
- 336 Там же. Л. 8; Д. 307. Л. 185.
- 337 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 11. Л.35; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 39. Л. 79, 104, 357а, 360.
- 338 Директивы командования фронтов Красной Армии, 1917-1922: Сб. документов: в 4 т. Т. 4: Материалы, указатели. М., 1974. С. 272.
- 339 РГВА. Ф. 25883. Оп.1.Д. 101. Л. 17.
- 340 Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1960. Т. 1. С. 391-392.
- 341 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 249; Д. 214. Л. 230; Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 208-210, 213, 228; Д. 46. Л. 423, 424.
- 342 Там же. Ф. 33976. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.
- 343 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 57. Л. 3 об.-4.
- 344 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 33. Л. 9, 106; Д.106. Л. 72, 73, 76-82, 88-92, 94, 97; Д. 119. Л. 4; Ф. 393. Оп. 1. Д. 72. Л. 248; Д. 74. Л. 178, 226, 233; Д. 83. Л. 14, 15; Д. 87. Л. 62, 75; Д. 88. Л. 3, 23; Д. 100. Л. 64, 75, 76; Д. 102. Л. 41-43; Д. 103. Л. 60, 90; Д. 126. Л. 1; Д. 154. Л. 72-81, 89, 91-94, 152; Оп. 2. Д. 58. Л. 125; Д. 127. Л. 45; Оп. 3. Д. 80а. Л. 115, 116; Д. 190. Л. 111; Д. 229. Л. 39; Д. 187. Л. 191, 198, 240; Д. 189. Л. 41, 46; Д. 190. Л.111; Д. 242. Л. 398; Д. 378. Л. 43, 131, 132; Д. 384: Л. 25, 26; Д. 138. Л. 10 об.; Д. 393. Л. 96, 98; Д. 428. Л. 89, 91, 95; Оп. 4. Д. 22. Л. 6, 15; Д. 64. Л. 47-54; Ф. 1240. Оп. 1. Д. 43. Л. 26; Д. 45. Л. 2, 16; ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 743; ЦАОДМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 11, Кор. 1. Л. 15, 16; Ф. 1579. Оп. 1. Д. 5. Св. 1. Л. 7; Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Кор. 1. Л. 2; РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 248, 261. 264; Д. 196. Л. 233, 234; Д. 214. Л. 28-31, 35, 39-42, 44, 50; Ф. 2. Оп. 1. Д. 214. Л. 47; Ф. 8. Оп. 1. Д. 51. Л. 339; Д. 55. Л. 1, 3, 17, 19, 21, 22, 24, 26, 27; Д. 57. Л. 4. 20, 22-24; Д.316. Л.31-39; Ф.10. Оп. 2. Д.1336, Л.1-10; Ф.

25883. Оп. 1. Д. 5. Л. 114, 149. 152; Д. 20. Л. II-14, 20-23, 29-39, 95, 98, 104; Д. 51. Л. 9, 10; Д. 57. Л. 22, 31, 33, 35, 41, 140; Д. 93. Л. 6, 7; Д. 101. Л. 20, 21, 38; Оп. 2. Д. 17^А. Л. 1, 2; Д. 179. Л. 3-9; Д. 182. Л. 29; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 68. Л. 48; Правда. 1918. Сент.-дек.; 1919. Янв.-февр.; Изв. ВЦИК. 1918. Авг.-дек.; Беднота. 1918. Сент.-дек.; Известия губернских Советов. Из истории гражданской войны в СССР: Документы и материалы. Т. 1; Внутренние войска Советской республики, 1917-1922: Документы и материалы. М., 1972. С. 61.
- 345 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 20. Л. 153.
- 346 Там же. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.
- 347 Там же. Оп. 1, Д. 20. Л. 152.
- 348 Там же. Л. 153.
- 349 Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 41.
- 350 Там же. Л. 39, 40.
- 351 Там же. Л. 193.
- 352 Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 98; Оп. 2. Д. 179. Л. 5.
- 353 Там же. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.
- 354 Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 144-145.
- 355 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 30. Л. 136.
- 356 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 5. Л. 144-145.
- 357 Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 29; Оп. 2. Д. 179. Л. 7.
- 358 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 704. Л. 9.
- 359 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 321а. Л. 563, 564.
- 360 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 58. Л. 40.
- 361 Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 153.
- 362 Там же. Д. 58. Л. 22.
- 363 Там же. Д. 5. Л. 149, 150; Д. 58. Л. 20.
- 364 Там же. Д. 58. Л. 38.
- 365 Там же. Л. 29; Оп. 2. Д. 179. Л. 7.
- 366 Там же. Л. 193.
- 367 Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 11-15.
- 368 Там же. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.
- 369 Правда. 1919. 12 февр.
- 370 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 30. Л. 317.
- 371 Там же. Л. 59-61, 317.
- 372 Там же. Л. 318.
- 373 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 121. Л. 58, 59, 61.
- 374 Там же. Л. 66, 67.
- 375 Там же. Д. 74. Л. 96.
- 376 Там же. Д. 121. Л. 75. Материалы из фонда Тамбовского губво-

- енкомата переданы в распоряжение автора Д. Г. Сельцером.
- 377 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 127. Л. 45.
- 378 Там же. Оп. 3. Д. 259. Л. 443.
- 379 Там же. Д. 393. Л. 97.
- 380 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.
- 381 Там же. Д. 58. Л. 39.
- 382 ГАНО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 121. Л. 94.
- 383 РГВА. Ф. 23883. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.
- 384 Советы в эпоху военного коммунизма, Ч. 1. С. 151-152.
- 385 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 87. Л. 80-81 (копия с копии).
- 386 Там же. Оп. 4. Д. 64. Л. 55.
- 387 ГАСО. Ф. 542. Оп. 1. Д. 27. Л. 12-15.
- 388 ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 43. Л. 26; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 7.
- 389 Космачев К. Н. Указ. соч. С. 231-233; Раевский Н. А. Из истории разгрома кулацко-эсеровского мятежа в Гжатском уезде в ноябре 1918 г.: по воспоминаниям участников // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1959. Вып. 3. С. 134-139; Изв. Смолен. Совета. 1918. 10 дек.; РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 51. Л. 9.
- 390 Изв. Смолен. Совета. 1918. 15 дек.
- 391 РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 182. Л. 29.
- 392 Там же. Оп. 1. Д. 93. Л. 7; Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 223-234; Ф. 8. Оп. 1. Д. 316. Л. 31-40.
- 393 Там же. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 93. Л. 7; Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 233-234; Ф. 8. Оп. 1. Д. 316. Л. 31-40.
- 394 Там же. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 20. Л. 96; Ф. 8. Оп. 1. Д. 316. Л. 31.
- 395 Там же.
- 396 Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 316. Л. 34; Ф. 10. Оп. 2. Д. 1336. Л. 1-8; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 22. Л. 15.
- 397 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 22. Л. 15.
- 398 Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 41-42.
- 399 Там же. Оп. 3. Д. 229. Л. 39; РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
- 400 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 20. Л. 20, 21.
- 401 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 265.
- 402 Изв. Краснохолм. Совета. 1918. 7 нояб.; РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 39, 40, 42.
- 403 РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 53. Л. 339.
- 404 Ладис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 75.
- 405 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 68. Л. 104.
- 406 Доклад П. Г. Смидовича отложился в ГАРФ в двух описях фонда ВЦИК: Оп. 93. Д. 30. Л. 125-134; Оп. 94. Д. 63. Л. 337-348.
- 407 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 30. Л. 125.

- 408 Там же. Л. 127.
409 Там же. Л. 128.
410 Там же.
411 Там же. Л. 130.
412 Там же. Л. 131.
413 Там же. Л. 132-133.
414 Там же. Л. 133.
415 Там же. Л. 134.
416 Там же.
417 Там же. Ф. 393. Оп. 1. Д. 68. Л. 129.
418 Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917-1921: Сб. документов. М., 1958. С. 226.
419 Там же. С. 233-234.
420 Там же. С. 237.
421 Святицкий Н. В. О судьбах народовластия в России // К прекращению войны внутри демократии. М., 1919. С. 62.
422 Там же. С. 61.
423 Там же. С. 62.
424 Там же. С. 63.
425 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 233.
426 Там же. С. 228.
427 Там же.
428 Там же. С. 481.
429 Там же. Т. 38. С. 9.
430 Там же. С. 9.
431 РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 528. Л. 60; Д. 182. Л. 13-14.
432 Там же. Д. 53. Л. 8.
433 Там же. Д. 528. Л. 60.
434 Там же.
435 Там же. Д. 241. Л. 79.
436 Подсчитано по табл. из кн.: Оликов С. Дезертирство в Краской Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 32. Число унтер-офицеров в таблице указано неточное: 114 166. Если сложить явившихся и уклонившихся, получится: 196 838.
437 Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1919. Прил. (проценты подсчитаны автором).
438 Комбеды РСФСР. С. 244, 245; ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 8-13.
439 Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1960. Т. 3. С. 40-42.
440 Комбеды РСФСР. С. 249.
441 Протоколы VIII съезда РКП (б). С. 240

- 442 Декреты Советсткой власти. Т. 3. С. 541.
443 Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. С. 9.
444 Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 114.
445 Там же. М., 1959. Т. 2. С. 560.
446 Там же. Т. 4. С. 117.
447 Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С. 13.
448 Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. С. 135.
449 Переписка Секретариата ЦК РКП (б)... Т. 5. С. 337, 338.
450 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 704. Л. 8, 9.
451 Там же. Л. 8.
452 Очерки истории Рязанской организации КПСС. С. 133.
453 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 704. Л. 9.
454 Переверзев А.Я. Указ. соч. С. 180.
455 Там же. С. 180, 187.
456 Изв. Смолен. Совета. 1919. 31январь, 2 февр.
457 Там же.
458 Там же. 21 февр.
459 Там же. 5 июня.
460 ГАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1520.
461 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 556.
462 Изв. Краснохолм. уездного Совета. 1918. 29 дек.
463 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 103. Л. 74.
464 Там же. Д. 419. Л. 324.
465 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 556.
466 Там же. Д. 376.
467 Там же. Л. 30-44.
468 Там же. Д. 477. Л. 97-112.
469 Там же. Оп. 4. Д. 223а. Л. 3, 4.
470 Там же. Д. 376. Л. 11.
471 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 113. Л. 24; ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 477, 517, 538, 556, 641, 678; Оп. 4. Д. 222а, 223а; Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С. II, 12, 16; Кибардин М. А. Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917-1919 гг. Казань, 1968. С. 190.
472 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 113. Л. 24.
473 Вестн. Нижегород. губисполкома. 1919. № 1. С. 16.
474 Там же. С. 12, 15.
475 Космачев К. Н. Из истории слияния комбедов с Советами: По материалам Зап. и Сев.-Зап. губ. России // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. Смоленск, 1979. С. 10.

- 476 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 363. Л. 10; Ф. 393. Оп. 2. Д. 120. Л. 20, 79-81; Д. 29. Л. 128а; Д. 191. Л. 23; Д. 66. Л. 254-256; Д. 113. Л. 10, 24, 162; Д. 195. Л. 729-751; Д. 543. Л. 292-297; Оп. 3. Д. 70. Л. 141-149; Д. 98. Л. 158-163; Д. 101. Л. 273-275; Д. 120. Л. 79-81; Д. 126. Л. 312-319; Д. 307. Л. 345; Д. 311. Л. 41, 49; Д. 321. Л. 362; Д. 371. Л. 256; Д. 390. Л. 5; Д. 420. Л. 312-319; Ф. 1240. Оп. 1. Д. 34. Л. 47; ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 508, 517, 538, 556, 678; Оп. 4. Д. 223а; Д. 477. Л. 2, 24, 94, 112; Д. 470; ГАНО. Ф. 55. Оп. 7. Д. 1717, 1718, 1720, 1724, 1729, 1730, 1732, 1733; Правда. 1919. 16, 18 февр.: Изв. Краснохолм. уездного Совета. 1918. 29 дек.; Изв. Смолен. Совета. 1919. 31 янв., 2, 21 февр.; Нижегород. коммуна; Вестн. Нижегород. губисполкома; Сб. документов: Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 2. С. 436; Исследования: Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 363; Козырев П. В. Руководящая роль рабочего класса в укреплении Советской власти в деревне в период завершения пролетарской революции (вторая половина 1918 г.) // Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. М., 1957. С. 85; Павлов Б. С. Борьба коммунистов Московской губернии за организацию комбедов и развертывание социалистической революции в деревне // Учен. зап. МОПИ им. Потемкина. М., 1955. Т. 16. С. 155; Палаев А. Ф. Деятельность партийных организаций по привлечению трудящихся к управлению государством // Деятельность коммунистической партии по вовлечению трудящихся масс в управление государством в первые годы Советской власти. Рязань, 1976. С. 31; Кибардин М. А. Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917-1919 гг. С. 190; Гражданская война в Поволжье. С. 175; Быстрова А. С. Указ. соч. 112. 477 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 538. Л. 11, 112, 117-132; Павлов Б. С. Указ. соч. С. 155.
- 478 ГАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1717, 1718, 1720, 1722, 1724, 1729, 1730, 1732, 1733.
- 479 Советы в первый год пролетарской диктатуры. С. 363; Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 180.
- 480 Советы в эпоху военного коммунизма. М., 1929. Ч. 2. С. 436 (проценты подсчитаны мною - Т. О.).
- 481 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 4. Д. 223а. Л. 3.
- 482 Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 110-113 (подсчеты мои - Т. О.) Он

же. Выборы в сельские Советы в 1919 г. // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966. С. 427.

483 Открытое письмо Марии Спиридоновой Центральному Комитету партии большевиков // Родина. 1990. № 5. С. 38.

484 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 6. Л. 61 (С. 14).

Примечания к главе 5

- 1 Голуб П.А. Революция защищается. М., 1982. С.68.
- 2 Френкин М.С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918 - 1921 гг. Иерусалим, 1987. С.79.
- 3 Там же. С.113.
- 4 Там же. С.117.
- 5 Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917 - 1922 гг. // Вестник РХД № 128. Париж, 1979. С.79.
- 6 Там же. С.24.
- 7 Дело народа. 1919. 20 марта.
- 8 Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.451.
- 9 Там же. С.452.
- 10 Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. С.75.
- 11 Там же.
- 12 РГВА. Ф.11. Оп.5. Д.204. Л.47, 80.
- 13 Там же. Ф.4. Оп.1.Д.226, Л.89, 90; ГАРФ, Ф.393. Оп.3. Д.105, Л.207.
- 14 Там же. Ф.4. Оп.1.Д. 239. Л.11.
- 15 Там же. Л.63, 64
- 16 ГАРФ. Ф.393. Оп.1.Д.154. Л.152.
- 17 РГВА. Ф.25883. Оп.2. Д.751. Л.90, 91.
- 18 Там же. Ф.8. Оп.1. Д.287. Л.101.
- 19 Там же. Ф.25887. Оп.1. Д.106. Л.5.
- 20 Там же. Ф.11. Оп.3. Д.241. Л.166.
- 21 Там же. Д.184. Л.253; Оп.7.Д.46. Л.28.
- 22 Там же. Ф.11. Оп.8. Д.241. Л.165.
- 23 Там же. Д.184. Л.253; Оп.7.Д.46. Л.20.
- 24 Там же. Оп.8.Д. 184. Л.253.
- 25 Там же. Ф.11. Оп.8.Д.184. Л.216.
- 26 РГВА. Ф.11. Оп.7. Д.46. Л.20; Оп.8.Д.184. Л.244.
- 27 История советского крестьянства. Т.1. С.99.
- 28 Декреты Советской власти. Т.2. С.107-108.
- 29 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т.VII. С.96.
- 30 Директивы командования Красной Армии. Т.IV. С.274.
- 31 РГВА. Ф.11. Оп.8. Д.523. Л. 1, 3, 6, 7, 8, 11, 13, 15, 20, 21, 24, 29, 45, 46, 52, 69, 70, 71 и др.
- 32 Там же. Ф.11. Оп.8. Д.253. Л.202.
- 33 Там же. Д.182. Л.51.
- 34 Там же. Д.523. Л.156.
- 35 ГАРФ. Ф.1235. Оп.94. Д.412. Л.441.
- 36 Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С.
- 37 Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. М., 1928. С.101.

- 38 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. VIII. С. 97.
- 39 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 183. Л. 3а.
- 40 РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 86. Л. 143-329.
- 41 Там же. Оп. 5. Д. 189. Л. 141, 141а, 141б.
- 42 Там же. Оп. 8. Д. 96. Л. 9.
- 43 Там же. Л. 9, 10.
- 44 Там же. Оп. 8. Д. 96. Л. 21.
- 45 Там же. Л. 26.
- 46 Деятельность продовольственной организации: (По данным чрезвычайной ревизии Совета обороны). М., 1919. С. 29, 34.
- 47 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 58. Л. 9; Д. 44. Л. 112; Оп. 130. Д. 363. Л. 41.
- 48 Гражданская война в Поволжье. Казань. 1974. С. 195-197; Кубанин М. И. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 41.
- 49 Троцкий Л. Новый курс. М., 1924. С. 52-53.
- 50 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 30. Л. 24-26.
- 51 Там же. Ф. 130. Оп. 3. Д. 363. Л. 42.
- 52 Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 58. Л. 9.
- 53 Под руководством вождя: Сб. документов. Фрунзе, 1983. С. 40.
- 54 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 112.
- 55 Под руководством вождя. С. 40, 43.
- 56 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 112.
- 57 Под руководством вождя. С. 40, 43.
- 58 Гражданская война и военная интервенция в СССР (Энциклопедия). М., 1983. С. 91.
- 59 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 363. Л. 77-81.
- 60 Гражданская война и военная интервенция в СССР (Энциклопедия). С. 91; Френкин М. С. Указ. соч. С. 105.
- 61 РГВА. Ф. 25887. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.
- 62 Там же. Д. 183. Л. 130.
- 63 Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 916. Л. 34.
- 64 Там же. Ф. 25887. Оп. 1. Д. 183. Л. 64, 82.
- 65 Там же. Л. 44, 47, 52, 64, 74, 80.
- 66 Там же. Д. 198. Л. 69.
- 67 Там же. Л. 99.
- 68 Там же. Л. 1., 10, 19, 41.
- 69 Там же. Л. 58.
- 70 Кин Д. Указ. соч. С. 44.
- 71 РГВА. Ф. 25887. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.
- 72 Там же. Д. 197. Л. 1.
- 73 Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 915. Л. 6.
- 74 Там же. Л. 15, 18.
- 75 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 120. Т. 17. Л. 480.

- 76 Советы Тамбовской области в годы гражданской войны, 1918-1919 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1989. С.169.
- 77 Там же. С.171.
- 78 Там же. С.176.
- 79 ГАРФ. Ф.130. Оп.3. Д.198. Л.14,15.
- 80 РГВА. Ф.42. Оп.1. Д.915. Л.3,97.
- 81 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.4-5, 7.
- 82 Радус-Зенькович В.А. Страницы героического прошлого: Воспоминания и статьи. М., 1960. С.34.
- 83 Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997. С.210,211.
- 84 РГВА. Ф.11. Оп.8. Д.96. Л.21.
- 85 Там же. Ф.42. Оп.1. Д.915. Л.2,4.
- 86 Там же. Д.918. Л.37.
- 87 Филимонцев Н.М. Трудящиеся Тверской губернии в борьбе за укрепление обороноспособности советской страны в период иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918-1920 гг.: Дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1986. С.129-130.
- 88 РГВА. Ф.25883. Оп.2. Д.108. Л.149.
- 89 Там же. Ф.42. Оп.1. Д.915. Л.5; Д.916. Л.27.
- 90 Там же. Д.915. Л.1.
- 91 Там же. Л.1,4.
- 92 Там же. Ф.10. Оп.1. Д.37. Л.4,6,7,9,11,13.
- 93 Там же. Ф.42. Оп.1. Д.916. Л.22.
- 94 РГВА. Ф.10. Оп.2. Д.1249. Л.9; Внутренние войска Советской республики. 1917-1922. Документы и материалы. М., 1972. С.103-104; Гладков А. Разгром кулацко-дезертирских восстаний в Ярославской и Костромской губерниях // Ярославский альманах. Ярославль, 1942. С.279.
- 95 Внутренние войска Советской республики. С.104.
- 96 Там же. С.104-105.
- 97 Гладков А. Указ. статья. С.286-288.
- 98 ГАРФ. Ф.130. Оп.3. Д.363. Л.88.
- 99 Гладков А. Указ. статья. С.294-297.
- 100 Бернштам М. Указ. соч. С.24.
- 101 Там же. С.25.
- 102 Мовчин Н. Комплектование Красной Армии: (Ист. очерк). М., 1926. С.133.
- 103 Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С.40.
- 104 Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Выпуск IV. М., 1920. С.5.
- 105 Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. С.131.
- 106 Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920 годы). Документы и материалы. М., 1962. С.254.

- 107 Декреты Советской власти. Т.V. С.265.
108 Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Выпуск II. С.17-19.
109 Там же. С. 17-19
110 Там же. С.20-21.
111 Там же.
112 РГВА. Ф.11. Оп.8. Д.241. Л.1.
113 Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С.39,59.
114 Там же. С.73.
115 РГВА. Ф.10. Оп.2. Д.1249. Л.447.
116 Там же. Ф.9. Оп.8. Д.162. Л.129,130; Гимпельсон Е.Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1967. С.298,299.
117 Мовчин Н. Указ. соч. С.133.
118 РГВА. Ф.11. Оп.8. Д.182. Л.109.
119 Там же. Ф.25887. Оп.1. Д.183. Л.178.
120 Там же. Д.184. Л.68.
121 Там же. Ф.42. Оп.1. Д.915. Л.15,22.
122 Мовчин Н. Указ. соч. С.140,141; Он же. Комплектование Красной Армии в 1918-1921 гг. // Гражданская война 1918-1921 гг. Т.2. М., 1928. С.84.
123 Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. С.607.
124 Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М., 1956. Т.1. С.105-106.
125 РГВА. Ф.42. Оп.1. Д.1871. Л.2,32.
126 Там же. Д.1872. Л.2,3,9.
127 Там же. Л.27.
128 Там же. Л.34,42.
129 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. С.9.
130 Там же. Т.45. С.285.
131 Гражданская война в Поволжье. С.309.
132 Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, 1930. С.198.
133 Там же. С.199.
134 Там же.
135 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.198.
136 Правда. 1920. 5 ноября.
137 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.159.
138 Там же. Т.45. С.282.
139 Гражданская война в Поволжье. С.298.
140 Там же (подсчитано мною - Т.О.).
141 РГВА. Ф.42. Оп.1. Д.907. Л.31; Д.1044. Л.1.; Д.1893. Л.12-16.
142 Там же. Д.907. Л.31.
143 Гражданская война в Поволжье. С.302.
144 РГВА. Ф. 42. Оп.1. Д.1893. Л.16.

- 145 Гражданская война в Поволжье. С.300.
- 146 РГВА. Ф.42. Оп.1. Д.907. Л.31.
- 147 Гражданская война в Поволжье. С.302.
- 148 Мовчин Н. Указ. соч. С.133.
- 149 Там же. С.136.
- 150 В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917-1922 гг.) 2-е изд., доп. М., 1987. С.283-284.
- 151 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.8.
- 152 Там же. С.9.
- 153 Там же. С.10.
- 154 Там же.
- 155 Там же. Т.44. С.159.
- 156 Там же.
- 157 Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1984. С.58-59.
- 158 Там же. С.60.
- 159 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Том 1: 1918 - 1922. М., 1988. С. 803.
- 160 Григорьев В.К. Указ. соч. С. 61; Гражданская война в Поволжье. С.307; Васина Е. Бандитизм в Саратовской губернии. М., 1928. С.5.
- 161 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.348.
- 162 Гражданская война в Поволжье. С.309.
- 163 Революционная Россия. 1920. №11. С.17.
- 164 Там же.
- 165 Правда. 1921. 15 апр.; Из истории ВЧК, 1917-1921. М., 1957. С.455; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С.492-493.
- 166 Отчет Народного комиссариата по военным делам за 1921 г. М., 1922. С.185.
- 167 Гражданская война и военная интервенция в СССР: (Энциклопедия). С.214-215.
- 168 Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны 1918-1921 гг. С.196-197,229.
- 169 ГАТО. Ф. Р-1. Оп.1. Д.213. Л.1.
- 170 Там же. Л.3.
- 171 Там же. Л.1.
- 172 Советы Тамбовской губернии... С.227,228.
- 173 Кубанин М.И. Указ. соч. С.41,42.
- 174 Советы Тамбовской губернии... С.241.
- 175 Там же. С.214.
- 176 Там же. С.229.
- 177 ГАТО. Ф. Р-1. Оп.1. Д.118. Т.2. Л.1397.
- 178 Там же.
- 179 Там же.
- 180 Там же. Д.120. Т.1. Л.480.
- 181 Там же. Д.118. Т.1. Л.628; Д.136. Л.785.

- 182 Там же. Л.635.
183 Там же. Л.636.
184 Там же. Д.137. Т.1. Л.415.
185 Там же. Л.215 об.
186 Там же.
187 Там же.
188 Там же.
189 Там же.
190 Там же.
191 Там же. Д.232. Т.1. Л.19, 20.
192 Фатуева Н.В. Противостояние: кризис власти - трагедия народа. Рязань, 1994. Приложение 11. С.256.
193 ГАТО. Ф. Р-1. Оп.1. Д.234. Т.1. Л.42.
194 Там же. Л.501.
195 Там же.
196 Советы Тамбовской губернии... С.259.
197 Там же. С.263.
198 Там же.
199 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. "Антоновщина". Документы и материалы. Тамбов, 1994. С.181.
200 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.303.
201 Там же. С.310.
202 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. С.265-266.
203 Там же. С. 307-308.
204 Революционная Россия. 1921. № 14. С.32.
205 Есиков С.А., Канищев В.В., Антоновский нэп (Организация и деятельность "Союза трудового крестьянства" Тамбовской губернии, 1920-1921 гг.) // Отеч. история. 1993. №4. С.65, 67, 69.
206 Там же. С.69-70.
207 Там же. С.70.
208 Там же. С.71.
209 Бернштам М. Указ. соч. С.19,20.
210 Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Красный маршал. М., 1990. С.191,192.
211 Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. №8. С.4,5.
212 Там же. С.5.
213 Там же. №17. С.9.
214 Там же.
215 Там же. С.13.
216 Там же. С.10.
217 Там же. С.8.
218 Там же. С.13.
219 Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Указ. соч. С.196-197.
220 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.

С.188.

221 ЦХДНИТО. Ф.847. Оп.1. Д.1048. Л.4 об.

222 Там же. Л.4.

223 Там же. Л.6, 6 об.

224 Там же. Л.2.

225 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. С.249.

226 Френкин М.С. Указ. соч. С.92,93.

227 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. С.253.

228 Там же. С.186.

229 Там же. С.187.

230 Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Указ. соч. С.198.

231 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. С.261.

232 Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Указ. соч. С.197.

233 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С 30.

234 Там же.

235 Бернштам М. Указ. соч. С. 70,71.

236 Итоги переписи населения 1920г. М., 1928, С.5.

Содержание

К читателю	3
Глава 1. Крестьянство России в революции 1917 года.	5
1.1. Социальный облик российской деревни	5
1.2. Партии и крестьянство	8
1.3. Крестьянское самоуправление	14
1.4. Крестьянские съезды	19
1.5. Консолидация земельных собственников	30
1.6. Борьба вокруг земельной реформы	41
1.7. Восстание крестьян осенью 1917 года	52
Глава 2. Рождение нового режима.	60
2.1. Волостные и сельские советы - крестьянская власть	64
2.2. Кризис доверия большевикам	91
Глава 3. Между двух диктатур: год 1918.	111
3.1. Свержение власти Советов в Поволжье и на Урале	111
3.2. Левозеро́вская оппозиция. Восстания крестьян в Центральной России	132
3.3. Социальный эксперимент в деревне: организация комбедов	173
Глава 4. Диктатура коммунистов в деревне.	192
4.1. Кто власть на селе?	192
4.2. Продовольственная деятельность комбедов	203
4.3. Итоги аграрных преобразований	227
4.4. Чрезвычайный налог - революционная контрибуция	242
4.5. Новая волна крестьянских восстаний. Ликвидация комбедов	257
Глава 5. Крестьянский фронт гражданской войны.	294
5.1. Мятежный 1919-й год	294
5.2. Девятый вал крестьянского сопротивления	322
Заключение.	342
Примечания к главе 1	345
Примечания к главе 2	350
Примечания к главе 3	357
Примечания к главе 4	374
Примечания к главе 5	392

Осипова
Таисия Васильевна

Российское крестьянство
в революции и гражданской войне

Главный редактор Д. К. Никитин
Компьютерная верстка К. Д. Никитин
Корректор С. В. Петров

Изд. лиц. ЛР № 069299 от 22.07.97
Подписано в печать 6.02.2001 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1142.

ООО «Издательство Стрелец»
Москва, 127018, а/я 26
тел. 977-36-97

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-46-20, 3-01-60, 3-46-05

ISBN 5-89409-023-7

